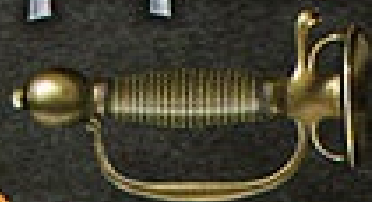
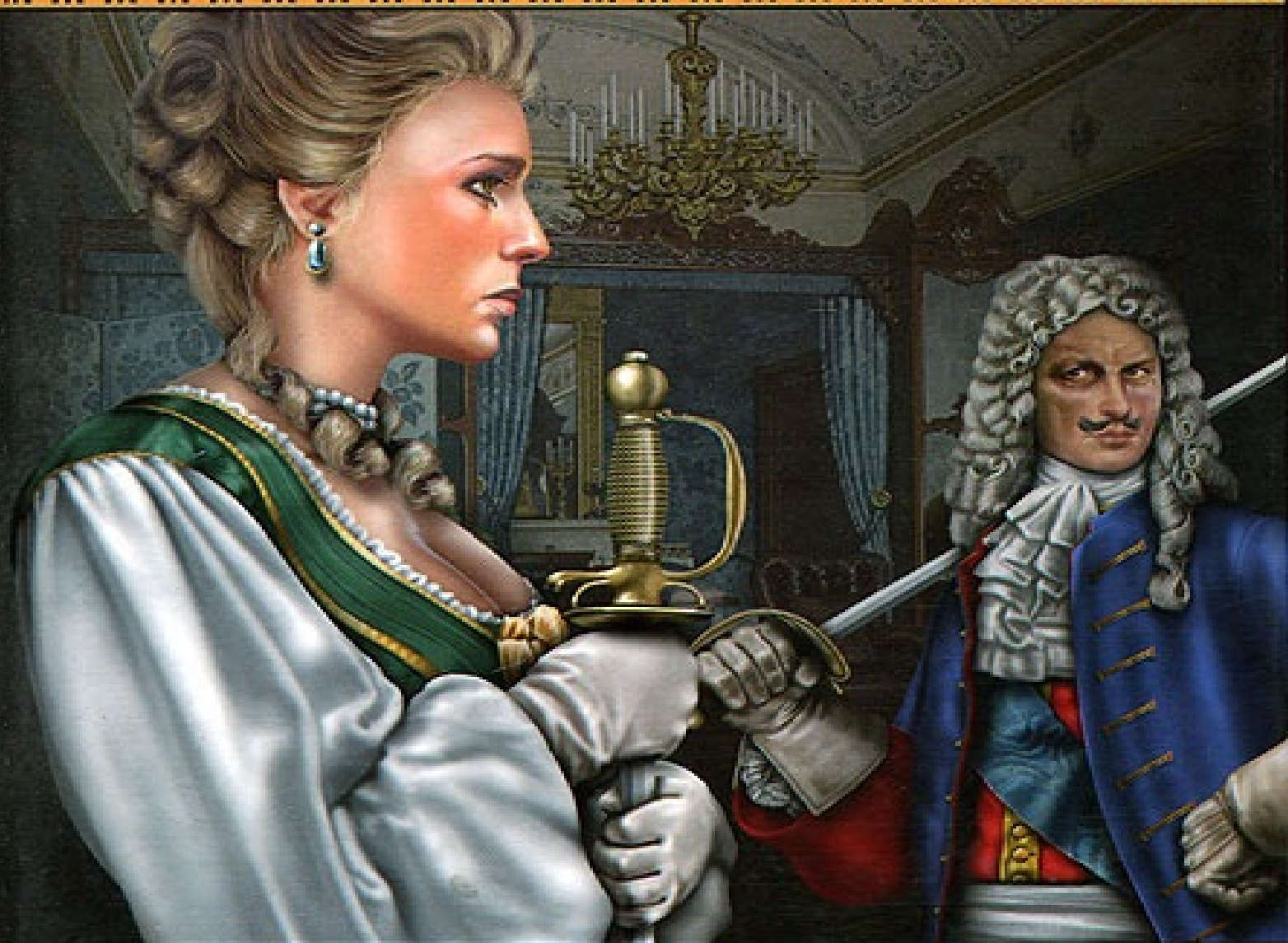

НЕЛЛИ ИСКАНДЕРОВА

ДЖЕНТАЛЬМЕНЫ УДАЧИ

Возвращение Арабеллы

ВРЕМЯ ГЕРОЕВ

Прошло четыре года. Здоровье королевы Липы хуже день ото дня. Франция и Испания готовят возрождение новой Армады. Война может начаться в любой момент, и от смертельно больной королевы требуются решительные действия. В поисках кандидата на должность нового флотоводца Анна вспоминает о своей бывшей фаворитке Арабелле Брэдфорд. Вот только публично признавать ошибок королева не желает, потому посылает гонца с указанием доставить в Кенсингтон... Питера Сильвера!

Королева предлагает Арабелле неслыханную милость — должность адмирала и флотилию. Взамен Арабелла должна найти решение из, казалось бы, безвыходной ситуации — заставить противника надолго забыть о возрождении Армады и в то же время снять с Анны ответственность за развязывание новой войны.

Возвращение Арабеллы

Глава 1. Ночь сомнений

Когда всадники, загнав коней, добрались до Лондона, солнце уже скрылось за горизонтом. Миновав ворота Тэмпл-Бар, они шагом направились в сторону Вестминстера. Улицы почти опустели. Редкие прохожие, увидев вооружённых людей, поспешно скрывались в подворотнях и плотнее запирали двери. На город тихо опускались сумерки. В их мягком, приглушённом свете даже самые невзрачные жилища приобретали облик таинственных средневековых замков. Проехав мимо нескольких постоянных дворов, всадники свернули в узкий переулок между двумя рядами громоздящихся друг на друга невысоких каменных строений.

— Так до утра искать можно. Питер, ты хочешь, чтобы мы умерли с голода? — недовольно буркнул молодой блондин в подбитом горностаем плаще.

— Потерпи, Питт, — хриплым голосом отозвался другой. Он был на голову выше собеседника, крепок и мускулист. Из-под полей шляпы, надвинутой на почти чёрное от загара обветренное лицо, виднелась скрывающая один глаз повязка.

— Думаешь, Питер в свинарнике ночевать будет? — добавил великан, многозначительно кивнув в сторону ехавшего в авангарде товарища. Тот был невысок, хрупок и, судя по всему, ещё очень молод, но в манерах его сквозил оттенок властности. Погрузившись в размышления, юноша, казалось, не обращал ни малейшего внимания на их беседу.

— Сейчас не станет, — щёголь передёрнул плечами и покосился на молчаливого спутника, — а в дарьенских болотах на земле спал, вместе со всеми.

— То Панама, а то Лондон. Гляди-ка, — великан показал на двухэтажное здание красного кирпича, видневшееся за ближайшим поворотом. Вскоре показалась и вывеска с изображённым на ней солдатом, сидевшим за накрытым столом. Чуть ниже крупными буквами значилось «Постоялый двор Джона Харвиса». Вокруг было чисто и опрятно, из окон не было слышно пьяных голосов, а единственным запахом, доносившимся с кухни, был приятный аромат свежезажаренной гусятины. У двери прохаживался аккуратно одетый слуга — юноша лет восемнадцати.

— Аж под ложечкой засосало. Что за запах! Может, здесь заночуем, Питер? — поинтересовался одноглазый

Молчаливый спутник кивнул и наконец-то подал голос.

— Да, Нэд. Здесь.

Поняв, что всадники, имеющие вид знатных господ, остановились перед вывеской, слуга предложил отвести лошадей в конюшню. Спешившись и открыв тяжёлую скрипучую дубовую дверь, мужчины вошли внутрь. Внешний вид трактира вполне соответствовал первоначальному впечатлению. Всё было просто, без излишеств, но, вместе с тем, чисто и вполне респектабельно. Хозяин, добродушный толстяк с рыжей густой бородой, радушно встретил посетителей, усадил их за широкий дубовый стол, немедленно накрытый белоснежной скатертью, и обещал подготовить две лучшие комнаты. Одна из них предназначалась для Питера, другая — для Питта с Нэдом.

В ожидании ужина компания оживилась. Предвкушение трапезы и бокал вина сделали своё дело. Молодой блондин Питт, дотоле пребывавший в весьма дурном расположении духа, теперь казался необычайно возбуждённым и даже взволнованным. Он прилагал все

усилия, чтобы узнать планы своего молчаливого товарища.

— Как ты докажешь это, Питер? Думаешь, тот адвокат поможет тебе?

Питер сидел, подперев голову рукой и уставившись на скатерть, будто пытаясь прочесть на ней что-то, понятное лишь ему одному.

— Не трогай его, Питт, — задумчиво промолвил одноглазый, — у него завтра очень трудный день

— Да ладно, Нэд...

Питт умолк. Вскоре был готов ужин. Дочь хозяина, пышная блондинка девица в коричневом платье и белом переднике принесла только что зажаренного, ещё дымящегося от жара гуся с яблоками. Но Питер был настолько погружён в свои мысли, что не заметил, как перед ним поставили огромное блюдо с заплывшей жиром птицей.

— Капитан, ты что, решил умереть от голода? — спросил его Нэд, но, видя, что тот не собирается отвечать, приступил к трапезе

— Спасибо, Нэд. Я не голоден, — наконец-то выдавил из себя Питер, затем встал и вышел из зала, так и не притронувшись ни к еде, ни к вину.

Проголодавшиеся товарищи, аппетит которых был гораздо лучше, чем у их капитана, с удовольствием принялись за гуся. Томимый желанием высказаться, Питт донимал друга вопросами. Тот же по-отечески мягко урезонивал его.

— Как ты думаешь, где она сейчас? О чём думает? Кто будет сопровождать её в суд?

— Не знаю, Питт. Дождись завтрашнего дня. Надеюсь, удача снова не подведёт Питера

— Да что ты всё о Питере... Думаешь, она помнит меня? Столько лет прошло... Вдруг она полюбила другого?

— Не горячись. Кто знает, может, ты ещё будешь рад её отказу. Ты же не знаешь, какой она стала...

— Что ты хочешь сказать, Нэд? — в голосе Питта послышалось возмущение, — Питер поклялся мне, что у неё ни с кем ничего не было — ни с тем испанцем, ни с другими мужчинами. Она осталась прежней — той, что я знал когда-то.

— Успокойся, мальчик мой. Пойми — прошло целых четыре года. Ей наверняка пришлось многое пережить. Ты же понимаешь — то, что произошло в каюте у испанца, не проходит бесследно.

— Но мисс Солсбери? Разве с ней не случилось то же самое? Да она же потом болтала как попугай.

— Но мисс Солсбери была с отцом, а она — наедине с этим испанским зверем. Не думаю, что всё у вас будет по-прежнему.

— Скажи, Нэд, а Питер? — Питт вдруг замолчал, устремив взор в сторону лестницы, по которой поднялся ничего не замечавший капитан

— Не трогай Питера. У него завтра трудный день. Труднее, чем ты можешь себе представить.

— Но почему же? На процессе будут обе наследницы — она и её мать. Питер предъявит их суду, вот и всё.

— Ты не всё знаешь, Питт, и не всё можешь понять, — заметил Нэд, — вспомни — вы с Питером вместе уже четыре года, но разве ты хотя бы раз видел его таким?

— Ты знаешь что-то, чего не знаю я? Скажи правду, Нэд, прошу тебя. Неужели...

Питт осёкся. Нет, он опять не сможет спросить его... Лучше уж подождать до завтра.

— Я ничего не знаю

В тоне старика мелькнула нотка неискренности, да и единственный глаз глядел как-то странно.

— Всё это стариковская меланхолия, Питт. Забудь. Лучше пошли спать.

Апартаменты располагались на втором этаже. Большая часть комнат пустовала, поэтому вокруг было тихо, и друзья быстро заснули. Лишь в комнате напротив, которую занимал Питер, всё ещё горел свет. Капитан стоял на балконе и полной грудью вдыхал воздух лондонского лета, в котором запах яблоневых цветов перемешался с ароматом цветущих роз и лилий. Стояла тихая июньская ночь. Звёзды сияли на тёмно-синем бездонном небе. Ни одна ветка не шелохнулась — так тихо и безветренно было кругом. Надо было хорошенько выспаться перед завтрашним процессом, но Питер никак не мог заснуть. Прикрыв балконную дверь, он вновь вошёл в комнату. На столе, тихо потрескивая, горела свеча, разливая вокруг мягкий желтоватый свет. В камине тлели дрова, и в комнате было тепло и уютно. Питер сел на кровать и взглянул на колеблющийся от ветра огонёк свечи. Мысли о завтрашнем дне не покидали его. Он снова встал, вышел на балкон и взглянул на звёзды, мерцавшие на иссиня-чёрном небосклоне. «Всё проходит — и радость, и несчастья, да и сама жизнь. Остаются только эти звёзды», — подумал он и вспомнил свой первый разговор со шкипером Хэндсом. «Надо сделать выбор, а дальше — будь что будет. Я не имею право оставить герцогиню после того, как увёз её из Испании. Завтра мне предстоит самый важный бой — последний в жизни капитана Питера Сильвера, и мне этого не избежать»

Капитан вновь взглянул на небо. Нет, пока ещё не произнесено последнее слово, он должен обязательно поговорить с другом, объяснить ему всё, что можно, не раскрывая самой главной семейной тайны. Он вышел в коридор и тихо постучал в дверь комнаты напротив.

— Это я, Питер. Питт, зайди ко мне, пожалуйста, — быстрым шёпотом произнёс он, — только не разбуди Нэда.

— Сейчас, — в комнате послышался шорох и на пороге показался сонный приятель. Он был без камзола, в рубаше и панталонах, и усиленно тёр кулаками глаза, — что тебе надо?

— Давай быстрее, — шепнул ему на ухо капитан, — нам надо поговорить.

— Опять какая-то новость, о которой ты забыл мне сообщить? Сколько лет мне голову морочил, заставил поверить в её смерть, а теперь утверждаешь, что она наследница Черчиллей?

— Тише. Идём ко мне, а то всех перебудим.

Капитан увлёк за собой друга, запер дверь и жестом указал на стоящее у камина кресло.

— Садись, Питт. Я давно хотел сказать тебе это. Я очень виноват перед тобой.

— Опять обманул меня в её интересах? — возмутился окончательно проснувшийся Питт

— И да, и нет, — грустно улыбнулся Питер. Отсветы горевшей на столе свечи отражались в его синих глазах, и Питту вновь почудилось, что он видит в них те же отблески тайны, что уже замечал однажды, на Тортуге.

— Правда — то, что она жива, что ты её завтра увидишь, что у неё ничего не было ни с доном Педро, ни с кем другим, и что она действительно наследница Черчиллей,

— А что же тогда ложь? — с недоумением спросил Питт. Странные отблески не исчезли, напротив, ещё ярче заискрились в глазах давнего приятеля. Казалось, он вот-вот раскроет ему эту неведомую и, возможно, страшную тайну, относящуюся к жизни его любимой девушки.

— Ложь — это вся моя история. Я выдумал её. Я не её кузен и не сын Джеймса

Стюарта.

— Так кто же ты?

Питер взглянул на своего друга. Капитан казался сильно возбуждённым. Встав с кресла, он беспрестанно прохаживался по комнате, словно пытаясь решиться на что-то, но затем вдруг остановился.

— Завтра ты всё узнаешь, Питт, — неожиданно резко произнёс он, — завтра всё будет кончено.

— Ты любишь её?

Давние подозрения вспыхнули в мозгу Питта с прежней силой.

— Если ты — не её родственник, то это значит, что ты будешь просить её руки? Скажи, это правда?

Несколько мгновений Питер молчал, но затем неожиданно рассмеялся. Яркие огоньки уже не просто искрились, они плясали в его лазурно-синих глазах. Затем смех затих, и Питту почудилось, что капитан немного растерян.

— Поверь мне, это невозможно, — сквозь зубы процедил он.

— Тогда что ещё?

Питт не понимал, зачем же его подняли с постели среди ночи, если Питер не солгал ему в самом главном — в том, что имело отношение к его возлюбленной. А прошлое капитана, его желание облегчить душу — может быть, это и важно, но разве это повод будить друга ночью? Но всё же... Почему Питер так странно ведёт себя? Питер молчал, глядя на колеблющийся огонёк свечи. Отблески тайны то вспыхивали в его синих глазах, то вдруг внезапно угасали. Наконец, он встал и подошёл к другу и взял его за плечи:

— Прошу тебя, Питт, не удивляйся тому, что услышишь завтра на суде. Прости меня. Пойми, я не могу сейчас рассказать тебе всё, но завтра, на суде... Надеюсь, ты поймёшь меня и простишь.

Пугающая глубина взгляда и странные огоньки в глазах окончательно сбили с толку Питта. Внезапная, как молния, страшная мысль осенила его:

— Надеюсь, ты не собираешься свести счёты с жизнью? — с замиранием сердца спросил он.

— Разве я похож на сумасшедшего? — загадочно улыбнулся капитан

— Боишься, твоими делами заинтересуется Адмиралтейский суд?

— Вряд ли. Слишком многие знатные особы обязаны мне жизнью. Иди спать, а то я тебе голову заморочил.

Питт встал и направился было к двери, но что-то во взгляде друга заставило его остановиться.

— С тобой точно всё в порядке? Ты какой-то... ну не такой, как всегда...

Питер ласково вытолкнул приятеля из комнаты:

— Иди, иди, Питт. До завтра. Спасибо тебе. Ведь ты был мне лучшим другом все эти годы, поддерживал во всём. Потерпи до завтра. Завтра всё узнаешь...

Затворив дверь, капитан вновь подошёл к окну. Шаги Питта затихли, и в комнате вновь воцарилась тишина. Всё было по-прежнему — и чёрное небо, и звёзды, и новые, непривычные ароматы северных цветов.

— А вообще-то, — шепнул он, и на губах его мелькнула усмешка, — сегодня действительно последний день жизни капитана Питера Сильвера и завтра ему придётся умереть. Вот только что будет потом...

Порыв свежего ветра ворвался в комнату. Свеча погасла, и всё погрузилось во мрак.

— Ладно. Будь что будет, — подумал Питер, — это всего лишь ещё один бой, а мне действительно надо выспаться.

Облегчив душу перед грядущими испытаниями, капитан лёг спать и безмятежно уснул... Питт же долго не мог заснуть, вспоминая разговор с другом и размышляя, что за тайну раскроет он на суде. Так закончилась первая и последняя ночь, которую капитану Сильверу суждено было провести в Лондоне.

Глава 2. Миссис Морли без миссис Фриман

В ту же самую ночь, когда Питер, глядя на колеблющийся огонёк свечи, предавался размышлениям на постоялом дворе близ Вестминстера, в другом конце города, в богато обставленной спальне сидела женщина. Весь облик её — и полная рыхлая фигура, и отёчное лицо с явственно наметившимся двойным подбородком, и разлившийся по щекам бордово-синюшный румянец изобличали человека чрезвычайно болезненного. Тёмно-русые волосы, собранные в пучок наподобие причёски «фонтан», мягкими волнами спускались на шею и плечи. Расплывшиеся формы скрывало свободное платье из тёмно-бежевого бархата с широкими, расшитыми жемчугом рукавами, из разрезов которых на стол ниспадало тончайшее кружево. Многие дамы сочли бы за честь появиться в подобном наряде на балу, но для миссис Морли он был слишком прост, чтобы выйти за пределы опочивальни.

Опершись подбородком о сомкнутые кисти рук, женщина смотрела в окно, на мерцавшие в ночной темноте вечные звёзды — те самые, что оказали столь странное действие на капитана Сильвера. В светло-синих глазах её затаилась тоска.

— Что ты сделала со своей жизнью? — пронеслось вдруг в её мозгу. А может быть, это был тихий шёпот вспыхнувшей на чёрном небосклоне звезды?

— Действительно, что я сделала со своей жизнью? Или жизнь такова, что мне суждено страдать до конца дней своих?

Картины прошлого сменяли друг друга, словно в калейдоскопе. Нет, она не могла жаловаться на судьбу. Несмотря на то, что её положение в обществе отнюдь не располагало к простому семейному счастью, но ведь ей удалось пронести через всю жизнь любовь к единственному мужчине — законному супругу. Это чувство стало лучиком света, озарявшим её полную несчастий жизнь. Политические потрясения, жизнь в изгнании, болезни, непрерывная череда неудачных беременностей и младенцы, которые умирали, едва появившись на свет, сделали её вечной страдальцей. Лишь преданность мужа с лихвой вознаграждала её за испытания судьбы. Но теперь она одна. Возлюбленный супруг покинул этот мир, и никто более не скрашивает её одиночество. Женщина вновь вздохнула, но мерцающие звёзды упрямо напоминали ей, что в этом одиночестве есть и её вина.

— Что ты сделала с Сарой, с твоей любимой миссис Фриман? — казалось, спрашивали они.

Дама задумалась. Действительно, было в её жизни нечто ещё — то, что помогало справляться с бесчисленными испытаниями. Женская дружба непостоянна и обманчива, и лишь немногие находят преданных друзей в лице себе подобных. У Анны, а печальная дама носила именно это имя, была единственная подруга, служившая опорой на всех крутых поворотах судьбы. Они дружили с детства, и твёрдый решительный характер Сары не раз помогал мягкой и слабой Анне преодолевать трудности. Словно плющ, роскошный, но нуждающийся в поддержке, величественная и прекрасная миссис Морли не могла существовать без непреклонной и не по-женски сильной миссис Фриман. Но жизнь переменчива, и на её виражах не последнюю роль играют завидующие чужому успеху интриганы. Поэтому именно в тот момент, когда миссис Фриман занималась строительством своего нового дома в Вудстоке и часто бывала в отъезде, один из них с завидным упорством стал уверять миссис Морли, что Сару значительно более интересуют деньги и политические игры, чем судьба подруги. Почему она поверила ему? Зачем

поддалась на его уговоры? Зачем, пользуясь отсутствием Фриман, приблизила к себе другую женщину — Абигайль Хилл? Почему откровенно не поговорила с Сарой? Она изо всех сил старалась найти ответы на эти вопросы, но память её лишь воскрешала те счастливые моменты, когда миссис Фриман была с ней. Конечно, Сара порой была слишком резка, и не раз повышала голос на миссис Морли, когда та, по её мнению, была неправа. Но разве этим она не выручала её, подсказывая единственно правильные решения? Разве слова наперсницы: «Нет, я полагаю, что Вы должны поступить так», не оказывались справедливыми? Разве её супруг Джон не одержал множество блистательных побед? Зачем же она отдала от себя эту пару, которая служила опорой не только ей самой, но и всей Англии? Анна Стюарт, а это была именно она, так и не могла найти ответа на эти вопросы. Разве не она сама позволила Саре, презрев светские условности, запросто обращаться к ней не как к величественной королеве, а как к простой женщине миссис Морли? И вот теперь Сара в опале и вместе с супругом бежала во Францию, чтобы избежать ареста, а их великолепный дворец на улице Пэлл-Мэлл может пойти с молотка. Ещё раз вздохнув, королева задумалась о завтрашнем судебном заседании. Неужели она позволит свершиться несправедливости? Предаст лучшую подругу, лишит имущества и титулов всех отпрысков злосчастного рода Черчиллей? Но нет. У королевы не может быть ни друзей, ни врагов. Но на чьей же стороне справедливость? Кто её нынешние фавориты, и могут ли они сравниться с Сарой и Джоном? Вот хотя бы Джеймс Саунтон, её юный возлюбленный. Именно ему она вопреки воле парламента, пожаловала титул герцога Йоркского, который дотоле носили лишь особы королевской крови. Разумеется, был в этом решении и холодный расчёт — ведь при этом титул терял сам Претендент, в твёрдых намерениях которого отвоевать английский престол она убедилась не далее как в прошлом году. Но стоил ли этот юноша её любви? Анна была абсолютно уверена, что он и в подмётки не годился её Георгу. Но он скрашивал её одиночество, и за это она была ему благодарна, как благодарны дамы в летах своим юным любовникам, помогающим им вспомнить те счастливые годы, когда им было всего восемнадцать, и всё самое лучшее было ещё впереди. И не беда, что делают они это не просто так, а в надежде на вполне осязаемое и материальное вознаграждение в виде поместий, титулов, замков и звенящих золотых монет в увесистых атласных кошельках. А Абигайль Хилл, в замужестве баронесса Мэшэм, её новая подруга и наперсница — разве может она сравниться с умной и решительной Сарой? Да и что она может посоветовать самой Анне Стюарт, королеве Англии и Шотландии? Пожалуй, ничего, разве только какое платье надеть на очередной бал. А её бесконечные просьбы и изрядно надоевшая ей ревность к Саре? Постоянные разговоры о том, что она хотела бы, подобно прежней фаворитке, принимать участие во всех заседаниях правительства, королевского суда, да и вообще во всех делах королевства. Но что она может предложить? Какой дельный совет может дать своей царственной подруге? Беспредельная тоска, ощущение душевной пустоты и бесконечного одиночества преследовали Анну Стюарт, заставляя её вновь и вновь переживать мучительные угрызения совести. Но выбор сделан — герцоги Мальборо лишены своих титулов поместий, и завтра всё их имущество будет изъято в королевскую казну. Королева снова вздохнула. Как всё-таки она несчастна и одинока! Окончательно убедившись в том, что, видимо, страдания суждены ей судьбой, Анна подозвала служанку, которая помогла ей переодеться, и улеглась на мягкую широкую кровать, показавшуюся ей прокрустовым ложем. Промучившись до рассвета без сна, королева уснула под утро столь крепко, что никто из придворных или слуг не решился её разбудить.

Глава 3. Последний бой Питера Сильвера

С утра у ворот замка Мальборо на улице Пэлл-Мэлл царило столпотворение. Казалось, все жители Лондона решили присутствовать на заседании. На площади перед дворцом теснили друг друга кареты с гербами знатных фамилий. Чуть поодаль притулились экипажи мелких дворян и буржуа. Такова была воля самой королевы — предоставить каждому подданному возможность увидеть замок, об убранстве которого ходили легенды. «Чем больше свидетелей, тем лучше», — уверял Анну Роберт Харли, ставший самым влиятельным человеком в государстве. «Народ должен знать, что Вы жестоко расправляетесь с узурпаторами», — вторила своему покровителю Абигаиль Мэшэм, ближайшая наперсница Анны.

Присутствующие перешёптывались — история наследства Мальборо давно вышла за пределы Сент-Джеймса и Кенсингтона. Стараниями газетчиков Сент-Джона грохот, произведённый рухнувшим домом Черчиллей, эхом отозвался во всех уголках королевства. Во дворцах и пабах, в светской беседе и за стаканом эля в таверне — всюду обсуждались публичные ссоры между Сарой и Анной, кровавая бойня при Мальплаке и чудовищные растраты герцога Джона. Но никто не задумывался, что падение Черчиллей давно готовилось придворными интриганами. Жертва была назначена самой королевой Анной, и Мальборо-Хаус гудел в предвкушении занимательного зрелища политической казни бывших фаворитов.

Более других в исходе дела были заинтересованы Роберт Харли, Сент-Джон, после отставки Мальборо получивший титул виконта Болингброка, и новые фавориты — баронесса Абигаиль Мэшем и Джеймс Саунтон, герцог Йоркский. Последний действительно состоял в кровном родстве со Стюартами, но оно было столь дальним, что смена царствующей династии могла обернуться для юноши потерей не вполне законно присвоенного титула. Изъятие имущества Мальборо давало фавориту надежду на сохранение герцогского достоинства — благосклонная к нему Анна не раз намекала, что владения Черчиллей вскоре перейдут к нему.

Вскоре прибыли и Сильвер с друзьями. Доставив миссис Брэдфорд к воротам замка, Крисперс предоставил её заботам Уоллеса и Вольверстона, сам же, распрощавшись, направился в Дувр.

Дворец Мальборо поражал великолепием. За белоснежными дверями открывалась огромная, в два этажа, парадная зала. Три лестницы соединяли располагавшийся наверху балкон, служивший входом в помещения второго этажа, с нижней частью комнаты, где и расположилась большая часть гостей. Притулившиеся сзади мелкие чиновники и буржуа восхищённо глазели на изысканные наряды высшей знати, занимавшей лестницы и передние ряды. На балконе разместился покрытый алым бархатом стол, за которым должна была восседать судейская коллегия. Идея была подсказана Харли — «парившие» над залом представители Закона всем своим видом утверждали его высшую власть над подданными Её Величества.

Питт тихонько присвистнул. Ему так и не довелось взглянуть ни на дворец панамского президента, ни на резиденцию губернатора Пуэрто-Бельо. Мальборо-Хаус ошеломил его своей роскошью, но лишь на мгновение. Перед ним стоял Сильвер — в дорогом камзоле, с ниспадающими на плечи чёрными локонами. В его манерах не было ни тени той

неуверенности и робости, что невольно закрадывается в сердце простолюдина, волею судеб оказавшегося в обители высшей аристократии. Он вернулся в свой мир — тот, для которого был рождён. Тот, что для него, несомненно, ближе, чем таверна папаши Жоржа и гостеприимный, но скромный домик губернатора Тортуги. Мерцающие глаза Сильвера вновь всплыли в памяти квартирмейстера. Его слова о лжи и прощении больно резанули сердце. Арабелла... Теперь уже неважно, кто есть кто. Даже если... Он, Питт, уже готов ко всему, готов слышать любую правду. Всё равно всё кончено. Арабелла, Сильвер. Один или двое, но это их мир. Мир роскоши, изысканности, шуршащих дамских туалетов и расфуфыренных снобов вроде Солсбери и Рейдингтона. Там сверкают бриллианты, важно прогуливаются нарядные пары, и нет места ему, рыбацкому сыну Питту Уоллесу. И пусть наряд его сейчас ничуть не хуже, чем у них, но он знает, что он — чужой. Горький осадок разливался в душе.

— Оставайтесь здесь, — шепнул ему Сильвер. — Может, ещё отступить придётся. Что бы не случилось — берегите миссис Брэдфорд.

Питт молча кивнул. Рядом стояла миссис Брэдфорд — усталая, немного растерянная. Взор её блуждал вокруг, будто выискивая то, что когда-то было знакомо и тотчас же возвращался к стоявшему напротив неё капитану. Лишь Вольверстон по-прежнему был невозмутим. Ободряюще взглянув на Сильвера, он сжал его ладонь:

— Семь футов под килем! Держись.

— Вы тоже, — Сильвер развернулся и уверенно направился вперёд. Толпившиеся у дверей буржуа с почтением расступались перед юношей, весь облик которого свидетельствовал о принадлежности к высшей аристократии. С высоты своего роста Питту хорошо видно было, как двигался капитан. Но вот его фигура мелькнула среди представителей знати, затерялась и вновь появилась, уже на ступенях боковой лестницы. Протиснувшись сквозь нарядную толпу, капитан остановился на площадке между первым и вторым этажом, прямо у перил. Вольверстон усмехнулся:

— Смотри-ка, Питт. Неплохо устроился. Молодец, всегда помнит об отступлении.

Действительно, прямо над головой Сильвера спускалась массивная люстра на длинной цепи. Она была так низко, что, забравшись на перила, он без труда мог уцепиться за неё и, пролетев над залой, выскочить в сад через окно.

— Где лошадей привязал?

— Там, где Питер сказал — к дереву, под этим окном.

Бридсжтоун умолк, и Уоллес вновь погрузился в размышления. Странное поведение Сильвера накануне процесса, его мерцающие глаза... Неужели всё это закончится бесславным бегством? Но, может, так будет лучше? Забыть о своих подозрениях и вновь, как прежде, выходить в море?

В первых рядах мелькнул знакомый напудренный парик. Худощавая фигура Солсбери высилась над головами, как башня маяка.

— Солсбери здесь

— Красавец, — вполголоса ответил Вольверстон. — Помнишь, каким он был в Панаме?

Уоллес поморщился. Действительно, граф заметно похорошел. Обтянутый кожей скелет превратился в изысканного джентльмена, уверенно лавирующего в бурлящем людском море. Рядом с ним мелькала голова графа Вандомского.

— Рейдингтон. А рядом — Элен с Майклом. Наверное, они уже поженились.

В ответ Питт лишь буркнул что-то себе под нос. Вид чужого счастья был ему неприятен, тем более что о своём ему, скорее всего, придётся забыть. Забыть навсегда, выбросив из

головы образ Арабеллы.

Вскоре на галерею вышел полный господин в судейской мантии. Бледное напудренное лицо обрамляли седые напудренные локоны. Рядом с достоинством шествовали два тощих юнца — ровесники Питта. Солидный господин опустил в кресло и постучал по столу деревянным молоточком.

— Прошу внимания, дамы и господа! Меня зовут Оливер Уиллшоу. Мы начинаем процесс по делу наследства Джона Черчилля, бывшего герцога Мальборо, и его супруги Сары, урождённой мисс Дженнингс.

— Начинается, — шепнул Вольверстон и сжал руку Питта.

Речь судьи была длинной и запутанной. Подробно изложив историю рода Мальборо, он перечислил всё имущество семьи и посетовал на несчастливую звезду знатного рода, уже однажды пресекавшегося по причине отсутствия наследников.

— Чаша терпения Её Величества переполнилась. Джон Черчилль, бывший герцог Мальборо, осмелился посягнуть на собственность короны. Пользуясь положением супруги при дворе, он намеренно затягивал военные действия, препятствовал заключению мирного договора и при этом непомерно завышал цены на военные поставки. Именно на эти, незаконно нажитые средства и был отстроен этот дворец.

Бледная, измождённая миссис Брэдфорд, казалось, вот-вот лишится чувств.

— Он не мог, Нэд, — шепнула она Вольверстону. — Это завистники. Я помню Кенсингтон. Это змеиное болото, а не двор. Лучше уедем отсюда. На Тортугу, на Ямайку — куда угодно. Лишь бы подальше.

— Держитесь, — попытался успокоить её старый пират. — если всё это будет Вашим, Вы сможете помочь брату.

Перечислив все грехи семейства Черчиллей, судья продолжал:

— К сожалению, все представители этого достойного рода покинули этот бренный мир. Поэтому её Величество предлагает изъять его имущество в казну.

Взгляд судьи скользил поверх голов, будто выискивая среди толпы тех, кто осмеливается претендовать на наследство, уже почти присвоенное королевой Анной.

— Знает ли кто-либо о живых представителях рода Черчиллей?

Уиллшоу нетерпеливо перебирал лежавшие перед ним документы. Это была лишь необходимая формальность. Сидевшие рядом молодые помощники вполголоса переговаривались, бросая взгляды на стоявших в первых рядах незнакомок. По залу пробежал шёпот. Черчилли, в жилах которых текла кровь отчаянных морских авантюристов, имели странную власть над сердцем и разумом Стюартов. Поэтому не было не малейших сомнений — появление ещё одного представителя семейства положило бы начало новой эпохе безраздельного господства Мальборо в королевстве. Вольверстон и Питт переглянулись, но Нэд тотчас же отвернулся в сторону.

— Прощай, капитан Питер Сильвер, — еле слышно шепнул он. — Вот и настал твой последний день. Только каким он будет?

Уиллшоу держал паузу. Шёпот умолк, и в зале повисло тревожное молчание. Уиллшоу ощутил его всем своим существом. За долгие годы практики он впервые вёл открытый процесс, да ещё и за пределами коллегии. Почему ему так беспокойно, ведь исход уже ясен. Оставалось произнести последнюю, предусмотренную протоколом фразу. Взгляд задержался на группе людей, стоявших у самого входа, в толпе буржуа. Что-то необычное было в их облике. Великан в чёрном с повязкой на глазу, расфуфыренный тощий юнец... А взгляд у

парня решительный. Видно, повидать успел на своём недолгом веку. С ними женщина. Закутана в грубую шаль, как простолюдинка. Но лицо благородное. Несомненно благородное, смутно напоминает кого-то... Вот только кого? Судья перевёл дыхание перед тем, как снова взять слово.

— Миссис Брэдфорд, приказ о поиске которой был подписан Её Величеством, жива и находится в полном здравии

Голос донёсся с лестницы, справа от судьи. Уиллшоу повернул голову. На площадке, легко облокотившись о перила, стоял молодой человек. По виду он явно принадлежал к высшей аристократии. Хрупкий, изящный, с чёрными выющимися локонами. Пожалуй, слишком уж смуглый. Наверное, прибыл из какой-нибудь дальней колонии. Судья нахмурился. Где-то в дальних закоулках памяти всплыл разговор с Доджсоном. Тот однажды упоминал, что наследники Черчиллей могут появиться на суде, но вскоре после этого его сразила тропическая лихорадка, а затем он и вовсе отбыл в Шотландию. Новый Свет... Да, пожалуй, он мог прибыть именно оттуда. Судья вновь взглянул в зал. Юные леди в передних рядах зашебетали и устремили на юношу любопытные взоры. Мамаши тотчас же зашикали, одёргивая не в меру болтливых девиц. Уиллшоу вновь взялся за молоточек.

— Прошу тишины в зале, дамы и господа. А Вы, мистер, представьтесь, и сообщите суду то, что Вы знаете о местонахождении миссис Брэдфорд.

— Меня зовут капитан Питер Сильвер.

По рядам пробежал шёпот. До Уиллшоу доносились обрывки чьей-то *** речи.

— Пират. Тот самый... Помните историю с Солсбери?

— Говорят, он...

— Это всё газетчики. Не верь. Обыкновенный проходимец.

— Прошу тишины, дамы и господа, — вновь стукнул молоточком Уиллшоу. — Чем Вы можете доказать Ваши слова, мистер Сильвер?

В зале вновь повисла тишина.

— Миссис Брэдфорд находится здесь.

Судья нахмурился. Да он просто безумец или.... Поджав губы, Уиллшоу измерил юношу презрительным взглядом.

— Миссис Брэдфорд убита во время нападения на остров Нью-Провиденс, мистер Сильвер. Этот факт подтверждён свидетелями.

Молодой человек спокойно взглянул в лицо Уиллшоу:

— Кто свидетельствовал о смерти миссис Брэдфорд?

— Плантатор Годфри, — раздражённо ответил судья, — Он находился на острове в день нападения и под присягой подтвердил факт гибели миссис Брэдфорд

— Не думаю, что будет трудно опознать миссис Брэдфорд. В юности она была представлена ко двору и знала многих из присутствующих здесь. Суд должен принимать во внимание букву закона. К тому же, её наверняка узнает Её Величество.

В интонациях наглеца мелькнуло что-то угрожающее. Это определённо не нравилось Уиллшоу. Особенно его слова про «букву закона». Если он блефует, то блеф этот слишком дерзок, но вдруг — правда?

— Сказанное Вами принимается к сведению. В случае, если миссис Брэдфорд жива, суд может предоставить ей право жить в замке, принадлежащем Её Величеству. Детей у неё нет. Род всё равно пресечётся, и переход имущества в казну — вопрос времени.

— У неё есть дочь Арабелла

Опять он оспаривает непреложные факты. Нет, несомненно, он блефует. Нет ни миссис Брэдфорд, ни Арабеллы. Переборов раздражение, судья продолжил процесс:

— Арабелла покончила с собой. Этому также есть свидетели.

— Арабелла Брэдфорд жива

Наглец держался вызывающе невозмутимо. Облокотившись рукой на перила, он спокойно взирал на Уиллшоу.

— Чем Вы можете доказать свои слова?

Судья оттер пот со лба. В воздухе стало невыносимо душно. Да, этот пират выдвигает абсурдные предположения. Но на каком основании? Есть ли у него доказательства, и какие? Да и можно ли верить морскому авантюристу? А вдруг это действительно блеф, умелая игра ловкого авантюриста, желающего обманом заполучить огромное состояние Черчиллей? Но нет, надо блюсти букву закона. На этом и строится наше гуманное общество. Пусть выскажется, тогда всем станет ясно, что доказательства не стоят выеденного яйца. Да и кто станет прислушиваться к словам какого-то флибустьера.

— Арабелла находится здесь, и я готов представить её суду.

По спине судьи пробежал холодок. Взгляд синих глаз проникал в душу, а дышать становилось всё тяжелее. Конечно, этот тип опытный мошенник. Панама, Пуэрто-Бельо и ещё много других, менее громких дел. Ну ничего, его делами ещё заинтересуется Адмиралтейский суд... Хотя что за обвинения он сможет предъявить ему? Испания в союзе с Францией, Англия воюет с Францией... Война на континенте, война в Новом Свете... Может, найдётся какой-нибудь грешок, как у бедняги Кидда? А если нет, то... Среди судебных много ловких ребят — отыщут, к чему придраться. Последние мысли немного успокоили Уиллшоу, и он продолжил допрос:

— Кто докажет, что предъявленная Вами девушка — Арабелла Брэдфорд?

— Мистер Годфри. Позвольте ли задать ему несколько вопросов? Буква закона требует, чтобы слово было предоставлено всем сторонам.

Сильвер безмятежно улыбался. От возмущения кровь вскипала в жилах Уиллшоу, приливая к лицу, и горячо пульсировала в висках. «Опять говорит о букве закона. Не нравится мне это. Видно, знает он эту букву закона, а значит... Хотя уж если говорить о законе, то пусть сам попробует оправдаться перед ним». Уиллшоу перевёл сбившееся дыхание. Да, его астма точно обострится. Лишь бы не сейчас, а потом, когда закончится процесс.

— Мистер Годфри, Вам предоставляется слово

Из первых рядов выступил полный румяный джентльмен с рыжими торчащими в сторону усами. Уиллшоу показалось, что он старается не смотреть в ту сторону, откуда доносился голос Сильвера.

— Уважаемые судьи, — уверенно начал Годфри. — Хотелось бы уточнить — кто такой Питер Сильвер? Что за молодой человек сейчас утверждает, что предъявит нам и миссис Дженнифер Брэдфорд, и мисс Арабеллу Брэдфорд? Морской авантюрист, пират, промышляющий грабежами. Мне лично появление его на корабле показалось в высшей степени странным.

Судья облегчённо вздохнул. Непримирымый оппонент признан свидетелем авантюристом, и поэтому легко было бы доказать, что эта история с внезапно воскресшими дамами — лишь одна из его авантур. Все аргументы легко рассыпались в прах.

— Объяснитесь, пожалуйста, мистер Годфри,

Годфри перевёл дыхание и произнёс, стараясь придать голосу особую торжественность.

— Всех мужчин испанцы загнали в трюм, а связанную мисс Брэдфорд унесли в капитанскую каюту. Человек, называющий себя Сильвером, появился позже. Он был одет в одежду капитана «Инфанты». Вот что я думаю — почему испанцы не бросили его в трюм? Вместе со всеми? Может, он был с ними в тайном сговоре?

— Суд сделает выводы, мистер Годфри, — прервал его судья. — Вы должны говорить только о фактах. Что вам сообщил человек, который назвался Сильвером?

— Что он убил капитана, а мисс Брэдфорд покончила с собой.

Уиллшоу вновь нахмурился. Этот авантюрист или сейчас лжёт, или лгал тогда. Значит, его показаниям в любом случае нельзя верить.

— Вы слышали, мистер Сильвер? Надеюсь, Вы не будете оспаривать собственные слова? Со слов свидетеля, именно Вы сообщили о самоубийстве мисс Брэдфорд.

Наглый авантюрист лишь усмехнулся в ответ:

— Могу я задать свидетелю несколько вопросов?

— Разумеется, мистер Сильвер. У нас открытое заседание, и мы следуем точно букве закона.

— Видели ли Вы тело Арабеллы Брэдфорд?

Годфри недоумевающее взглянул на Уиллшоу, будто ища поддержки. Затем он с трудом выдал из себя:

— Нет, капитан. Вы сами подтвердили факт её смерти. Или Вы лгали нам тогда?

— Ещё один вопрос, мистер Годфри. Видели ли Вы тело Педро Альвареса?

— Видел. Собственными глазами. Когда испанцы высаживались в шлюпки, они несли его на руках.

Судья нервничал, переводя взор то на переступавшего с ноги на ногу Годфри, то и дело вытиравшего лицо платком, то на безупречно спокойного Сильвера. Смуглая рука капитана покоилась на перилах, наполовину скрытая пенящимися вокруг неё кружевами рубашки. На среднем пальце красовалось крупное кольцо с синим сапфиром. Скрипнув, дверь залы захлопнулась — процесс покинул какой-то буржуа из задних рядов.

Годфри стоял посередине зала, переминаясь с ноги на ногу и вытирая пот с наморщенного лба. Станные речи капитана, когда-то клятвенно уверявшего всех в гибели мисс Брэдфорд, привели сего достойного, но весьма недалёкого джентльмена в состояние полного замешательства. Он изо всех сил тщился вспомнить происходившее тогда, но время стёрло многое, а что-то он и сам со всех сил старался забыть. Но этот Сильвер, этот наглец! Бесстрастно глядя то на судью, то на Годфри, он продолжал допрос, будто вообразил себя представителем суда.

— Как, по-Вашему, был убит капитан Альварес?

Эта картина навсегда врезалась в сознание Годфри. Он инстинктивно не доверял Сильверу, но Альварес... Это чудовище, насмехавшееся над ними, когда они, подгоняемые плетями надсмотрщиков, карабкались по трапу. Он хорошо помнил это лицо, искажённое злобой, ухмыляющееся, с жестоким прищуром мутно-голубых глаз. Он вспомнил. Да, неприязнь к Сильверу возникла именно из-за этого неуловимого сходства. Картины сменялись, будто в калейдоскопе — злобная ухмылка, захлопывающаяся дверь трюма а потом — то же лицо, но бледное, мёртвое, с подёрнутыми поволокой глазами, бессмысленно уставившимися в потолок. Он лежал на палубных досках, а вокруг него виднелась спёкшаяся кровь. Слева, на груди, на рубашке расплывалось тёмно-красное пятно. Годфри кашлянул,

пытаясь подавить подступающий к горлу приступ тошноты.

— Рана была слева на груди, — пробормотал он. — Наверное, его убили кинжалом, ударив спереди и сбоку. Было много крови, она залила почти всю каюту.

— Где, по-вашему, мог стоять убийца? Сзади, напротив или сбоку?

— Наверное, всё же лицом к Альваресу, — Годфри изо всех сил пытался отогнать страшное видение, но оно вновь и вновь возвращалось. — Вам, капитан, это, конечно, виднее. Но разве не Вы убили капитана? Вы же сами об этом сказали всем нам.

Судья сдвинул седые брови и закашлялся.

— Позвольте Вас перебить, мистер Сильвер. Я ничего не понимаю. Вы или не Вы убили капитана Альвареса?

В отличие от судьи, Сильвер не выказывал никаких признаков волнения

— Прошу Вас, Ваша честь, немного терпения. Скоро Вы всё узнаете.

— Но, если Вы солгали своим товарищам...

— Простите, Ваша честь, разве я утверждаю, что солгал? Позвольте ещё задать несколько вопросов?

Судья взглянул на капитана.

— Разумеется, мистер Сильвер. Мы следуем букве закона. В нашем обществе каждый имеет право высказаться в суде.

— Мистер Годфри, как, по Вашему мнению, Сильвер мог оказаться в капитанской каюте?

Судья выругался себе под нос. «Полный абсурд», — подумал он... - «этот авантюрист положительно обезумел. Он свидетельствует против самого себя. Странно и глупо. И почему он говорит о себе в третьем лице?». Он вперил взор в растерянное лицо Годфри. Тот вытер лоб платком.

— Вам это лучше известно, мистер Сильвер. Я уже сказал, что мне это кажется странным. Если Вы из Нассау, то должны были находиться в трюме, вместе со всеми.

Питт Уоллес взглянул на Вольверстона. Мысли путались. «Что он делает? И что за бред нёс вчера вечером? Почему он вчера прощался со мной? А теперь он разносит в пух и прах историю, которую когда-то сам рассказал. А если именно сейчас он скажет правду? Какая же она, эта правда? И почему миссис Брэдфорд бледней с каждой минутой?»

Годфри чувствовал слабость в ногах. Голова кружилась, а Сильвер невозмутимо продолжал допрос:

— Можете ли Вы сказать, знал ли кто-либо капитана Сильвера?

— То есть Вас, мистер Сильвер? — удивлённо произнёс бывший плантатор. — Нет. Никто из нас ранее не встречал и не знал Сильвера.

— Знал ли Сильвер кого-либо из пленников? Как он обращался к ним?

— Он знал всех. С первой минуты он обращался по именам. Мне показалось странным, ведь никто из нас никогда его раньше не видел.

Судья нахмурился. Ему вдруг показалось, что этот наглец насмехается над ним, над судом и над мистером Годфри. «Следовать букве закона», — вспомнил он слова Сильвера, — «да, положительно, этот авантюрист сейчас издевается не только над буквой закона, но и над его духом, и над всеми нами». «Но, вместе с тем», — спасительная мысль мелькнула в мозгу, — «он издевается и над самим собой, рассыпая в прах все доказательства своего, Питера Сильвера, бытия. Сейчас он докажет, что он — капитан корабля-призрака из морских романов». Судья с интересом взглянул на стоявшего на лестнице капитана. Тот

вперил в его лицо холодный взгляд синих глаз. Уиллшоу с трудом удержался от смеха. «Точно, капитан корабля-призрака», — судья едва удержался, чтобы не рассмеяться, — «послушаем, к какому сказочному финалу приведут его вопросы».

— Можете ли Вы это как-либо объяснить? — продолжал Сильвер

— Нет, не могу,

Годфри окончательно запутался. Не понимая, чего же хочет от него Сильвер, он отвечал, не задумываясь о смысле заданных ему вопросов.

— Опишите, пожалуйста, внешность Арабеллы Брэдфорд,

Судья закашлялся. Проклятая астма подступала всё ближе, а этот наглец ещё ухмыляется, и смотрит куда-то в зал. Уиллшоу проследил за взглядом капитана. Предчувствие его не обмануло, это были те трое, на которых он обратил внимание в начале процесса. Одноглазый великан, разряженный тощий юнец и женщина в простой накидке. Великан ободряюще кивнул Сильверу. Может, сообщники? Трое авантюристов, желающих заполучить наследство Мальборо? На лице Годфри читалось непонимание.

— Это была худощавая девушка лет шестнадцати, среднего роста, смуглая, с чёрными волосами и очень синими глазами, очень подвижная, своевольная, упрямая. Родители её баловали и позволяли делать всё, что она хотела.

— Я обещал суду представить мисс Брэдфорд, — твёрдо произнёс Сильвер. — И я подтверждаю, что она находится здесь. Более того, мистер Годфри, Вы можете её видеть и опознать. Укажите, пожалуйста, на человека, чей рост, телосложение и внешность сходны с Арабеллой?

— Значит, Вы утверждаете, что я могу её видеть? — с недоумением пробормотал бывший плантатор.

— Да, мистер Годфри.

Годфри повернул голову. Бесчисленные женские лица плыли перед затуманенным взором. Блондинки, брюнетки, шатенки, молодые и не очень, худенькие и полные — всё смешалось и кружилось вокруг него в какой-то фантастической пляске. Взгляд скользнул по лестницам, балконам и остановился на капитане.

— Она не похожа ни на одну из присутствующих дам. Единственный человек, сходство которого с Арабеллой Брэдфорд несомненно, это капитан Сильвер. Насколько мне известно, они состоят в близком родстве.

Годфри растерянно взглянул на судью. Лицо блюстителя закона было нахмурено.

— Ваша честь, единственный человек, похожий на Арабеллу Брэдфорд — капитан Сильвер.

На губах Сильвера играла дерзкая улыбка. Внезапно Уиллшоу почудилось, что он попросту издевается над судом, высмеивая и доводя до абсурда всё происходящее вокруг. В груди судьи уже слышался свист — предвестник подступающего приступа астмы. Закашлявшись, он с трудом выдавил из себя:

— Насколько я понимаю, речь всё же идёт о женщине. И я тоже не вижу рядом ни одной похожей на Вас дамы. Может, у Арабеллы Брэдфорд были ещё какие-либо особые приметы?

Пот выступил на лице Уоллеса. Мерцавшие глаза Сильвера, его странный голос — вчера, в таверне. «Что он делает?» — беспокойство, не покидавшее Питта, ещё более усилилось, — «Он просил прощения за ложь. Ложь о себе, а не о Арабелле. Значит...». Догадка сверлила запутавшийся ум. Он чувствовал это, давно чувствовал. Подозревал с

самого начала, с того первого момента, когда увидел это лицо. Так значит... Или нет? А если нет, что случится тогда? Питт поднял голову. Насмешливый взгляд Сильвера встретился с его взором. Капитан весело кивнул квартирмейстеру и ободряюще улыбнулся. В тот же миг Питт ощутил на своих плечах тяжёлую руку Вольверстона.

— Держись, приятель, — шепнул ему старый пират. — Главное — держись.

Годфри вытер пот с наморщенного от напряжения лба и перевёл дух. Годы стёрли из памяти черты губернаторской дочери, и он уже с трудом воскрешал в сознании её образ. Дерзкая отчаянная девчонка. Она вечно носила светло-голубые платья и придерживала их левой рукой, чтобы удобнее было двигаться. Стремглав, сбегала с обрыва над пристанью. Вокруг неё вечно вилась эта мальчишечья ватага. Но было ещё что-то, и это что-то то всплывало в памяти, то вновь тонуло в забвении.

— У неё на шее вечно болтался какой-то медальон, — наконец пробормотал он, — на нём был изображён герб Черчиллей.

Локоны напудренного парика Уиллшоу мерно покачивались. Годфри вытер лицо платком. Казалось, он вот-вот лишится чувств от умственного перенапряжения. А этот наглец... Нет, кажется судья снова взял слово.

— Что было внутри? Если девушка, которую собирается представить нам мистер Сильвер, действительно Арабелла Брэдфорд, то у неё непременно должен быть этот медальон. Или Вы скажете, капитан, что его забрали испанцы? Так что было в медальоне, мистер Годфри?

Годфри задумался. Забыв о требованиях этикета, он беспрестанно потирал пальцами лоб. Медальон... Когда же это было? Видел ли он то, что находилось внутри? В сознании смутно всплывал тот вечер. День рождения Арабеллы... Бывший плантатор облегчённо вздохнул и подобострастно взглянул на судью:

— Вспомнил. Мистер Уиллшоу. Там была миниатюра с изображением их семейства. Миссис Брэдфорд увлекалась живописью, и когда её дочери исполнилось четырнадцать, она написала эту миниатюру и оправила её в серебро. Этот медальон был её подарком на день рождения.

— Значит, говорите, миссис Брэдфорд увлекалась живописью?

На лице судьи мелькнуло недоверие. Он с недоброй ухмылкой взглянул на стоявшего на лестнице капитана.

— Наверняка есть и другие картины, изображающие миссис и мисс Брэдфорд. В этом случае мы легко сможем разоблачить обманщика. Не так ли, мистер флибустьер?

Сильвер переводил бесстрастный взгляд то на судью, то на Годфри.

— Я готов представить суду и медальон и несколько других работ кисти миссис Брэдфорд. На них изображены она, её супруг и её дочь.

Судья напряжённо всматривался в лицо капитана. Значит, он не блефует, или... Но разве пират не может найти какую-нибудь портовую девку, похожую на мисс Брэдфорд, тем более, что у него есть её изображения? Надеть на неё парик... Ну, к примеру... Допустим, парик можно снять. Если она рыжая или блондинка, подлог будет разоблачён. А если брюнетка? Какая-нибудь пленная испанка? Почему нет? Ещё доказательства... Миссис Брэдфорд... Но это тоже может быть какая-нибудь переодетая авантюристка.

— Вы неплохо подготовились, мистер Сильвер, — пробормотал судья, — но, может быть, у Вас будут ещё доказательства? Внешнее сходство важно, но всё-таки... Родимые пятна, шрамы... Кстати, где же обещанный Вами медальон?

Сильвер улыбнулся.

— Медальон у меня, и я тотчас же представлю его суду. Сразу после того, как задам ещё пару вопросов уважаемому свидетелю?

Годфри, вознамерившийся вернуться на своё законное место, вновь вытер пот со лба и с надеждой взглянул на судью. Однако слова Уиллшоу не оправдали его надежд.

— Разумеется, — кивнул судья, — Не стоит каждый раз спрашивать меня об этом.

— Какие ещё приметы мисс Брэдфорд Вы можете вспомнить?

Годфри нахмурился. Ему вдруг почудилась насмешка в прищуренных глазах капитана. Он силился вспомнить, и вдруг его осенило:

— Шрам на правой руке от кисти до локтя — она упала с реи, когда играла на корабле вместе с Нэдом Вольверстоном, другом семьи

Пот струился рекой. Годфри вытер пот со лба. В глазах судьи явственно читалось удивление:

— Арабелла Брэдфорд падала с реи? Вы уверены в этом, свидетель?

— Клянусь Вам, это чистая правда, — Годфри перекрестился. — к миссис Брэдфорд часто приезжал мистер Вольверстон, и он брал её дочь на корабль. Я уже говорил — родители слишком много позволяли этой девчонке.

— Интересный факт, господин Годфри, — кивнул судья, — продолжайте, капитан

Сильвер вместо ответа сбросил камзол, отвернул манжету и обнажил правую руку, открыв взглядам шрам. Он находился именно на том самом месте, которое указал Годфри.

Судья вновь закашлялся. Удушье неумолимо подступало. Единственное, чего ему хотелось — это поскорее завершить процесс. Неважно, чем он закончится, и что произойдёт...

— Что Вы хотите сказать, капитан? Причём тут Ваш шрам? Мы ведь говорим не о Вас, а о Арабелле Брэдфорд? Или же...

— Да, Ваша честь, — с усмешкой промолвил Сильвер. — Именно то, о чём Вы подумали. Перед Вами — Арабелла Брэдфорд.

По ступеням спустился мальчик-писец. Остановившись перед капитаном, он с любопытством уставился на него. Тот, сняв с шеи серебряный медальон, протянул его писцу. В зале не было слышно ни единого звука. Юные леди, в начале процесса восхищавшиеся мужественным капитаном, стыдливо потупили глаза и спрятались за юбки разряженных в пух и прах мамаш. Уоллес стоял ни жив, ни мёртв, устремив взгляд на бывшего друга. Холодные струйки стекали по лбу и спине. Ноги подкашивались, и лишь широкая грудь Вольверстона оказывала пассивную поддержку его обмякшей спине. «Теперь я понял», — бормотал он себе под нос, — «и то, что он просил прощения за ложь, и прощание. Всё кончено. Мы больше не сможем быть друзьями. Кто я ему, то есть ей? Сможет ли она меня уважать, и как отнесётся ко мне? Кем будет она для меня — возлюбленной, другом или капитаном? Нет, мне придётся уйти. Так, как ушёл де Фонтейн».

— Простите, мисс, но, быть может, теперь Вы поведаете суду Вашу версию? Что же произошло в каюте капитана Альвареса, и как Вам удалось освободиться?

— Как Вам сказал мистер Годфри, меня связали и отнесли в каюту капитана. Он хотел меня обесчестить, а потом отдать на забаву команде.

Юные леди, уже было потерявшие интерес к Сильверу, вновь подняли на него свои глазки, но в них уже было не обожание, а неподдельный интерес. Мамаши зашикали на них. Некоторые, наиболее чувствительные девушки попытались упасть в обморок, но толкотня в

зале помешала им осуществить это, большей частью осознанное, намерение.

— Альварес пригрозил мне, что, если я не буду более сговорчивой, то он всё равно добьётся своего, а потом пустит меня на корм рыбам. Он развязал мне руки, чтобы я привела себя в порядок и приготовилась встретить его как послушная девочка, и вышел из комнаты. Он был сильно пьян...

Прервав свою речь, девушка взглянула в зал. Сотни любопытных глаз глядели на неё, но Арабелла будто бы не видела этого. Мысленно погрузившись в прошлое, она снова и снова переживала события того вечера. Она вспомнила, как спряталась за ширмой, со страхом и нетерпением ожидая возвращения Альвареса. Жуткий, будто набатом отдающий в мозгу звук приближающихся тяжёлых шагов, странное чувство опьянения от винных паров, вдруг наполнивших всю каюту, хриплый голос перебравшего капитана... Она сидела на кровати, прижав к себе отцовский кинжал и мысленно прощаясь с жизнью. Но вот он подошёл и, обняв за плечи, грубо притянул к себе, пытаясь поцеловать в губы... А его слова — мерзкие, липкие, словно нечистоты... Она даже не успела осознать, что и зачем собирается сделать — просто рука ощутила, что кинжал вошёл в его тело. И вновь лицо Альвареса — с недоброй ухмылкой на губах, с расширившимися от удивления и боли глазами. Его губы беззвучно шевелились, но уже через мгновение он рухнул на пол, заливаясь кровью.

Переполненный зал молчал. Сотни любопытных глаз глядели на стоявшую на лестнице девушку в мужском камзоле. Перед её взором медленно плыли их лица. Арабелла судорожно вцепилась в перила.

— Продолжайте, мисс, — от Уиллшоу, не ускользнул внезапный приступ головокружения

— Простите, Ваша честь, — будто проснувшись, промолвила Арабелла, — просто я вспомнила всё. То, что произошло четыре года назад...

Уиллшоу раскрыл медальон. Сходство с мисс Брэдфорд было несомненным. Дышать стало немного легче.

— Продолжайте, суд Вас внимательно слушает

— Когда меня схватили испанцы, единственное, что я успела сделать — это спрятать под одежду кинжал моего отца, выпавший из его рук в тот момент, когда он был убит. Поэтому, как только капитан вышел, я спряталась за занавеской и приготовилась покончить с жизнью. Я просила Бога простить мне этот грех, ведь я просто хотела избежать судьбы дурных женщин. Но Бог, видимо, направил мою руку и помешал мне совершить самоубийство. Поэтому в ту самую минуту, когда Альварес приблизился ко мне, я инстинктивно развернула нож и ударила его между рёбрами. Туда, где, по моему мнению, находилось сердце. У меня был один-единственный шанс. Но что бы Вы сами сделали на моём месте? Воспользовались единственным шансом или дождались, пока в каюту явятся пьяные матросы?

— Но как Вам удалось захватить корабль?

— А разве Годфри не рассказал Вам всё?

На губах девушки мелькнула улыбка. Она уже не казалась Уиллшоу дерзкой.

— Это просто невероятно, мисс, — оторопело пробормотал он. — Согласно показаниям мистера Годфри, Вы руководили боем и захватили ещё одно испанское судно?

— Да, это так, — кивнула она.

— Но почему Вы выбрали этот путь?

— А разве у меня был другой выбор? Отца убили на моих глазах, о судьбе матери я

тогда ничего не знала. Единственно, как я могла бы прокормить себя — это работать девушкой в баре, но Вы сами знаете, какая у них репутация.

— Так Вы заботились о своей репутации и о чести девушки?

— Безусловно.

— Значит Вы, простите за нескромность, невинны?

— Невинна? — на губах Арабеллы мелькнула саркастическая усмешка. — Странное слово — невинность. Почти что безгрешность. Да, моя честь не пострадала, но можно ли так назвать девушку, на счету которой — немало чужих жизней? Я видела пьяные драки, женщин, продававших себя в кабаках пиратам... Но честь моя не пострадала.

— Редкий пример добродетели, — пробормотал судья, — странно для пиратов.

— Для них я была и остаюсь Питером Сильвером. Даже если бы об этом узнали и попытались воспользоваться... Не думаю, что этот человек дожил бы до вечера. Думаю, те, кто видел меня в бою, могут это подтвердить.

Судья вновь взглянул в зал. Из толпы выдвинулся высокий худой джентльмен в золотистом камзоле с манерами утончённого светского льва. Уиллшоу хорошо знал его. Это был граф Солсбери, один из ближайших друзей Её Величества.

— Позвольте мне сказать, Ваша честь

— Разумеется, граф.

Судья попытался вздохнуть. Одышка подступала. По спине рекой струился пот. Процесс выходил из-под контроля.

— Слово предоставляется графу Солсбери.

— Ваша честь, Вы помните историю, которая произошла со мной в прошлом году? Мой фрегат захватили испанцы, моя супруга скончалась от сердечного приступа, а нас с дочерью доставили в резиденцию президента Панамы. Если бы не эта девушка... Тогда я считал её капитаном Сильвером. Она освободила нас, спасла от неминуемой смерти. Если желаете, я расскажу подробнее, но об этом достаточно написано во всех лондонских газетах. После этого, на её корабле, нас доставили на Ямайку, а по пути освободили ещё двух английских пленников — графа Вандомского и его шестнадцатилетнего сына. Прибыв в Англию, я поклялся до конца жизни помнить о том чудесном спасении, и о юном капитане, который освободил нас. Но я никак не ожидал, что этот капитан окажется девушкой, которая немногим старше моей Элен.

В мозгу Уиллшоу вновь мелькнуло недоверие. Слишком много совпадений. Но Солсбери — нет, он не станет на сторону авантюристки. Значит, эта девушка говорит правду? Но нет, надо собрать все доказательства.

— Может ли кто-нибудь ещё подтвердить, что это действительно Арабелла Брэдфорд? Хорошо бы ещё объяснить, откуда у шестнадцатилетней девушки такие странные способности?

Из зала вновь раздался голос, но на этот раз это был именно тот одноглазый великан, на которого обратил внимание Уиллшоу. Старый пират легко двигался вперёд — едва увидев его внушительный вид и не менее внушительную саблю, присутствующие тотчас же расступались.

— Позвольте мне, Ваша честь. Меня зовут Нэд Вольверстон

— Откуда Вы знаете Арабеллу?

— Я знаю её с рождения, и я хорошо знал её мать, миссис Брэдфорд. Я часто бывал на острове и брал девочку на корабль. Лет с пяти она заинтересовалась тем, как устроено судно,

и просила меня всё показать ей. Я легко уступал её желаниям, даже позволял лазать по вантам. Мои матросы страховали Арабеллу, но однажды они не смогли её удержать, и она упала с вант грот-брам-рея. После этого миссис Брэдфорд хотела запретить ей бывать на корабле, но Арабелла всегда умела настоять на своём... Вскоре визиты на корабль корабля возобновились, она научилась ставить паруса, а вскоре освоилась на месте капитана. Следующим желанием её было взять с собой в рейс. Вначале понарошку, несколько раз пройтись мимо берега, а потом — и в серьёзное плавание. Она просила научить её стрелять и фехтовать, и даже в этом я не смог ей отказать. Все мы баловали её, и лишь Богу было известно, что не зря. Страшно подумать, что было, откажи я ей её просьбах.

— Вы пират?

— Я был пиратом, когда плавал вместе с Бладом. После его перехода на королевскую службу я оставил пиратство и служил в его флотилии, но, попав на «Инфанту» с Арабеллой, я посчитал необходимым постоянно быть рядом с ней.

— Блад знал про Ваши занятия с Арабеллой?

— Он несколько раз приезжал вместе со мной и видел девочку. Он называл её настоящим матросом и говорил, что, если бы она была мужчиной, непременно взял бы к себе. Конечно, это было шуткой — кто мог знать, что случится?

Судья наморщил лоб и начал перебирать бумаги.

— Насколько я помню, в документах, переданных мне Доджсоном, значилось ещё одно письмо.

Помощник судьи, порывшись в увесистой пачке, передал документ

— Да, точно. Ходатайство о награждении Питера Сильвера за освобождение Багам от испанцев. Можете объяснить, что это значит?

— Это было нашим первым рейдом. Именно тогда Арабелла вновь встретилась с Бладом.

— Насколько я помню, губернатор Блад тоже сообщил, что миссис Брэдфорд жива. Это правда?

Помощник вновь передал документ — запрос суда губернатору Ямайки и его ответ на письмо.

— Но где же тогда миссис Брэдфорд?

Арабелла улыбнулась.

— Питт, помоги ей.

Из толпы вышла женщина. Это была та самая дама, что стояла у двери. Она скинула грубую накидку, и взорам судьи предстало великолепное атласное платье..

— Значит, Вы...., - начал судья, но тотчас же замолчал. Происходящее на процессе полностью вышло из-под контроля.

— Да, это она, — раздалось несколько голосов из первых рядов. Уиллшоу прекрасно знал их — это были видные представители вигов — Шрусбери и Годольфин.

— Надеюсь, Её Величество тоже помнит меня, — робко произнесла женщина. — Когда-то мы с ней были подругами.

Приступ удушья был совсем близко. Уиллшоу судорожно хватал губами воздух. В груди всё свистело, будто духовой оркестр, выводивший немислимую какофонию. Этот приступ кашля... Судья протянул руку к стоявшей на столе настойке. Горький эликсир разлился по жилам, а в груди стало немного легче. Переведя дыхание, Уиллшоу вновь заговорил.

— Значит, Вы подтверждаете, что эта девушка...

— Да, это моя дочь.

Из зала вновь раздался чей-то голос.

— Разрешите, Ваша честь? Меня зовут Джеффильд.

Уиллишу кивнул.

— Я тоже подтверждаю, что эта девушка — Арабелла Брэдфорд. Я был помощником её отца, губернатора Нью-Провиденс. Я хорошо знаю её. Однажды она заставила меня упражняться с ней в фехтовании, и чуть не довела до апопектического удара. Это было как раз в тот день, когда на острова напали испанцы. Если бы я знал тогда, как пригодится ей её умение, я бы не стал ворчать на эту бедную девушку. Об одном лишь жалею — что не узнал её тогда. Иначе ни за что бы не покинул корабль.

— Желает ли ещё кто-нибудь взять слово?

После всего случившегося в зале судья, которого, наверное, не удивило бы теперь даже появление на процессе самого короля Джулиана, но тот, как ни странно, не появлялся. Заседание было закрыто, а оглашение решения перенесено на следующий день. Общим наследницам было предписано не покидать замка.

Примечания

Джон Черчилль, первый герцог Мальборо, известный военный и политический деятель Англии, имеющий репутацию самого выдающегося полководца в истории этой страны. В юности служил во флоте под началом Джеймса, герцога Йоркского, брата короля Якова. Определённую протекцию ему оказывала сестра Арабелла Черчилль, официальная любовница Джеймса. В 1677–1678 вступил в брак с Сарой Дженнингс. В годы правления королевы Анны, фавориткой которой была Сара, играл ключевую роль в политической жизни страны. Известен своими крупнейшими военными победами в войне за Испанское наследство. Принадлежал, как и его супруга, к партии вигов. Публичный разрыв между Сарой и Анной и большие потери Англии при Мальплаке (1709-1710-е годы) значительно усилили влияние тори (союз Харли-Сент-Джон), и в 1712 году Черчилль был отправлен в отставку и обвинён в растрате государственных средств. Вернулся в Англию после смерти Анны Стюарт. Отношения Джона Черчилля и его супруги обычно характеризуется как чрезвычайно крепкий союз, в котором рука об руку шли любовь и деловое сотрудничество. Несмотря на то, что в пьесе Эжена Скриба "Стакан воды" Сара Черчилль увлечена Мэшемом, большинство источников утверждает, что у Сары и Джона была крепкая семья.

Роберт Харли, первый граф Оксфорд — видный политический деятель эпохи Анны Стюарт, с 1704 года возглавлявший министерство иностранных дел в правительстве Годольфина, а с 1711 года занимал должность лорда-казначея. Активно покровительствовал литераторам, в том числе Джонатану Свифту, но, в то же время, активно использовал придворные интриги для достижения политических целей (в том числе и через посредничество Абигаиль Мэшэм-Хилл). Принадлежал к партии тори.

Генри Сент-Джон (с 1712 — виконт Болингброк) — один из крупнейших политических деятелей эпохи Анны Стюарт, политическая деятельность которого начинается с 1700 года. После 1710 года стал самым влиятельным человеком в английской политике. Известен своей литературно-философской деятельностью, а также склонностью к придворным интригам. Отношения с Харли носили противоречивый характер — от дружбы до ведения интриг друг против друга (последнее — уже после бегства Черчилля).

Джеймс Саунтон, герцог Йоркский — вымышленный персонаж. Несмотря на то, что в пьесе Эжена Скриба Анна Стюарт увлечена бароном Мэшемом, большинство источников

свидетельствуют, что единственной любовью Анны был её супруг Георг.

"после изрядно нашумевшей отставки Сары Черчилль и бегства во Францию её мужа, лишённого титула и состояния"

Не совсем точно с исторической точки зрения — разрыв между Сарой и Анной произошёл в 1709 году. После этого со стороны Сары было предпринято несколько неудачных попыток к примирению, которые неизменно заканчивались очередной ссорой. Джон Черчилль был отправлен в отставку в 1712 году, т. е. примерно через три года после разрыва между его супругой и королевой. Опасаясь ареста, супруги бежали в Бельгию (а не во Францию). Их имущество не было изъято и передано в казну. Даже дворец Бленхейм, впоследствии всё же конфискованный, оставался в собственности Сары Черчилль вплоть до её смерти.

(надеюсь, автор романа имеет право на некоторые исторические неточности...)

"Благодаря стараниям газетчиков Сент-Джона" — в отставке Черчилля большую роль сыграла газета "Экзаминейтор", которой покровительствовал Сент-Джон

"члены семейства Мальборо, в жилах которых текла кровь отчаянных морских авантюристов, имели странную власть над сердцем и разумом Стюартов"

— Елизавета Дрейк, потомок пирата Френсиса Дрейка, была матерью Уинстоуна Черчилля, отца Джона Черчилля.

— Сестра Джона Черчилля Арабелла Черчилль была официальной любовницей Джеймса, герцога Йоркского, брата короля Якова, и связь эта длилась более десяти лет. Супруга Джона Черчилля с детства дружила с принцессой Анной и оказывала на неё огромное влияние вплоть до их скандального разрыва в 1709 году.

Претендент (так его чаще всего называют — the Pretender) — родной брат Анны, кардинал Йорк (герцог Йоркский), которого французы откровенно поддерживали и называли Яковом 3-м. В реальности в его пользу интриговали тори, и об этом будет немного дальше. Что касается Солсбери, то кроме реального имени и реальной принадлежности к католической вере ничего общего с Оливером Сесилом, графом Солсбери он не имеет (во всяком случае, этого не предполагалось). Остальные герои (если в примечаниях не сказано об их реальном существовании) — вымышленные. Миссис Морли и миссис Фриман — псевдонимы для переписки Анны и Сары, придуманные ими чтобы обойти светские условности. Мистер Фриман — муж Сары, герцог Джон. Мужа Анны чаще в шутку называли "датский монстр". Разумеется, сама Дженнифер Марианна — чисто вымышленный персонаж

Глава 4. Мать и дочь

Вскоре разномастная публика разъехалась по домам. Остались лишь избранные — вечером должен был состояться бал с участием Её Величества и её фаворита, герцога Йоркского. Именно в его пользование предназначался замок герцогов Мальборо после изъятия в государственную казну.

Миссис Брэдфорд с интересом рассматривала комнату. Это была спальня, размещавшаяся на втором этаже. Именно здесь она провела свою юность. Дженнифер взглянула на старый резной комод, на огромное, выше человеческого роста, зеркало в бронзовой раме, на широкую покрытую алым бархатом кровать. Все они хранили память о прошлом. С любовью дотронувшись до дорогих ей вещей, она взглянула на дочь. Арабелла в молчании стояла у полуоткрытого окна. За ним слышался шум улицы Пэлл-Мэлл, по которой то и дело проезжали нарядно одетые всадники и золочёные кареты. Дженнифер опустилась в кресло. Её дочь — прежняя и совсем другая, непохожая на ту юную проказницу.

— Скоро прибудет королева Анна, тебе надо переодеться, да и мне тоже

Арабелла оглянулась и взглянула в глаза матери. На девушке всё ещё был любимый камзол, но шляпа с плюмажем уже была брошена на покрытую красным бархатом кровать. Улица Пэлл-Мэлл, всадники, эта комната... Так непохоже всё это было на её прошлую жизнь. Окинув помещение бессмысленным взором, девушка повернулась к матери.

— Да? Конечно, мама, я забыла об этом. Столько всего произошло,

— Ты держалась молодцом, — улыбнулась Дженнифер, — Может быть, теперь нам удастся вернуть наше имущество.

— Да, но ещё предстоит бал. А я совсем забыла...

Арабелла в полузабытьи стояла у окна. Она так и не успела осознать, что произошло. Охватившее её на процессе напряжение исчезло, сменившись опустошением. Она будто потеряла своё привычное место в жизни. Всё равно, что после кораблекрушения оказаться на неведом острове. Арабелла мысленно улыбнулась подобному сравнению. Нет, на необитаемом острове её бы выручил её любимый кинжал, да и с туземцами она легко могла бы справиться. С ней происходило нечто другое — несмотря на то, что мир вокруг стал другим, ещё больше изменилась она сама, и этой новой женщине надо было искать своё место в жизни.

— На балу тебе надо выглядеть настоящей дамой, а не пиратом в юбке, ведь так? — ласково улыбнулась Дженнифер. Ей вдруг вспомнилось, как она впервые увидела дочь — тогда, в Кадисе, узнав её в юном герцоге Педро Амадильо. Потом они долго беседовали наедине, по пути на Тортугу, и Арабелла во всех подробностях поведала ей о своих приключениях.

Неожиданно на лице Дженнифер мелькнула тревога. Как перенесёт эти перемены сама Арабелла? Но разве она однажды не пережила то же самое, в считанные мгновения перевоплотившись из мисс Брэдфорд в Питера Сильвера?

Арабелла ласково взглянула на мать.

— Конечно я должна доказать благородное происхождение. Иначе Её Величество может не поверить, решить, что это какая-то авантюристка.

Девушка расстегнула камзол, сбросила его на кресло и открыла шкаф.

— Взгляни, мама, что бы мне выбрать? Может, это бирюзовое? Оно так подойдёт к

моему перстню?

— Можно взглянуть? — Дженнифер протянула руку. По бледному лицу вдруг разлился румянец.

— Возьми, мама, взгляни.

— Откуда оно у тебя?

— Мне подарил его Блад, губернатор Ямайки

— Бывший пиратский капитан? — кровь ещё больше прилила к лицу Дженнифер. Женщина отвернулась к окну.

— Да, мама, — в глазах Арабеллы стоял немой вопрос.

— Как он? Я слышала, что у него были проблемы с Адмиралтейским судом?

— Нет. Он полностью оправдан, а Солсбери сообщил мне, что Мэнсон обвинён в соотрудничестве с Испанией.

— Он рассказал тебе что-нибудь ещё?

— Да, мама. Он рассказал всё. Я знаю, что он мой настоящий отец.

Дженнифер откинулась на спинку кресла. Значит, Блад всё рассказал ей? Но что именно, и как изменятся после этого её отношения с дочерью?

— Вы так похожи, когда ты в мужском костюме, — слабо улыбнулась она, — надеюсь, ты не осуждаешь меня за то, что произошло между мной и Бладом? Мне было шестнадцать, и я ещё не встретила мистера Брэдфорда. А Блад был так красив. Он был ранен, и я ухаживала за ним втайне от дядюшки.

— Конечно, нет, мама, — девушка ласково обняла мать за плечи, — я рада, что у меня такой замечательный отец, хотя и мистера Брэдфорда я тоже любила. Я горжусь тем, что я — дочь такого человека, и, надеюсь, он сможет мной гордиться. Наверное, не будь я его дочерью, не было бы меня сейчас в живых.

Арабелла на мгновение отвернулась.

— Ладно, мама, давай примерять платье. Как, думаешь, мне к лицу голубое?

— Лучше это возьми — из красного шифона. Оно больше подходит к твоему характеру.

Арабелла надела платье и взглянула в зеркало. На неё глядела молодая женщина, стройная, с благородным лицом и небесно-синими глазами. Как непохоже это на прежнюю жизнь? Кто эта женщина? Не юная Арабелла, избалованная и всеми любимая девочка, но не капитан Питер Сильвер, гроза испанских колоний в Новом Свете. Это начало новой, неведомой для неё жизни. Какая она будет, эта жизнь? Она изо всех сил пыталась найти ответ, но ни отражение в зеркале, ни тревожные глаза её матери не могли ей этого сказать. Ей ничего другого не оставалось, кроме как вновь положиться на судьбу. Оглядев себя с ног до головы, она вдруг поняла, что у неё короткие волосы.

— А как же причёска? — вспомнив высокие сооружения на головах присутствовавших на суде светских леди, спросила она

— Здесь есть женские парики, примерь. Вот этот подойдёт к твоим чёрным волосам, — ласково улыбнулась ей Дженнифер, подавая ей высокую копну из завитых чёрных кудрей, украшенную переплетёнными золотыми нитями, на которых крепились семь крупных рубинов, — и последнее — не забудь, тебе надо будет танцевать. Вспомни свои уроки танцев в детстве, как ты танцевала с Питтом, когда он приходил к нам.

— Ничего, мама. Как-нибудь не пропаду. В какие переделки только не попадал Питер Сильвер.

Арабелла резким движением взяла из коробочки серьги, цепочку и перстень.

— Главное, не будь пиратом в юбке. Вспомни, чему я учила тебя в детстве. Удачи тебе, капитан. Надеюсь, ты скоро станешь герцогиней Мальборо.

Неожиданно Дженнифер замолчала и, вспомнив о чём-то, взглянула в окно. — У меня к тебе одна просьба, дочка. Обещай, что обязательно исполнишь её.

— Что за просьба?

— Если у тебя когда-нибудь будет возможность помочь Джону, сделай это. Даже если тебе придётся отказаться от всего. Он не заслужил той опалы, в которой оказался по вине придворных интриганов.

— Конечно, мама. Обещаю — если смогу сделать что-нибудь для герцога Джона — сделаю непременно. Даже если придётся отказаться от герцогского титула. Я достаточно богата, чтобы купить имущество Мальборо. Мы с тобой никогда не будем бедствовать.

Арабелла обняла мать, и та с удивлением поняла, что глаза её стали влажными от слёз.

— Ты плачешь? Ты, отважный пират Сильвер?

— Я рада, что мы вместе, но я окончательно запуталась. Не знаю, кто я, и кем буду завтра

Девушка отошла и вновь взглянула в зеркало. Молодая брюнетка в бронзовой раме казалась ей какой-то странной и чужой незнакомкой.

— Ты во всём разберёшься, дочка. Будь собой и не волнуйся. Считай, что это твой очередной бой, который ты должна выиграть.

— Спасибо тебе, мама. Я обязательно выиграю этот бой

Арабелла улыбнулась. Былая решительность постепенно возвращалась к ней.

— Я докажу всем, что достойна титула герцогов Мальборо.

Девушка вновь взглянула в зеркало. Отражение уже не вопрошало и не пугало. Неловко воткнутая булавка торчала из пышной причёски. Арабелла поправила её и, вполне удовлетворённая своей внешностью, направилась к двери.

Глава 5 Королевский бал

Пока миссис Брэдфорд беседовала со своей внезапно вернувшейся к жизни дочерью, в замок Мальборо-Хаус прибыл экипаж королевы. Из кареты вышел худощавый блондин лет двадцати пяти, изящный и утончённый, с серыми холодными глазами и презрительным выражением тонких поджатых губ. Наброшенный на узкие плечи алый плащ, подбитый горностаем, был перехвачен у подбородка брошью с крупным рубином. Из-под плаща виднелся расшитый бриллиантами белоснежный камзол. На серебристой перевязи болталась короткая шпага с инкрустированной рукоятью. Молодой джентльмен почтительно поклонился и подал руку сидевшей в карете женщине. Та, осторожно встав на ступеньку, вышла на улицу. Казалось, она боится, что неловкое движение может причинить ей боль. Из соседней кареты, украшенной гербом баронов Мэшем, легко выпорхнула женщина лет тридцати. Едва коснувшись земли своими туфельками, она летящей походкой направилась к Её Величеству, будто не желая надолго оставлять её наедине с фаворитом. Дама заняла место по левую руку королевы и, предоставив ей возможность дополнительной опоры в своём лице, проследовала во дворец.

Оправившийся от приступа астмы судья встретил их у входа.

— Здравствуйте, Оливер, как дела? Когда герцог сможет переехать в замок?

— Ваше Величество, — судья запнулся, — произошло непредвиденное. Миссис Брэдфорд жива и ждёт Вас в замке. С ней — её дочь, Арабелла Брэдфорд, история жизни которой, думаю, будет Вам интересна.

Её Величество нахмурилась. И без того неприятное лицо герцога помрачнело.

— Как так? Ведь были свидетели, что миссис Брэдфорд погибла, как и её дочь? — спросил он, поджав и без того тонкие губы.

— Простите меня, Ваше Величество, но обстоятельства изменились. Миссис Брэдфорд опознали несколько придворных, которые были знакомы с ней в годы её молодости. Кроме того, до замужества она была представлена ко двору, и, Вы, Ваше Величество, сами сможете убедиться, действительно ли это та самая Дженнифер Марианна Черчилль.

— Последний раз я видела её сразу после замужества. Я никогда не понимала, почему эта женщина, руки которой добивались многие знатные женихи, в том числе герцог Шрусбери, предпочла уехать на Багамы и выйти замуж за типа, который годился ей в отцы. Разумеется, я узнаю её, даже если она сильно изменилась. А пока расскажите мне их историю и пригласите ко мне.

— Ваше Величество, рассказ о процессе займёт не менее получаса.

— Пригласите их немедленно, Уиллшоу, — рассерженно сдвинула брови Анна. — Я должна немедленно разоблачить этих мошенниц. У меня отличная память на лица.

Вскоре обе дамы спустились вниз. Миссис Брэдфорд — степенно, Арабелла — стараясь сдерживать шаг. Она отвыкла ходить в женском платье и боялась упасть. Представ перед королевой, дамы присели в глубоком реверансе. Едва взглянув в лицо Дженнифер, Анна натужно улыбнулась

— Да, это действительно Дженнифер. Рада, что слухи о твоей смерти не подтвердились.

— Благодарю Вас, Ваше Величество, — женщина ещё раз присела в глубоком поклоне, — это моя дочь, Арабелла Брэдфорд.

Арабелла приветствовала королеву, стараясь не споткнуться о подол своей длинной

юбки и едва не рухнула наземь. Анна нахмурилась:

— Ваша дочь долго жила в провинции?

— Простите, Ваше Величество. Моя дочь воспитана в соответствии с требованиями света. Однако, в силу жизненных обстоятельств, её образ жизни в последние годы сильно отличался от светского.

— Это удивительная история, Ваше Величество, — подал голос судья, — если позволите...

— Позже мне расскажете, — с недоверием в голосе произнесла Анна, бросив на девушку недовольный взгляд, — мисс Брэдфорд, я слышала, Вы попали в плен к испанцам?

— Да, Ваше Величество. Если Вам угодно, я могу рассказать Вам свою историю,

Девушка спокойно взглянула на королеву. В её глазах не было ни испуга, ни смущения.

— Вижу, Вы не похожи на других девушек Вашего возраста. Не знаю, что Вам пришлось пережить, но, видимо, это Вас сильно изменило. Пока Вы свободны, но я настоятельно требую, чтобы вы обе присутствовали на балу. Надеюсь, мисс, Вы окажете честь герцогу и согласитесь потанцевать с ним.

Женщины откланялись, а Анна уединилась с Уиллшоу, предоставив недовольным фаворитам возможность жаловаться друг другу на судьбу.

Сердце Арабеллы тревожно забилось. Танцевать с герцогом Йоркским! Она никогда раньше не танцевала с мужчинами, разве что в детстве с Питтом, когда родители приглашали рыбацкого сына для того, чтобы Арабелла могла потренироваться. Так вот какая она, эта новая жизнь — балы, танцы, придворная лесть! Это ли то, чего она так добивалась и о чём порой мечтала втайне от своих друзей-флибустьеров? Ведь она желала лишь получить то, что принадлежало ей по праву. Но раз уж судьба приготовила ей такое — что же, она примет и этот вызов. Тем более что королева наверняка предложила ей этот танец только для того, чтобы проверить, действительно ли она была воспитана для светского общества. Во всём виновато это несносное платье, из-за которого она едва не упала во время очередного реверанса. Проклятье! Как же оно путается под ногами!

Через несколько часов начался бал. В зале царил всеобщее оживление. Играла музыка, но танцующих было мало. Все обсуждали события сегодняшнего дня — уж очень необычным был королевский процесс.

Арабелла вновь шла по лестнице — той самой, с которой совсем недавно выступала на суде. Она уже немного привыкла к юбке, и двигалась более естественно, стараясь сдерживать всё ещё резкие движения. Дженнифер была рядом, и уверенность в себе возвращалась с каждым шагом. Но этот шёпот в зале, эти смешки... Вот если бы она по-прежнему была капитаном — уж она бы заставила умолкнуть всех этих сплетников, да так, что они более не помышляли бы бросать на неё косые взгляды! Чтобы отвлечься, девушка взглянула за окно. Она никогда не видела яблонь, и с интересом рассматривала небольшие белоснежно-розовые цветки, облепившие покрытые зеленью ветки. Как непохожа была их нежная, изящная красота на привычную для неё тропическую яркость красок! Неожиданно за спиной раздался знакомый баритон:

— Добро пожаловать в Лондон, капитан!

Повернув голову, Арабелла увидела Солсбери. Старый друг сильно изменился. Вместо отошавшего от голода скелета перед ней был изысканный, благоухающий ароматом мускуса стройный красавец. Легко и непринуждённо поклонившись девушке, граф с почтением поцеловал ей руку.

— Благодарю Вас, граф, за помощь

— Это лишь то небольшое, что я могу сделать для Вас, капитан. До сих пор не могу прийти в себя. Я сразу понял, что Вы принадлежите к знатному роду, но никогда не подумал бы, что Вы — девушка.

— А я, мисс Брэдфорд, поражён ещё больше, — Рейдингтон, как всегда, был рядом со старым другом. — Я видел Вас в бою и всё не могу поверить.

— Мне самой трудно поверить в происходящее, — улыбнулась Арабелла. — Мне трудно представить, как сложится моя дальнейшая жизнь.

— Ничего страшного, капитан, — поддержал её Солсбери. — Вы быстро освоились на корабле, значит, и здесь у Вас всё сложится. Надеюсь, решение суда будет в Вашу пользу. Мы с Рейдингтоном сделаем всё возможное, а пока простите. Попробуем найти Её Величество.

Откланявшись, оба графа растворились в толпе.

Тем временем Анна внимательно слушала рассказ судьи.

— Не может быть, Уиллшоу, — эта девушка — ..., - она на мгновение замолчала, — в ней есть что-то необычное. Я сразу поняла, что она не такая, как все. Но всё-таки я проверю, действительно ли у неё светское воспитание. Она так не похожа ни на свою мать, ни на отца. Может быть, это просто авантюристка?

— Но её история выглядела достаточно правдоподобно

— Посмотрим, как она поведёт себя на балу. Она будет танцевать с герцогом, а я приглашу её к столу. Если её манеры оставляют желать лучшего — значит она не светская дама, а её происхождение от герцогов Мальборо сомнительно

Появление королевы отвлекло присутствующих от Арабеллы и её матери. Людское море засуетилось, забурлило и склонилось в поклоне перед Её Величеством. Громче зазвучала музыка, волны танцующих и прогуливающихся пар наполнили залу. Молодой человек лет, лицо которого показалось Арабелле крайне неприятным, подошёл к ней и почтительно поклонился:

— Джеймс Саунтон, герцог Йоркский. Позвольте пригласить Вас на танец.

Арабелла присела в реверансе. Музыка играла менуэт. Именно этот танец она когда-то разучивала вместе с Уоллесом. Девушка подала ему руку и сделала шаг вперёд. «Ничего. Надо представить себе, что это очередной бой», — подумала она, — «Просто надо это выдержать с достоинством и победить. Да, Питер Сильвер, держись, и ты, как всегда, победишь»

Арабелла изо всех сил старалась сосредоточиться на танце. Но молодой человек, казалось, изо всех сил пытался отвлечь её от почти позабытых ею движений.

— Как Вы себя чувствуете, мисс Брэдфорд? — спросил он, и Арабелла заметила, что по тонким губам мелькнула иронично-ехидная улыбка

— Большое спасибо, хорошо, герцог

— Вы устали от процесса?

В серых глазах герцога мелькало любопытство, высокомерие и откровенная неприязнь.

— Нет. Мне приходилось уставать ещё больше, — медленно произнесла Арабелла, стараясь не сбиваться с такта, — Вы, наверное, слышали мою историю.

— Как Вам нравится замок? — продолжил герцог, видя, что его партнёрша с трудом вспоминает фигуры менуэта

— Дворец просто великолепный. Миссис Брэдфорд очень рада, что смогла сюда вернуться. В этом замке прошла её юность

— Как себя чувствует миссис Брэдфорд? — поинтересовался герцог. Светская болтовня во время танца была для него столь же привычной, как для Арабеллы — обмен короткими репликами с противником во время дуэли.

— Неплохо, только слегка устала — слишком много волнений,

Арабелла изо всех сил пыталась казаться естественной и при этом попадать в такт и не наступать на ноги герцогу. Но умение делать одновременно несколько дел, сослужившее ей хорошую службу в бытность пиратом, выручило её и здесь, и она достойно закончиламенуэт, учтиво поклонившись партнёру. Герцог не отступал:

— Мисс Брэдфорд, Ваше Величество приглашает Вас к своему столу. Извольте угоститься и побеседовать с ней.

— С удовольствием, герцог, — Арабелла была счастлива, что танец, наконец, закончен. Она не знала, что ей приготовили ещё несколько подобных испытаний, и с довольной улыбкой подошла к королевскому столу.

— Ещё раз рада приветствовать Ваше Величество, — склоняясь в поклоне, Арабелла уже не путалась в юбках. Королева заметила и это.

— Как Вы потанцевали, милая?

— Очень хорошо, спасибо. Герцог танцует великолепно, чего нельзя сказать обо мне. Вы, наверное, уже слышали мою историю и знаете, что последние четыре года мои танцы были несколько другого рода.

— Насколько я видела, Вы танцевали неплохо. Скажите, а знакомы ли Вы с последними литературными новинками?

— Вы имеете в виду английскую литературу?

— Да, разумеется.

— Из литературы последних лет мне попадались лишь некоторые пасторали Поупа, да и то чисто случайно. Мне чаще доводилось иметь дело с испанской и французской литературой.

— Слышали ли Вы о Джоне Драйдене?

— Разумеется, я читала его книги, когда мне было четырнадцать. Когда-то мне нравились «Завоевание Гранады» и «Всё за любовь».

— Неплохо, мисс Брэдфорд.

— Однако, мне ближе всего стихи Милтона, — неожиданно для самой себя произнесла Арабелла. — Они способны облегчить душу в самые тяжёлые моменты её жизни. Но всё же я не согласна с его представлениями о Боге в «Потерянном рае». Я искренне и глубоко верю, что Бог любит нас. Он помогает делать добро и останавливает нас, когда мы находимся на грани грехопадения.

— Неплохо, мисс Брэдфорд, очень даже неплохо, — повторила Анна, — Вы ведь владеете несколькими иностранными языками?

— Да, французским и испанским, Ваше Величество.

— И говорите на них?

Арабелла улыбнулась, представив, как она с помощью переводчика объясняется с де Монтеноном, Перэ или президентом Панамы.

— Без знания этих языков я не смогла бы преуспеть в том деле, которым мне по воле случая пришлось заниматься. Я абсолютно свободно говорю по-французски и по-испански и могу беседовать на любые темы, включая науку, искусство, литературу, политику, военное дело и мореплавание.

— Угощайтесь, пожалуйста.

Арабелла с удовольствием отведала превосходный торт, ещё раз продемонстрировав образец поведения благородной дамы.

— Да, мисс, действительно у вас манеры и поведение аристократки. Вы достойны титула герцогини Мальборо. Надеюсь, Вы не откажете герцогу, который хотел бы ещё потанцевать с Вами?

— Если Вы позволите, Ваше Величество, я согласна, — Арабелла вновь склонилась перед королевой. Герцог подошёл к ней и взял её за руку. Череди испытаний продолжалась.

Бал закончился поздно. Усталая девушка вышла в сад и окинула взглядом цветущие яблони. Вот он, дворец Мальборо, который она так стремилась вернуть! Ещё несколько шагов, и всё — замок, сад, земли в Оксфорде и великолепный, хотя ещё и не достроенный замок Бленхейм, — всё это будет принадлежать ей, и она сможет начать новую жизнь. Задумавшись, Арабелла не заметила, как рядом с ней оказался Вольверстон. Одноглазый великан стоял перед ней, будто видение из далёкого прошлого.

— Простите, капитан, то есть мисс Арабелла

— Что случилось, Вольверстон? Как Уоллес?

— Очень расстроен, — тяжело вздохнул старый пират, — Ему нужно время. Я присматриваю за ним. Представляешь, что сейчас творится в его сердце?

— Понимаю, ему сейчас тяжело. Я обещала ему встречу с Арабеллой, но он не знал, что всё будет именно так

Девушка вдруг на мгновение замолчала, будто вспомнив о чём-то важном,

— Знаешь, Нэд, — скажи ему — всё, что я говорила о возможном браке с Арабеллой, остаётся в силе. Питер Сильвер не откажется от своего слова, даже если он и оказался женщиной.

Вольверстон с сомнением взглянул на девушку.

— Не обещай того, чего не сможешь выполнить, девочка. Вердикт будет оглашён завтра?

— Да. Рано утром в Кенсингтоне состоится заседание суда. Решение огласят в полдень в замке Мальборо в присутствии королевы. И ещё — сообщи команде, что я прибуду завтра. Ничего им пока не говори о том, что случилось. Постарайся сделать, чтобы Питт не проговорился.

— Всё будет сделано, капитан. Уоллеса беру на себя.

— Спасибо тебе, Нэд. Ты мне как отец.

— Я всегда был рядом с твоим отцом, теперь я с тобой.

— Ещё раз спасибо. Береги Питта. Насчёт команды не волнуйся — всё будет решено наилучшим образом. Я никогда не предавала своих людей, и не собираюсь этого делать сейчас.

Вольверстон вскочил на коня и умчался, подняв целый вихрь пыли на улице Пэлл-Мэлл. Арабелла проводила его взглядом и вошла в дом.

Глава 6. О том, к чему могут привести поспешные выводы

Поединок с капитаном Тичем был в самом разгаре. Обросший гигант в расстёгнутой рубахе палил из пистолета и размахивал саблей, пытаясь поразить противника. Сильвер пока ещё ловко оборонялся, но уже намеревался перейти в наступление, опытным взглядом оценив слабые места капитана «Мести королевы Анны». Несмотря на то, что Тич превосходно владел оружием, он слишком полагался на пистолет, который он держал в левой руке, и левый фланг оставался практически незащищённым. Светило жаркое тропическое солнце, и собравшиеся на пристани члены обеих команд наблюдали за поединком, сбросив камзолы и расстегнув рубахи. Тич бросил гневный взгляд на Питера, который по-прежнему был в своём неизменном одеянии:

— Ты что, мальчишка, под камзолом кольчугу прячешь? Ничего, моя сабля тебя всё равно достанет! — и разразился грубой бранью. Сильвер ещё раз взглянул на своего противника, оставив без внимания его реплику. «Пусть себе тратит силы на ругань — тем быстрее он ослабеет», — подумал он и вновь обратил внимание на то, что, фехтуя, Тич всё время держал саблю на правой стороне. Сильвер собирал силы для решающей атаки, тем более что его соперник уже начал уставать. Парируя сыплющиеся на него со всех сторон удары, он бросил взгляд на собравшихся вокруг матросов. Справа от Тича стоял его квартирмейстер, высокий подвижный, вечно смеющийся бородач Джон Смит с хитрыми лисьими глазами, которые, словно карие бусины, сверкали на его обросшем лице. Рядом с ним стоял раскрытый сундук с награбленным добром. Тич только что вернулся из очередного рейда, и Смит ещё не успел произвести подсчёт всех ценностей. Поэтому он время от времени наклонялся к сундуку, выискивая в нём какие-то предметы и беспрестанно вертел их в руках. Это раздражало Сильвера, и члены его команды несколько раз напоминали Смиту о том, что наблюдатели не должны отвлекать соперников от схватки. Но упрямый квартирмейстер всё не выпускал из рук серебряный подсвечник, который имел форму обнаженной до пояса девы с амфорой на плече. Подсвечник, видимо, был совсем новый и ещё не успел потемнеть, поэтому ярко блестел на солнце. Сильвер вновь взглянул на противника. Улучив момент, когда тот, собираясь сделать очередной выпад, ещё более ослабил оборону на левом фланге, Питер в считанные мгновения занёс саблю над головой соперника, готовясь нанести решающий удар. Но вдруг яркий солнечный свет ослепил его, и в тот же момент раздался оглушительный выстрел. Правая рука Сильвера повисла как плеть. Он всё ещё не видел ничего, кроме этого яркого света, но, тем не менее, левой рукой нажал на пистолетный курок, почти наугад, не целясь, выстрелив в это светящееся пятно. Раздался стон, и тяжёлое тело Тича упало на мостовую. Поединок был окончен. Сильвер понял, что теряет сознание. Упрямый солнечный зайчик всё ещё скакал у него перед глазами, и блики солнца мешали ему видеть окружающих его людей. Он взглянул налево, где должен был стоять Вольверстон, ожидая поддержки старого друга, но великан куда-то запропастился. «Где же он? Он только что был здесь?» — молнией пронеслось в слабеющем от потери крови мозгу, — «и почему я не чувствую боли? Ведь я ранен, и, судя по всему ранение тяжёлое». Кровь заливала камзол, рубаху и крупными каплями капала на каменные плиты парапета. Сильвер слабел, и, будучи не в силах держаться на ногах, рухнул на землю. К нему бросились какие-то люди. Его зрение затуманилось, и он с трудом различил лица Пита

Уоллеса и Крисперса, которые подбежали уже совсем близко к нему. «Господи! Что же будет, когда они попытаются остановить кровотечение», — он вдруг понял, что, разорвав его одежду, они узнают, что под именем капитана Сильвера скрывалась женщина. В глазах по-прежнему мелькали солнечные блики, мешая различать лица подбежавших на помощь людей. Холодеющая рука Питера коснулась каменных плит, но они почему-то были мягкие, как пух. «Странно», — подумала Арабелла, осознав, наконец, что сейчас её тайна будет раскрыта, и ей придётся назвать своё настоящее имя. Она потянулась к правому плечу, чтобы попытаться самой остановить кровотечение. Но раны не было, и рука двигалась нормально. Но почему на ней не было ни камзола, ни рубахи? Она вдруг поняла, что одета в мягкую шёлковую ночную сорочку — такую, какую она носила, когда жила в родительском доме. «Неужели всё это — лишь сон», — подумала Арабелла, — «Но где же я? Я не чувствую качки, и это явно не моя каюта. Может быть, я в своём домике на Тортуге? Но ведь я всегда сплю, не снимая камзола?». Солнечные блики всё ещё слепили её, но она, пытаясь побороть одолевавшую её дремоту, открыла глаза. Взгляд девушки упал на широко раскрытое окно, за которым цвели яблони и щебетали птицы. Солнце уже взошло, и лучи его светили прямо ей в лицо, и именно эти блики разбудили её. Арабелла села на кровати и увидела своё отражение в зеркале. События последних дней молниеносно промелькнули в её мозгу. «Я в замке Мальборо!» — вдруг поняла она, и вскочила со своего ложа. На мягком кресле с зелёной обивкой и резными подлокотниками были брошены камзол, рубаха, панталоны и чёрная шляпа с плюмажем. На соседнем кресле лежало платье из ярко-алого бархата. Арабелла подошла к окну и выглянула в сад. На Пэлл-Мэлл было шумно, но её внимание привлекли крики мальчишек, торговавших газетами.

— Внимание! Внимание! Подданные Её Величества! Очередной пират, промышлявший в Карибском море, пойман и будет казнён! Покупайте газету «Аналитик». В ней — подробный репортаж с заседания Королевского суда. Там же — баллада господина Слоу «Прощание капитана Сильвера».

Арабелла прислушалась. Другой человек, оказавшийся на её месте, несомненно, трусил бы и сделал всё возможное, чтобы тайком покинуть замок, вернувшись на свои корабли и быстрее добраться до Карибского моря. Она же, немного поразмыслив, поняла, что продававшие газеты были явно не в курсе событий, последовавших за появлением Питера Сильвера на королевском процессе. Пират, оказавшийся женщиной, привлёк бы гораздо больше внимания, чем обыкновенный пиратский капитан, хотя бы в силу того, что подобных случаев было очень мало. О дамах-флибустьерах почти не было слышно на Тортуге, и вряд ли в Лондоне о них знали больше. Единственная женщина, ставшая капитаном, была француженка Луиза де Труавиль, отбившая в Париж на своём фрегате вскоре после своего разоблачения. Арабелла вспомнила эту историю, случившуюся в первый год после её прибытия на остров. Её сон практически в точности воспроизвёл случившееся с Луизой, которая была известна среди пиратов как капитан де Вернон. Во время дуэли Луиза была ранена и потеряла много крови. Корабельный врач, посвящённый в тайну своего капитана, тем не менее, поспешил перевязать её раны прямо на пристани, предпочтя лучше разоблачить Луизу, чем дать ей умереть. «Надо же», — подумала Арабелла, — «мне казалось, что я уже забыла всё, что случилось с Луизой». Она подошла к лежащему на кресле бархатному платью, но оно никак не подходило для появления на улице в шесть часов утра. Оглядев содержимое гардеробной, Арабелла выбрала простое серое домашнее платье с небольшим декольте. Завершив туалет столь же простенькой серой шляпкой, она покинула

комнату и бегом сбежала по лестнице, едва не столкнувшись с миниатюрной блондинкой лет семнадцати. Увидев её, девушка присела в глубоком реверансе:

— Здравствуйте, мисс Брэдфорд. Могу я Вас так называть?

Арабелла рассмеялась. Ей захотелось поболтать с этой девушкой, несомненно, знающей о порядках в Мальборо-Хаусе намного больше её самой

— Во всяком случае, называть меня мисс Брэдфорд ты можешь. Пока что я не герцогиня Мальборо. А ты кто?

— Меня зовут Сара — в честь миссис Сары Черчилль. Моя мать служила у неё, когда та была девочкой. Когда миссис Сара вышла замуж, она взяла мою мать с собой. Я выросла в семье Мальборо, и они всегда были добры ко мне. Мисс Брэдфорд, а Вы не прогоните меня?

— Почему я должна тебя прогнать?

— Потому что Вы привезли с собой свою служанку. Я знаю об этом. Её зовут Мэри Кэт, и Вы поселили её в бывшей комнате моей матери.

— Не волнуйся Сара, — Арабелла ласково взглянула на испуганную девушку, — Мэри Кэт служила у моей матери, потом у меня, когда я жила на Тортуге. Именно она рассказала мне, где я могу найти миссис Брэдфорд, и поэтому я взяла её под своё покровительство. Теперь Мэри Кэт будет у миссис Брэдфорд служанкой. Ты же можешь служить мне, если захочешь.

— Спасибо Вам, мисс Брэдфорд, — девушка вновь присела в реверансе, — Вам что-нибудь нужно?

— Ничего, спасибо. Я привыкла делать всё сама — ведь на Тортуге никто не должен был догадаться, что я — женщина. Даже Мэри Кэт не знала об этом — она тоже считала меня капитаном Питером Сильвером, который только похож на дочь её бывшей хозяйки.

— Так Вы были пиратом? — в глазах блондинки отразилось одновременно недоумение и восхищение.

— Капитаном, точнее, почти что адмиралом — моя эскадра состоит из тридцати кораблей, — довольно улыбнулась Арабелла, — скажи, Сара, а какая жизнь была в замке при герцоге Джоне? Расскажи мне об этом, пожалуйста. Принеси два кофе с печеньем, и мы с тобой сядем и поговорим.

Девушка вновь присела в реверансе, а затем быстро выбежала из комнаты. Арабелла вышла во двор. Запах цветущих яблонь стоял повсюду. На улице всё также было шумно, и крик мальчишек раздавался со всех сторон. Она подошла к воротам и вполголоса сказала привратнику:

— Как тебя зовут?

— Джон, моя госпожа.

— Купи мне, пожалуйста, несколько газет из тех, которыми торгуют эти мальчишки. Я хочу знать, что пишут про Королевский процесс.

Через пару минут Джон вернулся с пачкой газет:

— Взгляните, пожалуйста, моя госпожа. Вот это — «Аналитик», газета, которую издаёт виконт Болингброк. В ней — самый подробный рассказ. Остальные газеты просто переписывают то, что они слышали от людей Болингброка.

Арабелла взяла газеты и вошла в дом. Сев в удобное мягкое кресло у камина, она раскрыла газету в ожидании прихода Сары. На первой странице крупными буквами значилось: «Наконец-то пойман самый известный и дерзкий флибустьер эпохи Её Величества Анны Английской». Там же, несколько ниже — другой заголовок —

«Отчаянный пират Питер Сильвер решил посягнуть на имущество герцогов Мальборо, но был пойман полицией». На следующей странице половину листа занимала баллада Слоу, написанная в духе «Прощания капитана Кидда».

Арабелла внимательно прочитала газету, но нигде не говорилось ни о столь неожиданным для пиратских историй финале королевского процесса, ни о событиях на королевском балу. Наконец, появилась Сара. В руках она держала маленький серебряный поднос, на котором стояли две фарфоровые чашечки с кофе и серебряная тарелка с печеньем, посыпанным корицей. Арабелла предложила ей сесть, и Сара, удивлённая поведением своей новой госпожи, начала рассказ о порядках, заведённых в доме Мальборо.

Тем временем в редакции газеты «Аналитик» царил паника. Запыхавшийся парнишка-посыльный, бегом примчавшийся из дворца Болингброка, подал редактору газеты письмо, где ему в грозном тоне предписывалось немедленно предстать перед гневными очами своего господина. Редактор, не понимая, что происходит, выскочил на улицу, едва успев накинуть старенький плащ, и не забыв при этом сделать выговор юному Джону Слоу, совсем недавно взятому им в свою газету. Джон представлял газету на королевском процессе, и именно с его слов был дан репортаж о событиях вокруг наследства Мальборо и внезапного появления пиратского капитана. Добравшись до дворца Болингброка, редактор пробормотал что-то привратнику, и тот в тот же миг распахнул перед ним двери. Болингброк ждал его в своём украшенном золотой лепкой кабинете, который по роскоши мог бы сравниться лишь с Сент-Джеймским дворцом.

— Кто делал статью про королевский процесс? — гневно, срываясь на крик, спросил Болингброк. Его полное лицо покраснелось, а глаза беспрестанно вращались в орбитах. Казалось, его вот-вот хватит апоплектический удар.

— Джон Слоу. Он лично присутствовал на процессе. Что случилось, господин герцог?

— Случилось то, что твой Слоу пропустил самое главное, — и Болингброк бросил газету в лицо редактору, — ты читал, что здесь написано?

— Конечно, — робко произнёс тот, — я всегда читаю все материалы, которые публикуются в моей газете.

— Не в твоей, а в моей газете, жалкий дилетант! — разгневанный Болингброк метал громы и молнии, — так опозориться! Это — удар не только по газете, которую ты называешь своей, но и по моей репутации политика, да и по всей партии тори. Твой юнец, которого ты послал на процесс, пропустил самое главное. Капитан Питер Сильвер оказался женщиной, причём не просто женщиной, а мисс Арабеллой Брэдфорд, которая вместе со своей неизвестно откуда взявшейся матерью претендует на наследство Черчиллей. Миссис Брэдфорд опознали большинство знатных придворных, а Арабеллу — тот самый Годфри, на которого я так надеялся, да ещё этот мистер Джеффилд, сбежавший с захваченного острова вместе с Годфри и будущими членами её шайки. А ещё эта неизвестно откуда взявшаяся авантюристка с замашками флибустьера танцевала с самим герцогом Йоркским и поразила всех, включая саму королеву, своими манерами аристократки и неожиданно обширными познаниями в области искусства. Так что теперь в Сент-Джеймсе почти никто не сомневается в её родстве с Мальборо. Ты понял разницу, тупица? Кому теперь нужен твой репортаж, когда почти весь Лондон знает, что это — ложь? Людям нужны свежие факты, а не вчерашний недоеденный сыр.

— Да, виконт, — у незадачливого писаки путались мысли и дрожали колени. Он уже мысленно прощался со своим постом редактора «Аналитика».

Но Болингброк, выплеснув всю злость, скопившуюся в его сердце, немного остыл и вновь взял в руки газету.

— Однако, положение ещё можно исправить, и ты поможешь мне это сделать. Иначе прощайся со своим местом редактора и жалованьем, которое я тебе регулярно выплачиваю, — резко, но уже не гневно произнёс Болингброк

— Что я должен сделать? — с замиранием сердца спросил редактор.

— В завтрашней газете дашь репортаж о сегодняшнем заседании суда. Заголовки должны быть как можно более броскими. Надо выставить эту Брэдфорд авантюристкой, которая использует все возможные пиратские трюки, чтобы завладеть наследством Мальборо, в том числе и безутешное горе женщины, потерявшей свою дочь. Я имею в виду, что наверняка мисс Брэдфорд не имеет никакого отношения к Дженнифер и Черчиллям вообще. Она просто убедила в этом женщину, которая, как и все матери, с радостью поверит в то, что её дочь жива. Как и все эти голодранцы, эта авантюристка легко умеет выдать желаемое за действительное, и её ничуть не смутило, что она просто использовала горе несчастной миссис Брэдфорд для достижения своих целей. Этот пират в юбке намеревается совершить ещё один налёт — на этот раз на имущество Мальборо, и, если не помешать ей, гнездо флибустьеров будет не на Тортуге и не в Порт-Ройале, а рядом с королевской резиденцией — в замке Мальборо на улице Пэлл-Мэлл. Поэтому долг каждого порядочного англичанина — помешать этим разбойным планам. Что касается баллады — возможно, это не так уж и плохо. Если она будет иметь тот же эффект, что и в деле Кидда — тем лучше. Пусть её воспримут как руководство к действию.

Редактор с восхищением глядел на своего патрона. Всего за несколько мгновений этот гениальный человек разработал план, который способен обратить поражение в блистательную и абсолютную победу. Болингброк встал из-за стола, довольно улыбнулся и потёр руки, мысленно представив себе виселицу на площади рядом с Тауэром.

— Ступай к себе, — величественно кивнув головой всё ещё насмерть перепуганному редактору, произнёс он, — но чтобы впредь подобных ошибок не было. Через несколько дней я пришлю к тебе в редакцию одного священника. У него бойкое перо, и он гораздо более проворный, чем твой Джон Слоу, который спит на ходу. Надеюсь, он улучшит репутацию моей газеты.

Незадачливый журналист, всё ещё опасаящийся, что его патрон может передумать, выбежал вон из комнаты и, стремглав миновав лестницу, холл и сад, оказался на улице. Вдохнув свежего весеннего воздуха, он возблагодарил Бога за то, что гнев виконта на этот раз, миновал его, и направился к себе. Тем временем удовлетворённый разработанным планом Болингброк приказал подать карету, чтобы попытаться убедить королеву вынести смертный приговор Арабелле Брэдфорд.

С утра в Кенсингтонском дворце состоялось закрытое заседание Королевского суда с участием Её Величества. Приглашены были и члены суда Адмиралтейского, разбиравшего дела, связанные с деятельностью английских пиратов и флибустьеров. Судьба наследства Черчиллей обсуждалась при закрытых дверях — никто из посторонних, в том числе и тщетно пытавшийся добиться высочайшей аудиенции Болингброк, не был допущен в королевские покои. Даже Джеймс Саунтон и Абигайль Мэшэм томились в ожидании, бесцельно прохаживаясь по коридорам и гадая, чью же сторону примет не склонная к решительным поступкам Анна. Время тянулось медленно, и даже предложенная Харли партия в покер не удалась — мысли игроков витали слишком далеко от карточного столика.

Чтобы снять напряжение, граф Оксфордский уже пропустил несколько стаканчиков виски, но алкоголь лишь излишне возбудил его нервы, и он с трудом сдерживал раздражение по поводу того, что едва не проиграл Саунтону. Но герцог Йоркский тоже был сам не свой. Он делал одну ошибку за другой, и вскоре поставленные на кон деньги плавно перетекли в кошелёк графа Оксфордского. Не желая продолжать игру, которая из-за отсутствия интереса партнёров постепенно превращалась в абсолютно бессмысленное времяпрепровождение, Саунтон встал со своего места и начал медленно прохаживаться по приёмной, бросая недовольные взгляды на безмолвно застывших у дверей солдат королевской гвардии. Наконец, из-за позолоченной двери появился мальчишка-писец, одетый в смешной камзолчик из синего бархата, придававший ему вид важного и вполне взрослого гнома. Вежливо поклонившись собравшейся высокой компании, он осторожно вышел в коридор и быстрой походкой направился вперёд, по пути справляясь о чём-то у проходивших мимо придворных. Не прошло и четверти часа, как мальчик вернулся назад в компании графа Солсбери и графа Вандомского.

— Не слишком ли много чести этим папистам? — недовольно скривил тонкие губы Саунтон при виде достойных джентльменов, так и не отказавшихся от принятой ими в годы правления Якова католической веры, — насколько мне известно, на заседание не допускают посторонних

— Господа Рейдингтон и Сесил были вызваны судом в качестве свидетелей, — с чувством исполненного долга парировал мальчик, внезапно осознавший своё, пусть даже временное, превосходство над всеми этими знатными вельможами, собравшимися в передней и не допущенными на процесс, в котором он играл свою маленькую роль.

Пропустив вперёд себя двух благоухавших мускусом стройных красавцев, мальчик оглянулся и отвесил Саунтону поклон, в котором почтительность сочеталась с плохо скрываемым оттенком лёгкой иронии. Не в силах больше сдерживать раздражение, герцог Йоркский приглушённо выругался. Вскоре оба графа, потупившись и не глядя на взирающую на них компанию королевских любимцев, покинули залу. Харли довольно улыбнулся — из всех его политических противников влияние сохранили лишь эти двое опытных интриганов. Но вот и они, кажется, находятся на грани падения — поддержка авантюристки из рода Мальборо стоила обоим королевской милости. Довольно переглянувшись друг с другом, Харли, Болингброк и оба фаворита уселись за столик. Но не успел Саунтон раздать карты, как позолоченные двери распахнулись. Процессия во главе с Анной, опиравшейся на руку почтительного, но гордого Оливера Уиллшоу, направилась по длинным коридорам к парадному выходу. Саунтон и Мэшэм бросились было вслед, но Анна величественным взглядом остановила обоих и, подобрав юбки, медленно спустилась по широким ступеням парадного выхода и направилась к карете. До оглашения приговора, которое должно было состояться в полдень в Мальборо-Хаусе, оставалось чуть более получаса.

На улице Пэлл-Мэлл снова теснили друг друга многочисленные раззолоченные экипажи. Блестящие дамы и изысканные господа толпились у входа в замок Черчиллей, стараясь не упустить момента прибытия Её Величества и членов суда. Придворных сплетников волновали, казалось бы, самые незначительные детали — с кем прибудет Анна, во что она будет одета, на чью руку она обопрётся по пути в зал. Любая мелочь в поведении монархини, словно стрелка на весах, указывала в ту сторону, в которую смещалась чаша королевской милости или высочайшего гнева. Наконец, карета с гербом Стюартов, покачиваясь и поскрипывая, медленно въехала во двор. Присутствующие почтительно

расступились, пропуская карету, которую уже встречали опередившие свою государыню фавориты. Последним пришлось пережить изрядную тряску — добраться до Вестминстера окольными путями, не встретив в пути королевский экипаж и не обгоняя его, можно было лишь по узеньким, размытым лондонскими дождями улочкам. Рядом с разряженным в пух и прах Саунтоном и изрядно уставшей от физического и нервного перенапряжения Мэшем расположился внушительный и дородный Болингброк, так и не успевший встретиться с Анной до оглашения приговора. Они с Харли пребывали в приподнятом настроении — дурное состояние духа защитников мисс Брэдфорд казалось им предвестником их собственной победы. Рядом почтительно склонились ещё сохранивший свой пост Шрусбери и уже отставленный, но не потерявший своего влияния бывший премьер Годольфин. Ни Сесила, ни Рейдингтона не было и в помине, и Харли это показалось весьма добрым знаком. Но вот дверца кареты распахнулась, и глазам придворных предстал Оливер Уиллшоу, почтительно склонившийся перед государыней. Та осторожно вышла из кареты, придерживая платье и стараясь не делать резких движений, причинявших ей мучительную боль. Будто ища кого-то глазами, королева на мгновение остановилась. Едва взглянув на недоумевающих Болингброка и Харли, она с лёгкой полуулыбкой кивнула невесть откуда появившемуся Солсбери. Красавец граф отвесил Анне изящный поклон и уверенно занял место по левую руку государыни, лёгким жестом оттеснив королевских фаворитов.

— Может быть, она хочет вернуть на престол своего брата? — недовольно пробормотал Саунтон, — слишком уж жалуется она сегодня этих интриганов-папистов

— Не говори глупостей, Джеймс, — одёрнул не в меру подозрительного фаворита величественный Харли, гордый полученным им постом лорда-казначея, — игра ещё не окончена, и ты прекрасно знаешь, кто в ней победит

Граф самодовольно ухмыльнулся

— В наших рядах пополнение, и скоро «Аналитик» будет громить всех этих Черчиллей, Солсбери и Рейдингтонов вместе взятых

— Разве Сесил и Рейдингтон поддерживают вигов? — с недоумением взглянула на своего покровителя Абигаиль

— Каждый поддерживает лишь свои интересы, — хитро улыбнулся Болингброк, обращаясь не столько к Мэшем, сколько к стоявшему рядом с ней Саунтону, — и не важно, с взглядами какой партии они совпадают в данный момент. Учти это, Джеймс, и ты тоже станешь опытным интриганом.

Тем временем процессия медленно направилась по вымощенному двору в парадную залу Мальборо-Хауса, где уже толпились те, кто не был удостоен высокой чести встречать королевский экипаж на улице. Происшедшее накануне событие взволновало всех. Многие видели в Арабелле новую Сару Черчилль — ведь в силу характера девушки сомневаться не приходилось. Только захочет ли королева, чтобы ещё одна герцогиня Мальборо появилась в её окружении? И неужели Джеймс Саунтон, герцог Йоркский, сыгравший не последнюю роль в отставке Сары, допустит возвышение новой фаворитки? А миссис Абигаиль Мэшем, вторая в истории женщина, удостоенная чести быть смотрительницей гардероба Её Величества — неужели она согласится с возможностью отойти на второй план — ведь без сомнения, Арабелла была достаточно умна и решительна, чтобы начать борьбу за влияние на королеву. Прошествовав по залу, Её Величество уверенно заняла своё место на приготовленном для неё кресле в центре зала. С утра Анна чувствовала себя из рук вон плохо, её сильно лихорадило, а всё тело болело так, что казалось, по нему маршем прошёлся

конный эскадрон. Мэшем не отходила от своей повелительницы, исполняя все её просьбы и капризы. Королева беспрестанно пила какие-то настои, которые подавала ей Абигайль. Герцог Йоркский стоял в стороне и дулся на весь свет, ревниво поглядывая на уверенно расположившегося рядом с Анной графа Солсбери. Появление наследницы Черчиллей, сразу же нашедшей при дворе весьма ловких покровителей, ударило, прежде всего, по его интересам. Неужели он всё-таки не получит титул герцога Мальборо — ведь здоровье королевы хуже день ото дня, а его положение становится всё более шатким. Абигайль, старавшаяся казаться спокойной, тоже нервничала. Она даже разбила хрустальный бокал с настоем, который собиралась подать Её величеству, и обругала неловкую горничную, не с той стороны подавшую ей поднос со злосчастным бокалом. Тучи над ближайшими приближёнными Её Величества сгущались. Многие придворные, вначале не желавшие победы Арабелле, теперь искренне сочувствовали бывшей пиратке хотя бы потому, что её появление досаждало несносной парочке фаворитов, возомнивших, что они правят в английском королевстве. Арабелла и миссис Брэдфорд стояли слева от стола, за которым сидел судья. Арабелла была в простом сером платье с небольшим декольте, миссис Брэдфорд — в бежевом открытом платье, украшенном жемчужной оторочкой. Зоркий взгляд бывшего флибустьера рассмотрел в самом дальнем углу зала знакомую фигуру Вольверстона. Рядом с ним стоял еле живой Уоллес. Он был всё также изящен и чем-то напоминал высокого блондина Саунтона, но во всём его облике чувствовалась растерянность и затаённая боль. Питт старательно прятал глаза, избегая смотреть в сторону Арабеллы. В голове его роились бесчисленные мысли, и все они пугали его. Квартирмейстер никак не мог смириться с мыслью, что его лучший друг, которому он полностью доверял и которому раскрыл все тайны своего сердца, оказался таким гнусным и подлым обманщиком. Всю ночь Вольверстон пытался объяснить ему, что Сильвер никак не мог раскрыть ему своё настоящее имя — ведь тогда он не смог бы оставаться капитаном пиратов. «Но ведь мы могли бы пожениться и вместе рыбачить или заниматься другим делом», — упрямо твердил он, «значит, она считает меня недостаточно знатным и не желает брака со мной». Он вспомнил, как Питер однажды сказал ему, что, лишь вернув себе утраченное имя, он сможет думать о том, чтобы найти достойную пару. «Значит, для неё моя любовь — ничто, и она никогда не посмотрит на меня», — снова и снова повторял он, — «я, сын рыбака, — всего лишь пыль у ног герцогини Мальборо. Ей нужны знатные и утончённые женихи, такие как этот Саунтон или даже Солсбери, а таким, как я, она может предложить работу конюха или дворецкого». Но ведь он подозревал, с самого начала подозревал. Во всём облике этого хрупкого изящного юноши сквозила какая-то неуловимая женственность, которую многие считали проявлением чересчур утончённого светского воспитания. Сильвер почти никогда не снимал камзола, и никому не позволял дотрагиваться до предметов своей одежды. Всегда запирая свою каюту, он лишь одному Вольверстону позволял беспрепятственно войти в неё в любое время суток и проводить ночи напролёт в компании своего капитана. Но почему он так и не решился поговорить с Сильвером? Сколько раз он был близок к тому, чтобы задать ему прямой вопрос, но каждый раз что-то останавливало его, не позволяя переступить границу. Если бы всё открылось тогда! Возможно, они до сих пор жили бы в маленьком домике на Тортуге и были бы счастливы тем безоблачным тихим счастьем, которое свойственно небогатым, но любящим супругам. Но нет, этого никогда не могло случиться. «Найти себе достойную пару», — эти слова, сказанные когда-то Питером, теперь звучали для Уоллеса как смертный приговор. Арабелла никогда не считала его достойным брака с ней. Именно поэтому она с

таким удовольствием предавалась беседам со всякими надутыми господами вроде графа Солсбери и ему подобных. Боль и обида раздирала грудь Питта Уоллеса, и квартирмейстер был безутешен. Напрасно Вольверстон делал всё, чтобы успокоить старого приятеля. «Ей наверняка милей этот расфуфыренный Джон Саунтон, герцог Йоркский, фаворит Её Величества. Пусть и выходит за него замуж — они будут достойной парой», — вновь и вновь повторял бывший квартирмейстер, не желавший слушать доводов товарища, которого теперь считал почти что предателем. Ещё бы — Вольверстон знал всё, и никогда не словом ни обмолвился о тайне мисс Брэдфорд. Мрачные мысли Питта прервал звук молоточка. Уиллшоу встал с места и торжественно произнёс:

— Дамы и господа! На совместном заседании Суда Её Величества и Адмиралтейского суда были рассмотрены показания всех без исключения свидетелей по делу наследства Черчиллей. Суд считает необходимым сообщить Вам следующие обстоятельства, имевшие значение при принятии окончательного решения о порядке наследования имущества Мальборо: Во-первых, после лишения всех прав Джона Черчилля и его потомков миссис Брэдфорд и её дочь являются единственными законными наследниками титула герцогов Мальборо и их состояния. Основанием для этого является решение парламента от 1706 года о возможности наследовании герцогства по женской линии. Во-вторых, пиратская деятельность мисс Брэдфорд была вызвана не злым умыслом, а той ситуацией, в которой оказалась эта юная леди благодаря корысти Мэнсона, вина которого уже была засвидетельствована ранее Адмиралтейским Судом. Мисс Арабелла Брэдфорд проявила мужество и храбрость, содействуя возврату захваченных испанцами Багамских островов, являющихся исконно английскими территориями. Именно ею осуществлена успешная операция захвата этих земель, после чего они были переданы во временное ведение господина Блэкстоуна и господина Блада. За время пиратства мисс Брэдфорд лично освободила из испанского плена более десяти знатных подданных Её Величества, многие из которых находятся в этом зале. Мисс Брэдфорд не замешана ни в захвате судов, принадлежавших Её Величеству, ни в убийстве Её подданных. Таким образом, суд не считает возможным вменить в вину мисс Брэдфорд её пиратскую деятельность. Суд считает необходимым вознаградить её за то, что она, будучи вынуждена заниматься морским разбоем, осталась преданной слугой Её Величества и защищала английские интересы в Новом Свете. Таким образом, суд выносит следующее заключение, согласованное с парламентом и лично Её Величеством, следующее:

— Миссис Брэдфорд и мисс Брэдфорд считаются законными наследниками рода герцогов Мальборо, поэтому с сегодняшнего дня миссис Брэдфорд может именоваться герцогиней Мальборо, а мисс Брэдфорд — наследной герцогиней Мальборо.

— В соответствии с решением Парламента от 1706 года все рождённые в законном браке дети мисс Брэдфорд, независимо от того, кто будет её супругом, имеют право на титулы и наследство герцогов Мальборо в порядке, соответствующем общепринятым нормам, т. е. по мужской линии. Наследование по женской линии разрешается лишь в случаях, если у мисс Брэдфорд не будет наследников мужского пола.

Людское море, словно устав от необходимости соблюдать тишину, снова зашумело и забурило. Все обсуждали произошедшее. На Арабеллу были устремлены взгляды более сотни людей. Кто-то смотрел на неё с завистью, кто-то — с неподдельным восхищением, кто-то — с откровенной неприязнью. Она взглянула в конец зала, по привычке ища глазами Вольверстона и Питта. Но их уже не было — едва услышав решение судьи, Вольверстон

посчитал, что самое лучшее — как можно скорее вернуться на корабль. «Надо устроить судьбу моих людей», — подумала девушка, — «ведь они были со мной целых четыре года. Если бы не они, я не могла бы стоять сейчас в этом зале», — и она приняла твёрдое решение сегодня же выехать в Дувр.

Глава 7. Прощание капитана Сильвера

Акт о вступлении миссис Брэдфорд и мисс Брэдфорд в наследство герцогов Мальборо был подписан сразу же после оглашения приговора суда. Герцог Йоркский недовольно морщился и был в дурном расположении духа. Королева была спокойна, но во взгляде её чувствовалась затаённая неприязнь к молодой девушке, так неожиданно похитившей имущество, которое, казалось бы, уже принадлежало короне.

— Мисс Арабелла, — с ноткой недовольства в голосе обратилась она, когда в зале остались лишь королевские приближённые, — Вы теперь наследная герцогиня Мальборо, и должны находиться при дворе. Поэтому с этого дня я желаю Вас видеть среди своего окружения. Пока не могу предложить Вам оплачиваемой должности, но я не думаю, Вы в этом нуждаетесь.

— Повинуюсь, Ваше Величество, — Арабелла взглянула на королеву и присела в реверансе, — но позвольте мне отлучиться всего на один день, чтобы уладить дела.

— Какие могут быть дела у герцогини Мальборо вне королевского двора? — нахмурила брови Анна

— Ваше Величество, я прибыла в Англию на своих кораблях и со своими людьми. После моего вступления в права наследства я перестану быть их капитаном. Мне необходимо решить их судьбу, чтобы им не пришлось возвращаться к морскому разбою. Разве это не в интересах Вашего Величества?

Арабелла взглянула на величественную и неподвижную Анну. На губах девушки мелькнула едва заметная хитрая улыбка.

— Ты хорошо осведомлена о политике, Арабелла. Твои люди должны избрать сугубо мирные занятия. Адмиралтейский суд уже оправдал тебя, и людей твоих я тоже преследовать не собираюсь. Считай, что все вы получили нашу высочайшую амнистию. Но помни — если кто-нибудь из них вернётся к пиратству, то пусть не ждуг от меня пощады — я расправлюсь с ними не менее жестоко, чем с Киддом.

— Понимаю, Ваше Величество. Именно об этом я и собираюсь с ними говорить. Мне хотелось бы предложить им заняться исключительно мирными делами. Поэтому прошу Вас, разрешите мне удалиться немедленно.

— Хорошо, — недовольно произнесла королева, кивнув девушке на прощание. Опершись на руку герцога Йоркского, она направилась к выходу в сопровождении Абигаиль, Харли и Болингброка.

Обрадованная Арабелла, которая теперь думала лишь об устройстве судьбы своих людей, отдала слуге распоряжение оседлать лучшего коня и почти бегом взлетела вверх по лестнице. Вернувшись в свои комнаты, она вновь взглянула на себя в зеркало и переоделась в мужской костюм. «Прощай, капитан Сильвер», — подумала она, — «сейчас ты последний раз встретишься с командой и устроишь их судьбу». Обняв мать, она быстро сбежала вниз по широким ступенькам и через несколько мгновений уже была во дворе, где её уже ждал вороной скакун, сопровождавший герцога Джона Мальбора в самых отчаянных фронтовых переделках. Вскочив в седло, девушка вихрем понеслась по Пэлл-Мэлл. Миновав Вестминстер, она свернула на юг и вскоре уже мчалась по лесной дороге, соединявшей Лондон и Дувр. Через несколько часов на горизонте замаячили очертания городских зданий. На палубе «Арабеллы» девушку встретил Вольверстон. На несколько мгновений ей

почудилось, что ничего особенного не произошло — просто капитан Сильвер заехал в Дувр, чтобы заняться мирной торговлей. Но настороженный взгляд старого морского волка напомнил ей о вчерашнем происшествии.

— Питт в капитанской каюте, — вполголоса произнёс он, — Он напился с вечера и сейчас спит.

— Не буди его, — столь же тихо произнесла Арабелла, — Так будет лучше для всех. Собери команду.

— Офицеров?

— Нет, всех. Вопрос слишком важен, ведь каждый должен решить свою судьбу.

Арабелла в последний раз стояла на палубе и смотрела на расстилавшееся перед ней море, на невысокие, будто ручные, волны, лизавшие борт галеона. Теперь она уже никогда не почувствует качки, не услышит, как в шторм ветер свистит в ушах, снасти скрипят, а судно, словно лёгкую скорлупку, бросает из стороны в сторону. Никогда больше не будет она держать в руках ни саблю, ни абордажный крюк. «Прощай, прежняя жизнь. Ты дала мне много хорошего. Надеюсь, новая будет не так уж плоха», — подумала девушка и вновь взглянула на палубу. Там уже собиралась команда. Люди вполголоса переговаривались между собой, чувствуя, что сейчас произойдёт что-то важное. Немногим менее полутора тысяч людей, собравшихся на одном из кораблей, пришвартованных в гавани Дувра, привлекли внимание таможенных служб и полиции. Поднявшись на палубу, эти достойные господа любезно поинтересовались причиной столь многолюдного сборища. Но акт о вступлении в права наследства миссис и мисс Брэдфорд, подкреплённый весьма щедрыми дарами капитана, успокоил даже самые подозрительные чиновничьи умы. Тем более, что на борту каждого корабля было нанесено имя его владелицы — миссис Брэдфорд. Когда таможенники и полиция покинули судно, столпившиеся на палубе люди оживлённо зашумели, ожидая, что скажет им Сильвер. Многие из них чувствовали неладное — после визита в Испанию капитан изменился. Прежде весёлый и общительный, с мальчишеским озорством ввязывавшийся в рискованные предприятия, он стал задумчив и замкнут, проводя долгие часы в одиночестве в своей каюте, и не допуская к себе никого, кроме Вольверстона. Многим казалось, что он готовился к каким-то важным переменам в своей жизни. Осознавая, что между появлением миссис Брэдфорд и тем, что произошло с капитаном, существует некая таинственная связь, они, тем не менее, никак не могли понять, что за дело их капитану до наследства каких-то Мальборо. И вот Питер снова стоял перед ними, но на этот раз лицо его казалось растерянным..

— Что случилось, Питер? — прервал молчание Крисперс. — Что с тобой, объясни нам наконец-то.

— Я наследую титул герцогов Мальборо и их имущество, — голос Питера, поначалу слегка дрожавший, постепенно обретал былую уверенность. — Я не смогу быть вашим капитаном и предлагаю новый договор, согласно которому каждый из вас обеспечит своё будущее

Закончив фразу, Арабелла облегчённо вздохнула. Сейчас они заключат договор, а тайна... Это ещё подождёт. Но радость оказалась преждевременной. Люди на палубе возмущённо загудели.

— А что случилось с Арабеллой? Почему она не наследует титул?

— Она — наследная герцогиня Мальборо

— Значит, ты женишься на ней! Ты предал Уоллеса! — отовсюду слышались

возмущённые голоса пиратов.

— Нет, я никого не предавал. Арабелла, если пожелает, выйдет замуж за Уоллеса, — спокойно сказала она тоном, не допускавшим никаких возражений. Уверенность постепенно возвращалась.

— Что ты сделал с Уоллесом? Мы никогда его не видели пьяным? — выкрикнули сразу несколько гневных голосов

— Уоллес встретил Арабеллу, но он не ожидал, что она так сильно изменилась, — спокойно улыбнулась она. — Лучше поговорим о деле.

Арабелла не собиралась рассказывать свою историю до заключения договора, ведь узнав, что она — женщина, многие из них могут отказаться от ведения совместных дел.

— Мы не желаем говорить о деле с человеком, который предал своего лучшего друга, — возмутился Крисперс. — Мы не будем ничего обсуждать, пока ты не расскажешь нам всё. Ты учил нас законам чести, и мы не допустим, чтобы ты же их и нарушил. Мы требуем от тебя объяснений.

— Я всё вам расскажу, но только после того, как мы обсудим договор, — твёрдо произнесла Арабелла, глядя в глаза своему оппоненту, гордо вскинувшему голову и скрестившему руки на груди. Вокруг шкипера собрались его самые верные сторонники.

— Никакого договора, пока ты всё не объяснишь, — возмущённые голоса пиратов звучали громче и громче.

— Это бунт? — Арабелла гневно взглянула на своих людей. Но те уже окружили её плотным кольцом

— Да, Сильвер, если хочешь — это бунт, — выкрикнул Крисперс. — Мы рисковали жизнью из-за тебя и из-за этой девчонки, а ты, оказывается, хотел устроить свою жизнь. Команда не верит тебе — всё, что ты говорил нам с того момента, как на судне появилась миссис Брэдфорд — ложь.

«Да, пожалуй, они правы» — Арабелла усмехнулась и взглянула на сгрудившихся вокруг неё разъярённых мужчин, — «я всегда говорила, что предателям не место на моих кораблях, а теперь я сама выступаю в роли предателя. Надо им всё объяснить, а потом — будь что будет».

— Ладно. Ваша взяла, — спокойно произнесла она, откинувшись назад и прислонившись спиной к фальшборту. — Слушайте. Но вначале я хотел бы задать вам несколько вопросов.

— Вопросы задаём мы, капитан. Где Арабелла? Покажи её нам. Почему ты стал герцогом Мальборо? Кого ты предал?

Возмущению людей не было предела. Кричали повсюду, и полицейские чиновники вновь подступили к галеону, устремив на его палубу недоверчивые взгляды. Но девушка, повернувшись к ним, спокойно помахала им рукой и крикнула:

— Всё в порядке, господа

Те, постояв немного, отошли назад, всё ещё не выпуская мятежного галеона из поля зрения.

— Успокойтесь, друзья, — Арабелла невозмутимо взглянула прямо в глаза Криспесу и улыбнулась, как в былые времена, скрестив на груди руки. — Иди сюда, Нэд. Ты подтвердишь всё, что я скажу.

— Не темни, капитан. Выкладывай! Всю правду. — Крисперс с трудом сдерживался, чтобы не наброситься на неё с кулаками.

— Так вот..., - девушка перевела дух. — Питер Сильвер и Арабелла Брэдфорд — это один и тот же человек.

— Врёшь, предатель!

— Не может этого быть!

— Ты готов на что угодно, даже девкой прикинуться, лишь бы заполучить денежки!

— Скажи, Нэд, это правда?

— Да, парни, — промолвил Вольверстон. — Я знал это с самого начала, но... Вы понимаете, я не мог выдать её. Я знал её с детства, с тех самых дней, когда она лазала по вантам на моём фрегате.

Пираты словно остолбенели. Люди молчали, тщетно пытаясь осознать произошедшее на палубе.

— Именно поэтому я наследую титул Мальборо, и именно поэтому Питт Уоллес так потрясён. Он не ожидал, что Арабелла — это я.

— Ну ты даёшь, капитан, врать, — пираты вновь зашумели. Повсюду слышались удивлённые голоса.

— Значит, нами всё это время командовала женщина? — прервал молчание Хэндс

— Вами командовал человек, который знал, как управлять судном и вести бой, — уверенно произнесла Арабелла, — А женщина он или мужчина — в данном случае было неважно. Не думаю, что вам есть на что жаловаться — каждый из вас заработал намного больше, чем те, кто выходил в море под началом капитанов-мужчин.

Пошумев немного, моряки утихли. Последний довод был более чем веским, и команды, вспомнив, наконец, о том, что им необходимо решить, как распорядиться своим имуществом, вновь обратили свои взоры на своего капитана. Арабелла по-прежнему стояла, прислонившись спиной к фальшборту, но в её глазах уже не было и тени сомнения. Она прекрасно знала, что хочет предложить своим людям, и не сомневалась, что её предложение будет принято.

— Теперь — к делу, — уверенно произнесла она, — Обсудим, наконец, новый договор.

План, изложенный Арабеллой, предусматривал создание нескольких предприятий под патронажем мисс Брэдфорд. Каждый член команды, от юнги до капитана, получал в них свою долю в соответствии с той частью общей прибыли, которая была получена им с момента вступления в состав эскадры. Арабелла планировала покупку верфей для строительства кораблей, создание нескольких торговых компаний и сети постоянных дворов в Лондоне, Дувре и других городах.

— Каждый получит свою долю в предприятиях, и, помимо своего основного дохода, будет получать определённую часть общей прибыли. Это поможет застраховаться от возможных потерь. Я уже присмотрела несколько верфей, которые мы могли бы купить. Мы будем делать то, что хорошо умеем — строить корабли, закупать товар в Новом Свете и Индии и перевозить его в Англию, где наши торговые компании будут его продавать. Таким образом, мы будем контролировать все этапы, начиная от закупки и кончая продажей. Сеть кофеен, таверн и постоянных дворов поможет сбывать излишки кофе, рома и табака. У нас мало времени, и каждый должен решить, подпишет ли он договор или нет, и чем он будет заниматься.

Команда загудела. Предложение было заманчиво и гарантировало стабильный доход каждому участнику. Наконец, слово взял Уоррен Крисперс:

— Мы согласны. Думаю, мы с Шейном займёмся верфями, — бывший шкипер, который

в последний год уже был капитаном, лучше всех разбирался в судостроении и всегда руководил ремонтными работами.

Матросы и офицеры оживились — каждому хотелось найти себе дело по душе, и через несколько часов новый договор был подписан с каждым из бывших пиратов. Ещё два дня прошли в делах — создание торговых компаний, покупка верфей, постоянных дворов и питейных заведений. Она сопровождала новых владельцев и помогала им в переговорах, давая советы по ведению дел. К вечеру третьего дня шумная команда вновь собралась на палубе «Мисс Арабеллы Брэдфорд».

— Мне надо ехать, — девушка с нежностью посмотрела на каждого из моряков, — за эти четыре года мы стали одной семьёй. Но и сейчас мы будем вместе. Будем делать общее дело. Вы всегда можете обращаться ко мне за помощью в делах, а встречи проводить раз в полгода. К этому времени готовьте отчёты о делах и о прибылях. Тогда же будем делить излишки. Как видите, господа, всё будет честно — по законам «берегового братства». А где Уоллес? — будто вспомнив о чём-то, спросила она.

— Он сейчас выйдет, — проворчал Вольверстон, — этот пьяница наконец-то пришёл в себя

Старик не одобрял поведения друга, и всеми силами пытался отговорить его от попытки залить горе английским джином и ямайским ромом.

Наконец на палубе, покачиваясь, появился Питт. На его камзоле виднелись пятна пролитого рома, волосы были спутаны, а на лбу красовался крупный синяк — изрядно перебравший квартирмейстер ударился головой о скамью.

— Так значит, ты меня всё время обманывал, Сильвер? — с горечью в голосе произнёс он, взглянув на девушку, стоявшую на палубе и с жалостью взиравшую на бывшего товарища. Словно повинуюсь чьему-то приказу, матросы вдруг умолкли, и в воздухе повисла звенящая тишина.

— Только немного, — Арабелла ласково улыбнулась квартирмейстеру, — не сердись, Питт. Прости меня, пожалуйста. Помни — все мои обещания остаются в силе. Питер Сильвер не меняет своих решений.

— Нет, Арабелла, — с горечью вздохнул квартирмейстер, и в серых глазах мелькнула боль, — ты была женщиной и не знала светской жизни. Теперь ты уже не Питер Сильвер, а герцогиня Мальборо, придворная дама Её Величества. Тебя окружают блестящие кавалеры, которые могут тебе понравиться. Что я по сравнению с ними? Ты свободна от данного слова.

— А я считаю, что старый друг всегда лучше, и поэтому предпочитаю тебя всем остальным

Девушка попыталась успокоить товарища, но в глубине души её затаилось сомнение.

— Вот именно, Арабелла, друг, старый друг, — с горечью произнёс расстроенный Питт. я всегда был для тебя только другом, и как твой лучший друг считаю нужным дать тебе свободу. Прощай. Я подпишу договор. Лучше уж выходить в море, так я буду меньше думать о тебе.

— До свидания, Питт, и всё-таки помни — я не меняю своих решений

голос Арабеллы звучал твёрдо, но во взгляде её Уоллесу вновь почудилось сомнение. Он вздохнул и вновь поплёлся к себе в каюту, проклиная свою несчастную судьбу. Девушка распрощалась с командой и вскочила в седло.

Глава 8 Старые друзья

Арабелла скакала во весь опор, и её сердце радостно билось. Свежий ветер шумел в ушах, и она ещё сильнее прищипривала несчастного чёрного жеребца, которому досталась нелёгкая судьба носить на себе вчерашнего флибустьера. Она — наследная герцогиня Мальборо, и она только что устроила будущее своей команды. Теперь никому из них не придётся бедствовать, да и сама она будет получать неплохую прибыль, не зависящую от милости королевы. Она свободна и, если ей не понравится придворная жизнь, сможет покинуть Кенсингтон. Заехав в свой замок лишь для того, чтобы переодеться, она тотчас же направилась во дворец.

Выйдя из кареты и миновав посты у ворот, она тотчас же заметила Солсбери. Его долговязая фигура маячила на извилистой тропинке за оранжереей. Увидев входящую в ворота Арабеллу, он лёгкой походкой приблизился к ней и поклонился, подметая плюмажем каменные плиты и без того ухоженной дорожки.

— Как дела, капитан? До сих пор не могу привыкнуть, что мой старый приятель Сильвер превратился в столь обворожительную юную леди.

Арабелла улыбнулась. Она отчётливо представляла себе чувство собеседника, и это забавляло её. «Интересно, как бы воспринял моё перевоплощение Монтенон», — подумала она, — «надо будет послать ему весточку».

— Замечательно, граф, — ответила девушка. — Я только что устроила судьбу команды. Никто не остался в обиде.

— Вами интересовалась королева, — граф заметил это будто между делом, но во взгляде его мелькнула тревога. — Она несколько раз спрашивала меня, почему моя протеже так долго отсутствует при дворе.

Арабелла с недоумением взглянула на Солсбери. Она ещё не привыкла к дворцовым порядкам, поэтому ей трудно было представить, как много зависит от внезапных перемен настроения или самочувствия монарха.

— Что Вы ответили?

— Разумеется, я поддержал Вас. Я объяснил, что Вы должны уладить старые дела. Анна и представить не могла, что в Вашей команде более тысячи человек. Она согласилась, что устройство судьбы этих людей требует времени, но выразила недовольство, что Вы задержались в Дувре.

Светский лев слегка поклонился девушке, предложив ей руку. Завитые и припудренные локоны русого парика источали приятный аромат мускуса. Арабелла оперлась на благоухающую руку графа и они, миновав оранжерею, направились по вымощенной цветными камнями тропинке. Арабелла с интересом рассматривала лужайку, клумбы, недавно выстроенную оранжерею и сам дворец — трёхэтажное здание из красного кирпича, украшенное колоннами. Каким странным оказалось её первое появление при дворе! Прошлое ушло в небытие, будущее было туманно и призрачно, а единственными близкими людьми при дворе были случайные знакомые — граф Солсбери и граф Вандомский. Лучшая подруга королевы Анны, тётушка Сара была в изгнании, да и сама она едва избежала обвинений со стороны Адмиралтейского суда, лишь чудом получив наследство, на которое имела законное право.

— Немедленно принесу Её Величеству извинения, — рассеянно произнесла

Арабелла. — Я прибыла сюда именно с этой целью. Кстати, граф, не могли бы Вы просветить меня в отношении здешних правил, ведь я ничего не смыслю в придворной жизни.

Солсбери с недоумением глядел на свою спутницу. Перед ним было всё то же лицо, те же глаза — синие, с лукавинкой. Те же, что и тогда, в Панаме. И вот теперь вместо камзола — платье из алого бархата, а кудри до плеч сменила высокая причёска.

— Нет ничего такого, чему не мог бы выучиться капитан Сильвер, — улыбнулся граф, вновь вспомнив их беседу на «Арабелле». — Мы с Рейдингтоном всё Вам расскажем. Если Вы не против провести вечер с двумя старыми холостяками, то мы с удовольствием заглянем к Вам на Пэлл-Мэлл. Заодно осмотрим замок и познакомимся с Вашей матушкой. Надеюсь, она не будет против?

— Рады будем Вас видеть, — улыбнулась Арабелла, — не думаю, чтобы Её Величество нуждалась во мне вечером.

— Вам стоит побеседовать с Элен, — добавил граф. — Она расскажет Вам о современной моде. Вы придворная дама, и надо следовать её новейшим веяниям. Кстати, я слышал, после Вашего появления в Лондоне кенсингтонские кокетки изобрели новую причёску. Она называется «фрегат» и представляет собой корабль из волос и лент, который крепится на голове при помощи шпилек и клея. Не очень удобно, конечно, но зато красиво и в духе времени.

— Не думаю, что мне пойдёт подобная причёска, — пожала плечами Арабелла. — С ней наверняка трудно двигаться. Да и я не претендую на то, чтобы быть первой красавицей двора

— Вы себя недооцениваете, — заметил Солсбери, окинув девушку взглядом опытного придворного. — У Вас на это есть все шансы. Поверьте, это не комплимент, а чистая правда. Для меня Вы всегда останетесь старым приятелем Питером Сильвером, с которым мне не нужны светские условности. Надеюсь, что Вы не против некоторой вольности наших отношений?

— Разумеется, граф, — Арабелла вновь улыбнулась, — мы старые друзья, и мне тоже хотелось бы общаться с Вами просто, по-приятельски.

— Спасибо, — добавил Солсбери и неожиданно рассмеялся. — Моя Элен была поражена Вашим внезапным превращением ещё более, нежели я сам. Она будет рада Вас видеть — Вы спасли её от большой беды.

— Надеюсь, она тоже навестит меня, когда пожелает. Мне нужны её советы — я не разбираюсь в современной моде.

— Вы приглашены на королевскую охоту?

— Пока нет

— Надеюсь, Вы будете приглашены сегодня. Но учтите — Её Величество проявляет к Вам особый интерес. Не о каждом придворном она спрашивает по нескольку раз в день. Вам придётся уделять ей много внимания. Её очень гнетёт расставание с Сарой, а её нынешние фавориты — не те, кто ей нужен в действительности.

Они уже вошли во дворец, и Арабелла с изумлением взидала на бесчисленные коридоры, по которым взад и вперёд ходили нарядно одетые люди. В памяти всплыли богато обставленные дворцы президента Панамы и губернатора Пуэрто-Бельо. Конечно, они не отличались таким великолепием, да и её появление в их коридорах не требовало соблюдения правил этикета.

— Что с Вами, капитан?

— Думаю, где найти Её Величество.

Солсбери подробно объяснил ей, где находятся королевские покои, быстро распрощался и тут же исчез, словно растворившись в бесконечной череде дверей и переходов.

Арабелла проследовала по длинному коридору в сторону, которую указал ей Солсбери. Бросив беглый взгляд на прогуливающихся дам, она поняла, что её туалет не сильно отстаёт от моды. Полностью удовлетворённая своим внешним видом, она сообщила камердинеру о своём прибытии к королеве. Тот быстро исчез за позолоченной дверью и столь же быстро появился вновь.

— Её Величество ждёт Вас, герцогиня.

Дверь отворилась. Арабелла с изумлением взглянула на пустое кресло. Рядом с ним стоял письменный стол, на котором в беспорядке были разбросаны какие-то бумаги.

Девушка остановилась на пороге

— Добро пожаловать в Кенсингтон, герцогиня, — голос королевы, раздавшийся почти у неё над ухом, заставил девушку вздрогнуть и обернуться

Анна полулежала на тахте, у камина, укрывшись тёплым одеялом. Арабелла обернулась и склонилась перед ней в глубоком реверансе.

— Здравствуйте, Ваше Величество

Королева была бледна. Во всяком случае, именно так показалось Арабелле, хотя любой другой придворный нашёл бы, что она выглядит лучше, чем обычно. В худшие дни на её щеках и груди разгорался болезненный румянец.

— Вы долго отсутствовали, герцогиня, — поджав губы, произнесла она. — Надеюсь, это больше не повторится. Я не желаю, чтобы Вы покидали двор более чем на день.

— Простите меня, Ваше Величество

— Я знаю, что ты была занята важным делом, Арабелла, и я довольна, что твои люди найдут себя в новой жизни. Но теперь, надеюсь, что мы будем неразлучны.

Анна нахмурила густые брови и метнула взор на плотную шёлковую занавеску, прикрывающую окно в опочивальне.

— Завтра мы выезжаем на охоту, дорогая. Надеюсь, Вы будете сопровождать меня.

— Разумеется, Ваше Величество.

Арабелла быстро, из-под полуопущенных ресниц, взглянула на занавеску. На мгновение ей почудилось, что за ней что-то слегка шевельнулось, и это не было движением проникающего ветра. Девушка вспомнила свой разговор с Солсбери. Может быть, тот интерес, который испытывает к ней Её Величество, вызван всего лишь желанием вернуть наследство Мальборо? Необходимо быть внимательной и осторожной. Здесь ещё более опасно, чем на Тортуге — вооружённый кинжалом или ядом враг может ждать за любым поворотом. В памяти Арабеллы возникло лицо Саунтона, искажавшееся недовольной гримасой при каждом её появлении. Наверняка этот избалованный юноша лелеет какие-то планы, ведь он уже считал Мальборо-Хаус своей законной резиденцией! Вновь бросив быстрый взор на золотистую занавеску, Арабелла окончательно удостоверилась в том, что в комнате незримо присутствует молчаливый свидетель. Но кто он? Наверняка или Саунтон, или кто-нибудь из его людей.

Анна же возлежала на диване в прежней позе и, видимо, не догадывалась о подозрениях своей собеседницы.

— Можешь удалиться. Ты свободна. Жду тебя завтра на охоте.

Едва Арабелла покинула королевские покои, как из-за занавеси, словно оживший призрак, возник Саунтон.

— Только взгляни на неё, — кивнула ему Анна. — Гордячка, самая настоящая гордячка. Надеюсь, ты научишь её хорошим манерам.

Лицо юного герцога исказила недобрая усмешка.

— Надеюсь, мне удастся прибрать к рукам имущество Мальборо.

Анна устало кивнула фавориту

— Посмотрим, друг мой, жизнь покажет. Лучше займёмся делами. Необходимо обсудить переговоры с французским послом

Саунтон брезгливым жестом взял с письменного стола бумаги и уселся рядом с возлюбленной. Он явно не был склонен заниматься государственными делами, и вскоре речи собеседников прервал смех. Рассказанная герцогом история из жизни фрейлин заставила её забыть и о французском после, и об отношениях между великими державами.

Вечером в Мальборо-Хаус прибыли два всадника. Бросив поводья привратнику, они быстро направились к дому.

— Как прикажете доложить? — спросил их камердинер.

— Граф Солсбери и граф Вандомский, — ответили мужчины, — герцогиня ждёт нас к ужину.

Не успел слуга отворить дверь, как на крыльце появилась Арабелла.

— Здравствуйте, господа,

— Приветствуем Вас, капитан,

Оба графа, не сговариваясь, одновременно произнесли эти слова, после чего все трое весело и непринуждённо рассмеялись.

Удивлённый слуга с недоумением взирал на то, как знатные господа, вопреки всем требованиям светского этикета, дружески обняли герцогиню за талию и направились в замок. Арабелла же вдруг остро ощутила тоску по старым друзьям. Как ей не хватало сейчас Вольверстона, чудака Хэндса, яростного спорщика Крисперса и, разумеется, её второго «я» — Питта Уоллеса, которому так трудно сейчас пережить её внезапное возвращение к жизни и уход в небытие лучшего друга Сильвера. А ведь когда-то её укоряли за то, что она слишком много внимание уделяет Солсбери! Кто бы мог подумать, что всего через год с небольшим граф станет для неё почти единственным другом и близким человеком в чуждом ей мире Кенсингтонского дворца. В том мире, где рядом с ней не будет ни Вольверстона, ни Уоллеса, ни Крисперса, ни других членов её команды, ставших для неё настоящими братьями.

— Рады Вас видеть, миссис Брэдфорд, — увидев спускающуюся по лестнице герцогиню, мужчины учтиво приветствовали её и приступили к осмотру дворца. Дженнифер была счастлива — оба графа не только оценили его убранство, но и высказали искреннее сожаление несправедливой отставкой четы прежних Мальборо, без которых, по их словам, королевство осиротело. Вскоре оба гостя уже сидели в библиотеке, за за чашечкой кофе с печеньем и бутылкой ямайского рома.

— Как чувствуете себя в роли герцогини Мальборо, капитан? — поинтересовался Рейдингтон. В его памяти вновь и вновь всплывал юный головорез, прямо на его глазах лишивший жизни с десятков вооружённых рубак и при этом не получивший ни единой царапины. Напористость и точность движений, отличное знание тактики фехтовального искусства и безрассудная храбрость капитана флибустьеров никак не вязалась с нынешним

обликом его старого знакомого.

— Постепенно приспосабливаюсь, — хитро улыбнулась девушка, понимаясь взглянув на собеседника, — привыкаю ходить в дамском платье по твёрдой земле и ездить в позолоченных экипажах. Думаю, самые главные трудности впереди — теперь я не смогу защищать честь на поединке.

— Где же Вы, всё-таки, лучше себя чувствуете — во дворце или на палубе?

— В Новом Свете всё было ясно, и я была на своём месте. Здесь всё ново и непривычно, но я рада, что мне удалось получить моё имущество и привезти в Англию мою мать,

Девушка вдруг задумалась. Перед глазами, словно в калейдоскопе, пронеслись события недавнего прошлого. Беседы с Хэндсом, грохот пушечной канонады, и вспышки огня в ночной темноте, отчаянное желание во что бы то ни стало победить и всё чаще появлявшееся в её душе ощущение бесцельности и бессмысленности всего этого.

— Мне нравилось сражаться и побеждать, но я не хотела бы всю жизнь заниматься морским разбоем. Я много думала об этом там, на Тортуге. Иногда мне становилось страшно. Я понимала, что там, куда шли мои люди, происходило то же, что и у нас в Нассау. Но я могла лишь ограничить это рамками жёсткого договора. Порою мне хотелось покончить с этим, но я не представляла себе, как смогу жить по-другому. Особенно часто я размышляла об этом в последний год. Будто предчувствовала, что в моей жизни произойдут перемены.

Арабелла отвернулась к окну, но Солсбери успел заметить, что в глазах бывшего флибустьера мелькнула слеза.

— Чем собираетесь заниматься, капитан? — попытался он успокоить старого друга.

Минута слабости прошла, и взгляд девушки уже вновь был спокоен и ясен.

— Я вложила средства в строительство верфей, морские перевозки и несколько других проектов. В моей корпорации участвуют все мои бывшие соратники — от капитанов до юнг. Надеюсь, это принесёт нам неплохой доход.

— Вы молодец, — улыбнулся ей Солсбери, — не теряете времени зря. Немногие знатные господа столь же предприимчивы и при этом честны со своими людьми.

— Как Вам жизнь при дворе? — поинтересовался Рейдингтон

— Да вот, пока не разобрала, в чём будут состоять мои обязанности, и что вообще представляет собой придворная жизнь

— Ничего особенного, — на лице Солсбери мелькнула ироничная улыбка. — Все делают то, что хочет Её Величество. Но самое большое искусство для придворного — угадать, что именно королева пожелает через несколько минут, а затем оказаться первым, кто преподнесёт ей долгожданный подарок. Но, если серьёзно, капитан, главное здесь — то же, что и на Тортуге — остаться человеком. Карабкаясь вверх по придворной лестнице, помнить о старых друзьях и не опускаться до предательства. Об этом забывают многие, поэтому не Вам стоит доверять людям, которые будут с Вами слишком любезны.

— Что нравится королеве? — поинтересовалась Арабелла

— Она очень любит болеть, — вздохнул граф. Он Светский щёголь, вытянув к камину длинные ноги, с удовольствием потягивая ямайский ром. — Она действительно сильно страдает, поэтому её надо утешать. Когда королеве лучше, она ездит на охоту, беседует о политике, музыке, литературе. Иногда, как все женщины, любит посплетничать.

— Какую роль играют при дворе фавориты?

— Они утешают и развлекают её, — вздохнул Рейдингтон. — Очень жаль, но после

отставки Черчиллей возле неё нет ни одного человека, который дал бы ей дельный совет. Каждый из фаворитов преследует свои интересы, не думая о благах государства.

— Чем занимаются фрейлины?

— Да так. Ничем особенным. Главное — следовать тенденциям моды, быть ближе к королеве и вовремя оказать ей ту услугу, которая в будущем ей необходима. К счастью, наша королева не так склонна к бурным развлечениям и путешествиям, как Людовик в дни своей молодости. Придворные могут наслаждаться покоем Кенсингтонского дворца и не думать о том, что им предстоит ночевать где-нибудь на сеновале.

Граф прищурился и хитро взглянул на Арабеллу

— Кстати, капитан, скоро к Её Величеству прибудет новый посол короля Людовика. Это некий граф де Пуанси. Я немного знаю его и могу представить Вас ему и его супруге.

— Спасибо, граф. Но как Вы думаете, чем мне предстоит заниматься? Королева сказала, что хочет видеть меня рядом с собой, но при этом не может дать мне какой-либо должности.

— Думаю, Вам не следует воспринимать это всерьёз, — заметил Рейдингтон. — Отсутствие постоянной должности не означает свободу. Считайте, что она хочет видеть Вас постоянно, не отпуская от себя ни на минуту. После смерти Георга и отставки прежних Мальборо королеву мучает чувство одиночества, которое не могут скрасить её нынешние фавориты. Они слишком мелкие личности, чтобы заменить ей Сару и Джона. Баронесса Мэшэм не слишком умна и не способна дать дельных советов, да и обсуждать с ней, в общем-то. Герцог молод и хорош для любовных забав, но смыслит лишь в собственных туалетах. Она пытается найти новых советчиков, надеясь, прежде всего, на Болингброка, Харли и Шрусбери, но и они не могут сравниться с четой Мальборо. Именно поэтому она так заинтересовалась Вами — Вы умны, решительны, обладаете сильным характером и обширными познаниями в различных областях. Так что считайте, что немного усилий с Вашей стороны, и место фаворитки — у Вас в руках. Кстати, что насчёт завтрашней охоты?

— Мне приказано прибыть в семь часов утра. Что обычно надевают на охоту?

— Как правило, женщины выезжают в амазонке. Такой туалет позволяет уверенно сидеть в седле, не боясь запутаться в многочисленных юбках. Обилие украшений на охоте также не обязательно.

— А что касается причёски?

— На охоту не обязательно высокая причёска, можно ограничиться собранным на темени пучком волос, перевязанным лентами.

— Как обычно проходит охота? Я много охотилась, но или одна, или в сопровождении нескольких членов команды. Не представляю, как можно подстрелить дичь, когда её преследует более сотни придворных одновременно.

— Загонщики поднимают зверя с вечера, утром лишь гонят его к месту сбора, — улыбнулся граф Вандомский, видя замешательство девушки, — гон идёт навстречу королеве, так, чтобы у неё была возможность самой сделать решающий выстрел. Однако, как правило, это делает всё-таки главный ловчий.

— А придворные? — удивилась Арабелла, — Они просто наблюдают за тем, как гонят и убивают зверя?

— Они следуют за королевой, — хитро прищурился граф Солсбери, — Охота — увлекательное зрелище, но ещё более увлекает наблюдение за королевскими фаворитами. Это тоже своего рода охота, где роль жертвы отведена ближайшему окружению Её Величества. Так что Вы, возможно, завтра окажетесь не только в роли охотника, но и в роли

преследуемой придворными сплетниками лани. Запомните только одно, капитан. Для Вас, испытавшей, что такое настоящая схватка, эта охота покажется весьма скучной и предсказуемой. Главное для Вас — сдерживать в себе флибустьера и не броситься на abordаж прежде, чем это сделает королева и её главный ловчий, иначе Вы нанесёте Её Величеству очень серьёзное оскорбление, и дело может кончиться даже отставкой.

— Мне бы хотелось ещё кое-что спросить Вас, граф, — Арабелла вновь взглянула на Солсбери, которого уже считала кладезем познаний, относящихся ко всем сторонам придворной жизни.

— Я по-прежнему к Вашим услугам, капитан, — с лёгкой иронией произнёс он, — что Вы ещё хотите узнать?

— Я много слышала о виконте Болингброке, и, насколько я уже успела понять, он не только приложил руку к падению прежних герцогов Мальборо, но и сделал всё возможное, чтобы со мной произошло то же, что и с Киддом.

— У Вас потрясающая интуиция. Болингброк пытался добиться встречи с королевой, чтобы убедить её вынести Вам смертный приговор, и нам с Рейдингтоном с большим трудом удалось убедить Её Величество не допустить виконта на заседание суда.

— Значит, он — отъявленный подлец и интриган?

— Не судите так строго и однозначно, капитан. Можно ли назвать законченными негодьями Рейли, Дрейка или Моргана, которые в своей жизни совершили немало неблагоприятных поступков, за каждый из которых вполне заслужили виселицу?

Арабелла молча пожала плечами. Да, и у неё на совести есть подобные грехи, и, возможно, она тоже достойна «пиратского галстука». Вспомнив, что творилось в захваченных «палатой лордов» испанских селениях, она опустила глаза и сделала вид, что рассматривает изящную паркетную розетку, на которой стояли её обутые в золочёные туфельки ноги. Смуглые щёки девушки слегка порозовели от смущения.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Вот видите, герцогиня, — понимающе улыбнулся ей старый знакомый, — Болингброк, как и они, человек весьма разносторонний. Он очень эрудирован, и из него вполне мог бы выйти блестящий писатель или философ. Ручаюсь Вам, что только будущее покажет нам истинные масштабы его таланта. Да, он интриган и авантюрист, но ни один придворный не может похвастаться тем, что ни разу в жизни не вёл интригу. Болингброк же с блеском может провернуть такое дело, что от его шахматной комбинации зашатается всё королевство. Другое дело, что при этом он не пожалеет родного брата, и это — обратная сторона его натуры. У него весьма своеобразные представления о морали, в том числе и по отношению к женщинам. Кстати, его назначение на должность главы кабинета чрезвычайно обрадовало всех лондонских дам лёгкого поведения.

Хитро прищурившись, Солсбери бросил взгляд на всё ещё потупившую глаза Арабеллу:

— Не судите и не судимы будете, капитан. Он — Ваш противник, и он очень опасен. Берегитесь его, но при этом отдавайте ему должное.

Побеседовав ещё с часок о делах семейных, друзья вежливо откланялись, пообещав навещать новоиспечённую герцогиню.

Арабелла осталась одна. Зайдя в гардеробную, она, вспомнив советы Солсбери, выбрала бирюзовое платье-амазонку, а затем, попрощавшись с матерью, легла спать. Перед её глазами ещё долго стояли лица членов её команды — вначале гневные и озлобленные, затем — недоумевающие и, наконец, вполне довольные своей судьбой. События последних дней

сменяли друг друга, будто в калейдоскопе, и девушка, привыкшая засыпать в любых самых неожиданных обстоятельствах, не смогла уснуть до полуночи.

Глава 9 Королевская охота

Рано утром, когда красный диск солнца ещё не появился над горизонтом, Арабелла была на ногах. Миссис Брэдфорд разрешено было остаться в замке, поэтому девушка собиралась выехать из замка в полном одиночестве. На Пэлл-Мэлл было тихо, лишь редкие всадники появлялись близ Сент-Джеймса в надежде встретить себе подобных и продемонстрировать великолепие наряда и отменную выправку коня. Закончив туалет, Арабелла приколотла сапфировую булавку к волосам. Она ещё не привыкла пользоваться помощью слуг, и лишь поддавшись настоятельным просьбам Сары, позволила девушке застегнуть корсаж.

— Какая же Вы красивая, герцогиня! — щебетала юная особа, завязывая ленты и застёгивая многочисленные пряжки, — вот если бы ещё сделали «фрегат»...

— Нет уж, спасибо, — рассмеялась Арабелла, — ехать на охоту с такой причёской! Не представляю, как придворные дамы носят подобные штуки на голове..., - и она, прищурившись, хитро взглянула на служанку, наводящую последний лоск на её охотничий наряд. Любопытная девушка не унималась:

— Наверняка Вы будете там самой красивой. Не сердитесь на меня, но мне так хочется знать, как пройдёт эта охота. Миссис Сара всегда была так занята, и она не успевала поговорить со мной.

— Хорошо, Сара, я всё тебе расскажу, — кивнула Арабелла.

Она радовалась возможности поболтать с прислугой. «Береговое братство» преподавало ей неплохой урок, и Арабелла всегда помнила о том, что каждый человек, будь он нищий или дворянин, заслуживает уважения и доброго слова.

— Ой, герцогиня, смотрите, — вновь защебетала Сара, выглянув в окно, — там тот вчерашний джентльмен. Привратник впускает его в ворота.

— Кто это? — едва успела произнести Арабелла, как её глазам предстала знакомая фигура. Граф Солсбери собственной персоной красовался на белом скакуне, изящно гарцевавшем на каменных плитах двора. Светский щёголь был в зелёном камзоле и держал в руке мушкет. Увидев стоящую у окна девушку, он приветливо помахал ей рукой. Через несколько минут в комнату уже постучал слуга и доложил о прибытии старого знакомого.

— Передайте графу, что я сейчас спущусь, — кивнула Арабелла, окидывая придиричивым взглядом своё отражение в зеркале.

— Он такой красавец..., - восхищённо всплеснула руками Сара, — Вам он нравится?

— Не говори глупости, — неожиданно резко произнесла новоиспечённая герцогиня, — граф Солсбери — мой старый друг. Однажды я выручила из испанского плена его и его шестнадцатилетнюю дочь.

— Простите, герцогиня, я не хотела Вас обидеть, — Сара испуганно взглянула на свою разгневанную госпожу, — удачи Вам на охоте.

— Не сердись на меня, Сара, — смягчилась Арабелла, видя, что от её слов девушка сжалась в комочек, — я просто не люблю пустую болтовню. Я обязательно тебе расскажу про охоту.

Немного успокоившаяся Сара распахнула перед ней дверь, и герцогиня быстро сбежала по покрытым алой дорожкой каменным ступеням. В зале её уже поджидал Солсбери.

— Мои приветствия капитану

— Мы же договорились, граф, никаких церемоний, — рассмеялась девушка, — а где Ваш друг?

— Рейдингтон? Он получил разрешение Её Величества выехать в Дувр для встречи нового французского посла. Говорят, что Людовик считает маркиза де Торси слишком мягким переговорщиком, поэтому он отозвал его и направил к нам графа де Пуанси. Его супруга — железная женщина, и именно благодаря ей у де Пуанси репутация непреклонного защитника французских интересов. Уж этих господ никто не заставит ждать в приёмной, как это не раз случалось с де Торси.

— Я давно хотела спросить Вас, граф..., - осторожно произнесла Арабелла. Она неплохо знала все родословные Англии, но генеалогия французских дворян оставалась для неё тайной.

— Вы хотели спросить, не родственник ли он французским Вандомам? — угадал её мысли граф, — нет, Рейдингтон не состоит с ними в родстве.

— Откуда же тогда его титул?

— Это давняя история, — хитро улыбнулся Солсбери, — когда-то, ещё во времена крестовых походов, предок герцогов Вандомских спас жизнь Джулиану Рейдингтону. Они стали названными братьями, и Рейдингтон назвал своё поместье Вандом, в честь своего старого друга.

Граф почтительно склонил голову перед девушкой, -

— Вот что значит благодарность, герцогиня. Надеюсь, Вы понимаете, сколь велик мой долг перед Вами.

— Не стоит об этом, граф, — кивнула ему Арабелла, — нам лучше трогаться в путь.

Пришпорив коней, они менее чем через полчаса оказалась в месте сбора охотников, куда большинство из них съезжались в богато украшенных экипажах. Из карет выходили юные леди в амазонках и, выбрав себе коня, который уже успел отдохнуть, всю ночь проведя в стойле, грациозно выезжали на опушку леса. Королевский кортеж уже прибыл, и Её Величество в роскошной зелёной амазонке уже красовалась на серой в яблоках грациозной кобыле. Рядом с ней, как всегда, нервно гарцевала неизменная парочка одетых в белое фаворитов. Полная, под стать своей государыне, Абигайль Мэшем, которая с трудом держалась на белом иноходце, ехала по левую руку Анны, а неизменно изысканный и увешенный драгоценностями Саунтон — справа. Герцог томно улыбался своей возлюбленной, то и дело пытаясь взять её за руку. Приветливо кивнув приблизившейся Арабелле, Анна жестом приказала ей занять место рядом с герцогом и следовать за ней. Наконец, раздался звук рога, и охотники двинулись в лес. Солсбери затерялся в толпе придворных, но Арабелла помнила об его словах и прилагала все усилия, чтобы в пылу охоты случайно не показаться похожей на морского разбойника. Сдерживая рысь своего коня, она ехала на полкорпуса позади Саунтона. Охотники, разбившись на группы, преследовали добычу, за которой, истошно лая, гналась свора королевских борзых. Загнанная лань то появлялась, то снова исчезала в лесу. Придворные, преследуя обезумевшее от страха животное, старались не упустить из виду Анну Стюарт и её спутников, внимательно следя за всеми деталями взаимоотношений любимцев королевы и новой герцогини Мальборо, которая имела неплохие шансы стать главной фавориткой, затмив славу своей родственницы леди Сары. Ведь герцог Йоркский был просто смазливый юнцом, не отличавшимся ни умом, ни опытностью в государственных делах, а леди Абигайль была слишком легкомысленна и тоже не могла дать королеве дельных советов. Поэтому Её Величеству ничего не оставалось,

кроме как передать ответственность за принятие решений правительству и парламенту, тем самым, помимо своей воли, укрепив основы конституционной монархии в английском государстве. Так слабость и нерешительность королевы, оказавшегося на деле обыкновенной ничем не примечательной женщиной, смогла на годы вперёд предопределить развитие сохранившейся и поныне системы управления государством.

Лань выскочила из кустов и, увидев охотников, рванулась в сторону, увлекая за собой большую часть следовавших за королевой придворных. Анна, внезапно почувствовав лёгкое головокружение, остановилась. Рука её потянулась к висевшему рядом с седлом небольшому расшитому бриллиантами мешочку, где она хранила нюхательные соли. Отъехав немного в сторону от основной толпы, она решила немного передохнуть, и, спешившись, устроилась на изумрудно-зелёной траве в окружении своих фаворитов и Арабеллы, которую она по-прежнему желала видеть рядом с собой, видимо, испытывая особую потребность в присутствии представителей семейства Мальборо в своём ближайшем окружении. Немного отдохнув и приняв какие-то снадобья, она встала и уже приготовилась продолжить путь, как вдруг из кустов появился огромный кабан. Испуганный лаем собак и криками загонщиков зверь во всю прыть нёсся на королеву. Вокруг никого не было, придворные и ловчие были слишком далеко, и не смогли бы вовремя прийти на помощь. Герцог Йоркский трясся от страха, прячась за спину своей высокородной возлюбленной. Лицо леди Мэшем было бледней, чем её белоснежное платье. Она застыла на месте, устремив испуганный взгляд на вепря, и была не в силах пошевелиться. Ещё мгновение — и разъярённый зверь бросится на Её Величество, и бесславная эпоха царствования Анны Английской так неожиданно и глупо завершится. Все замерли, ожидая, что же произойдёт и не в силах предпринять что-либо, чтобы защитить королеву, собравшую все силы, чтобы достойно закончить свой земной путь. Взглянув в бездонную глубину неба, по которому медленно двигалась маленькое курчавое облачко, чем-то напоминающее очертания корабля, она обратилась к Богу, прося его простить все прегрешения её земной жизни. Немая сцена длилась всего лишь мгновение, но вепрь уже почти вплотную приблизился к Анне. Казалось, вот-вот всё будет кончено, но вдруг к ногам королевы стремительно бросилась голубая тень. Через минуту зверь лежал на земле, заливаясь кровью, а Арабелла поднималась с колен, держа в руке длинный кинжал. Юбка и рукава её великолепного платья были безнадёжно испачканы, алые брызги в изобилии украшали отделанный сапфирами лиф. Королева облегчённо вздохнула. Герцог встрепенулся и вновь обрёл прежний высокомерный вид. Леди Мэшем встрепенулась и порозовела. Арабелла, не теряя достоинства, несмотря на весьма плачевный вид своего одеяния, присела в глубоком поклоне:

— Всё в порядке, Ваше Величество, он Вас больше не побеспокоит, — и она взглянула на залитое кровью платье, ища, обо что можно было бы вытереть окровавленные руки, — вот только мне надо переодеться.

— Спасибо. Ты спасла мне жизнь, — облегчённо вздохнула Анна, — Надеюсь, ты не ранена?

— На мне, как всегда, ни царапины, — она радостно улыбнулась, — что мне какой-то кабан, когда я имела дело с морскими волками?

Герцог стоял пристыжённый. Он понимал, что именно он должен был избавить Её Величество от этого животного. Он же вместо этого, позорно спрятался за её спину. А если это видел кто-то ещё? Завтра весь двор будет обсуждать трусость герцога Йоркского. «Надо отомстить этой девчонке», — подумал он, — «а не то она очень быстро станет известной

при дворе. Ведь она, насколько я знаю, очень умна». Арабелла взглянула на герцога и увидела, как огонёк ненависти промелькнул в его глазах. «Ничего, он ничего мне не сможет сделать. Что мне какой-то герцог Йоркский?», — и она, закутавшись в плащ, чтобы скрыть следы крови, легко вскочила в седло и шагом направила жеребца в сторону Вестминстера. В Кенсингтон девушка вернулась уже к полудню, присоединившись к пировавшим придворным, отмечавшим удачную охоту. Как оказалось, многие из них видели происходящее, но либо не успели, либо боялись предпринять что-либо для защиты Анны Стюарт. Храбрость юной леди была у всех на устах, как и трусливое поведение королевского фаворита. Счастливая королева провозгласила тост за здоровье своей спасительницы и подала ей руку для поцелуя. Герцог сидел, потупив голову, с мрачным выражением лица. Леди Мэшем была невозмутима, но в её сердце зародилось сомнение. Да, эта девушка способна на многое — она ещё затмит своим блеском не только её, но и Сару Черчилль, и снова начнётся эпоха царствования Мальборо. «Надо сделать всё, чтобы не допустить этого», — подумала она и переглянулась с герцогом. Они поняли друг друга с первого взгляда. Удачная охота принесла Арабелле не только милость королевы, но и двух непримиримых врагов.

Глава 10 Фаворитки

Абигайль Мэшэм нервно прохаживалась по небольшой комнате, расположенной рядом с покоями Её Величества. Вот уже несколько лет она проводила в ней не только дни, но и ночи, охраняя сон своей повелительницы, утешая её и исполняя все её прихоти. Даже ночью не было ей покоя — то и дело раздавался жалобный голос Анны, призывавшей свою наперстницу. То дурной сон, то боли, то очередной приступ лихорадки — и Абигайль, вскочив с супружеского ложа, бросалась на помощь своей государыне, готовила настои из трав, делала компрессы, примочки, а то и просто сидела рядом, выслушивая бесконечные сетования этой усталой и измученной судьбой женщины. Подойдя к стоявшему в углу овальному зеркалу в резной раме, баронесса взглянула на собственное отражение. Она никогда не была красавицей — чуть вытянутое лицо, красноватый нос, невзрачные бесцветные глаза. Да теперь ещё эти вечные тёмные круги — следы бессонных ночей, которые не скрыть никакой, даже самой лучшей, пудрой. Миссис Мэшэм никогда не отличалась стройностью, а время, проведённое в компании известной своей любовью к обильным трапезам Анны, ещё больше испортило фигуру. Полнота баронессы вполне под стать её царственной компаньонке. Этого ли она добивалась, когда согласилась на предложение Харли вместе противостоять ненавистной Саре? Теперь она прекрасно понимает, какую цену платила бывшая покровительница за почти неограниченную власть, которую получала от своей миссис Морли. Но у Сары хотя бы было утешение в лице герцога Джона — блестящего офицера, писаного красавца и страстного возлюбленного. А её преданный и безропотный Самуэль? Да он ни в какое сравнение не идёт с Черчиллем! Да Бог с ним, с этим Мэшэмом! Главное, что исполнилась её заветная мечта — удалось сделаться единственной и незаменимой наперстницей Анны, и теперь благосклонности бывшей служанки добиваются графы и герцоги. Именно её расположение помогает им приблизиться к королевскому трону, а немилость — заставляет навсегда забыть о придворной карьере. Абигайль гордо вскинула голову и вновь взглянула на собственное отражение. Полная усталая дама в белой амазонке удовлетворённо подмигнула ей, но вдруг в отражённом зеркальной гладью проёме полуоткрытой двери мелькнула быстрая тень. Худая, костлявая фигура, до боли знакомый морковный оттенок слегка припудренных волос — такой может быть только у неё... От хорошего настроения ни осталось и следа. Герцогиня Сомерсет... Элизабет... Перед мысленным взором Абигайль возникло лицо этой особы — вытянутое, с явно намечающимися морщинами и зловещим взглядом глубоко посаженных зеленовато-серых глаз. Среди придворных давно ходили разговоры, что герцогиня отравила своего прежнего супруга, чтобы выйти замуж за герцога. А вдруг она действительно колдунья? Сердце Абигайль болезненно сжалось. Умирать не хотелось, а эта старуха с её чёрной магией наверняка может наслать на соперницу порчу... В последнее время леди Элизабет всё больше и больше времени проводила в компании Анны Стюарт. Она будто околдовала королеву, и та порой надолго забывала о своей малютке Абигайль... И впрямь, колдунья... А тут ещё эта Мальборо — так некстати... Леди Мэшэм села за маленький овальный столик, покрытый бархатной скатертью и, стиснув виски пухлыми белыми пальцами, принялась напряжённо думать. Сомерсет... Кто ей покровительствует? Кого поддерживает её супруг — тори или вигов, и в каких отношениях он с Харли и Болингброком? Тщетно стараясь воскресить в своей памяти события, в которых принимала

участие чета Сомерсет, женщина наморщила лоб, и на нём вздулась голубоватая вена «Тори, виги... Претендент и его отношения с родной сестрой, королевой Анной... Всё это так сложно и запутанно.... Всё же прав этот писака Поуп — женщины бывают либо блондинки, либо брюнетки, и политика — не для них... Как это Сара со всем справлялась? Надо будет рассказать о своих подозрениях Харли. Он должен помочь. Он всегда помогал ей, как и она ему...». Мысль о Харли отвлекла Абигаиль от запутанных шахматных комбинаций придворных интриганов. Граф был наставником Мэшэм, её советчиком и проводником в сложном и опасном мире Кенсингтонского дворца, и она с юных лет восхищалась его талантом. Именно он стал её первой любовью, и даже брак с Сэмюэлем был задуман ей лишь для того, чтобы попытаться забыть беззаветно преданного супруге Роберта. Но в последнее время граф сильно изменился. Он всё чаще прикладывался к бутылке, появляясь при дворе неопрятным, с пятнами виски на камзоле. Вот Сент-Джон — другое дело. Молодой красавец, блестящий оратор, галантный кавалер, сводивший с ума не только кенсингтонских кокеток, но и почти всю женскую половину Лондона, интриган, шутник, философ и гедонист... Сердце Абигаиль учащённо забилося. Нет, Болингброк не идёт ни к какому сравнению с её Сэмюэлом — невзрачной и недалёкой личностью. Но зачем Болингброку любовь Абигаиль? Зачем искушать судьбу опасной связью с королевской фавориткой, когда к его услугам все увеселительные заведения Лондона? Нет, видимо ей не суждено испытать ту силу романтического и страстного чувства, что связывала Сару и Джона... Жаль, очень жаль. Но, может быть, это и к лучшему — главное — сохранить влияние на королеву. Уж здесь-то она не упустит своего. Абигаиль приободрилась и оправила подол белой амазонки. Она так и не успела переодеться после охоты. Подойдя к зеркалу, баронесса вновь улыбнулась взиравшей на неё полной усталой даме и уже собиралась направиться к будуару, как вдруг в комнату вошёл бодрый и вполне трезвый граф Оксфордский. Приблизившись к кухне, он поцеловал её в лоб.

— Что Вы здесь делаете, моя дорогая? — ласково улыбнулся он, но Абигаиль почудились нотки неискренности в его вполне благожелательном тоне

— Жду, когда Её Величество пригласит меня, — взглянула Мэшэм на своего бывшего кумира. Граф сегодня был безупречно одет. Синий бархатный камзол изящно облегал его изрядно пополневшие формы, придававшие ему особую величественность. На груди Роберта красовалась звезда — орден, который он получил одновременно с должностью лорда-казначея. «Нет, он всё же красавец», — подумала Абигаиль.

— Надеюсь, моя милая кухня сможет уделить мне и моим друзьям несколько минут, пока Её Величество беседует с новой герцогиней Мальборо? — с искренней доброжелательностью произнёс он, ласково обняв её за талию.

— С этой пираткой? — надула и без того полные губы Абигаиль

— А что, разве Вам больше по душе убийца и колдунья? — едко рассмеялся граф, — надеюсь, Вы прочли «Виндзорское пророчество», опубликованное в «Аналитике»?

— Да, — вздохнула она, — но почему я должна выбирать из двух зол? Почему? Неужели нельзя сразу убраться от обоих?

— Всему своё время, дорогая, — улыбнулся Харли, но на лбу его пролегла глубокая морщина, — Вам всё сейчас объяснит наш новый друг, который оказал всем нам неоценимую услугу. Надеюсь, Вы слышали о Мартине Скриблерусе?

Абигаиль нахмурилась, изо всех сил силясь вспомнить, кто из её знакомых мог носить такое странное имя.

— Не утруждайте себя, милая моя баронесса, — с ноткой презрения заметил граф, — я так и знал, что Вы не следите за прессой. Мы с Вами старые друзья, но я прекрасно понимаю, что Ваш ум слишком ограничен для подобных вещей. Впрочем, как и ум большинства женщин.

Абигайль нахмурилась. Почему этот бессовестный Харли позволяет говорить с ней в подобном тоне? Вот напомнить бы ему, кому он обязан своим возвышением! Баронесса замолчала, пытаясь подобрать нужные слова и сверля взглядом своего обидчика. Ей всегда было трудно изобразить на своём лице гнев — красные пятна на щеках, нервные движения выдавали скорее обыкновенную женскую злость, чем величественное негодование королевской фаворитки. Несколько мгновений прошло в полном молчании. Неловкую паузу прервал скрип распахнувшейся позолоченной двери, и в комнату лёгкой походкой вошёл неизвестный господин. Гордо вскинутая голова, сдвинутые густые брови, сумрачный и высокомерный взгляд выдавали в нём человека, осознающего своё влияние при дворе. Не взглянув ни на Мэшэм, ни на Харли, он быстрыми шагами направился к стоявшему в углу позолоченному креслу с резными подлокотниками, и с важным видом опустился в него. Тёмные глаза незнакомца гневно сверкали, подобно горячим углям.

— Вы та самая Абигайль Мэшэм? — внимательно взглянул он на стоявшую у окна женщину, и ей вдруг стало страшно.

— Да, — как можно более спокойно ответила Абигайль, изо всех сил пытаясь преодолеть охвативший её ужас и гадая, кем же мог быть этот неизвестный, имевший наглость не только разговаривать с ней в подобном тоне, но и полностью игнорировать стоявшего рядом с ней лорда-казначая.

— Значит, Вы виновны или в небрежности и разгильдяйстве, или в предательстве! — раздражённо произнёс незнакомец

— Что это значит, — удивлённо подняла брови Мэшэм, снова попытавшись напустить на себя мину разгневанной и высокомерной аристократки. Она по-прежнему не понимала, что же происходит в её комнате.

— Разве Харли не поручил Вам докладывать ему обо всех планах Её Величества? — продолжал он, и Абигайль вдруг почувствовала себя преступницей на допросе

— Да, и я честно выполняю его поручение, — возмутилась Мэшэм, — но причём здесь Вы?

— А вчерашнее голосование в парламенте? — раздражённый незнакомец полностью проигнорировал её вопрос, — откуда Анна узнала о наших планах? Мало того, что парламент утвердил все права этой пиратки Мальборо, он ещё и согласился с введением в палату лордов не только тори, но и нескольких влиятельных вигов! — гневу возмущённого господина не было предела, но он всё так же недвижно сидел в своём кресле.

Краска залила лицо Мэшэм. Она бросила взгляд на стоявшего рядом с ней графа. Тот не предпринял ни малейшей попытки, чтобы защитить свою сообщницу.

— Почему я должна давать Вам отчёт о своих действиях? — Абигайль старалась выглядеть высокомерно, — насколько я помню, я обещала это графу Оксфордскому и Болингброку, но никак не Вам. Я даже не знаю, как Вас зовут.

— И этой глупейшей особе Вы доверили самую главную роль в нашем союзе, граф? — незнакомец обратил гневный взгляд на побледневшего Харли. Тот нервно рыскал глазами по сторонам, тщетно ища поблизости бокал с вином.

— А может, она не так уж глупа? — странный господин мерно постукивал каблуком по

полу, сверля взглядом то графа, то королевскую фаворитку, — я требую ответа, миссис Мэшэм! Глупость это или предательство?

Гневную тираду прервало появление Болингброка. Молодой министр имел весьма цветущий и довольный вид.

— Что-то Вы слишком хорошо выглядите, Генри! — по-прежнему возмущался незнакомец, — слишком хорошо для человека, который не далее как вчера потерпел сокрушительное поражение в парламенте. Вы недостойны той славы опытного политика, которую я Вам приписывал в своих памфлетах!

Болингброк молчал, словно поражённый молнией. Незнакомец быстро встал и приблизился к ещё более побледневшему Харли.

— Ваш жезл лорда-казначея при Вас? — нахмурившись, произнёс он. Абигаиль с недоумением взидала на развернувшуюся перед её глазами странную сцену, когда неизвестный дотоле субъект, ни разу не появлявшийся при дворе, гневно распекал двух влиятельнейших политиков, потупившихся, подобно провинившимся школьникам.

— Конечно, — и сэр Роберт протянул белый жезл незнакомцу. Тот резким движением вырвал его у оторопевшего Харли и крепко сжал, держа перед собой.

Харли испуганно покосился на позолоченную дверь, ведущую в королевские покои. Появление Анны или её людей разрушило бы всю его дальнейшую карьеру. Согласно придворному церемониалу, лорд-канцлер не имел права отдавать жезл никому, даже ближайшим родственникам царствующего монарха. Холодный пот покрыл лоб графа Оксфордского. Он перевёл взгляд на занавес, прикрывавший вход в коридор. «Не дай Бог, наш разговор подслушают», — подумал он, и его мозг пронзило страстное желание осенить себя крестом. Но, опасаясь выдать охвативший его страх, граф сдержал свой благочестивый порыв.

— Имея в руках ту власть, которая принадлежит ныне Вам, я мог бы вершить великие дела. А Вы, Роберт..., — незнакомец бросил презрительный взгляд на собравшуюся в комнате компанию.

Абигаиль глядела на развернувшуюся перед ней сцену расширенными от ужаса глазами. Кто этот человек, и почему он позволяет себе так разговаривать с Харли и Болингброкком? Наверняка содержание их беседы станет известно кому-нибудь из тайных вигов, и они уж не преминут воспользоваться ситуацией, чтобы опорочить в глазах Её Величества всех участников этого разговора. Увидев в глазах своих союзников страх и замешательство, незнакомец окинул их презрительным взглядом

— Забирайте свой жезл, граф, — бросил он, взглянув на высокий лоб Харли, покрытый крупными каплями пота, — меня не интересует ничего из того, что мне может дать этот презренный мир.

Облегчённо вздохнув, граф Оксфордский дрожащей рукой взял жезл и водрузил его на прежнее место — в пристёгнутый к его поясу бархатный чехольчик.

— Помните, граф, — важно произнёс незнакомец, — нынче слово намного важнее, чем звон оружия. Что вы, тори можете предложить народу? Чем докажете, что ваши ссоры с вигами — не драка кошек за кусок мяса? Когда-то Кромвель показал Англии, на что способен разгневанный народ. А Мальборо? Разве не слово уничтожило этого грозного вояку, этого победителя, перед которым трепетали враги? Кто уничтожил, кто втоптал в пыль блистательного герцога Джона и его супругу, которой отдавались поистине королевские почести? Разве не мои памфлеты, ставшие голосом уставшего от бесконечных

войн народа? Держись Харли! Оступишься — несдобровать тебе, несдобровать... И ты, Генри, — кивнул он в сторону безмолвно взиравшего на происходившее Болингброка, — я буду следить за тобой, и если ты забудешь об Англии в погоне за властью, то твой же «Аналитик» подпишет тебе смертный приговор. Прощайте, господа, и помните мои слова.

Незнакомец встал и, вновь окинув презрительным взглядом собравшуюся в комнате Мэшэм компанию, быстрыми шагами вышел в коридор.

Собравшиеся облегчённо вздохнули.

— Слава Богу, всё кончено, — произнёс граф Оксфордский, наконец-то получивший возможность осенить себя крестом.

— Хорошо, что Анна была занята, — передёрнула плечами Абигайль, бросив хитрый взгляд на своего покровителя. Теперь-то он полностью в её власти! Если он посмеет обидеть свою кузину, то она всё расскажет Её Величеству!

— Ничего, господа, — вздохнул Болингброк, — скоро и этот писака займёт причитающееся ему место. Через час я выезжаю в Портленд по поручению королевы. Свяжусь с тамошним епископом — пусть подыщет ему хорошую синекуру. Хотя, пожалуй, надо будет услатить его куда-нибудь в Шотландию... Но не раньше, чем он сыграет свою роль в нашем спектакле.

Разговор прервал скрип отворяющейся двери. Зашелестели юбки, и в проёме показалась стройная фигура бывшей пиратки. Абигайль снова надула губки и метнула быстрый взгляд на графа Оксфордского. Тот незаметно обнял кузину за талию.

— Вы всё поняли, герцогиня, — раздался из кабинета уставший голос Анны

— Да, Ваше Величество, — Арабелла обернулась

— Зайдите ко мне ещё на минутку, герцогиня, — в голосе королевы послышались повелительные нотки.

Девушка подобрала пышную юбку и вновь вошла в кабинет. Дверь плотно затворилась.

— Надеюсь, ты хорошо поняла мои слова?

— Да, Ваше Величество, — и Арабелла повторила все те наставления, которые получила от Анны. Суть их была проста — ей предстояло убедить французского посла согласиться с требованиями английской стороны, заключавшимися в захвате как можно большего количество спорных территорий, получении наибольших уступок в отношении своих единоверцев во Франции и отказе Людовика от поддержки Претендента.

— Запомни как следует — у тебя есть не только полномочия действовать от моего имени, но и два экземпляра мирного договора с королевской подписью и печатью. Ты должна любой ценой добиться его подписания французами.

На мгновение Анна замешкалась, но потом, будто вспомнив о чём-то, заговорщицки взглянула на свою новую наперсницу.

— Скажу тебе ещё кое-что, — и она жестом приказала девушке подойти к ней совсем близко, — мои люди в Париже узнали кое-что об этой железной леди, — и Анна прошептала несколько слов почти в ухо мисс Брэдфорд, а затем резко отстранилась, бросив взгляд на полуоткрытое окно.

— Вы свободны, герцогиня, — громко произнесла она, величественно кивнув удалявшейся девушке, — надеюсь, Вы оправдаете наше высокое доверие.

— Приложу все усилия, Ваше Величество, — присела в реверансе Арабелла и уже собиралась отворить дверь, но вдруг остановилась.

— Ваше Величество, могу ли я обратиться к Вам с просьбой, которая может Вам

показаться очень странной?

— Да, — недоуменно кивнула ей Анна, — что ты хотела?

Девушка снова приблизилась и шепнула государыне на ухо несколько слов.

— Странное желание, — пробормотала королева, — но, если от этого зависит успех твоей операции, я помогу тебе.

Заручившись поддержкой королевы, девушка уверенным шагом направилась к выходу. Любезно кивнув надувшейся Мэшэм, она почувствовала на себе её колючий взгляд. Выражения лиц Харли и Болингброка тоже не сулили ей ничего хорошего.

«И здесь дуэли», — подумала она, — «без сабель и пистолетов, но не менее опасные — не знаешь, откуда могут нанести удар. Но отступать не в моих правилах», — и девушка, гордо вскинув увенчанную рубинами головку, вышла в коридор.

Примечания.

Сцена с жезлом действительно имела место, но до отставки Мальборо. Её участниками были Джонатан Свифт, Харли и Абигайль Мэшэм. Обвинения Свифта, как и поведение Абигайль Мэшэм, носили несколько иной характер.

Мартин Скриблерус — вымышленный персонаж, жизнеописание которого составляли Свифт, Поуп, Арбетнот и др. В «записках» высмеивались пороки современного общества. Анонимные памфлеты Свифта "Поведение союзников" и "О гражданском духе вигов" именем Мартина Скриблеруса не подписывались.

Глава 11. Дипломатия флибустьеров

В это самое время к Кенсингтонскому дворцу прибыл экипаж, запряжённый шестёркой белых рысаков. Увидев карету, на которой был изображён герб Анны Стюарт, привратник распахнул ворота, и карета, скрипя, приблизилась к парадному входу. Из кареты вышел стройный господин лет пятидесяти. Несмотря на возраст, он всё ещё сохранил юношескую гибкость и лёгкость движений. Он подал руку сидящей в карете даме, и та, подобрав юбки, спустилась на землю. Женщина была намного моложе своего спутника. На вид ей можно было дать лет двадцать пять-двадцать семь. Узкое платье с укороченным рукавом подчёркивало тонкую талию и худощавые, но мускулистые руки. Тёмные волосы были уложены в сложную причёску «фонтан». Безупречные черты смуглого, но будто обветренного под солнцем лица были достойны кисти живописца. Но даже начинающий художник или физиономист обратил бы внимание на волевою складку губ, на слегка нахмуренный над переносицей лоб, и на зелёные глаза, поражавшие не только глубиной, но и отсутствием женственности и мягкости. Это был гордый и повелительный взгляд королевы, одним взмахом руки посылающей войска на битву, а приговорённых к казни — на гильотину.

— *Merci, mon ami*, — произнесла она, лёгким движением головы отблагодарив своего спутника

Мужчина, устремив на даму полный обожания взгляд, предоставил ей возможность опереться на свою руку, и пара проследовала к парадной лестнице. Гордо прошествовав по коридорам, они направились в кабинет Анны Стюарт. Камердинер, почтительно распахнул двери:

— Посол Его Королевского Величества, короля Людовика 14, с супругой, — доложил он, и

стоявшие рядом с королевой фавориты застыли в церемонном поклоне

Величественная и торжественная, но необычайно бледная Анна Стюарт принимала гостей, полулёжа на диване. В руке она держала платок, который время от времени подносила к лицу, что придавало ей ещё более болезненный вид. Граф ничуть не удивился странному приёму, которого удостоила их королева. Он был превосходно осведомлён и о слабом здоровье Анны, как и о том, что она частенько пользовалась этим, стараясь выглядеть ещё более больной, чем была на самом деле. Вот и на этот раз наметанный глаз придворного интригана заметил, что бледность государыни несколько усилена белилами. Бросив беглый взгляд на королевских фаворитов, он отметил, что Абигайль Мэшэм за последние месяцы ещё более пополнела, а герцог Йоркский, как всегда, являл собой образец утончённого вкуса. От опытного политика не ускользнула и ехидная усмешка, искажившая губы герцога в тот момент, когда Анна кивнула ему в сторону стоящей рядом молодой синеглазой брюнетки в изумрудно-зелёном платье. Женщина стояла чуть позади герцога, по правую руку королевы. На голове её красовался «фрегат». Особенно поражала достоверность корабля — колечки иссиня-чёрных волос были завиты, подобно пушечным портам, над фальшбортом виднелись палубные орудия, также сооружённые из завитков волос. Причёска завершалась небольшим алым вымпелом с двумя перекрещенными абордажными саблями, прикреплённым к проволочной грот-мачте. По левую руку от неё стоял граф Солсбери. Де Пуанси был удивлён — не столько присутствию Солсбери, сколько отсутствию членов

правительства — Болингброка и Шрусбери, в чьи непосредственные обязанности и входило проведение переговоров с французским послом. Но ещё больше поразили его перемены, произошедшие с его же собственной супругой. Луиза, имевшая в Версале репутацию «железной женщины», внезапно побледнела, а в широко раскрытых глазах её графу почудился страх. Графиня, не отрываясь, смотрела то ли на королевских фаворитов, то ли на самую Анну Стюарт, которая, к слову сказать, также с интересом взирала на перемены в лице мадам де Пуанси.

— Граф де Пуанси, посол Его Величества короля Франции Людовика 14, к Вашим услугам, Ваше королевское Величество.

— Рада Вас видеть, господин де Пуанси. Надеюсь, наши переговоры будут успешными, — спокойно произнесла Анна, умело придавая своему голосу оттенок усталости и изнеможения.

— Хотелось бы в это верить, Ваше Величество, — с улыбкой на устах произнёс граф, — однако, судя по причёске Вашей фрейлины, Англия настроена на продолжение войны?

— Нет, мы поддерживаем заключение мирного договора, — произнесла королева Анна, — просто «фрегаты» быстро входят в моду

Тяжело вздохнув, Анна откинулась на подушки.

Посол приблизился и с поклоном вручил королеве письмо Людовика 14, подтверждающее его полномочия на ведение мирных переговоров и подписи под договором в том виде, в котором он будет согласован с Анной Стюарт.

— Когда мы сможем обсудить условия? — поинтересовался он. Анна, едва пробежав глазами документ, бессильно опустила руки:

— К сожалению, граф, моё здоровье сегодня не позволяет мне вести переговоры, — королева томно поднесла к губам носовой платок и закашлялась, а затем вновь в изнеможении откинулась на подушки, — думаю, что ещё несколько дней я буду не в состоянии беседовать ни с кем, кроме придворного лекаря. То, что я сейчас разговариваю с Вами — это плоды его усилий. Вот уже два часа он постоянно даёт мне какие-то микстуры.

В подтверждение своих слов Анна выпила содержимое маленькой рюмки, стоящей рядом с ней и со вздохом добавила:

— Поручаю Вас герцогине Мальборо. Надеюсь, она сможет хорошо развлечь Вас и Вашу супругу. Именно ей я поручаю вести переговоры от моего имени, и передаю ей точно такие же полномочия, как передал Вам король Людовик. Ваш дворец уже почти закончен, и Вы сможете переехать туда на следующей неделе, а пока проведите несколько дней в Бленхейме или Мальборо-Хаусе — на Ваше и её усмотрение.

Граф пристально взглянул на брюнетку в зелёном платье. Она выглядела спокойной и невозмутимой, и почтительно, но вместе с тем бесстрастно взирала на посетителей. Во взгляде её де Пуанси почувствовал ту скрытую силу и непреклонность, которая когда-то так поразила его при первой встрече с Луизой. «Необыкновенная женщина», — подумал он, — «значит, сменились лишь действующие лица, а род Мальборо всё ещё в фаворе». Несмотря на спешку, с которой чета де Пуанси мчалась из Дувра в Лондон, граф уже успел узнать, что в ближайшем окружении королевы появилась новая фаворитка, которая готова затмить своим блеском не только Абигайль Мэшем, но даже саму Сару Черчилль. Однако все подробности произошедшей в столице истории были ему пока неизвестны.

— Значит, это герцогиня Мальборо так воинственно настроена? — настороженно спросил де Пуанси, ещё раз пристально взглянув на причёску стоящей перед ним девушки.

Пройдя по коридорам Кенсингтона, он уже успел заметить несколько «фрегатов», но этот поразил его своей достоверностью. Будучи произведением не корабельного, а парикмахерского искусства, он выглядел настолько естественно, что, казалось, вот-вот поплывёт по волнам. «Но почему он называется «Версаль», и откуда такой странный вымпел?», — подумал граф, — «и почему эта фрейлина одета в платье, цвет которого вышел из моды вот уже два года?». Его размышления прервало мелодичное контральто незнакомки:

— Нет, господин граф, — и она, едва взглянув на собеседника, тут же метнула многозначительный взгляд на его супругу, — Англия настроена задраить пушечные порты и переделать оружейные палубы в трюмы для перевозки торговых грузов. Именно это и означает моя причёска. Кроме того, как уже заметила Её Величество, это новейшие веяния английской моды, связанные с некоторыми событиями, о которых я расскажу Вам, когда мы с Вами и Вашей супругой уединимся в моём имении. Надеюсь, Вы не откажетесь от нескольких дней охоты в Оксфордских предместьях?

Недоумевающий граф бросил взгляд на Анну Стюарт в надежде, что она может изменить своё решение. Однако королева уже прикрыла глаза и полулежала, откинувшись на подушки, всем видом выражая безразличие к окружающим её высоким гостям.

— Так значит, герцогиня Мальборо не поддерживает политику своего родственника? — с недоверием произнёс он.

— Мир меняется, и мы меняемся вместе с ним, — со спокойной уверенностью в голосе произнесла молодая женщина, — поэтому я предлагаю обсудить Ваши предложения за чашечкой кофе и стаканом ямайского рома у камина в Мальборо-Хаусе или во время охоты в моём оксфордском имении. Надеюсь, мы сможем договориться насчёт взаимовыгодных условий сотрудничества, — и она бросила беглый взгляд на свою бесчувственную повелительницу.

Анна Стюарт по-прежнему была неподвижна и безучастна к происходящему. Помощи от неё ждать не приходилось. Незнакомка вновь взглянула на мадам де Пуанси, и в глубине её синих глаз графу почудилась скрытая угроза.

— Мне кажется, нам не стоит более докучать Её Величеству. Её здоровье так хрупко, что реагирует на малейшее нервное перенапряжение. Ещё с утра она лихо носилась по лесу на своём белом скакуне, а три часа назад впала в полузабытьё, из которого её с трудом вывел доктор Манфред. Сейчас, кажется, ей опять становится совсем плохо. Поэтому я очень надеюсь, что Вы не откажетесь провести со мной эти несколько дней, тем более что Её Величество на Ваших глазах передала мне все полномочия по ведению переговоров.

Едва она завершила свою речь, как в залу быстрыми шагами вошёл доктор. Не обращая внимания ни на фаворитов, ни даже на высоких гостей, он приблизился к Анне и пощупал ей пульс.

— Не будем мешать доктору, господа. Моя карета к Вашим услугам, и мы немедленно можем отбыть в Мальборо-Хаус,

Герцогиня повернула украшенную «фрегатом» голову в сторону двери, приглашая их следовать за собой. Пристроившийся в арьергарде Солсбери отрезал гостям путь к отступлению. Де Пуанси с недоумением покосился старого друга. На душе его было тревожно. Всё это напоминало похищение, причём с молчаливого согласия самой королевы.

— А Болингброк и Шрусбери? — осторожно поинтересовался он, пытаясь выиграть время.

— Они выполняют поручения Её Величества и не смогут к нам присоединиться.

Переговоры поручены мне и графу Солсбери.

Граф был изумлён. Его стремительно уводили из королевского дворца, не давая встретиться ни с министрами, ни с членами правительства, ни с кем-либо другим, могущим повлиять на мнение далёкой от самостоятельности Анны Стюарт.

— Могу я встретиться с Болингброком?

— Виконт отбыл в Дувр по поручению Её Величества, и пробудет там не менее недели. Посольские апартаменты пока не готовы, поэтому единственный выход для всех нас — немедленно направится в замок Мальборо, где Вы сможете расположиться с комфортом, достойным Вашего высокого положения.

Выйдя во двор, граф с изумлением обнаружил, что вместо посольской кареты во дворе стоял экипаж с гербом Мальборо.

— Но мы же прибыли в карете Её Величества..., - начал было де Пуанси

— Вы мои гости, месье, и я полностью к Вашим услугам.

Карета тронулась. Граф с недоумением глядел из-за занавески. Он хорошо знал Лондон и то, как можно самым коротким путём добраться от Кенсингтона до Сент-Джеймса, рядом с которым и располагался дворец Мальборо. Однако, проехав полпути по направлению к Вестминстеру, они вдруг резко свернули вправо и карета, быстро миновав переулочек, снова свернула в какой-то узкий переход. Экипаж сильно трясло, кучер с трудом удерживал равновесие, а его помощник, мальчишка лет двенадцати, видимо, не усидевший на своём месте на крутых виражах, вдруг соскочил с козел и бросился прочь. Поняв, наконец, что теперь карета удаляется от Пэлл-Мэлл, а не приближается к ней, граф с недоумением взглянул на невозмутимо сидящую рядом с ним герцогиню:

— Разве мы едем не в замок Мальборо?

— Мы прибудем в Мальборо-Хаус послезавтра, и я с удовольствием покажу Вам замок, а пока предлагаю поохотиться в оксфордских предместьях. Заодно осмотрите Блейнхейм.

— Но почему именно Блейнхейм?

Опытный дипломат, де Пуанси чувствовал, что между отсутствием членов правительства, их быстрым отбытием из Кенсингтона и решением герцогини изменить маршрут существует связь. Тем более что незадолго до разворота кареты граф оказался свидетелем весьма странной сцены. Сидевший у окна Солсбери вдруг высунул голову на улицу, а затем, усевшись на место, шепнул что-то герцогине на ухо. Та тотчас же отдала какое-то распоряжение кучеру. На лицо де Пуанси набежала мрачная тень. Определённо, это было похищение. Но с какой целью? Он искоса взглянул на спутницу, но герцогиня была всё так же любезна и невозмутима.

— Вы наверняка устали с дороги, — улыбнулась она. — Свежий воздух оксфордских предместий придаст Вам силы.

— Благодарю Вас, но..., - попытался возразить де Пуанси, но фаворитка перебила его

— Вы, наверное, не раз были на королевской охоте, граф, — заметила она, искоса взглянув на сидевшую рядом Луизу. — А я вот участвовала впервые. Не знаю, как во Франции, но в Англии королевская охота — скучнейшее дело. За несчастной жертвой гоняется все — королевская свита, загонщики, главный ловчий и даже королевские псы. Всё это окончательно убивает истинную суть этой древней забавы — противоборство человека и зверя, воли и слепой силы, разума и стихии.

— Что же Вы хотите нам предложить?

Де Пуанси удивили странные слова герцогини Мальборо, которая, похитив его прямо из

королевской резиденции, теперь рассуждает на философские темы. Но он, не подав виду, любезно кивнул головой.

— В моём поместье не будет никаких загонщиков. Только мы вчетвером и слуги, которые будут нести добычу. Мои борзые поднимут любого зверя — от утки до медведя. Вам нравится охота, графиня? Или, может быть, Вы, как некоторые придворные дамы, предпочитаете уединиться в кабинете в то время, как мужчины носятся по лесу, охваченные азартом борьбы?

В глазах мадам де Пуанси вновь мелькнул испуг. Но графиня, не подавая вида, кивнула и повернула голову к окну.

— Мне нравится охота, герцогиня, — спокойно произнесла она, сделав вид, что сдерживает зевок, — но что касается королевской охоты — Вы совершенно правы — это скучное занятие.

— Если бы Вы знали, как стреляет моя супруга, — с неожиданным восторгом произнёс граф.

Говоря о своей жене, он забывал о дипломатическом этикете и не упускал случая, чтобы превознести её таланты и красоту,

— Неужели?

— Поверьте, ни один мужчина не может с ней соперничать. Взгляните, — и он указал на бегущие за каретой стволы деревьев. Они уже выехали из Лондона и теперь ехали по лесной дороге. — Видите эти еловые шишки?

— Да, разумеется

— Моя супруга может одним выстрелом сбить шишку с самой высокой ветки,

Де Пуанси с любовью взглянул на побледневшую от слов мужа Луизу.

— Ничуть не удивляюсь, — спокойно заметила незнакомка. — В Новом Свете все женщины метко стреляют. Я родилась на Ямайке и часто наблюдала, как развлекаются флибустьеры. Чтобы полакомиться спелыми апельсинами, они стреляют по самым маленьким веточкам, на которых висят плоды. Подобная забава принята и у плантаторов, и в ней участвуют даже дамы.

— Значит, Вы тоже можете сбить шишку одним выстрелом?

— Разумеется, — фаворитка метнула быстрый взгляд в сторону графини. Лицо Луизы ещё более побледнело, но она, нахмурившись, постаралась придать ему надменный вид. — Когда прибудем в Блейнхейм, у непременно устроим соревнование. Если же Ваша супруга столь же великолепно фехтует, как и стреляет, могу предложить к Вашим услугам коллекцию оружия и фехтовальный зал.

— Вы столь же воинственны, как и герцог Джон, — с нескрываемой иронией заметил посол

— Не придавайте большого значения моим словам, месье де Пуанси, — рассмеялась герцогиня Мальборо, — все жители Нового Света, включая женщин, немного флибустьеры. На островах всё пропитано духом авантюризма, который они привносят в жизнь даже самого добропорядочного семейства. Кстати, в ходе наших переговоров мы должны обсудить судьбу нескольких спорных территорий и тактику совместной борьбы с пиратством.

— Вы хорошо осведомлены, герцогиня, — улыбнулся посол. Он окончательно убедился, что королевская фаворитка ведёт с ним какую-то непонятную игру, но он никак не мог понять, в чём она заключается.

— Как Вы относитесь к флибустьерам? — женщина, вновь метнула быстрый взгляд на

графиню. Пугающую зелёную глубину глаз мадам де Пуанси тотчас же прикрыли пушистые чёрные ресницы.

— Как можно относиться к грабителям без чести и совести? — возмущённо произнёс граф.

Мадам де Пуанси бессильно откинулась на спинку сиденья. Она была так бледна, что, казалось, вот-вот лишится чувств. Впервые в жизни она была охвачена таким сильным ужасом. Откуда новая фаворитка знает те события её жизни, о которых она не рассказывала никому, даже супругу? Перед глазами её встал тот день, когда она, оправившись от ранения, нанесённого ей неудачником де Ритером, навсегда отбывала с Тортуги на своём фрегате. А теперь его точная копия этого корабля красуется на голове сидящей рядом королевской фаворитки! Да ещё то самое платье, что было на ней в тот день! То, что подарил ей де Монтенон! Значит, этой женщине известно всё, и она намерена использовать свои знания в ходе переговоров? Скандал казался неотвратимым и грозил не только низвергнуть её с того пьедестала, на который она себя возвела, но и лишить любви собственного супруга.

Арабелла внимательно наблюдала за своими гостями. Твёрдо решив не выдавать тайну Луизы никому, в том числе и её супругу, она продолжала вести игру, надеясь заставить женщину смягчить свою позицию по условиям договора

Граф же тем временем продолжил свою обвинительную тираду

— Пираты безнаказанно хозяйничают на островах и берут на abordаж торговые корабли, затрудняя развитие коммерции в Новом Свет. Их действия приводят к возникновению конфликтов между европейскими державами

— Но они хотя бы как-то сдерживают аппетиты испанцев, — возразила Арабелла, — думаю, в интересах Англии и Франции вместе противодействовать испанской экспансии.

— Но не ценой покровительства пиратам, — граф по-прежнему метал громы и молнии. — Эти грязные оборванцы грабят честных мореплавателей и торговцев, не брезгуя даже собственными соотечественниками.

— Некоторые действительно забывают об интересах своей страны, — мягко, но настойчиво произнесла Арабелла. — Но не все флибустьеры — мерзавцы. Я была знакома с некоторыми капитанами. Это люди весьма благородного происхождения, нападавшие исключительно на испанские корабли. К тому же не все они грязные оборванцы — увидев многих из них, Вы даже и не подумаете, что перед Вами пират.

— Наверное, Вы, графиня, имеете в виду англичан, — резко возразил граф. — Покровительство, которое Ваша страна оказывает пиратам, мешает Франции наводить порядок в Новом Свете.

— Я имею в виду не только англичан, господин де Пуанси, — с улыбкой произнесла Арабелла, вновь взглянув на ещё более побледневшую графиню. — Мне довелось знать несколько французских капитанов, род которых по знатности мог соперничать с Вашим или, к примеру, родом Вашей супруги. Один из них, месье де Фонтейн, состоял в родстве с Валуа, а другой, которого звали де Вернон...

Арабелла замолчала. Графиня, казалось, вот-вот лишится чувств.

Что с Вами, мадам? Неужели Вам так наскучили наши разговоры? Я слышала, Вы интересуетесь политикой так же, как моя родственница, опальная герцогиня Сара.

— Простите, герцогиня, я немного устала, — облегчённо вздохнув, произнесла мадам де Пуанси, — скоро мы прибудем в Блейнхейм?

— Менее чем через полчаса, — спокойно ответила Арабелла, — Вы не поверите,

господа, я тоже в первый раз в этом замке. Я прибыла из Нового Света всего неделю назад.

— Вы всего неделю в Лондоне и уже в фаворе у Её Величества? — удивился граф, — такую стремительную карьеру может сделать лишь очень необычная женщина

— Моя судьба полна таких событий, которые не снились большинству придворных, — загадочно улыбнулась Арабелла, — у нас будет время поговорить об этом. Вы будете очень удивлены, как и Ваша супруга. А вот и Блейнхейм.

Девушка указала она рукой в направлении двухэтажного строения из красного кирпича, появляющегося перед ними из зарослей елей и кустарника. Покинув карету, процессия проследовала в дом.

— Поразительно, капитан, — шепнул Солсбери, когда французы поднялись в свои комнаты. — Супруга графа — железная леди, которая держит в своих руках не только своего мужа, но и весь королевский двор, включая короля Людовика. Но, как мне кажется, Вам удалось выбить её из колеи.

— Неужели, граф? — удивлённо взглянула на него Арабелла.

— Она сидела в карете сама не своя, — задумчиво произнёс Солсбери, — и на мгновение мне показалось, что, если бы не спинка, на которую она облокотилась, она бы потеряла сознание. Чем Вам удалось так поразить её? Мне показалось, что, едва увидев Ваш наряд, она уже была неприятно удивлена.

— Мне бы не хотелось выдавать чужих тайн, граф — рассмеялась Арабелла. — Скажу лишь, что пока всё идёт по намеченному плану. Надеюсь, мне удастся взять их на абордаж

Вскоре обе пары спустились к обеду. Де Пуанси с осуждением взглянул на Арабеллу, которая, вопреки требованиям этикета, так и сменила гардероб.

— Вы предпочитаете изумрудный цвет, герцогиня?

— Мне нравится это платье. Оно несколько старомодно, но мне приятно вспоминать связанные с ним события. Три года назад его подарил моему дяде губернатор Тортуги. Наверное, досталось ему от какого-нибудь флибустьера.

— Вы много знаете о пиратах, герцогиня, — недовольно произнёс граф, — видимо, Вы много с ними общались в Новом Свете?

— Невозможно жить на островах и не общаться с флибустьерами, — улыбнулась Арабелла, — невольно начинаешь привыкать к их образу жизни, к их языку и обычаям. Правда, графиня?

Мадам де Пуанси, вновь побледнев, облокотилась на резную спинку стула

— Я хорошо знала многих английских капитанов, — продолжила Арабелла. — А ещё нескольких французов — де Фонтейна, де Вернона и одного неудачника. Кажется, его звали де Ритер. С ним произошла одна любопытная история

Девушка замолчала и с видимым удовольствием принялась за салат.

— Какая история? — Солсбери решил поддержать непонятную игру, которую вела его протеже

— По-моему, господам неинтересны мои рассказы. Граф не выносит флибустьеров, а его супруге от моих слов явно не по себе

— Вы неправы, герцогиня, — заметил французский посланник, — Ваши истории очень интересны. Возможно, если мне удастся поближе познакомиться с жизнью этих людей, то борьба Франции с пиратством станет более эффективной. Графиня же, напротив, обычно с интересом слушает всё, что относится к жизни в Новом Свете. Удивительно, что сегодня она сама не своя. Может быть, у меня скоро будет наследник

Граф с нежностью взглянул на супругу, так и не притронувшуюся к обеду

— Угощайся, дорогая, их повар хорошо знает нашу кухню, и все блюда удивительно вкусны, будто приготовлены в Версале.

— Так Вы расскажете о том, что произошло с де Ритером? — настаивал Солсбери

— Разумеется, господа, если только графиня не будет против.

Мадам де Пуанси молчала, видимо, приготовившись к худшему,

— Продолжайте, герцогиня, — произнёс граф, — моя супруга будет рада услышать Вашу историю.

— Этот господин был на удивление невезуч и, в то же время, столь же азартен. У него был небольшой шлюп. К слову сказать, грабил он исключительно испанские корабли. Но де Ритеру редко доставались хорошие призы, а то, что он получал, он в тот же день проигрывал в карты. Как-то раз он сел играть с де Верноном. Тому везло, и де Ритер проиграл всё, что у него было. Чтобы отыграться, неудачник даже поставил на кон собственную свободу. Дело закончилось тем, что в течение целого года он батрачил на шлюпе де Вернона.

— Вот видите, — заметил граф, не обращая внимания на супругу, которая едва не потеряла сознание, — я же говорил, что все эти флибустьеры — грязные оборванцы.

— Вы имеете в виду только де Ритера, а это — не самый удачный пример. Де Вернон отличался великолепным вкусом и изысканными манерами. Увидев его перед собой, Вы бы поставили тельца против яйца, что он только что вышел из ворот Версаля. Однако с ним тоже произошло любопытное приключение. Об этом расскажу в следующий раз.

— Вы, словно Шехерезада, пленяете нас своими историями с продолжением, — улыбнулся граф. — Давайте лучше займёмся фехтованием.

— Не думаю, что это стоит делать сегодня, — задумчиво взглянув на опускающиеся сумерки, произнесла Арабелла, — завтра охота, и нам надо выехать в пять часов утра. Нам всем надо хорошенько выспаться, чтобы с утра быть готовыми к настоящей битве.

— Вы говорите, как настоящий флибустьер — недаром Вы их защищаете, — заметил граф, — скажите, Вы имели честь брать кого-либо на абордаж?

— Думаю, каждая женщина хотя бы раз в жизни брала кого-нибудь на абордаж, — хитро улыбнулась девушка, метнув быстрый взгляд из-под ресниц на господина посла, — Это то, что объединяет нас с пиратами. Мы вначале намечаем цель, затем обстреливаем её взглядами, и лишь после этого забрасываем крюки.

— Хорошее сравнение, — улыбнулся граф, — а если серьёзно?

— Я уже говорила Вам, что я при дворе недавно. Поэтому ещё не решила, кого буду брать на абордаж. Разумеется, рано или поздно придётся, но я должна присмотреться к окружающим меня кораблям.

— А граф Солсбери — разве не достойный Вас галеон? — подхватив шуточный тон Арабеллы, произнёс граф.

— Он мой давний друг. Мы познакомились при столь необычных обстоятельствах, что в это даже трудно поверить. Завтра вы узнаете все подробности этого приключения.

— Я уже говорил Вам, что Вы похожи на Шехерезаду. Завлекаете нас своими сказками, и я никак не могу понять, чего Вы от нас хотите.

— Мои желания полностью совпадают с желаниями Её Величества Анны Стюарт, — насмешливо взглянула на него Арабелла. — Однако, не будем сегодня говорить о делах. Переговорам мы посвятим завтрашнее послеобеденное время, когда Вы и Ваша супруга вдоволь поохотитесь в моих угодьях, которые, как я слышала, богаты дичью. Всему своё

время — и делу, и развлечениям. Пока же я настоятельно предлагаю Вам выспаться, иначе Вы не сможете получить истинное наслаждение от охоты и будете думать лишь о том, как бы прикорнуть где-нибудь на диване.

Пока господа де Пуанси предавались светским беседам в замке Блейнхейм, в Кенсингтоне царила суматоха. Взбешённый Болингброк, которого посланный герцогом Йоркским мальчишка догнал на полпути в Дувр, завернул обратно и, проскакав верхом добрую сотню миль, через час был в королевском дворце. Но Анна Стюарт никого не принимала, рядом с приёмной прохаживался граф Вандомский с бесстрастным выражением лица, а герцог и баронесса растерянно взирали на него, не зная, что предпринять. Тогда Болингброк, не рассчитывая на чью-либо поддержку и мысленно проклиная тупоголовых королевских фаворитов, вновь оседлал коня и галопом направился к Мальборо-Хаусу. На подъезде к Вестминстеру ему уже почти удалось догнать карету с гербом Мальборо, но та неожиданно свернула, и он потерял её след, а через две улицы ему встретилось сразу две точно такие же кареты, причём обе ехали в разные стороны! Ошарашенный герцог, подумав немного, направился вслед за той, что двигалась в направлении дороги на Оксфорд. Карета ехала быстро, и кучер, видимо, изо всех сил пытался оторваться от преследующего его господу всадника. Так Болингброк проехал до городской черты. Он намеренно следовал в отдалении, надеясь появиться именно в тот момент, когда герцогиня со своими гостями покинет экипаж, и уже ничто не помешает его беседе с послом. Мысленно представляя себе лицо Арабеллы при виде возникшего, как из-под земли, премьер-министра, он испытывал несказанное удовольствие. Однако карета, едва выехав на дорогу, ведущую в Оксфорд, тут же свернула и направилась на север, в сторону Бэдфорда. Поражённому Болингброку ничего не оставалось, как последовать за ней вплоть до местечка Сент-Олбанс. Каково же было его удивление, когда, к ночи, достигнув постоянного двора, карета остановилась, и из неё вышла молодая женщина, совершенно непохожая ни на герцогиню Мальборо, ни на жену французского посла.

— Скажите, госпожа, — обратился он к ней, — Вы родственница герцогини Мальборо?

— Я её служанка, — присела в реверанс миловидная брюнетка лет шестнадцати, — меня зовут Мэри Кэт.

Болингброк выругался. Он понял, что хитрая герцогиня одурачила его, пустив по дороге несколько пустых карет. Окончательно расстроенный, он всё же решил наутро попытать счастья в Блейнхейме. Пока же, бросившись на жёсткую кровать, накрытую ему в холодной нетопленной комнате, он заснул беспокойным прерывистым сном, предоставив герцогине Мальборо и её спутникам провести спокойную безмятежную ночь.

Наутро охотники в сопровождении слуг и борзых выехали в лес. Графиня де Пуанси выглядела усталой, и под глазами её залегли тёмные тени. Граф пытался ободрить её, но, видимо, не понимал причины её беспокойства. Было очень рано, и солнце ещё не поднялось над горизонтом, и всё вокруг было подёрнуто синеватой дымкой. Только цоканье копыт да хлопки крыльев спугнутых собаками уток нарушали предутреннюю тишину. Арабелла казалась необыкновенно весёлой и оживлённой. Сменив причёску и наконец-то предоставив своим чёрным волосам возможность быть собранными в пучок над головой — нечто, напоминающее «фонтан», но значительно более свободное и удобное, она ехала в мужском седле. Увидев высокую ель, девушка указала рукой на висящие на её ветвях крупные шишки:

— Ну что, графиня, покажете своё искусство? — и хитро улыбнулась послу

Мадам де Пуанси выстрелила, и шишка упала к ногам её супруга, будто она была

сорвана чьей-то невидимой рукой.

— Просто великолепно, мадам, — рассмеялся граф Солсбери, — из Вас вышел бы великолепный флибустьер, — разве не так, господин посланник?

— А Вы, герцогиня? Вы говорили, что тоже метко стреляете, — спросил граф, желая защитить супругу, которая, по-видимому, вновь испытала внезапный приступ головокружения. В ответ Арабелла прищипорила коня и стрелой умчалась в лес. Сделав круг, она, всего лишь на мгновение появившись на поляне, выстрелила в висящую на самой верхней ветке шишку. Та упала к ногам изумлённых зрителей. Сделав ещё один круг, девушка предстала перед глазами изумлённых зрителей.

— Вот это выстрел! — восхищённо заметил Солсбери, — Вы просто великолепны, Арабелла.

Герцогиня спешила и шуточно присела в реверансе, а затем вновь вскочила в седло

— Вперёд, господа, — крикнула она, услышав вдалеке лай собак, — кажется, они подняли крупную дичь.

Охота оказалась на редкость удачной. За несколько часов охотникам удалось подстрелить несколько ланей и одного крупного оленя, не считая уток и голубей. Усталые, но довольные, они уже собирались возвращаться в дом, когда к Арабелле подъехал верхом мальчик-слуга.

— Герцогиня, на границе Ваших владений посторонние люди, — доложил он

— Кто? — поинтересовалась Арабелла, предусмотрительно удалившись от процессии на безопасное расстояние

— Хорошо одетый господин лет тридцати. Он верхом, на взмыленной лошади.

— Закройте дом, Патрик, но так, чтобы никто и подумать не мог, что мы здесь. Пусть Джек скажет этому господину, что мы вернулись в Мальборо-Хаус. Подготовьте лодки и дом на острове — мы едем туда. Из Блейнхейма должны немедленно выехать две кареты — одна в направлении Пэлл-Мэлл, другая — Кенсингтона. Надеюсь, эти кареты уже прибыли.

Вернувшись к своим спутникам, Арабелла была столь же оживлённой и весёлой, как раньше.

— Господа! — обратилась она к ним с неизменной улыбкой, — мне только что сообщили, что для нас подготовлен дом на острове. Мой повар уже там, и ему нужен лишь час для того, чтобы приготовить нам угощение из той дичи, что мы с вами подстрелили. Внизу есть фехтовальный зал и кабинет с камином, а из столовой превосходный вид на озеро. Предлагаю изменить планы и отобедать именно там.

— Хорошее предложение, герцогиня, — заметил граф де Пуанси, — вполне в духе раннего короля Людовика. Он тоже любил домики на островах, называя их павильонами Афродиты

— Я знаю об этом, именно поэтому распорядилась подготовить этот дом, — не моргнув глазом, соврала Арабелла, и вновь прищипорила коня. Охотники ехали по лесу крупной рысью. По просьбе Арабеллы, граф Солсбери ускорил шаг, увлекая за собой посла и предоставив женщинам возможность следовать в арьергарде. Замыкали шествие четыре слуги с добычей. Девушка бросила беглый взгляд на свою спутницу. Та пристально глядела на неё расширенными от страха глазами. Наконец, графиня прервала неловкую паузу:

— Скажите, герцогиня, что Вам от нас надо?

— Вы прекрасно знаете об этом, графиня, — улыбнулась Арабелла. — Договор на выгодных для Англии условиях

— Откуда Вам известно обо мне?

— Мне известно всё, что происходило в районе Сен-Доменго в течение последних четырёх лет.

— Что Вы хотите сказать?

— Всего лишь то, что я прекрасно знаю все истории, произошедшие с французскими и английскими флибустьерами за последние четыре года, в том числе истории де Фонтейна, де Ритера и де Вернона, и могу рассказать много интересного, что, несомненно, развлечёт Вас и Вашего супруга.

— Что именно Вы собираетесь рассказать? — быстро прошептала ей на ухо мадам де Пуанси

— Это зависит, в том числе, и от Вас, графиня. Я расскажу то, что будет наиболее интересно. До начала переговоров у нас ещё есть время для беседы за кофе, фехтования и обеда. Переговоры начнутся в три часа и продлятся до шести, после чего нас вновь ждут увлекательные беседы. Как справедливо заметил Ваш супруг, я на этой неделе превратилась в Шехерезаду и развлекаю вас сказками с продолжением. Но какое будет продолжение этих историй — зависит, в том числе, и от Вас, графиня.

Загадочно улыбнувшись, Арабелла прищипорила коня. Её спутникам не оставалось ничего, кроме как последовать за ней, и менее чем через полчаса они уже садились в стоящие у берега лодки, опередив преследующего их Болингброка не менее чем на полчаса.

Павильон на острове оправдал все ожидания Арабеллы. Лёгкий двухэтажный павильон с колоннами в духе раннего Людовика 14 вполне подходил для приёма французских гостей. Стол для кофе был накрыт в библиотеке. Арабелла с интересом рассматривала книжные полки, уставленные старинными фолиантами:

— Я уже говорила Вам, что я первый раз в Блейнхейме. Для меня всё это так же ново, как и для Вас.

— Так Ваш рассказ о недавнем прибытии из Нового Света — не шутка? — недоверчиво взглянул на неё де Пуанси

— Ничуть, месье де Пуанси, — рассмеялась Арабелла, — и, если уж мне приходится играть роль Шехерезады, то скажу Вам, что история моей жизни станет завершением нашей встречи.

— Вы необыкновенная женщина, герцогиня. Вы чем-то похожи на мою супругу

— В этом нет ничего удивительного, граф. Все женщины из Нового Света чем-то похожи. В них силён дух авантюризма и флибустьерства.

Де Пуанси взглянул на свою собеседницу. В синих, как шотландские озёра, глазах мерцали искорки, и графу почудилось, что они светятся, подобно огням Святого Эльма.

Странное поведение герцогини, её постоянные разговоры о флибустьерах, наконец, её потрясающая меткость, которой он не наблюдал ни у одного из своих знакомых-мужчин, породили в его душе самые невероятные предположения.

— Скажите, а Вы слышали что-нибудь о леди Киллигрю и о женщинах-пиратах?

— Я слышала эту историю, но нечто подобное случалось и в последние годы, — с простодушной улыбкой заметила девушка, не предполагая о том, какое странное впечатление она произвела на французского дипломата. Тот же уже почти уверился, что его новая знакомая вполне способна оказаться такой же, как и пиратствовавшая в водах Ла-Манша супруга фалмутского губернатора.

— Я слышала эту историю, — с простодушной улыбкой заметила девушка. — Но нечто

подобное случалось и в последние годы. Я знаю, по крайней мере, двух дам, сумевших стать капитанами. Обе они были очень молоды, а одна к концу своих странствий имела целую эскадру.

— Неужели, герцогиня, — удивился граф, — я не слышал об этом, хотя сам однажды побывал в Новом Свете. Правда, моё путешествие оказалось очень неудачным — мой корабль был захвачен испанцами, а я попал в темницу Пуэрто-Бельо.

— Как же Вам удалось оттуда выбраться? — рассмеялась Арабелла, — неужели за Вами прислал своих людей король Людовик?

— Вы удивитесь, герцогиня, — улыбнулся де Пуанси, — но меня освободили какие-то английские флибустьеры.

— Видите, граф, — с укоризной взглянула на него девушка, покачав головой, — английские флибустьеры — не такие уж злодеи, если они помогли Вам выбраться из казематов губернаторского дворца.

Граф с интересом наблюдал за своей новой знакомой, которая неожиданно замолчала, словно пытаясь что-то припомнить.

— Кстати, месье де Пуанси...

— Арабелла внезапно умолкла, пристально вглядываясь в лицо дипломата. Она вспомнила, что во время её визита в этот город в тюрьме действительно были какие-то французы.

— Вы не запомнили имя их капитана?

— К сожалению, нет, герцогиня, — задумчиво произнёс граф, — но, насколько я понял, нас освободили совершенно случайно. Пираты искали какого-то Уоллеса, который был у них важной птицей. Во всяком случае, мимо нашей камеры с воплями «где Уоллес» пробежал добрый десяток пиратов с саблями наголо. Когда они освободили своего товарища, юноша лет девятнадцати, увидев нас, спросил наши имена, и, узнав, что мы — французы, приказал нас освободить и переправить на какой-то корабль, после чего нас доставили на Тортугу, а затем — на материк. У меня была сильная лихорадка, и я плохо помню события того времени.

— Мир тесен, господин граф, — загадочно улыбнулась девушка, — мне хорошо известна эта история, да и с Питтом Уоллесом я знакома. Однако, граф, Вы ещё не попробовали ананас и папайю. Это одно из любимых угощений в Новом Свете.

— Довольно о Новом Свете, господа, — раздражённо произнесла графиня. — Может, пройдем в фехтовальный зал?

— Может, дадим фору нашим мужчинам, графиня?

— Что Вы имеете в виду? — недоуменно взглянул на неё Солсбери

— Платье сильно сковывает движения. Фехтовать в нём ещё труднее, чем держать шпагу в левой руке. Так что женский наряд — хорошая фора сопернику.

— Почему бы нет, — равнодушно произнесла мадам де Пуанси

Луиза была уверена, что знает эту женщину, и что они не раз встречались в Новом Свете. Вот только... Нет, герцогиня определённо преувеличивает, говоря об отчаянном нраве тамошних дам. Значит, эта новая фаворитка... Хорошо стреляет, фехтует... Луиза впервые пожалела, что на Тортуге избегала общения с другими капитанами. Опасаясь разоблачения, она предпочитала всё свободное время проводить на корабле, не вступая в союзы и не принимая участия в крупных операциях. Вот если бы... Тогда бы она точно вспомнила этолицо. А может, отказаться от фехтования в платье? Предпочесть мужской

наряд? Может, тогда она узнает, кто перед ней на самом деле? Нет, если Мальборо — бывший пират, то воспримет отказ как проявление слабости. А это ещё хуже...

— Я готова фехтовать с Солсбери в платье

— Я тоже, — рассмеялась Арабелла, — Ваша супруга, граф, уже выбрала себе соперника, и мне ничего не остаётся, как бросить вызов Вам.

Они проследовали в фехтовальный зал. Силы были примерно равны, и поединок продолжался почти до самого обеда. Солсбери отчаянно защищался, отбиваясь от шквала ударов, наносимых мадам де Пуанси. Арабелла же спокойно и невозмутимо обменивалась ударами с французским посланником, время от времени комментируя удачные выпады противника. Наконец, в фехтовальном зале появился слуга

— Обед будет подан через десять минут, — доложил он и тут же исчез.

— Нам пора заканчивать, месье, — отведя выпад графа, Арабелла коснулась его плеча остриём шпаги и взглянула на Солсбери. Тот с трудом отбивался от изошрённых атак мадам де Пуанси.

— Мне очень хотелось бы спросить Вас, герцогиня, — поинтересовался усталый от поединка посланник, — Вы намеренно не спешили с решающим ударом?

— Разумеется, граф. Мне хотелось продлить удовольствие. Вы отлично фехтуете.

— Не хотелось бы мне встретиться с Вами в настоящем бою, — задумчиво произнёс граф, предложив руку своей недавней противнице.

— Насколько я вижу, Ваша супруга также великолепно фехтует, — парировала Арабелла, — она почти взяла верх над Солсбери

Метнувшись вперёд, Луиза тотчас же коснулась остриём груди зазевавшегося Солсбери.

— Ну вот, граф, — рассмеялась Арабелла. — Вижу, в этом поединке дамы оказались сильнее.

За обедом, продолжавшимся почти час, разговор вновь был весьма оживлённым.

— Вы знаете, что моя супруга происходит из рода де Труавиль

— Славный род, несомненно, — многозначительно заметила Арабелла, — насколько мне известно, среди них есть и сухопутные, и морские офицеры.

— В моём роду не было моряков, — возразила мадам де Пуанси

— Значит, я перепутала, — смущённо произнесла Арабелла, — однако, действительно среди французов много удачливых капитанов. Например, де Фонтейн. Он был одним из лучших, и кстати, граф, насколько мне известно, участвовал в том самом рейде в Пуэрто-Бельо. Неужели он Вам не встретился? Может, графиня лучше его знает?

Лицо мадам вновь покрыла бледность, и она бросила умоляющий взгляд на свою собеседницу

— Я что-то слышала о нём, но не знала его лично, — тихо пробормотала она, — Наверное, я слышала о де Фонтейне от Монтенона. Может быть, я даже видела его в гостях у Монтенона. А Вы, герцогиня? Как Вы познакомились с ним?

— Там же, где и Вы, графиня, — весело ответила Арабелла, — шевалье де Монтенон всё время принимал пиратских капитанов, и я видела многих из них. Один даже проявлял симпатию к его дочери, но этот роман длился недолго. Не знаете, как живёт Мари Жермен? Она теперь мадам де Нуатрэ.

— Я не встречала её, — отвечала графиня, которую этот разговор довёл почти до изнеможения.

— Как же? — удивлённо поднял брови посланник короля Людовика. — Вы же виделись

с ней в Версале на прошлой неделе. Она сразу тебя узнала, а ты почему-то сделала вид, что в первый раз её видишь.

— Не помню, — графиня отвернулась и вытерла пот со лба.

— Моя жена стала очень рассеянной, — произнёс месье де Пуанси, — наверное, у меня скоро будет наследник. Кстати, герцогиня, — заметил он, — Вы обещали рассказать про Вашу причёску и что-то упомянули о некоем событии, произошедшем в Лондоне

— Это тоже связано с флибустьерами, господин граф, — улыбнулась Арабелла — Сегодня все наши разговоры вращаются вокруг этой темы. Один пиратский капитан, человек достаточно знатного происхождения, захотел вернуть имущество семьи, вернулся в Лондон и предстал перед судом. Об этом писали газеты, и даже сочинили балладу.

— Расскажите подробнее, пожалуйста, — попросил её королевский посол, ещё ничего не слышавший о королевском процессе

— Это долгая история, — хитро взглянула на него девушка, — приберегу её на завтра

Наконец, ужин был закончен. Едва живая, мадам де Пуанси проследовала в кабинет, опершись на руку мужа. За ними проследовали Арабелла и граф Солсбери. Расположившись перед камином за круглым небольшим столиком, граф достал свои бумаги. Арабелла разложила карты, и собеседники склонились над ними.

— Взгляните, — указала она на карту Европы, — Англия — единственная из крупных европейских держав, не имевшая выхода к Средиземному морю. Поэтому удержание Гибралтара под английским протекторатом крайне необходимо, иначе наши торговые суда не будут защищены от нападения ни алжирцев, ни даже французских или испанских пиратов.

Де Пуанси взглянул на супругу. Та всегда находила нужные слова, чтобы опровергнуть самые веские доводы английских дипломатов. Но сейчас она лишь молча кивнула. Собравшись с мыслями, дипломат, наконец, заговорил:

— Гибралтар принадлежал Испании, герцогиня. После смерти короля Карлоса испанский трон занял представитель рода Бурбонов. Захват Гибралтара англичанами был всего лишь пиратским рейдом. В нём, конечно, участвовали английские адмиралы, но разве это меняет суть?

Мадам де Пуанси, словно зачарованная, глядела на карту. Ни слова, ни кивка, ни единого движения головы в поддержку позиции супруга. Герцогиня же уверенно продолжала:

— Война есть война, господин граф. Англия же по-прежнему удерживает эту крепость, несмотря на все попытки других держав овладеть им. Так что необходимо закрепить наш протекторат над Гибралтаром. А Вы что думаете, графиня?

Луиза по-прежнему молчала, потупив взгляд. Она прекрасно поняла смысл утреннего разговора и не желала вмешиваться в спор.

— Думаю, графиня согласна со мной, хотя и не желает перечить своему супругу, — заметила девушка, искоса взглянув на бледную мадам де Пуанси. — Обсудим, однако, состояние дел в Новом свете.

— Думаю всё же, — начал де Пуанси. — Англия должна признать необходимость разделения острова Ньюфаундленд на две части с центрами в Сент-Сильвер и Плезанс. Что касается захвата столицы Акадии Николсоном, то его признавал незаконным даже Болингброк. Говорят, Николсон просто подкупил местных индейцев.

— Однако, сегодняшняя ситуация такова...

Бледная графиня, в голове которой наверняка не один план по ниспровержению всех доводов английской стороны, молчала. Арабелла улыбнулась — ей вспомнился последний разговор с Анной. Поручение королевы поначалу казалось ей более чем странным. Как может вести переговоры человек, весьма смутно знакомый с взаимными претензиями двух великих держав? Но Анна настаивала, а вскоре из её уст прозвучало знакомое имя — Луиза де Труавиль. С этой минуты Арабелла была абсолютно уверена — козырной картой в переговорах станет именно прошлое мадам де Пуанси. И вот теперь она блефовала. Блефовала дерзко, приводя заученные по памяти доводы, подсказанные Анной в их последней беседе.

— Ньюфаундленд и Акадия находятся под властью Англии. Англичане полностью контролируют остров Сент-Китс и побережье Гудзонова залива. Будет справедливым, если Франция откажется от своих прав на эти территории. Необходимо, наконец, закрепить границы владений двух великих держав и прекратить эти бессмысленные полупиратские набеги на соседние территории.

Не зная, как возразить на эту пространную тираду, посол взглянул на супругу. Графиня молчала, потупившись под пристальным взглядом королевской фаворитки.

— Думаю, господин граф, — почтительно заметила Арабелла. — Мадам де Пуанси понимает справедливость моих аргументов. Однако, как я уже сказала, она, как хорошая жена, не желает спорить с супругом.

— Думаю, господин граф, что если мы действительно хотим мира с Англией, нам надо учитывать и её интересы, — наконец-то выдавила из себя графиня. — Аргументы, приведённые герцогиней, слишком вески, чтобы их игнорировать. Предлагаю подписать договор, предложенной герцогиней Мальборо.

— А что касается поддержки Претендента Францией и расширения католической экспансии в Новом Свете? — возобновила наступление Арабелла. — Не думаю, что мы можем упустить этот немаловажный момент.

Графиня молча кивнула. Её супруг пребывал в полном замешательстве. Будучи от природы человеком мягким и миролюбивым, он не владел даром убеждения, и в споре часто терпел поражение. Именно поэтому, достигнув возраста сорока девяти лет, он так и не получил какого-либо важного государственного поста, и лишь брак с непреклонной и волевой Луизой де Труавиль помог ему добиться тех карьерных высот, на которых он и пребывал в настоящее время.

— Хорошо, герцогиня, — пробормотал он. — Как видно, сегодня не самый лучший день для Франции.

— Благодарю Вас за поддержку, господа, — Арабелла взяла со стола два исписанных мелким почерком листа гербовой бумаги, на которых уже красовалась не только печать королевы Анны, но и её собственноручная подпись, — вот два экземпляра договора — один для английской, другой — для французской стороны.

— Но я не вижу здесь подписи премьер-министра, — возразил де Пуанси, надеясь, что его старый друг Болингброк поможет ему отстоять законные интересы Франции.

— Подпись королевы имеет решающее значение, — возразила Арабелла. — Премьер-министр не будет возражать, как и парламент, тем более что это в интересах всего королевства, а не отдельных лиц.

Намёк был весьма прозрачен — и в Кенсингтоне, и в Версале знали, что поддержка интересов противоположной стороны в мирных переговорах — дело далеко не

безвозмездное, и что король Людовик уже изрядно поиздержался, перекладывая средства из государственной казны в карманы некоторых английских министров. Граф ещё раз взглянул на супругу. Он понимал, что ему приходится ставить подпись под документом, который не вполне соответствует французским интересам. Однако, не отличаясь свойственной Луизе силой характера, он не мог найти достойных аргументов, чтобы возразить своей изощрённой в спорах собеседнице. Вздыхнув, он взял перо и подписал договор. Арабелла и граф Солсбери поставили рядом свои подписи.

— Мы немедленно передадим один экземпляр договора Её Величеству для передачи в парламент, — деловито кивнула девушка. — Теперь необходимо срочно выехать в Лондон.

Всю дорогу Арабелла сидела рядом с Солсбери, положив руку на спусковой крючок пистолета. Опасаясь, что Болингброк предпримет попытку подкупить разбойников, она то и дело оглядывалась назад, проверяя, нет ли за ними погони. Но в тот момент, когда они были на окраинах Лондона, виконт уже подъезжал к Пэлл-Мэлл, преследуя одну из пустых карет с гербом Мальборо. Обнаружив очередной обман, виконт повернул к Кенсингтону, однако экипаж с французским послом уже был в непосредственной близости от королевского дворца.

Анна, казалось, чувствовала себя немного лучше. Внимательно просмотрев договор, который впоследствии лёг в основу Утрехтского мира, она обещала в тот же день представить его для утверждения парламентом.

— Надеюсь, Вы хорошо провели время? — улыбнулась она, заметив растерянный вид французского дипломата

— Разумеется, Ваше Величество. Герцогиня Мальборо интересная собеседница и весьма интригующая особа.

— В таком случае, граф, — устало произнесла королева, вновь опустившись на диван. — Я попрошу герцогиню уделить вам с супругой ещё несколько дней. Моё здоровье немного лучше, но всё же мне хотелось бы побыть одной. Длительные разговоры всё ещё сильно утомляют.

— За герцогиней есть небольшой должок, — усмехнулся де Пуанси. — Она обещала рассказать нам несколько историй и показать Мальборо-Хаус

Аудиенция была закончена. Лёгким кивком головы попрощавшись с гостями, королева укуталась в плед и придвинулась ближе к камину. Голова её раскалывалась, руки сковала боль, а тело вновь сотрясал озноб.

В приёмной прогуливался раздражённый Болингброк. На его сапогах оставила след дорожная пыль.

— Приветствую Вас, граф, — начал было виконт, Солсбери тотчас же наклонился к уху де Пуанси:

— Представьте себе, граф, панамский президент...

Французский дипломат был не понаслышке знаком с испанскими тюрьмами, поэтому через несколько мгновений компания проследовала первого министра, которому так и не удалось прервать их оживлённый разговор. Вскоре прибыли в Мальборо-Хаус. Граф осмотрел дворец и тотчас же попросил проводить его в кабинет.

— Вы так и не закончили Ваши сказки, дорогая Шехерезада. Хотелось бы верить, что все обещания не были лишь искусным блефом. Надеюсь, Вы расскажете и Вашу историю

— Хорошо, граф, — улыбнулась ему Арабелла, — самые интересные сказки из жизни флибустьеров лишь начинаются.

— Но причём здесь Вы, герцогиня? Вы тоже были в испанском плену?

— Не совсем, господа. Вы слышали о Питере Сильвере?

Луиза с ужасом взглянула на Арабеллу, ожидая дальнейшего развития событий. Она была убеждена, что приложила все усилия, чтобы избежать скандальной развязки.

— Да, я слышала о нём, мне однажды довелось с ним беседовать у Монтенона, — стараясь казаться спокойной, ответила она, — он скорее напоминал придворного, чем флибустьера.

— Он был весьма удачлив, граф, и имел много кораблей.

— Вы говорите о нём в прошедшем времени. Его нет в живых?

Арабелла кивнула, но граф с удивлением заметил мелькнувшую на её губах озорную улыбку.

— Он был знатен, но дом его был разрушен во время нападения испанцев на Нью-Провиденс, а сам он оказался в плену. Но вместе другими пленниками захватил корабль, на котором и пиратствовал последующие четыре года. Потом он случайно узнал, что является единственным наследником огромного состояния и вернулся в Англию.

— Наверняка его приговорили к смертной казни, как Кидда. Насколько я слышал, Адмиралтейский суд не слишком жалует пиратов

— Да, он предстал перед судом. Об этом писали в газетах и даже сочинили балладу «Прощание капитана Сильвера».

Граф удивлённо глядел на сидевшую перед ним девушку. Глаза её светились озорством, а ведь ещё недавно она высказывала искреннюю симпатию к пиратам.

— Неужели Вам не жаль этого несчастного, герцогиня?

— Нисколько, граф, — улыбнулась Арабелла. — Думаю, и Вы не будете его жалеть. А пока немного терпения. Сейчас я спою Вам эту балладу. Правда, её первоначальный вариант, опубликованный «Аналитиком», представлял собой лишь досужие сплетни. Я немного её переделала — так, чтобы все события соответствовали действительности, и отдала в «Сплетник» Аддисона. Надеюсь, это был достойный ответ на домыслы издателей Болингброка, которые даже не удосужились дождаться окончания судебного процесса.

— Прошу Вас, Шехерезада. Надеюсь, Вы хотя бы немного удовлетворите моё любопытство.

Арабелла взяла в руки лютню и запела. Бархатистый голос, подобно набегаящим на берег морским волнам, то возвышался, с рокотом накатываясь на скалы, то почти затихал, тихо вибрируя, как волны во время отлива.

Я Питер Сильвер, я капитан, я южных морей пират

Испанцев я грабил, и побеждал, и не отступал назад

Огнём и мечом покорял города, лишь стоны стояли кругом

Под натиском дерзким сдавались суда, но полно грустить о былом.

Я много золота в битвах добыл, и много флотов потопил

Таким, господа, я пиратом был, морским разбойником был

И вот теперь я стою пред судом, и должен я умереть.

Прощайте ж, не надо грустить о былом, оплакивая мою смерть.

И вот теперь я пред вами стою, каков приговор — как не знать,

Прощальную песнь я для вас пою, прошу вас простить и понять

Девушка замолчала. Струны лютни, ещё вибрировавшие от прикосновения её тонких пальцев, издавали тихие жалобные звуки. Господа де Пуанси с интересом наблюдали за

выражением её глаз, то вспыхивавших ярким огнём, то затухавших в какой-то странной задумчивости. Графиня, затаив дыхание, следила за каждым движением своей странной собеседницы.

— Но Вы так ничего и не сказали о судьбе этого капитана, — улыбнулся граф, когда звуки музыки почти затихли

— Терпение, граф, — улыбнулась Арабелла, — всё, что Вы слышали сейчас, это вариант Слоу, опубликованный «Аналитиком». Я не сочла необходимым изменять первые куплеты, наоборот, постаралась полностью сохранить стиль оригинала, переписав лишь те строки, которые не соответствовали истине. Дальше Слоу перечисляет все дела эскадры Сильвера, которую на Тортуге называли «палатой лордов», но, думаю, всё же я пропущу эти куплеты — они, в сущности, мало интересны. Насколько я понимаю, Вас больше интересует судьба самого Сильвера?

— Разумеется, герцогиня, — задумчиво произнёс де Пуанси, — мы с графиней сгораем от нетерпения. Хотелось бы также узнать, при чём здесь Вы? Вы обещали поведать нам о Вашей судьбе, а не о каком-то пиратском капитане, пусть даже и довольно известном.

— Ещё раз терпение, господа, — уверенно кивнула головой Арабелла, размышляя о том, какое впечатление может произвести её рассказ на собеседников, — слушайте продолжение баллады. Надеюсь, мои поэтические способности не сильно Вас разочаруют. Я старалась полностью воспроизвести стиль Джона Слоу, — и девушка вновь дотронулась до струн, которые, откликнулись на прикосновение пальцев мелодичным аккордом.

Прощайте же те, кого встретил я в пути бесконечном своём

Прощайте, и не судите меня. Не стоит грустить о былом.

Прощайте, и не судите меня за ярость жестоких лет

Ведь многих из плена вызволил я — вот Господу мой ответ

Но Божью волю не изменить, и вот средь морских равнин

На взятом мной галеоне «Кадис» мне встретился Доджсон-сын

И Зары несчастной лицо предо мной виденьем мелькнуло вдали...

В погоне за счастьем, за птицей-судьбой направил я в Дувр корабли.

— Но какое отношение Ваш Сильвер имел к судьбе герцогов Мальборо? — удивился граф, — неужели он — Ваш родственник?

— Я уже сказала вам, граф, — смуглое лицо Арабеллы вновь озарила хитрая улыбка. Продолжая перебирать струны пальцами, девушка загадочно глядела на собеседника, и в её синих глазах графу вновь почудился блеск огней Святого Эльма, — будьте терпеливы, и дослушайте балладу до конца. Думаю, это самый лучший способ открыть Вам истину. Музыка смягчает даже самые сильные потрясения, а то, что Вас ожидает — не из лёгких.

— Простите меня, герцогиня — смутился де Пуанси, — но Вы так заинтриговали меня, что я просто сгораю от нетерпения.

Аккорды звучали всё громче, как и мелодичный голос Арабеллы, увлекающий собеседников в какие-то неведомые им дали. Девушка невидящими глазами глядела перед собой, и перед её мысленным взором всплывали сцены королевского процесса, заставлявшие её вновь пережить то, что она испытала в тот день.

Прощайте, теперь не увижу я вовеки морскую гладь

Прощайте, друзья, всё уже решено, на палубе мне не стоять.

Мой жребий брошен, мосты сожжены, и Питер Сильвер уйдёт

Богатство Мальборо наконец к наследнице перейдёт.

Вопросов острых, как сабель, звон, как пушек пальба в ночи,
Как взрывы, как пламя со всех сторон — вновь в битве скрестились мечи
Вновь Питер Сильвер идёт вперёд, на верную смерть свою
Минута последняя жизни пройдёт, и песню я вам допою
Но вот все мосты сожжены, наконец, и Питер тайну раскрыл
И умер он, и странный конец историю завершил

— Значит, его всё-таки отправили на эшафот? — вновь прервал девушку граф

— Вам осталось дослушать последние строчки, месье де Пуанси, — улыбнулась

Арабелла, продолжая перебирать струны лютни, и всплески мелодичных звуков, как волны, то становились громче, то почти совсем затихали.

— Простите меня, что перебил Вас, — смутился граф, — продолжайте, пожалуйста.

— Извините меня, господа, — насмешливо улыбнулась девушка, с иронией взглянув прямо в глаза своему собеседнику, — очень прошу Вас не слишком сильно удивляться финалу моей истории. Всё, что Вы услышите в последних куплетах — чистая правда, — и она неожиданно сильно ударила по струнам. От внезапно раздавшегося аккорда, громкого, будто грохот пушки, граф де Пуанси вздрогнул. Мелодия становилась всё более нервной и отрывистой, и вдруг на мгновение оборвалась, а затем возобновилась, но на этот раз — спокойно и даже нежно.

Теперь меня снова мисс Брэдфорд зовут, и Мальборо-Хаус — мой дом

Теперь Кенсингтон для меня — полуют, и мне не мечтать о былом

Роскошный дом, дорогой наряд, прогулки верхом по Пэлл-Мэлл

Но только дуэли, как говорят, запретный для дам удел

В роскошном платье, потупив взор, придворная дама идёт

Вокруг неё шелестит разговор, и сеть интриган плетёт

Прощайте, друзья, не увижу я вовеки морскую гладь

Прощайте, друзья, не судите меня, на палубе мне не стоять.

Прощайте, в атаку теперь не пойду, в дыму и огне горя

И в схватке жаркой на abordаж не брошусь отныне я

Превратности странной судьбы моей связались морским узлом

Я вновь мисс Брэдфорд зовусь теперь, а Мальборо-Хаус — мой дом

Прощайте, друзья, мне уж не суждено погибнуть в жарком бою

Теперь леди Мальборо вам поёт прощальную песнь свою.

Граф изумлённо взирал на молодую женщину в сером платье, уютно устроившуюся в мягком кресле и изящно державшую в руках инструмент. Она выглядела так, будто бы ни разу в жизни не видела ничего, кроме домашнего уюта Мальборо-Хауса и блеска Кенсингтонского дворца. Однако слова песни, которые напевал её бархатный, с лёгкой хрипотцой, голос, говорили об обратном. Когда девушка взяла последний аккорд, он всё ещё глядел на эту странную герцогиню и не мог вымолвить не слова.

— Будем знакомы, граф, — снова весело рассмеялась Арабелла, глядя на изумлённого королевского посла. Перед Вами — тот самый бывший пират, один из морских разбойников, которых Вы так ненавидите.

Граф де Пуанси молчал, не зная, как отнестись к словам своей собеседницы, но, наконец, после долгой паузы, ответил, осторожно подбирая слова.

— Приходится верить Вам на слово, герцогиня, — пробормотал он, вспомнив свои недавние подозрения, — при взгляде на Вас я сразу вспомнил истории про леди Киллигрю

— такую изысканную, и вместе с тем воинственную и отважную.

— У меня не было другого выбора, граф, — простодушно улыбнулась Арабелла, — не думаю, что он есть и у других. Большинство становятся на этот путь, потеряв всё и не имея другой возможности добывать себе на хлеб.

— Да, — задумчиво промолвил посол, — Вы изменили мои представления об этом, как его называют, «береговом братстве», — а что же граф Солсбери? Как Вы с ним познакомились?

— Во время панамского рейда. Они с дочерью находились в плену в замке вице-короля. Кстати, граф, — заметила она, — Питт Уоллес — мой первый помощник и квартирмейстер моей эскадры, и именно за ним я отправилась в Пуэрто-Бельо, где Вы находились в темнице. Я была тем юношей, который бежал по тюремному коридору с саблей

— Поразительно, герцогиня, — изумлённо взглянул на неё граф, — значит, вчера Вы просто взяли нас с графиней на абордаж?

— Ну это уж Вы слишком, господин граф, — рассмеялась она, — просто мы удачно провели переговоры.

— Я должен непременно рассказать об этом королю, — многозначительно произнёс де Пуанси, вспомнивший, наконец, о своих обязанностях французского посла, — я не прошу себе, если он услышит эту историю от кого-нибудь другого. Графиня, мы немедленно отбываем на континент. Кстати, — он вновь пристально взглянул на сидящую перед ним Арабеллу, — неужели моя Луиза — тоже бывший пират — ведь Вы с ней очень похожи, и она столь же решительна и отважна.

— К сожалению, Вы ошибаетесь, граф, — улыбнулась девушка, бросив хитрый взгляд на мадам де Пуанси, — многие женщины Нового Света умеют стрелять и фехтовать. Я хорошо знала Вашу супругу и её дядю, плантатора из Сен-Доменго. Они частенько бывали на Тортуге. Её двоюродный дядя по материнской линии, Жан Пьер де Батистен, был дружен с некоторыми капитанами, в особенности де Верноном. Я слышал, что де Вернон часто навещал их и даже предлагал руку и сердце Луизе, но та отказала ему, ссылаясь на его сомнительные занятия, несмотря на то, что её дядя был совсем не прочь поженить их. Насколько я помню, после этого происшествия они с дядей поссорились, и Луиза собиралась отбыть на континент, но вскоре шевалье де Батистен умер, и ей пришлось задержаться в Сен-Доменго, чтобы уладить дела со своим наследством.

Поражённая графиня глядела на свою собеседницу, которая вначале едва не скомпрометировала её, а затем оказала неоценимую услугу. Удивлённая несколько не меньше, чем её супруг, она воскрешала в своей памяти события трёхлетней давности, но облик капитана ни в коей мере не соответствовал той молодой даме, которая, уютно устроившись в кресле, сидела перед ней с лютней в руках. Наконец, проницательный Солсбери, который сразу почувствовал, что женщины хотели бы остаться наедине, предложил свои услуги графу де Пуанси, чтобы сопровождать его в Кенсинтон. Графиня, пользуясь случаем, попросила у супруга разрешения остаться в Мальборо-Хаусе, чтобы побеседовать со своим старым знакомым и узнать все новости о жизни в Сен-Доменге. Убедившись в том, что карета с мужчинами выехала за ворота, Луиза наконец-то выдавила из себя:

— Так значит, герцогиня, Вы — капитан Сильвер?

— Да, дорогая моя Луиза, — улыбнулась девушка, — точнее, капитан Луи де Вернон. Вот мы и встретились. Не ожидала, что наша встреча будет именно такой.

— Я тоже и подумать не могла, что самый удачливый капитан Тортуги окажется дамой. Питер всегда казался мне слишком хрупким и изящным, но такого я действительно не ожидала.

— Тем не менее, Луиза, это чистая правда, — ответила Арабелла, — как ты теперь живёшь?

— Неплохо — у моего мужа прекрасный дворец и много прислуги

Мадам де Пуанси старалась казаться весёлой, но в её глазах вдруг промелькнула тоска.

— Я очень скучаю по морю, Арабелла. Я часто вспоминаю те времена, когда в моих ушах свистел ветер, а волны в сильный шторм накатывались на палубу. Как мне хотелось бы вновь ощутить качку, а ещё лучше — вступить в бой или броситься на abordаж. Я слышала, что многие из тех, кто получил помилование, вновь возвращаются к прежним делам, и в чём-то я их понимаю. Когда борьба и смертельный риск становится частью твоей жизни, с этими ощущениями трудно распрощаться навсегда. Ты наверняка тоже это чувствуешь, ведь ты только что пела нам именно об этом.

— Ты права, Луиза, — произнесла Арабелла. — Думаю, что всё же у меня это впереди. Я здесь всего десять дней, но уже соскучилась по своей команде. Да и в море, конечно, хотелось бы выйти. Но, к сожалению, это уже невозможно. Хотелось бы, конечно, найти что-нибудь, что могло бы заменить мне море и эту полную риска жизнь. Не знаю, получится ли.

— Скажи, — задумчиво произнесла Луиза. — Если бы ты была бы женщиной, то хотела бы стать морским офицером?

— Не знаю, — пожала плечами девушка. — На флоте всё по-другому. Многие из моих людей были флотскими моряками. Они жаловались на амбициозных, но ничего не смыслящих в морском деле офицеров, которые добились своих должностей лишь благодаря знатному происхождению, а на деле не справились бы и с работой матроса.

Луиза понимающе кивнула.

— Мне тоже рассказывали об этом, но я поначалу не очень-то верила. Но потом, уже в Версале, я встретила несколько капитанов, под началом которых служили мои матросы. Эти господа оказались весьма недалёкими людьми, абсолютно уверенными в собственной непогрешимости. Как-то раз я всё же решила проверить, насколько хорошо они разбираются в мореходном деле. Я наговорила им комплиментов по поводу того, как трудно, наверное, управлять огромным кораблём, на котором ещё и палят из пушек, и задала несколько простейших вопросов по тактике взаимодействия кораблей эскадры и по ночному бою. Как ты думаешь, что я услышала в ответ?

Обе женщины рассмеялись, живо представив себе нарисованную мадам де Пуанси картину.

— Думаю, они так ничего и не ответили, — предположила Арабелла

— Ты почти угадала. Мы с ними беседовали в присутствии одного из адмиралов. Вначале они посмотрели на меня, как на явившийся перед ними призрак Медузы Горгоны. Замялись, начали бормотать что-то невнятное.

— А что адмирал?

— Он сказал, что трудно отвечать на вопрос под перекрёстным обстрелом глаз прелестной дамы. Предположил, что я слишком смутила молодых месье, а затем принялся пространно объяснять мне то, что я сама могла бы ему рассказать ничуть не менее подробно. Пришлось сделать вид, что я действительно с трудом понимаю, о чём идёт речь

— Хотелось бы видеть эту картину, — улынулась Арабелла, — всё же пиратом быть лучше — можно переизбрать капитана. Правда мы с тобой быстро освоили все морские премудрости.

Они беседовали ещё около часа, и вернувшийся в Мальборо-Хаус граф де Пуанси нашёл свою супругу изрядно похорошевшей и повеселевшей. Он был рад, что напряжённость, которая, как ему казалось, возникла между ней и герцогиней Мальборо с момента их первой встречи, сменилась дружеской непринуждённостью в общении. На прощание Арабелла предложила им доставить их во Францию на любом из кораблей своей эскадры, но граф, ссылаясь на дипломатический протокол, предпочёл нанять судно береговой охраны. Так закончилась неожиданная встреча бывших капитанов, ставших благодаря превратностям судьбы придворными дамами, державшими в своих руках отношения двух великих государств Европы.

Примечания

Сбивание апельсинов выстрелами действительно было одним из развлечений пиратов.

Слова о «бездонных как шотландские озёра» глазах взяты из одного из описаний внешности леди Киллигрю.

Рассуждения Арабеллы Брэдфорд о взаимных претензиях Англии и Франции взяты из источника, относящегося к Утрехтскому миру.

Названия «Аналитик» и «Сплетник» — немного изменённые «Экзаминейтор» Болингброка и «Болтун» Аддисона.

Глава 12 Любовь и дружба

Был вечер, но Арабелле никак не удавалось заснуть. Мысли кружились, метались, словно вспугнутые птицы. Да, она неплохо дебютировала в свете. Теперь все сплетники болтают лишь об одном — о скорой отставке Абигайль Мэшэм и том, что ей унаследует Арабелла Мальборо. Даже прошлое её мало кого смущало. Многие были уверены — решительность и знание жизни бывшей пиратки могли сослужить хорошую службу и укрепить королевскую власть, изрядно расшатавшуюся из-за несамостоятельности Анны Стюарт. Вокруг неё вилось много знатных, изысканных кавалеров. Их комплименты кружили голову, и Арабелла с головой окунулась в эту дотоле неизведанную жизнь. Балы, обеды, ужины и другие церемонии сменяли друг друга в одном бесконечном круговороте. Изменился и герцог Йоркский. Нескрываемую неприязнь, с которой он взирал на новую герцогиню Мальборо, сменили любезная улыбка и предупредительность. Во взгляде юного герцога порой мелькали восхищение и обожание. Саунтон почти не отходил от Арабеллы, тем более это было совсем не трудно. Оба сопровождали королеву во всех делах и постоянно находились рядом с ней. Девушка начала обращать внимание на изысканность манер и благородство осанки герцога, на его тонкие и длинные пальцы, так красиво лежащие на струнах лютни. Он больше не казался ей таким противным и трусливым. «Да. Джеймс ничего, даже красив. Но хотелось бы посмотреть на него на корабельной палубе», — часто думала она и уже находила, что, может быть, не все мужчины созданы для того, чтобы быть храбрыми моряками. Утончённость, изысканность и благородство тоже хороши, особенно в сочетании с молодостью. Арабелла всё чаще думала о Саунтоне, сравнивая его со своими старыми друзьями.

Особенно часто думала она о Питте Уоллесе. Ей не раз вспоминалась та искренняя, юношески наивная влюблённость, которую Питт испытывал к подруге детства Арабелле Брэдфорд, и о которой он не раз рассказывал своему капитану. Подобно средневековым рыцарям, Питт свято хранил в памяти идеальный образ своей возлюбленной, и даже самый отъявленный скептик и донжуан не смел насмехаться над его чувствами. «Представляю, что сейчас чувствует Питт», — думала она, глядя в окно на звёзды, мерцавшие над башнями Сент-Джеймса, — «но я действительно не знаю, чем ему помочь». Она много раз вспоминала обещание, которое дала когда-то, и то, как он освободил её от данного ею слова. Сколько горечи и боли было в его словах, брошенных им ей на палубе «Арабеллы» в тот день, когда она прощалась со своей командой! Да, ей не в чем было себя упрекнуть, но она почему-то чувствовала, что предала его. Что же она может сделать, чтобы облегчить ту боль, которую испытывает её лучший друг? Выйти за него замуж? Но одобрит ли это королева? Разумеется, нет — Арабелла знала это наверняка. Да и она сама уже была не вполне уверена, что желает этой свадьбы. Девушке хотелось ещё немного подождать с окончательным решением своей судьбы и разобраться в тех чувствах, которые она испытывает к Питту. Невольно сравнивая его с Саунтоном, она размышляла о том, с кем же из них она хотела бы связать свою дальнейшую жизнь. За годы пиратства Арабелла очень привязалась к Уоллесу, он стал её вторым «я», она понимала его, как никто другой, и не раз рисковала жизнью, чтобы выручить Питта из беды. Смогла бы она броситься на штурм Пуэрто-Бельо ради Джеймса Саунтона? Девушка понимала, что вряд ли поставила бы под угрозу жизнь своих людей, чтобы спасти человека, который ещё недавно строил ей козни. Но в те минуты, когда

они танцевали вместе на балу, и она ощущала тонкий аромат, исходивший от его парика, она забывала обо всех своих сомнениях. Голова её шла кругом, а воздух вокруг был напоен какими-то магическими флюидами, делавшими её по-настоящему счастливой. Как ей не хотелось в эти минуты думать о том, что скоро прозвучит последний аккорд, и ей придётся выпустить свою руку из изящной руки Саунтона! Девушка ни с кем не делилась своими сомнениями, и погружалась в размышления лишь тогда, когда оставалась в своей комнате, один на один с бездонным звёздным небом и мерцающими звёздами. Но каждое утро вихрь светской жизни вновь подхватывал её, и она уносилась в бесконечной череде церемоний, любезных разговоров и другой светской суеты.

Но чаще всего она вспоминала тот вечер. Это было во время очередного бала, когда она танцевала с герцогом Йоркским. Они о чём-то болтали, смеялись, и вдруг... Арабелла почувствовала это взгляд. Пристальный, сверлящий... Внимательно осмотревшись, она так никого и не увидела — все придворные, так же, как и она, кружились в танце. Потом музыка умолкла, и Арабелла подошла к окну и тотчас же замерла в изумлении. Сквозь вечернюю темноту на неё глядели глаза Питта Уоллеса! Сколько боли и отчаяния было в его взоре! Бросив ошарашенному Саунтону какую-то сумбурную фразу, она стремглав выбежала во двор, но Питта уже и след простыл... «Он не заслуживает этого. Он был со мной все эти годы», — подумала она и твёрдо решила сообщить королеве о своём браке с Питтом. Но наутро была охота, Её Величество азартно гонялась за зайцами и ланями, а потом удалилась на отдых. Так прошло несколько дней. Герцог Йоркский не отходил от Арабеллы, всячески высказывая ей знаки внимания, всё более и более завладевая её сердцем, из которого постепенно стирался образ старого друга. Несмотря на всю её симпатию к Питту их отношения скорее напоминали дружбу двух мужчин. И пусть порой сердце её замирало, когда она слышала его признания, но всё же... Скорее это можно было называть тщеславием, чем любовью. Конечно, ведь Питер Сильвер не имел на это права. Теперь же... Да, всё по-другому, но Питт... Он не будоражил её чувства, и в нём не осталось более никаких тайн и загадок. А вот Саунтон... Арабелла инстинктивно не доверяла ему — ведь красивый юноша был слишком расчётлив, чтобы быть влюбиться в недавнюю соперницу. Но сердце и разум её будто разучились понимать друг друга. Герцог завлекал её в сети, возбуждая чувства, которых она никогда не испытывала ранее. Всё в нём было для неё новым и захватывающим. «Он освободил меня от слова», — шептала она, глядя на высившиеся в чёрном небе башни Сент-Джеймса, — «Я свободна, но...»

Наутро была охота. Они с Саунтоном весь день были вместе, и девушка и думать забыла о Питте. Герцог же весь день вёл себя странно, бросая на спутницу многозначительные взгляды и намекая на то, что вечером они должны серьёзно обсудить очень важный вопрос. Щёки Арабеллы горели, а в мозгу мелькали безумные предположения. «Замуж за Саунтона...», — думала она, — «Неужели так быстро? А Питт?». Но едва она вспоминала с несчастном квартирмейстере, как горячий шёпот королевского фаворита вновь и вновь заставлял её сердце учащённо биться. Вечером состоялся бал, и они с Саунтоном опять открывали церемонию — королева была слишком слаба, чтобы утруждать себя танцем. Закончив менуэт, герцог заговорщицки шепнул ей на ухо:

— Герцогиня, нам с Вами надо поговорить наедине. Это очень важно, прошу Вас.

Саунтон нежно взял её за руку, увлекая за собой на лестницу.

— Что за дело? — отозвалась Арабелла, с ужасом осознавая, что щёки её заливают горячий румянец

— Надо найти место, где мы сможем поговорить

Пальцы Арабеллы дрожали, но она изо всех сил старалась казаться невозмутимой. Кивнув герцогу, девушка последовала за ним в комнатку под лестницей, по-видимому, предназначенную для дворцовой прислуги. В голове её роились бесчисленные предположения. Неужели герцог предложит ей свою руку? И что она ответит ему? Лицо Уоллеса всё время стояло перед её глазами, но не Питт, а Саунтон заставлял её сердце биться сильнее. Дверь, скрипнув, захлопнулась. Перед глазами Арабеллы всё ещё стоял туман.

— С Вами хотят побеседовать эти господа, герцогиня, — спокойный голос Саунтона прорезал тишину.

— Что?

Туман в голове рассеивался, и к Арабелле постепенно возвращалась способность мыслить. Девушка осмотрелась. У плотно занавешенного окна стоял рослый господин. Крупные черты его лица были обезображены глубоким шрамом, похожим на след удара абордажной сабли. Шрам пересекал щеку от угла глаза до края мощной нижней челюсти. Широкие плечи, орлиный взгляд и длинная, почти без украшений, шпага выдавали в нём искателя приключений. Хитрые лисьи глаза его, подобно абордажным крюкам, цепко впивались в собеседника. Рядом с ним стоял худощавый невысокий юноша-блондин. Он держался неуверенно но, как показалось Арабелле, пытался во всём подражать товарищу. Оба мужчины с интересом глядели на Арабеллу.

— Лорд Черндерлей и граф Барлоу, — заговорщицки произнёс Саунтон.

Романтическая беседа оборачивалась встречей с искателями приключений. Арабелла в недоумении уставилась на Саунтона.

— Что надо этим господам? Зачем они прибегли к Вашей помощи, чтобы побеседовать со мной?

— Дело касается одного предприятия, герцогиня.

— Надеюсь, герцогиня простит нас за столь необычное знакомство, — произнёс Чендерлей. — Но Вы дружны с Саунтоном, а он тоже хотел бы участвовать в нашем маленьком предприятии. Мы хотим составить триумвират, к которому предлагаем присоединиться и Вас, герцогиня

К Арабелле вновь вернулась ясность мыслей. Лисьи глазки Чендерлея породили в её мозгу самые неприятные предположения. Она поняла, что перед ней — один из тех самых знатных арматоров, которые, не выдавая своего участия в рейдах, снаряжают пиратские корабли и нанимают команду из самых отъявленных злодеев. Но изящный красавец Саунтон — неужели он один из них? Значит, всё, что ему от неё нужно — это помощь в их сомнительных делах? Может, стоит сразу отказаться? Или узнать их планы, а потом сообщить королеве?

— Что Вы хотите предложить?

— Экспедиция в Новый Свет, герцогиня. Я наслышан о Ваших подвигах от многих капитанов и, надеюсь, Вы примете участие в нашем деле.

— Какова будет моя роль?

— Лишь Вы можете убедить Её Величество в необходимости нашего предприятия. Мир на континенте едва заключён и слишком хрупок, а в Новом Свете и подавно. Поэтому мнение королевы будет зависеть от того, как Вы объясните ей важность нашей экспедиции. Необходимо, чтобы это был не частный пиратский рейд, а вполне добропорядочная военная

операция.

— Расскажите мне подробно, что Вы планируете? — Арабелла прекрасно поняла цели, которые преследовал её собеседник, но решила довести игру до конца.

— Мы бы хотели напасть на Маракайбо, — усмехнулся он в свои густые рыжеватые усы, — как Вы прекрасно знаете, герцогиня, это сказочно богатый город.

Арабелла поэтому прекрасно представляла себе все преимущества и трудности рейда. Сама она успешно провела эту операцию лишь потому, что её флотилия была достаточно крупной, чтобы удержать в своих руках форт, пока остальные корабли методично грабили город.

— Нападение на Маракайбо — не в интересах Англии, лорд Чендерлей. Её Величество никогда не согласится. Надеюсь, Вы понимаете, что, захватив город, мы не сможем удержать его, поскольку он находится на берегу озера за фортом, и подходы к нему простреливаются со всех сторон. Если действовать в государственных интересах, необходимо снарядить сильную эскадру, взяв на корабли больше людей, захватить форты и, удерживая их в своих руках, продвигаться к Маракайбо сушей и морем. В этом случае мы сможем взять под контроль всё побережье и присоединить эти территории к английским колониям. Однако, подобные действия равнозначны объявлению войны Испании.

— Зачем же так, герцогиня, — усмехнулся лорд Чендерлей, — нам не нужны масштабные операции, и не нужна война. Нам необходимо один хороший пиратский рейд. — Он вновь хитро взглянул на неё своими лисьими глазками.

— При участии Её Величества? — Арабелла изобразила на своём лице удивление, хотя это был именно тот ответ, который она вполне ожидала от своего собеседника.

— При её молчаливом согласии, которое обеспечите Вы, герцогиня, — и на лице лорда-флибустьера расплылась довольная улыбка.

— Королева в последнее время прислушивается только к Вам, — добавил он, склонившись в лёгком поклоне.

— С кем из капитанов Вы собираетесь иметь дело? — девушка хладнокровно продолжала вести свою игру с лордом Чендерлеем, но Барлоу решил взять инициативу на себя. Он расправил хрупкие плечи, гордо вскинул голову и произнёс, изо всех сил стараясь подражать манерам своего мужественного собеседника:

— Думаю, госпожа герцогиня вряд ли предпочтёт место фаворитки морским просторам, тем более что Ваши люди не согласятся на те условия, которые мы можем предложить.

Лорд Чендерлей незаметно толкнул слишком болтливого юношу локтем в бок, и этот жест не ускользнул от опытного взгляда Арабеллы. Однако, граф, не обративший внимания на эту попытку остановить его, продолжал:

— Лорд Чендерлей хорошо знает капитанов Тича, Харлоу, Девиса и Нэджеса. Им вполне достаточно десятой доли добычи, а для команды хватит и двадцати процентов. Итого — семьдесят процентов нам. — И он, подражая старшему товарищу, хитро прищурился и взглянул на Арабеллу.

— Думаю, что если герцогиня имеет на этот счёт другое мнение, то это можно обсудить, — произнёс лорд Чендерлей, и, склонившись к уху Барлоу, шепнул ему так тихо, что девушка с трудом расслышала его слова: «Ты что, болван! Зачем распускаешь язык?»

— Не думаю, господа, что мне будет интересна эта экспедиция, — спокойно произнесла Арабелла, решительно взглянув в бегающие лисьи глазки Чендерлея. — Я уже

вложила средства в торговые перевозки, поэтому мне более выгодно установление мира в Карибском море. Кроме этого, я считаю Ваше предложение бесчестным не только по отношению к королеве, но и по отношению к тем людям, с которыми Вы собираетесь иметь дело.

— Но ведь эти оборванцы всё равно пропьют все денежки? — рассмеялся Чердерлей. Несмотря на то, что отказ Арабеллы его расстроил, он отнёсся к ситуации как опытный игрок, который уже не выиграл, но ещё не проиграл свою партию.

— Это их дело, господа, а не ваше, — резко ответила девушка, вспомнив, как часто обобранные до нитки своими богатыми компаньонами пираты оказывались на грани голодной смерти, — у флибустьеров свои законы, и один из них — честный делёж добычи. Это ещё одна причина, по которой я не собираюсь участвовать в Вашем предприятии — я не могу предать тех людей, среди которых прожила последние четыре года. Я была одной из них, и поэтому не могу обмануть даже тех, с кем была в ссоре.

— Как Вам угодно, герцогиня, — поклонился ей окончательно осознавший своё поражение лорд Чендерлей. — Надеюсь, Вы не пожалеете, что отказались от нашего предложения.

Арабелла кивнула собеседникам и, едва взглянув на Саунтона, развернулась и вышла из комнаты, оставив недоумевающих членов триумвиата обсуждать создавшуюся после её отказа ситуацию. Было уже поздно, поэтому она, заглянув в королевские покои, чтобы попрощаться с Её Величеством, сразу же направилась в Мальборо-Хаус, чтобы поскорее остаться наедине со своими мыслями. Войдя в спальню и плотно закрыв за собой дверь, девушка взглянула на видневшиеся в ночной темноте башни Сент-Джеймсского дворца. Она вспомнила, как довольные и счастливые капитаны, сумевшие оснастить свои корабли за счёт лондонских арматоров, возвращались из экспедиций с полными трюмами, но, в конце концов, отдавали всё богатым хозяевам и оставались ни с чем. Ещё в большем убытке оказывались простые флибустьеры, которым после дележа не доставалось почти что ни гроша. Те же арматоры, обещавшие своим партнёрам помощь, с лёгкостью предавали их, когда те попадали в руки Адмиралтейского суда. История капитана Кидда, от которого отступились его высокие покровители, передавалась на Тортуге из уст в уста. Попад в Кенсингтон, Арабелла не раз была свидетельницей того, как господа, похожие на Чендерлея, договаривались о чём-то друг с другом, и до неё не раз долетали обрывки слов, из которых она понимала, что они договариваются о пиратских рейдах. Тяжёлые мысли не покидали девушку. Она была уверена, что, покинув Тортугу и став герцогиней Мальборо, покончила с пиратством навсегда. Но вечерний разговор заставил её ужаснуться. Эти люди были ещё более бесчестны, чем самые отъявленные злодеи из числа флибустьеров. Они не признавали никаких законов, кроме собственного обогащения, и откровенно презирали тех, кто, рискуя жизнью, добывал для них несметные сокровища. Чем же отличается королевский двор от Тортуги? И там, и здесь, есть честные люди, и есть отъявленные мерзавцы, но только в Новом Свете злодеи не скрывают своё истинное лицо, а в Кенсингтоне они носят маски добропорядочных лордов. Выходит, Хэндс был прав, и всё зависит от выбора самого человека, и неважно кто он — герцог или флибустьер? Перед ней вновь возникло лицо Джеймса Саунтона. Значит, все его пылкие взгляды и комплименты — лишь притворство? Значит, всё это — ложь? Очарование, вызванное общением с герцогом, ещё не рассеялось, но первые зёрна сомнения уже упали в душу девушки. Его близость всё ещё заставляло её сердце учащённо биться, но разум всё чаще напоминал ей о недавних событиях.

Через неделю Анна пригласила Арабеллу в кабинет. Королева чувствовала себя лучше, и была оживлённа и весела, и, впервые за последние дни встретила её, прогуливаясь по комнате, а не полулёжа на диване.

— Знаешь, Арабелла, я много думала об устройстве твоей судьбы. Тебе пора выйти замуж.

— Я думала об этом, и хотела поговорить с Вашим Величеством, — смущённо произнесла Арабелла, вспомнив, что ещё недавно твёрдо решила просить у Анны разрешения выйти замуж за Питта.

— Как тебе герцог Йоркский? — королева испытующе взглянула на девушку. Она не раз замечала, что её наперсница симпатизирует Саунтону.

— Он благородный кавалер, — произнесла она, и ей вдруг почудилось, что сердце её на секунду остановилось, а краска прилила к лицу.

— Да, именно благородный, ты права, — величественно кивнула королева, — И вполне достойный руки герцогини Мальборо. А ты о ком хотела поговорить?

Перед Арабеллой вновь всплыли глаза Питта — в тот день, когда он смотрел на неё из окна. Сердце её было на стороне Саунтона, но разум всё более настойчиво требовал справедливости.

— О Питте Уоллесе.

— Питт — человек низшего круга, — с презрением произнесла Анна, — Он даже не дворянин, и поэтому он не достоин твоей руки. Подумай об этом хорошенько. А теперь иди. Ты свободна.

Арабелла шла по коридору дворца и размышляла. Ещё раз воскрешая в своей памяти события, связанные с Питтом и Саунтоном, она снова и снова сравнивала обоих претендентов на её руку. Что же делать и кого выбрать? Лучшего друга и товарища, человека, который был ей по-рыцарски верен, или лживого красавца Саунтона, который, как она продолжала считать, добивался её внимания лишь с некоей корыстной целью. Ещё несколько дней прошли в сомнениях, но лишь случай помог ей их разрешить. Как-то вечером, проходя по коридору дворца, она услышала чей-то приглушённый смех. В коридоре, кроме неё, никого не было, и она почти на цыпочках, стараясь не выдать себя, подошла поближе. В нише обнимались мужчина и женщина. Голос мужчины показался ей знакомым:

— Ну что, моя красотка? Неужели ты не любишь меня?

— Я люблю тебя, но ты женишься на этой противной мисс Брэдфорд, — сквозь приглушённый смех, произнёс женский голос, — эта пиратка только вчера разгуливала по палубе и брала на бордаж испанские суда. Несмотря на то, что она всегда надушена, мне кажется, что от неё ещё пахнет порохом.

— Конечно, я женюсь на ней и получу всё её имущество, — Арабелла окончательно поняла, что мужской голос принадлежал именно герцогу. — Но люблю-то я тебя, До слуха Арабеллы донёсся похотливый смех.

— Но ведь она красива, — возражала девушка, — неужели она тебе ничуть не нравится?

— Красива! — усмехнулся он, — да ведь она пират в юбке. Она только и умеет, что драться. Даже на охоте отличилась лишь тем, что заколола кабана.

— Ты её целовал? — шутливо отстраняясь от назойливых поцелуев и ласк герцога, прошептала молодая женщина

— Да ты что? — усмехнулся он, — она никого на пушечный выстрел не подпустит до

брака.

Ей бы в монастырь, а не в королевский дворец. Не представляю, как она могла жить среди пиратов с такими представлениями о жизни. Да и вообще, она мне не нравится.

— Значит, ты женишься только из-за её денег? — прошептала красотка

— Конечно, моя крошка, — ответил он, — у меня долги, а у неё — имущество герцогов Мальборо. Да ещё, как я слышал, она ведёт какие-то дела с торговыми и судостроительными компаниями. Так что я быстро разбогатею!

— Она ещё и коммерцией занимается? — с презрением фыркнула юная леди

— Да, моя крошка. Видишь — она действительно пират в юбке. Не чета тебе.

Арабелла остолбенела. Так вот чего хотел этот герцог. Нет, разум не обманул её, она была права во всём. Почему же она поддалась на его ухаживания? «Нет, все женщины непроходимо глупы», — подумала она, словно ещё носила мужской костюм, — «а в том числе и я», — закончила она свою мысль, вспомнив, что она — тоже женщина. Бедный Питт Уоллес! Нет, она завтра же сообщит о своём решении королеве, и пусть даже за этим последует опала. Она никогда больше не посмотрит на герцога, который так унижает её.

— Добрый вечер, герцог, — произнесла она достаточно громко, чтобы заглушить смех юной леди

— Мисс Брэдфорд? — молодой сердцеед взглянул на неё и увидел, как гнев загорелся в её синих глазах.

— Да, герцог, это я, — голос Арабеллы звучал уверенно и твёрдо. Она стояла, гордо выпрямившись, и нахмутив брови, с презрением глядела на человека, который чуть было не стал её супругом

— Вы следили за мной? — возмущённым голосом произнёс герцог

— Нет, — рассмеялась девушка, метнув на Саунтона презрительный взгляд. — В этом не было необходимости. Я просто шла по коридору. Не думаю, что Вам нужно объяснять происходящее. Я говорила с Её Величеством о своём браке с Питтом Уоллесом, но она пыталась меня отговорить, предлагая Вашу кандидатуру. Однако, видимо, этот брак не приятен ни мне, ни Вам. Так что я более не считаю себя обязанной обдумывать предложение королевы. Вы любите мисс Дэниэл и женитесь на ней. Приятно провести ночь. Видимо, мисс Дэниэл не такая неприступная святоша, как я

По-мужски развернувшись на каблуках, Арабелла тотчас же удалилась.

Наутро она направилась к королеве, постаравшись успеть к её утреннему туалету, чтобы поговорить с ней до того, как герцог изложит свою версию. Королева ещё не встала с постели, но согласилась принять её.

— О чём ты говоришь, милая? — улыбнулась она усталой улыбкой, — да, Саунтон — законченный бабник. Я это очень хорошо знаю. Думаешь, мне легко терпеть все его романы, и мне прекрасно известно, что всем этим мисс он говорит обо мне то же, что сказал о тебе.

— Так что же Вы не дадите ему отставку? — Арабелле вдруг стало жаль эту стареющую женщину, вынужденную терпеть выходки молодого любовника.

— Вместо него придёт другой, и он будет точно таким же. Как ты думаешь, что им надо от немолодой и постоянно болеющей королевы — лишь власть, деньги, титулы и поместья, и больше ничего. Думаешь, кто-то из этих юнцов сможет искренне полюбить меня и заменить мне моего Георга?

— Так зачем же Вам мой брак с ним? — удивилась девушка

— Во-первых, это была его просьба, и я не смогла отказать, — вздохнула усталая Анна

Стюарт. — Во-вторых, тебе действительно надо найти достойного мужа, а этот твой безродный Уоллес меня не устраивает.

— Ваше Величество, — умоляюще произнесла Арабелла. — Питт Уоллес был со мной все эти годы, он искренне и преданно любил меня и был мне верен, даже зная, что меня нет в живых. Я уверена в своих словах, поскольку была его другом и капитаном, и он постоянно говорил мне о своих чувствах к Арабелле Брэдфорд. Несколько раз мы даже чуть не поссорились из-за этого.

— Да, в твоих словах есть доля правды, — вздохнула королева. — Твой Уоллес хотя бы любит тебя. Но ты — герцогиня Мальборо, и твой брак должен быть с равным тебе по крови.

— Ваше Величество, Вы помните, что обещали мне награду, — Арабелла вспомнила что после случая на охоте королева сказала, что в благодарность за своё спасение она выполнит любую просьбу девушки. — Это — та награда, о которой я прошу Вас. Разрешите мне брак с Питтом Уоллесом.

Лицо королевы нахмурилось и потемнело, и она грозно взглянула на Арабеллу:

— Никогда герцоги Мальборо не вступали в брак с безродными людьми. Но раз я обещала тебе, будь по-твоему. Ваши дети наследуют твой титул, но Уоллес не должен появляться при дворе. Ты же по-прежнему будешь со мной.

— Благодарю Вас, Ваше Величество, — Арабелла склонилась в поклоне перед королевой, — я всегда буду помнить Вашу доброту. Теперь же позвольте мне удалиться.

— Иди, — королева вновь метнула на девушку гневный взгляд, — но учти — на ваше бракосочетание я не приду. Не будет никого из придворных — это не светское мероприятие. Завтра я уезжаю в Дувр, но через два дня жду тебя при дворе.

Арабелла ещё раз поблагодарила королеву и вышла из кабинета. Она почувствовала облегчение — сомнения, одолевавшие её, исчезли. Исчез и дурман, вызванный общением с герцогом. Воскресив в памяти все события, связанные с её отношениями с Саунтоном, она окончательно поняла, что этот испорченный юноша преследовал лишь одну цель — получение наследства герцогов Мальборо. Именно поэтому он стремился её уничтожить в первые дни их знакомства, и именно поэтому он решил добиваться её руки после того, как окончательно убедился в том, что новая герцогиня имеет все шансы стать фавориткой королевы. Мысленно возвращаясь к Питту Уоллесу, она вновь и вновь убеждалась в том, что только он один по-настоящему любит её и действительно достоин того, чтобы быть её мужем. Но почему же она до сих пор не замечала его? Неужели из-за того, что он стал для неё слишком привычным и близким? Вернувшись в замок, она сразу же послала гонца за Вольверстоном, но тот прибыл лишь наутро, ссылаясь на плохое самочувствие, предоставив девушке провести ещё одну бессонную ночь.

— Я уже стар, мисс, — вздохнул он, едва появившись в замке, — мне тяжело скакать по несколько часов кряду на ночь глядя.

— Я понимаю, — улыбнулась она старому морскому волку, — скажи, ты хотел бы жить в замке?

— Я? — удивлённо уставился он на неё своим единственным глазом, — а в каком качестве?

— В качестве моего друга, — кивнула она ему, — согласно договору, у тебя своя доля в наших предприятиях, так что ты будешь жить на свои средства, и не будешь зависеть от меня.

— Вот это правильно, мисс, — довольно хмыкнул он, — старый Вольверстон никогда

не хотел жить за чужой счёт. А что тебе надо, мисс? Зачем ты за мной послала? — бывалый морской волк, как и раньше, обращался к Арабелле на «ты».

— Хочу тебе сказать, что я говорила с королевой. — Хитро улыбнулась девушка

— О чём? — с недоумением в голосе спросил Вольверстон

— О Питте Уоллесе, — решительно произнесла она. — Я приняла окончательное решение. Королева долго сопротивлялась, но, в конце концов, дала согласие на наш брак. Так что ты можешь обрадовать Питта.

— Неужели это правда, мисс? — старый друг никак не мог поверить в правдивость слов своего бывшего капитана

— Чистая правда, Вольверстон, — ласково улыбнулась ему девушка, — Я обещала сообщить Её Величеству дату своей свадьбы. Разумеется, ни её, ни придворных на церемонии не будет — она так и не смирилась, что я выхожу замуж за простолюдина.

— А ты это окончательно решила, мисс? — ещё раз переспросил сомневающийся Вольверстон

— Да, — твёрдо ответила она, — у меня уже нет никаких сомнений.

— Неужели знатные кавалеры не вскружили тебе голову? — усмехнулся морской волк, прищутив свой единственный глаз

— Был один такой, и он изо всех сил пытался заставить меня влюбиться в него, — рассмеялась Арабелла, — но, как оказалось, ему нужны были лишь мои имения. Я всегда чувствовала это, но окончательно поняла только вчера. Её Величество очень хотела, чтобы мы с ним поженились, но она лишь уступала его просьбам — ведь он — её фаворит. Она мне сама это сказала вчера вечером.

— Так значит, к тебе сватался герцог Йоркский? — удивился Вольверстон. — Неужели ты предпочла ему Питта? Ведь герцог — такой изысканный молодой человек.

— Да, но при всей своей изысканности, он не стоит и мизинца Питта Уоллеса. Я убедилась в этом окончательно, — уверенно произнесла она, — именно поэтому я и приняла окончательное решение.

— Не хотелось бы, чтобы ты пожалела о своём выборе, — засомневался вдруг Вольверстон. — Вдруг это поспешное решение? Может быть, ты просто приревновала его к другой?

— Я думала об этом. Нет, это не ревность и не обида, хотя меня, безусловно, обидело его поведение. Разумом я всегда понимала это, но последние недели у меня в голове был какой-то дурман. Наверное, оттого, что ни один мужчина, кроме герцога, не обходился со мной как с женщиной — не говорил комплиментов, не дарил подарков, не целовал руку, не танцевал со мной. Конечно, я не считаю Педро Альвареса — он просто скотина. Герцог же был обходителен и деликатен, и он немного вскружил мне голову. Вот и всё. Но по-настоящему полюбить его я всё равно не могла бы — я даже не могу назвать его мужчиной. Весь двор до сих пор вспоминает, как он спрятался от разъярённого кабана за спиной королевы. И именно в благодарность за то, что я спасла Её Величество, она разрешила мне брак с Уоллесом.

— Понимаю, дочка, понимаю, — пробормотал удивлённый Вольверстон, — надеюсь, ты сейчас говоришь искренне.

— Как никогда, Вольверстон, как никогда, — кивнула ему девушка.

Он испытующе посмотрел в её синие глаза, но там не было ни тени сомнения. Вольверстон окончательно понял, что Питер Сильвер остался верен своему слову, а

Арабелла Брэдфорд всё-таки выйдет замуж за Питта Уоллеса.

— Ладно, дочка. Я поехал, — улыбнулся он, представляя себе радость Питта, — Сообщу твоему другу радостное известие. Наверное, он прибудет к тебе до конца дня. Прилетит на крыльях счастья. Он ведь так тоскует, что всё время рвётся в море. До встречи. И помни — если ты не возражаешь, я приеду к тебе, и поселюсь в Мальборо-Хаусе. Я уже стар, и мне надо найти гавань, где я мог бы пришвартоваться.

— Конечно, дорогой Вольверстон. Я буду рада видеть старого друга. В моём доме всегда найдётся место для тебя.

— Спасибо и до встречи, — Вольверстон вскочил на коня и ускакал.

Арабелла посмотрела ему вслед. «Выбор сделан», — подумала она, — «Надеюсь, я не пожалею об этом. Но мне не хотелось бы иметь рядом лживого предателя, которому я не смогу доверять. Уоллес же всегда был мне верен, и с ним я найду своё счастье. А королевская милость или немилость не стоит того, чтобы ради этого связывать жизнь с недостойным человеком».

Глава 13. В кабачке Майка

Когда Вольверстон нашёл Питта, тот сидел в кабачке Майка Пирсона, который тот недавно приобрёл. Прежний хозяин, пьяница и дебошир, оставил своё хозяйство в безобразном состоянии — стены были грязны, по немытому полу бегали тараканы, а с потолка в дождь капала вода. Не говоря уж о том, что вся мебель была сломана. Майк заплатил за кабачок небольшую часть своей доли, остальное же пустил на строительство постоянного двора и приведение сооружения в надлежащий вид. Питт и несколько бывших матросов помогали в ремонте, и у Майка ещё остались немалые средства, которые он предпочёл сохранить до поры до времени. Новый владелец сумел создать в заведении вполне респектабельную атмосферу, и теперь в него заходили не только простолюдины, но и некоторые благородные особы. Называлось оно «У капитана», а на вывеске было изображение идущего под всеми парусами фрегата. Внутреннее убранство соответствовало названию — морские тросы, паруса, детали такелажа украшали потолок и стены заведения. Одежда самого Майка и его помощников — одетых юнгами соседских мальчуганов — была также выдержана в морском духе — всегда свежий белоснежный домотканый камзол, столь же белоснежный шарф, аккуратно начищенные сапоги. Питт частенько заходил к Майку, который, хоть и укорял друга за слишком обильное потребление спиртного, но всегда был рад видеть. Вот и сейчас Питт сидел, держа в руке стакан с ромом и устремив взгляд в пустоту. В его памяти вновь и вновь проносились события прошедших лет. Он вспоминал юную Арабеллу, подругу своего детства, весёлое, воздушное и смеющееся создание, донимавшее всех окружающих своими затеями и с каким-то непонятным азартом играющую в пиратов на фрегате «Солнце Ямайки». Как горячо он любил её тогда, несмотря на то, что всегда понимал, что не дано рыбацкому сыну стать мужем леди герцогских кровей. В своих мечтах он не раз покорял моря, возвращаясь к своей возлюбленной прекрасным и изысканным принцем, с несметными богатствами в трюмах своих кораблей. Но один лишь миг — и он, казалось, навсегда потерял свою любимую. Но в тот же самый день рядом с ним появился Питер Сильвер — хрупкий юноша с такими же синими, как у Арабеллы, глазами, отчаянный и бесстрашный морской авантюрист, везунчик, не раз выходивший невредимым из самых безнадёжных переделок то ли в силу своей исключительной интуиции, то ли благодаря особой милости фортуны. Питт снова и снова вспоминал свои подозрения, воскрешая в памяти слова друга, с таким воодушевлением говорившего о Божественном Провидении, и снова видел отблески тайны, мерцавшие в синих глазах капитана. В мозгу его, будто в калейдоскопе, мелькали события последних лет. Особенно врезался в память Уоллеса тот вечер, который они с Питером и Вольверстоном провели на постоялом дворе Харвиса. Он снова и снова вспоминал их последний разговор, когда Сильвер едва не раскрыл тайну, но промолчал, а Питт провёл мучительную и бессонную ночь, гадая, что же случится на процессе. Но вот Питер — один перед толпой, и он бесстрашно бросает вызов суду, и весь зал в молчании внимает дерзким речам пиратского капитана. Как восхищался он тогда смелостью друга, вступившего в этот, казалось бы, безнадёжный поединок, поражение в котором грозило ему виселицей. Но наступил решающий момент, когда маски были сорваны, и Уоллес окончательно убедился, что Питер — внезапно воскресшая Арабелла Брэдфорд, любовь всей его жизни. Несмотря на острое чувство обиды, испытанное им тогда, он понимал, что счастливый конец может быть так близок. Но опять его возлюбленная стала

далёкой и недоступной, и они, бывшие когда-то лучшими друзьями, оказались жителями разных миров. Вокруг неё, сменяя друг друга, кружились в танце знатные кавалеры, и между ней и сыном рыбака Питтом разверзлась непреодолимая пропасть. Уоллес скупал все свежие газеты, чтобы узнать все новости о восходящей звезде Кенсингтона — герцогине Арабелле Мальборо. Он знал, что она уже близка к тому, чтобы стать новой фавориткой королевы, и что светские сплетники обсуждают её возможный брак с герцогом Йоркским, в котором заинтересована сама Анна Стюарт. Всё это ранило и без того исстрадавшееся сердце бывшего квартирмейстера, и он заливал своё горе крепким ямайским ромом. Но видения не исчезали — они просто принимали другое обличье — перед его мысленным взором проносились те минуты, когда щёгольски одетый Питер с увлечением вёл светские беседы с графом Солсбери, графом Вандомским, де Монтеноном, и им подобными. Значит, для него этот мир всегда был ближе, и всё, к чему он стремился — это вновь попасть в высший свет, к которому он был предназначен с рождения. Значит, любовь Питта Уоллеса — ничто для герцогини Мальборо, которая даже взглядом не удостоит рыбацкого сына! И Питт беспробудно пил, смешивая ром с английским виски, чтобы окончательно погрузить своё сознание в состояние, близкое к полному небытию. Именно таким застал его внезапно вошедший в таверну Вольверстон. Он обнял старого друга за плечи и, усевшись рядом с ним, ласково произнёс:

— Ну что, Питт, как дела?

— Ты видишь, как, — хриплым голосом ответил Питт, в мозгу которого теплились последние искры сознания

— Хватит тебе, — старый морской волк похлопал его по плечу, — всё из-за неё?

— Из-за кого же ещё, — огрызнулся Уоллес, поднеся стакан к запекшимся губам, надеясь погрузиться в сладостное небытие, в котором не будет места воспоминаниям об Арабелле Брэдфорд.

— А я как раз к тебе из замка Мальборо, — Вольверстон мягко отстранил руку Питта и, взяв из неё стакан, поставил его на стол рядом с собой.

— Я не хочу ничего про неё слышать, — Уоллес покачнулся и потянулся к стакану, — пусть живёт, как хочет, и танцует со своим герцогом и ему подобными франтами — она всегда к этому стремилась.

— Ты должен понять её, — вздохнул Вольверстон, пристально взглянув в серые глаза Питта, — её жизнь так изменилась. Но её увлечение светом длилось недолго, — Вольверстон улыбнулся и тронул Питта за руку, — ей удалось во всём разобраться и отличить подлинные чувства от лжи. Она уже получила добро Её Величества на вашу с ней свадьбу.

— Ты не обманываешь меня? — дрогнувшим голосом спросил Питт, и из его замутившихся от рома глаз покатались крупные слёзы

— Нет, — кивнул Вольверстон, — это чистая правда. Она прислала за мной, чтобы я сообщил тебе её решение. Знаешь, королева хотела выдать её за герцога Йоркского, но она пошла против воли Анны Стюарт.

— Так Арабелла может впасть в немилость? — страх за свою возлюбленную вернул Питта к реальности, и пары хмеля постепенно улетучивались из его головы.

— Может, — подтвердил старый пират, — но она никогда не выйдет за герцога. Её решение окончательно, и она его не изменит. Это не только слова — если в прошлый раз она сомневалась, то сейчас я прочёл решение в её глазах.

— Она любит меня? — с отчаянием спросил друга окончательно протрезвевший Уоллес

— Не знаю, — Вольверстон покачал головой, — она знает тебя как верного и преданного друга. Пойми, Питт, ты был другом капитана Сильвера, и говорил ей о чувствах, но никогда не относился к ней как к женщине. Обходительные манеры и ухаживания герцога немного вскружили ей голову и затуманили рассудок. Он говорил ей лестные слова и дарил всякие безделушки, а такое понравится любой женщине. Вспомни, как на Тортуге все девушки были без ума от Питера — и это всего-навсего из-за умело сказанных комплиментов и вовремя преподнесённых подарков. Пойми, что перед тобой сейчас совсем другой человек — не Питер и не та Арабелла, что ты знал в Нью-Провиденс. Обращайся с ней соответственно, и на смену дружбе и преданности придёт настоящая любовь. Постарайся завоевать расположение той женщины, которой она теперь стала, и забудь о своих ссорах с Сильвером.

— А герцог и ему подобные? — с недоверием спросил Питт

Вольверстон расхохотался:

— Она быстро поняла, что он за человек, и прекрасно осознаёт причину своего увлечения этим красавцем. Именно с её слов я рассказал тебе об этом. Поэтому возвращайся скорее к своей невесте. Она ждёт тебя и хочет назначить дату свадьбы.

Ошеломлённый Питт не знал, что и подумать. Пары рома почти рассеялись, но мысли всё равно путались в его мозгу. «Неужели это правда?» — подумал он и вполголоса произнёс:

— Хорошо, Нэд, спасибо. Я еду, — он попытался встать, но покачнулся — несмотря на проясняющийся ум, тело ещё не слушалось его.

— Я с тобой, Питт, — подставил ему плечо старый капитан, — поедем вместе.

— Я доберусь сам, — гордо ответил Уоллес, выпрямившись и, казалось, уже окончательно избавившийся от всех признаков опьянения.

— Ты меня не понял, — вновь обнял его старик, — я еду с тобой не потому, что боюсь отпустить тебя одного, хотя это тоже правда. Арабелла пригласила меня пожить у неё в замке столько, сколько я захочу. У меня неплохой доход в предприятиях, так что жить я буду независимо, но зато всегда смогу видеть свою милую девочку, которую я воспитал, — и он направился к выходу, всё ещё придерживая своего товарища, который был сам не свой, то ли от рома, то ли от внезапно свалившегося на него счастья. Оседлав коней, друзья направились в Лондон, надеясь к вечеру прибыть в замок Мальборо.

Глава 14. Леса близ Лондона порой бывают опасны

Королевский кортеж выехал из Кенсингтона рано утром, направляясь к Дувру по дороге, ведущей через Вильдский лес. Карету сопровождал отряд гвардейцев под командованием герцога Йоркского. Собравшиеся на улицах зеваки с интересом глядели на изысканного королевского фаворита. Стройный молодой блондин в белоснежном камзоле, отделанном крупным жемчугом, и небрежно наброшенном на плечи пурпурном плаще казался настоящим принцем, вполне достойным не совсем законно присвоенного ему титула. Юный красавец гарцевал на белом арабском скакуне, время от времени подъезжая к окну кареты, закрытому от любопытных взоров плотной занавеской, и протягивал находящейся в ней даме свои украшенные кольцами пальцы. Миновав улицы Лондона, карета выехала на ровную дорогу, пролегающую через печально известную лесистую область Вильдс. Несмотря на уверения знающих людей, королева решила ехать именно этим, самым коротким путём — уже несколько дней подряд её сильно мучали боли во всём теле, поэтому ей казалось, что, сократив маршрут, она уменьшит тряску, от которой она очень страдала. Но опытный кучер старательно объезжал все препятствия, и вполне довольная своим путешествием, Анна глядела в окно, слегка отодвинув кружевную занавеску. Мимо неё пробегали вековые дубы, иногда перемежавшиеся с одинокими берёзами и елями. Было солнечно, и лишь лёгкие облака медленно проплывали в синем небе. Немного полюбовавшись королева заскучала и, чтобы хоть как-то развлечься, пригласила герцога занять место рядом с ней. Фворит с радостью спешил. Устроившись рядом с возлюбленной, он обнял её за талию и начал развлекать пересказом последних придворных сплетен. Так миновали ещё несколько миль. Надо сказать, что лес области Вильд в те времена вызывал содрогание у всех представителей мало-мальски состоятельной части английского общества. Некий Джеймс Эвери, намереваясь затмить славу самого Робина Гуда, обитал там со своей шайкой, напропалую грабя всех проезжающих богатых аристократов. Ни один путник, оказавшийся на дороге, пролегавшей через Вильд, не избежал печальной участи. Лишь бедняки не боялись ходить через лес — у них не было ничего, что могло бы возбудить аппетит головорезов Эвери. С особой радостью отчаянные бродяги Джеймса нападали на аристократов, отбирая у них всё, что можно было взять, вплоть до платья и дорогого нижнего белья. Об ограблениях ходили самые невероятные слухи, и жертвы их, с ужасом вспоминая случившееся, заклинали своих друзей никогда не показываться в этом страшном лесу... Но, несмотря на это, Анна была абсолютно уверена в том, что ни один подданный не осмелится поднять руку ни на неё, ни, в её лице, на самую благословленную Богом королевскую власть. Карета её плавно катилась по ровной дороге, пролегающей через злополучный лес, а сама государыня, плотно завесив окно, предавалась фривольным беседам с возлюбленным.

Неожиданно карета остановилась. Анна отодвинула занавеску и крикнула кучеру:

— Почему остановил карету, Джек! Мне некогда — мы с герцогом спешим!

Ответом на её слова было молчание. Анна высунулась из окна. Карета была окружена здоровенными молодыми детинами, одетыми в рваное тряпье и вооружёнными дубинками. Тяжело раненый кучер без чувств лежал на земле. Гвардейцы ещё пытались защищаться, но некоторые из них были убиты, а оставшиеся в живых из последних сил сдерживали натиск разбойников. Крепкий брюнет лет тридцати, церемонно поклонившись королеве, открыл дверцу кареты:

— Выходите. Ваш путь окончен, Ваше Величество,

— Вы кто? — спокойным, не дрогнувшим голосом спросила королева, абсолютно уверенная в собственной неприкосновенности.

— Меня зовут Джеймс Эвери. Мы берём Вас в плен и забираем всё Ваше имущество. Выходите по-хорошему, иначе хуже будет, — и он вновь отвесил удивлённой королеве глубокий поклон.

— Герцог, что же Вы? — не терпящим возражения голосом произнесла она, — неужели Вы будете слушать, как меня оскорбляет какой-то простолюдин?

Саунтон выскочил из кареты со шпагой в руке, но шпага его тотчас же сломалась о дубины разбойников. Не менее трети гвардейцев уже были убиты или ранены, остальные продолжали сражаться, окружив карету плотным кольцом. Герцог, связанный по рукам и ногам, уже сидел на земле с кляпом во рту, а в его карманах шарил бандиты. Гвардейский капитан уже приготовился встретить свой конец, но услышав приближающееся цоканье копыт, воспрял духом и с новой силой бросился на разбойников, своим примером вдохновляя оставшихся в живых солдат. Однако, взглянув на дорогу, он понял, что его радость была обманчивой — на пустынной дороге появилось всего лишь два всадника.

— Кажется, ещё парочка аристократов, — рассмеялся Джеймс Эвери. — Ребята, покажите им, кто хозяин в Вильдсском лесу!

Два рослых бандита с дубинами и пистолетами вышли из толпы и направились на дорогу, чтобы преградить путь приближающимся мужчинам, которые действительно были одеты как знатные вельможи. Пригнувшись к холкам своих коней, они галопом неслись по дороге...

Стены рабочего кабинета герцога Мальборо в замке на Пэлл-Мэлл были отделаны красным деревом. Камин излучал приятное тепло, а мерное потрескивание берёзовых дров могло успокоить любое, даже самое мятежное сердце. На обитой китайским шёлком стене висел портрет герцога Джона. На дубовом столе, покрытом зелёным бархатом, были разложены бумаги — письма, счета, депеши, присланные из Дувра её деловыми партнёрами — бывшими членами «берегового братства». Уютное мягкое кресло с резными ручками словно приглашало сесть и вытянуть ноги к огню, забыв обо всех заботах дня сегодняшнего. Но наследная герцогиня Мальборо, казалось, не замечала окружающего её великолепия. Девушка взад и вперёд ходила по кабинету, погружённая в тяжёлые думы. Ещё накануне она от души радовалась, что ей удалось решить самую запутанную проблему её нынешней жизни, окончательно прояснив свои отношения с бывшим квартирмейстером. Но к концу дня в замке не появились ни Вольверстон, ни Уоллес. «Может быть, они решили заночевать в Дувре», — подумала Арабелла, глядя на сгущающийся над улицей Пэлл-Мэлл сумрак. Но на следующее утро в замке появились лишь её старые друзья — графы Солсбери и Вандомский. Не понимая, что же происходит с их давним приятелем, они всячески пытались развлечь девушку, рассказывая занятные истории из придворной жизни. Но и их усилия оказались тщетными. К полудню, устав от ожидания и бесплодных размышлений, Арабелла выехала в Блейнхейм. Однако, погоня за ланями лишь ненадолго отвлекла её от назойливых мыслей. Неужели она совершила ошибку, предложив Питту брак? Может быть, ему не так уж нужна эта свадьба, и все его страдания — лишь плод её воображения? Может быть, её квартирмейстер просто раздосадован тем, что его друг оказался при дворе, а сам он стал просто капитаном торговой флотилии Мальборо? Девушка вновь вспоминала свои разговоры с Уоллесом, снова и снова убеждаясь в том, что он действительно любил Арабеллу.

Брэдфорд. Но что же тогда произошло? Неужели он разочаровался в своей возлюбленной, узнав, что она стала пиратом? А может быть, это всё его уязвлённое самолюбие — мужчины предпочитают быть сильными, а не оказаться под началом любимой женщины. Возможно, ей надо было дождаться решения Уоллеса, а не навязывать ему этот брак? Ведь она и раньше повторяла, что не изменила своё мнение? Погрузившись в размышления, девушка не заметила, как прямо из кустов на неё выскочила крупная лань, и лишь быстрота реакции, не раз выручавшая её на корабле, помогла Арабелле сохранить свою репутацию меткого стрелка. Но её спутники, видя, что с их приятелем происходит что-то странное, снисходительно относились к её рассеянности и любезно предложили ей отобедать в павильоне на острове. Солсбери, взявший на себя обязанности хозяина, распорядился подать кофе в библиотеку, и, взяв девушку под руку, усадил в кресло.

— Что с Вами происходит, капитан? — с ласковой иронией спросил он её, когда девушка, устроившись в кресле, тупо уставилась на огонь в камине, в котором постепенно исчезали тлеющие дрова. — Не узнаю своего старого приятеля Сильвера.

— Ко мне сватался герцог Йоркский, но я отказала ему, — бесстрастно ответила она, не отрывая глаз от огня, — ему нужно было лишь имущество Мальборо

Девушка во всех подробностях рассказала другу о событиях последней недели. Но граф, как оказалось, был в курсе много из того, что произошло между ней и Саунтоном.

— Вы совершенно правы, — заметил он. — Я прекрасно знаю Саунтона. Он незаконный сын одной известной своими похождениями особы. Юноша с четырнадцати лет имел постоянную должность при дворе, а с шестнадцати постоянно вертелся рядом с Её Величеством, надеясь ей понравиться. Но поначалу королева не обращала на молодого человека ни малейшего внимания, и лишь после смерти её супруга юноша смог добиться её расположения. Вскоре он получил титул герцога Йоркского, но не столько благодаря протекции Её Величества, сколько из-за желания большинства членов парламента насолить сбежавшему во Францию Претенденту. Мои знакомые в палате пэров рассказывали, что парламент лишил кардинала герцогского титула тем же самым эдиктом, которым Саунтон был его удостоен.

— Значит, он любит Её Величество? — поинтересовалась Арабелла, желая хотя бы как-то поддержать разговор

— Саунтон не способен полюбить никого, — многозначительно промолвил граф. — Ни Анну Стюарт, ни Вас, ни кого-либо другого. В отношениях с женщинами он под стать Болингброку, который ему покровительствует — оба не пропустят ни одной юбки.

— Саунтон имеет дело с самыми подлыми и жестокими из пиратских капитанов, — с горечью произнесла Арабелла. — Он познакомил меня с неким лордом Чендерлеем, который снаряжает экспедицию в Новый Свет.

— Очень хорошо, что Вы отказали им, герцогиня, — задумчиво произнёс Солсбери. — Королеве известно об этом разговоре, как и о Вашем отказе. Она рассказала мне, что давно следит за Саунтоном, и что её очень обрадовало то, как Вы печётесь об её репутации. Но что произошло между Вами и Её Величеством — ведь она собиралась взять Вас с собой в Дувр?

Арабелла рассказала графу о своём разговоре с Анной. Солсбери вздохнул и грустно взглянул на собеседницу:

— Значит, Вы любите Вашего Уоллеса?

— Не знаю, — с сомнением произнесла Арабелла, не заметившая ни затуманившихся печалью глаз светского щёголя, ни краски, чуть тронувшей его бледные щёки. — Я много

думала об этом. Он с детства был влюблён в Арабеллу Брэдфорд, а потом, когда я стала капитаном, мы с ним были лучшими друзьями. Питт много раз говорил мне о своей любви, не подозревая, что его приятель и есть та самая любимая девушка. Конечно, Уоллесу сейчас нелегко, и я прекрасно это понимаю.

— Но как Вы относитесь к Питту? — с надеждой поинтересовался Солсбери. — Он для Вас всего лишь друг?

— Не знаю, граф, — Арабелла, так и не поняла чувств Солсбери, скрытых под маской иронично-участливой доброжелательности. — Однажды на Тортуге, когда он вызвал на поединок известного головореза Гарри Уайта, я испугалась и сама затеяла ссору с Уайтом.

Солсбери с удивлением заметил на губах девушки улыбку. Она, поймав его взгляд, рассмеялась, но в её смехе чувствовалась плохо скрываемая грусть.

— Он был отъявленным рубакой и имел прозвище «Непобедимый Гарри», но я отделала его так, что он больше не решался приставать ни ко мне, ни к моим людям.

— Значит, Вы рисковали жизнью из-за Питта и были готовы ради него сразиться с противником, который был заведомо сильнее Вас?

— Не однажды. Когда Уоллес попал в плен во время захвата галеонов Терра-Фирме, я, вопреки требованиям остальных капитанов, повела корабли на штурм Пуэрто-Бельо. Мы с небольшим отрядом двинулись на город с суши, а Вольверстон оказывал мне поддержку с моря.

— Несомненно, он Вам очень дорог, герцогиня, — Солсбери вздохнул ещё раз, и его вздох был ещё более глубоким и печальным. Арабелла вновь задумалась, глядя на тлеющие дрова в камине. В воздухе повисла неловкая пауза.

— Мне кажется, граф, что я немного побаиваюсь мужчин, — наконец произнесла девушка.

Четыре года мужчины были для неё лишь друзьями, соперниками или врагами, и ей всё ещё трудно было представить, что кто-либо может смотреть на неё как на объект любви или привязанности.

— Что Вы имеете в виду, герцогиня? Разве Вы не вступали в бой с самыми отчаянными головорезами?

— Вы неправильно меня поняли, граф. Я никогда не страшилась никакого, даже самого сильного соперника. Но после встречи с Альваресом, после тех грязных слов, которые я услышала от него в тот день, когда он захватил меня в плен, мне страшно подумать, что кто-либо из мужчин подойдёт ко мне ближе, чем на пистолетный выстрел. У меня не осталось иллюзий, относящихся к взаимоотношениям мужчин и женщин. Именно поэтому сейчас я испытываю страх.

— А Саунтон? — удивился граф, — мне казалось, что Вы симпатизировали ему? Вы ведь не боялись его?

— Джеймс будто бы околдовал меня, но я быстро поняла, что это за человек. Поэтому теперь я ещё более настороженно отношусь к мужчинам.

— Но Вы же сами просили согласия Её Величества на брак с Уоллесом, — противоречивость суждений девушки удивила даже бывалого интригана. — Вы получили высочайшее согласие — чего же Вам теперь надо?

Арабелла задумалась, глядя на собеседника невидящими глазами. Перед её мысленным взором в считанные мгновения промелькнули события последних дней.

— Мне казалось, что стоит мне дать согласие, Уоллес тут же примчится в замок. —

Прервала она затянувшуюся паузу. — Но он куда-то исчез, а с ним и Вольверстон. Вначале я думала, что они заночевали в Дувре, но их нет до сих пор. Я послала в Дувр гонца, и жду его с минуты на минуту. Не понимаю, что же могло случиться? Может быть, они стали жертвой разбойников?

— Уоллес с Вольверстоном? — рассмеялся Солсбери. — Очень в этом сомневаюсь. Мне кажется, что скорее разбойники станут жертвой Ваших головорезов, герцогиня.

— Почему же они не здесь? — произнесла девушка со смешанным чувством страха и раздражения

— Всякое могло произойти, герцогиня, — задумчиво промолвил Солсбери, и вдруг замолчал, услышав приближающиеся лёгкие шаги в коридоре. Дверь скрипнула, и в её проёме появился рыжеволосый худенький мальчуган мальчик лет четырнадцати с веснушчатым лицом.

— Герцогиня, — произнёс он, запыхавшись, — я был в Дувре. Уоллес с Вольверстоном были у Майкла, но они ещё вечером выехали в Лондон. Мне удалось разузнать, что они направились через Вильдские леса.

— Я так и думала, — решительно сказала Арабелла, — наверняка их захватили разбойники. Надо немедленно ехать на поиски.

— Не делайте поспешных выводов, герцогиня, — возразил ей Солсбери. Думаю, что разбойники наверняка захотят получить за них выкуп, и непременно свяжутся с Вами.

— Тем более, мне надо быть в Лондоне, — в голосе Арабеллы слышалась прежняя уверенность, — выезжаем немедленно.

— Могу я поговорить с Вашим посыльным, — осторожно спросил её Солсбери

— Конечно, граф, но недолго. Нам надо ехать, — нетерпеливо произнесла девушка Солсбери вывел мальчика за дверь и через несколько минут вернулся в библиотеку.

— Вы правы, герцогиня, Вам надо немедленно выехать в Лондон. Но Вы не должны волноваться. Ваш Уоллес находится в полной безопасности.

— Откуда Вы это знаете, и почему он не связался со мной? Что Вы скрываете от меня?

— Всему своё время, герцогиня, — многозначительно улыбнулся Солсбери, — Вам надо учиться терпению и не бросаться на абордаж, едва слышав голос трубы.

Едва появившись в замке и передав Арабеллу в руки миссис Брэдфорд, с нетерпением ожидающей возвращения дочери, Солсбери тут же оседлал коня и галопом поскакал в Кенсингтон. Через час он вернулся, передав девушке записку, в которой чётким ровным почерком Абигайль Мэшем было написано:

«Герцогине Мальборо предписывается прибыть в Кенсингтон к восьми часам вечера завтрашнего дня для участия в торжественной церемонии встречи Её Величества. Герцогине надлежит явиться в сопровождении графа Солсбери и миссис Брэдфорд. Её Величество не желает видеть герцогиню до начала церемонии».

— Вот видите, граф, — расстроено произнесла Арабелла. — И здесь одни неприятности, на этот раз — с королевой.

— Ничего, капитан, — ободряюще промолвил Солсбери, — разве Вы не выходили невредимым ещё не из таких переделок? Что Вам королевская немилость — если захотите, Вы можете купить всю Англию, не говоря уж о нынешних продажных политиках. Вот только боюсь, что Вы слишком щепетильны для подобных дел.

— Вы правы, граф, — вздохнула девушка, — я не собираюсь объявлять войну Анне Стюарт из-за своих проблем с Питтом Уоллесом. В конце концов, если ему не нужна рука

герцогини Мальборо, я буду считать себя свободной от данного мной слова. Мы с Вами завтра же прибудем ко двору, и я предстану перед всеми во всём блеске, на который способны представители рода Мальборо.

Глава 15. Лорды и пэры

На приём, устроенный Анной Стюарт, были приглашены не только придворные, но и наиболее известные члены палаты пэров. В парадной зале было многолюдно, изысканность туалетов придворных и ослепительное сверкание драгоценных камней соперничали с роскошью дворцовых интерьеров. Опираясь на руку Солсбери, Арабелла неспешно поднялась по парадной лестнице. За ней следовала миссис Брэдфорд в сопровождении графа Вандомского. Процессию замыкали молодые супруги — Элен и Майкл Рейдингтон. Церемония встречи началась на полчаса раньше того времени, которое было указано в письме, и парадная зала была уже полна людей. Опоздавшим, в том числе Арабелле и её спутником оставалось довольствоваться созерцанием профиля сидящей государыни и спин Джеймса Саунтона и Абигайль Мэшем, которые не преминули выразить пренебрежение к стремительно теряющей влияние фаворитке. Некоторые придворные, видимо, менее посвящённые в тайны взаимоотношений королевских приближённых, при виде герцогини оживились и начали перешёптываться друг с другом, обмениваясь многозначительными взглядами. Тонкий слух Арабеллы различил странные слова, которые произнёс один из стоящих рядом с ней разряженных франтов:

— Эта Мальборо скоро сделает пэрами всех своих корабельных лордов.

Взглянув на стоящую рядом девушку, молодой человек язвительно усмехнулся и добавил:

— Смотри-ка, как вырядилась!

Арабелла повернула голову и измерила говорившего презрительным и высокомерным взглядом. Тот потупил было глаза, но затем вновь шепнул своему соседу:

— Ничего она ничего мне не сделает — дамы не дерутся на дуэлях.

Кровь прилила к лицу девушки, и ей стоило огромных усилий сдержать гнев. Солсбери крепко сжал её пальцы.

— Спокойно, капитан. Не вздумайте выхватить абордажную саблю. Лучше отомстить ему другим способом.

Чтобы отвлечься от происходящего, Арабелла окинула взглядом стоящих вокруг придворных. Со многими из них она уже встречалась, но некоторые были ей абсолютно незнакомы. Внимание девушки привлёк высокий худощавый мужчина, стоящий рядом с королевой. Несмотря на то, что она видела его со спины, во всём его облике было нечто знакомое, но Арабелла никак не могла припомнить, где и при каких обстоятельствах они могли встретиться. Вместе с тем, он неудержимо притягивал её взор, и она с интересом наблюдала за ним. Мужчина был высок и худощав, а движения его были плавны и пружинисты, как у кошки. Скорее всего, он был достаточно молод, но уверенная манера держаться выдавала в нём человека, способного постоять за себя и хорошо знакомого с жизнью за пределами Кенсингтона. Он был, как и Саунтон, одет в белоснежный камзол, усыпанный драгоценными камнями и расшитый золотистыми лентами. Светлые волосы ниспадали на плечи, а голова была легко откинута назад. Несколько раз молодой человек, развернувшись, склонялся в поклоне перед Её Величеством, но каждый раз широкие поля белоснежной шляпы и ниспадающий до плеч пышный плюмаж скрывали его лицо от взоров Арабеллы.

Перешёптывания придворных прервал величественный голос королевы:

— Дамы и господа! Два дня назад мы с герцогом едва не стали жертвой шайки Джеймса Эвери, и лишь благодаря помощи этого молодого человека и его друга я имею возможность обратиться к вам с этой речью. Даже наши гвардейцы не смогли дать им отпора, и лишь помощь этих людей спасла корону от несмываемого позора. Этот юноша проявил себя не только как храбрец, но и как истинный джентльмен — увидев, что я не могу выйти из кареты, поскольку вся земля после схватки пропиталась кровью этих головорезов, он, как когда-то Рейли, бросил наземь свой плащ, чтобы я не испачкала туфли и платье.

Придворные с интересом устремили взгляд на юношу в белом, но Арабелла по-прежнему не могла различить его лица — он смотрел в зал, будто выискивая там кого-то.

— Чтобы достойно наградить этого храбреца и его друга, — вновь заговорила королева, — я пригласила в эту залу наиболее влиятельных членов Парламента. Сейчас эти господа будут посвящены в рыцари и получают дворянское звание, поэтому необходимо, чтобы всё происходящее здесь соответствовало букве закона.

Окружающие молчали, изумлённо взирая на юношу, который ничем не напоминал простолудина. Сняв шляпу и низко склонив голову, так что лицо его оказалось закрыто ниспадающими на него локонами, он медленно опустился на колено, и королева, взяв саблю, поданную ей одним из стоящих неподалёку генералов, совершила обряд посвящения. Вслед за юношей подошёл высокий плечистый мужчина лет пятидесяти. На мгновение Арабелле показалось, что он очень похож на Вольверстона, но просторный серый камзол, расшитый серебряными лентами, скрывал его фигуру, а кудри чёрного парика заслоняли лицо. Возможно, если бы она стояла в первых рядах, она смогла бы рассмотреть склонившихся перед королевой мужчин, но спины высоких джентльменов, устроившихся впереди неё, закрывали от неё более чем половину происходящего в центре залы действия. Поднявшись с колен, оба господина почтительно поклонились королеве, и уже направились было в окружающую их толпу, но государыня повелительным жестом остановила их:

— Господа, мне хотелось бы, чтобы сегодня Вы стояли рядом со мной — Вы заслужили эту честь своей храбростью и преданностью короне.

— Кто это? — спросила Арабелла стоявшего рядом Солсбери. Тот пожал плечами. Дерзкий юноша справа хихикнул:

— Смотри-ка — она ещё спрашивает его имя — будто бы не сама подстроила всё это

Девушке ничего не оставалось, кроме как вновь облить наглеца холодным презрением. С сожалением вспомнила она те времена, когда могла, не раздумывая о тонкостях этикета, проучить любого наглеца, который имел смелость насмехаться над ней. Наконец, закончилась торжественная часть приёма, и начался бал. Открывала его сама Анна, опирающаяся на руку юноши в белоснежном камзоле. Тот с изяществом и ловкостью опытного придворного проделывал все фигуры менуэта, почтительно поддерживая Её Величество, для которой резкие движения в танце были весьма болезненны. Арабелла, танцевавшая с Солсбери, старалась не упускать незнакомца из вида. Она снова и снова убеждалась, что где-то видела этого изящного красавца. Но где? Ключ к разгадке мог дать его товарищ, но он бесследно исчез в толпе. Наконец, менуэт был окончен, и придворные вернулись на свои места. Вновь заиграла музыка, и Арабелла вдруг поняла, что юноша в белом направился в её сторону, при этом повернув голову вбок, так, что лицо его по-прежнему оставалось для неё невидимым. Почти достигнув того места, где стояла Арабелла, он неожиданно развернулся и, отвесив глубокий поклон, быстро выпрямился и взглянул ей прямо в лицо. От неожиданности девушка вздрогнула — это был Питт Уоллес! Его серые

глаза спокойно и с достоинством, без тени бывшего отчаяния, глядели на неё.

— Разрешите пригласить Вас на танец, герцогиня, — с лёгким оттенком церемонности произнёс он, — надеюсь, Вы удостоите вновь посвящённого рыцаря высокой честью танцевать с представительницей славного рода Мальборо.

Арабелла, забыв о правилах этикета, уставилась на бывшего друга, который вдруг стал таким далёким и недоступным. В его словах, в полной мере соответствующих требованиям этикета, девушке почудилась затаённая обида.

— Вы мне отказываете, герцогиня, — вновь поклонился он, видя её замешательство, — извольте простить меня за мою дерзость. Я всего лишь сын рыбака, и даже полученное мною сегодня дворянство не может сделать меня достойным танца с наследной герцогиней Мальборо.

— Нет, господин Уоллес, — присела в реверансе Арабелла, — я буду танцевать с Вами, — и она подала руку бывшему квартирмейстеру, от которого никак не ожидала подобного поведения. Представляя себе их встречу, она ждала упрёков, обид, взаимных обвинений, но никак не светской церемонности, отдающей лёгким холодком.

Закончив танец, Питт отвёл её на прежнее место, и грациозно поклонившись, направился к Элен Рейдингтон. Молодая женщина с радостью приняла приглашение старого знакомого, и Арабелле ничего не оставалось, как последовать за подошедшим к ней графом Вандомским. С нетерпением девушка ждала окончания бала. Ей необходимо было поговорить с Питтом, но он, казалось, всячески избегал разговора, и, едва Её Величество объявила о своём желании удалиться, исчез в неизвестном направлении. Арабеллу, уже собиравшуюся покинуть дворец, вдруг остановила Анна:

— Жду Вас к своему утреннему туалету, герцогиня, — невозмутимо произнесла она и, кивнув бывшей наперснице, удалилась.

Арабелла стояла в недоумении, взирая на окружающих её людей. Нарядно одетые дамы, шурша юбками, покидали дворец в сопровождении не менее блестящих кавалеров. Солсбери стоял рядом, но она не замечала его присутствия, погрузившись в размышления. Наконец, граф, пользуясь предоставленным ему правом вольного обращения со старым приятелем Сильвером, взял девушку под руку и увёл из дворца, отдав в полное распоряжение миссис Брэдфорд.

Наутро Арабеллу разбудили крики мальчишек. Выглянув в окно, она увидела во дворе корзину, доверху наполненную тёмно-красными розами. Корзина была столь огромна, что слуга не смог внести её в двери замка, и она стояла на крыльце, привлекая внимание зевак, столпившихся у ворот Бленхейма. Арабелла спустилась вниз и подозвала Джона.

— Что это такое? — спросила она

Тот, вместо ответа, передал ей короткую записку, в которой аккуратным мелким почерком значилось всего три слова:

«Герцогине Арабелле Мальборо». Быстро одевшись, она села в карету и направилась в Кенсингтон для того, чтобы прибыть к утреннему туалету королевы, а заодно и поговорить с Уоллесом. Она была уверена, что цветы — это дело рук именно Питта, и никого другого. На церемонии присутствовали Саунтон, Мэшем и Уоллес. Встретив бывшего квартирмейстера, она попыталась заговорить с ним, но он был столь же безукоризненно вежлив, сколько холоден. Анна тоже избегала откровенных разговоров. Вольверстон, — а девушка была уверена, что спутником Уоллеса был именно он, — бесследно исчез. Несколько раз она с Питтом сталкивалась в коридоре, в кабинете королевы и в парадной зале, но каждый раз он

ускользал, не дав ей возможности начать разговор. На обеде они встретились снова. Арабелла сидела рядом с Солсбери, а Уоллес занимал место прямо напротив неё, по правую руку одной из придворных дам. Вечером снова был бал, и снова безукоризненно вежливый Питт Уоллес танцевал с ней, всячески избегая откровенного разговора. Девушка недоумевала, возмущалась и раздражалась его поведением, но при этом её мысли, помимо её воли, были постоянно заняты Питтом. Ей всегда казалось, она знает о старом приятеле всё, но подобные перемены поразили её, открыв для неё совершенно другого Уоллеса. Даже Саунтон, казавшийся ей когда-то верхом светской утончённости, полностью померк в её глазах, не выдержав сравнения с бывшим квартирмейстером. Прощаясь с ней, Питт вновь вежливо поклонился и преподнёс девушке великолепное ожерелье из крупных розовых бриллиантов.

— Надеюсь, герцогиня, что Вы примете мой подарок, — произнёс он, устремив на неё взгляд своих серых глаз, — мне..., - вдруг он осёкся, поняв, что вот-вот переступит те границы, которые сам себе установил, — ещё раз прошу прощения за свою назойливость, герцогиня, — и тут же бесследно исчез, оставив девушку в полном недоумении.

Арабелла внимательно рассматривала ожерелье. Она всегда присутствовала при дележе добычи и была абсолютно уверена, что подобного она ранее не видела. Значит, Уоллес купил его специально для неё? Опыт бывшего пирата подсказывал ей, что украшение стоило не меньше, чем небольшое имение в окрестностях Лондона. Да ещё и огромная корзина с розами! Что ещё может придумать обезумевший от отчаяния квартирмейстер? Она знала, что его доля, согласно новому договору, составляла не менее десяти процентов от стоимости всех предприятий Арабеллы Брэдфорд, но если он будет по-прежнему расточительствовать, швыряя все деньги к ногам герцогини Мальборо, то через полгода спустит всё, что смог заработать за четыре года пиратства. Преисполненная решимостью поговорить со своим бывшим другом, девушка безмятежно уснула. Однако с утра во дворе её замка вновь ожидали цветы, на этот раз — превосходные лилии. На утреннем туалете у Анны Стюарт глазам Арабеллы опять предстал бывший квартирмейстер. Но на этот раз он сменил белоснежный камзол на золотистый, и теперь напоминал графа Солсбери, но только посвежевшего и сильно помолодевшего. Они стояли рядом, и девушка ощущала тонкий аромат мускуса и амбры, исходивший от его завитого светло-русого парика. Иногда Уоллес бросал на неё быстрые взгляды, смысл которых остался ей непонятен. Однако едва церемония завершилась, Питт тут же поклонился дамам и покинул комнату, оставив Арабеллу в компании королевских фаворитов. Общество Саунтона и Мэшэм ничуть не радовало девушку, тем более что настроение обоих было отнюдь не праздничным. Арабелла, уже начинающая кое-что понимать в дворцовых интригах, постепенно осознала, что её положение при дворе не столь уж шатко, как ей казалось поначалу. В полдень королева пожелала удалиться для отдыха, отослав всех придворных. Абигайль ворчала, вспоминая, что Сара Черчилль всегда сопровождала свою государыню в опочивальню. Саунтон дулся на весь свет, и только Арабелла радовалась, что сможет наконец-то заняться поисками бывшего квартирмейстера, поведение которого настолько заинтриговало её, что она не могла думать ни о чём другом. Наконец, свернув в один из узких переходов между первым и вторым этажом, она лицом к лицу столкнулась с Питтом. Тот церемонно поклонился ей, в ответ девушка присела в реверансе.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Рад Вас видеть, герцогиня, — произнёс он, подметая пол перед её ногами

белоснежными перьями плюмажа

— Пользуюсь случаем поздравить Вас с получением дворянства, мистер Уоллес, — с лёгкой иронией ответила она, — Однако, как я вижу, Вас уже мало интересует перспектива стать мужем герцогини Мальборо? Возможно, у Вас теперь другие планы? Вы уже обрели славу Рейли, и может быть, теперь собираетесь пойти по его стопам и унаследовать Джеймсу Саунтону?

— Думаю, герцогиня, Ваши умозаключения преждевременны, — вздохнул он и выразительно взглянул на собеседницу. В его глазах Арабелле почудилась прежняя боль, которую она видела когда-то на Тортуге

— Вы получили моё послание? — спросила она, глядя прямо ему в лицо

— Да, герцогиня, но, как мне кажется, Вы слишком торопите события, — вновь поклонился он, — мы с Вами едва знакомы

— Разве? — удивилась она, — когда-то мы были лучшими друзьями

— Вы ошибаетесь, герцогиня. Я был другом капитана Сильвера, а не герцогини Мальборо. Именно поэтому я говорю Вам, что мы едва знакомы.

— Но Вы же сами говорили мне, что более всего желаете этой свадьбы, — Арабелла не понимала игру, которую ведёт её бывший друг, и это раздражало её.

— Я говорил это своему другу Питеру Сильверу, а не Вам, герцогиня, — ответил Питт, — и речь была не о Вас, а об Арабелле Брэдфорд, которую я знал на Нью-Провиденс

— Разве Арабелла Брэдфорд, Питер Сильвер и герцогиня Мальборо — не один и тот же человек? — Арабелла окончательно разозлилась, и теперь готова была броситься на бывшего квартирмейстера. Она сильно сжала веер и перчатки, которые держала в руках, и едва сдерживалась, чтобы не бросить их ему в лицо, — чем же провинилась перед вами герцогиня? Тем, что унаследовала этот титул от предков, или тем, что когда-то была пиратом? Может быть, Вас не устраивает, что четыре года она была Вашим капитаном?

Гневную тираду прервал скрип открывающейся двери. Девушка замолкла. Вверху раздались шаги, и королевский камердинер, увидев стоящих на лестнице знатных господ, бегом спустился по лестнице, стараясь не мешать им выяснять отношения. Арабелла уже не раз слышала от Солсбери, что вся почтительность королевских слуг — лишь видимость, и что на деле эти проныры большие сплетники, которым доставляет удовольствие перемывать косточки придворным. Она пожалела, что дала волю чувствам, забыв о том, что находится в Кенсингтоне, где даже мышь под ковром может оказаться шпионом очередного высокопоставленного интригана.

— Простите меня, господин Уоллес, — примирительно произнесла она, метнув быстрый взгляд в сторону удаляющегося камердинера, — я немного вспылила. Вы, безусловно, имеете полное право поступать так, как Вам вздумается, не спрашивая никого, в том числе и меня. Я больше не Ваш капитан, и Вы полностью свободны в своём выборе.

— Вы были очень жестоки со мной сейчас, герцогиня, — медленно подбирая слова, произнёс Уоллес. Он так и не понял причины столь разительных перемен в поведении девушки, полагая, что это лишь ещё одна попытка указать ему на его место, — мне казалось, что Вы всегда знали о моём отношении к мисс Брэдфорд. Если Вы полагаете, что служба под Вашим началом показалась бы мне унижительной, то Вы просто не способны понять тех чувств, которые я к Вам испытывал.

— Если это так, то почему Вы не появились в Мальборо-Хаусе? К чему весь этот маскарад? Зачем делать вид, что Вы совсем не знаете меня? Насколько мне известно, у Вас

была возможность убедиться, как к Вам относится стоящий перед Вами человек, какое бы имя он не носил.

Питт смутился и потупил взгляд. Он понял намёк Арабеллы — ведь она не раз рисковала жизнью, бросаясь ему на помощь. Но её столь внезапное превращение задело его, и ему на какое-то время действительно показалось, что новоиспечённую герцогиню волнует лишь то положение, которое она занимает в высшем свете.

— Простите меня, Арабелла, — снова вздохнул он, — видимо, я законченный дурак. Мне казалось, что для Вас сын рыбака — всего лишь бывший друг, и герцогиня Мальборо никогда не опустится до брака с таким безродным существом как я.

— Для герцогини Мальборо нет ничего важнее верности, преданности и чести, — резко ответила Арабелла, всё ещё обиженная поведением бывшего квартирмейстера, — а Вы обладаете всеми этими качествами в большей степени, чем все остальные.

— А любовь? Смею ли я надеяться на то, что Вы когда-нибудь полюбите меня? — с замиранием сердца спросил Уоллес.

— Вы мне очень нравитесь, Питт, — тихо произнесла Арабелла, и на щеках её выступил лёгкий румянец. Сердце её учащённо забилося, и ей вдруг показалось, что она испытывает то же, что и когда-то в присутствии Саунтона

— Но любите ли Вы меня? Способны ли Вы полюбить меня когда-нибудь?

— Понимаете, Питт, — в синих глазах девушки отразилось сомнение, — это чувство было запретным для меня в течение четырёх лет, ведь никто не должен был догадаться о том, что я — женщина. Поэтому мне очень трудно привыкнуть к тому, что теперь всё по-другому. Мне кажется, нам надо всё же назначить дату свадьбы, поскольку я не вижу вокруг себя ни одного человека, к которому относилась бы с той же теплотой, что и к Вам.

На смуглом лице Арабеллы снова вспыхнул румянец, а тонкие пальцы её, лежащие на перилах лестницы, вдруг задрожали. Заметив это, Уоллес взглянул в её синие глаза, и увидел, что в них стоят слёзы. Но девушка, поддавшись минутному порыву, тут же гордо вскинула голову и отвернулась.

— Пойдёмте отсюда, Питт, — собрав в кулак всё своё самообладание, она говорила ровным и спокойным голосом, но Уоллесу почудилось, что он слегка дрожит, — Вы ещё не знаете Кенсингтон. Наверняка, наш разговор подслушивает не менее пяти придворных интриганов. Так что не более чем через час все местные сплетники будут знать о нём.

— Чего Вы боитесь, Арабелла? — Питт уже не скрывал своих чувств, и с нежностью смотрел на собеседницу. Девушке всё труднее было сохранять самообладание, и она почувствовала лёгкое головокружение. «Неужели я действительно люблю его?» — подумала она и, стараясь казаться спокойной, ответила:

— Вы знаете, что я сама просила разрешения на наш брак, и Её Величество любезно согласилась на это. Поэтому надо немедленно сообщить ей дату свадьбы, пока её мнение не переменилось под влиянием очередного придворного интригана. Вы сами понимаете, что многие желали бы прибрать к рукам имущество Мальборо, и не остановятся ни перед чем, чтобы добиться цели.

— Но Вы, Арабелла? Разве Ваше мнение ничего не значит?

— Моё мнение уже было доведено до Её Величества, но любая задержка может означать, что я передумала, и это развяжет руки другим претендентам, — в её голосе прозвучали резкие нотки, и она, увидев вновь изменившееся лицо Уоллеса, пожалела о том, что не сдержала гнев.

— Значит, Вы просто хотите обезопасить своё имущество? Вы не любите меня? — произнёс он, вновь воскресив в памяти былые сомнения

— Вы опять за старое, мой дорогой Питт, — ласково произнесла Арабелла, глядя в глаза своему другу, — пойдёмте отсюда, а разговор закончим в Мальборо-Хаусе, — и она, взяв его за руку, потянула вниз по лестнице. Дойдя до полуоткрытой двери, ведущей в парадный коридор, она слышала быстрый шёпот и звук тихих удаляющихся шагов. Толкнув Уоллеса в бок, она шепнула ему:

— Слышите? За нами следили.

— Вам то что? — шепнул ей Питт, попытавшись обнять её за талию, но изящная рука Арабеллы, вдруг оказавшаяся в его руке, помешала ему осуществить этот дерзкий манёвр.

— Насколько мне известно, мы с Вами пока ещё неженаты, — ласково, но твёрдо шепнула она на ухо старому другу, — так что держите себя в рамках этикета, господин Уоллес, — и, сжав его руку в своей, добавила, — не сердись на меня, Питт.

Открыв дверь в коридор, они увидели важно прогуливающихся по галерее придворных. Шагах в двадцати от двери изящной походкой спешили куда-то две юные сестрички. Девушки о чём-то перешёптывались друг с другом и тихо хихикали. «Всё тайное становится явным», — подумала Арабелла, — «через полчаса наш разговор с Уоллесом будет обсуждаться всеми светскими сплетниками. Хотя какое мне дело до этого», — подумала она и шепнула своему спутнику:

— Немедленно идём к Её Величеству. Месяца для подготовки к свадьбе вполне достаточно, поэтому я буду предлагать двадцатое июля.

Уоллес попытался было что-то сказать, но Арабелла вновь шепнула ему:

— Даже не пытайся возражать. Мне стоило огромных усилий добиться согласия королевы, и я не намерена отступать, — и она крепко сжала руку бывшего квартирмейстера, сердце которого отчаянно колотилось от столь внезапно свалившегося на него счастья.

Королева встретила их приветливо и радушно. Отослав Мэшем, увивающуюся возле своей повелительницы и не желающую оставлять её наедине с «этой противной Мальборо», она взглянула на стоящих у двери старых друзей. Арабелла была спокойна и невозмутима, но в синих глазах её светились весёлые искорки. Бледное лицо потупившегося Питта Уоллеса заливала краска смущения.

— Ну что, господа флибустьеры, — многозначительно улыбнулась королева, — Вам всё же удалось договориться относительно даты свадьбы? Надеюсь, всё обошлось без кровопролития, а то меня уверяли, что Ваше объяснение друг с другом будет сопровождаться, по меньшей мере, поединком на шпагах или абордажных саблях?

— Да, Ваше Величество, переговоры прошли вполне мирно, — Арабелла смутилась поняв, что Анне уже известны все подробности разговора на лестнице, — мы назначаем свадьбу на двадцатое июля.

— Так скоро? — удивлённо подняла густые брови королева, — и мистер Уоллес не возражает?

Арабелла метнула на своего спутника быстрый взгляд. Тот, выдержав короткую паузу, произнёс:

— Разумеется, Ваше Величество, я согласен. Я с детства был влюблён в мисс Брэдфорд и не переставал любить её даже тогда, когда думал, что её нет в живых.

— Ваша верность и преданность заслуживает высокой похвалы, мистер Уоллес, — одобрительно взглянула на него королева, — несмотря на Ваше происхождение, Вы вполне

достойны того рыцарского звания, которое было Вам даровано. Вы напоминаете мне Гавейна — такой же храбрый, верный и честный, — добавила она, испытующе взглянув на молодого человека

— Как рыцарь он всегда был для меня образцом для подражания, Ваше Величество, — почтительно поклонился Уоллес, — однако в отношениях с женщинами Гавейн уж слишком часто увлекался.

— Вы не перестаёте меня удивлять, Питт, — многозначительно пробормотала королева, — где Вы воспитывались?

— Меня и несколько других детей из простых семей воспитывали вместе с дочерью губернатора Брэдфорда, — ответил он, — мы дружили с детства, поэтому губернатор разрешал нам присутствовать на занятиях с учителями мисс Брэдфорд, а потом она давала нам читать свои книги.

— Хорошо, господа флибустьеры, — улыбнулась Анна, — даю вам своё благословение. Надеюсь, мне не придётся об этом жалеть.

— Мы оправдаем Ваше доверие, Ваше Величество, — радостные влюблённые поклонились своей государыне и покинули королевские покои. Они были по-настоящему счастливы — впервые за многие годы.

Глава 16. Тайна миссис Брэдфорд

Пока Арабелла выясняла отношения с Питтом Уоллесом, Дженнифер Марианна в задумчивости стояла перед мольбертом. Размеренная и неспешная жизнь в замке Мальборо побудила герцогиню вернуться к прежним увлечениям. Окончательно вступив в права наследования, женщина взяла в руки управление хозяйством, но её романтическая натура требовала чего-то большего, нежели будничные дела и беседы с прислугой. Возвращаться в Кенсингтон не хотелось — придворная жизнь казалась герцогине крошечным адом, в котором шипят ядовитые змеи, готовые ужалить каждого, кто осмелится пройти мимо. Она всегда была в семье «белой вороной» — Джон и Арабелла, её брат и сестра, были прирождёнными авантюристами. Они унаследовали любовь к риску от матери, Елизаветы Дрейк, и её отчаянного предка. Сама же Дженнифер же была скорее похожа на отца, Уинстона Черчилля, с его девизом «Верный, но невезучий». Её не привлекали ни интриги, ни блистательная жизнь высшего света, в которой купалась её старшая сестра Арабелла, любовница Джеймса Стюарта, брата короля Якова. Проведя два дня в бесконечных и нудных разговорах о выборе меню, покупке дров, чистке каминов, на третий миссис Брэдфорд решила, что настала пора перемен. Её дочь накануне выехала в Дувр, чтобы попрощаться с командой и предложить им подписать новый договор, поэтому герцогиня осталась в полном одиночестве. В надежде хотя бы чем-нибудь занять своё время, она с раннего утра отправилась на чердак, чтобы прикоснуться к вещам, многие из которых были свидетелями её юности. Всё утро она провела там, и наконец-то отыскала свой любимый мольберт, подаренный Джоном в день её двенадцатилетия. Стряхнув пыль, Дженнифер любовно погладила слегка облупившуюся доску, испачканную разноцветными пятнами. Это был товарищ её детства, в компании которого мечтательная мисс Черчилль порой проводила целые дни и ночи, пытаясь запечатлеть цветущие яблони во дворе, таинственные башни Сент-Джеймского дворца и шумную улицу Пэлл-Мэлл. Она поднималась с рассветом и яркими мазками рисовала восходящее солнце, вездесущих мальчишек-газетчиков и уличных торговцев с их переносными лотками. Затем приходил черёд нарядных всадников и позолоченных экипажей, весь день напролёт разъезжавших по самой модной улице Лондона, а под вечер на мольберт ложились холсты с изображением ночного города, луны и звёзд, освещавших небо над королевской резиденцией и величественным собором. Так медленно и размеренно шли дни, месяцы и годы, пока чёрная грозовая туча, нависшая над домом Черчиллей, не побудила её отца отправить дочь в Новый Свет, к родне её матери. Столько лет прошло, и вот этот мольберт снова с ней! Порывшись в дальнем углу, где в беспорядке валялись какие-то доски, старые светильники, обломки мебели, Дженнифер отыскала свои кисти. Их ворс по-прежнему мягок — она всегда хорошо отмачивала их после работы. Женщина встала с колен и, отряхнув подол домашнего платья, направилась к выходу. За дверью её поджидал слуга — молодой деревенский парень лет двадцати, крепкий, белобрысый, с серыми глазами и жёлтыми веснушками, рассыпанными по лицу подобно солнечным брызгам.

— Подойди сюда, Джеймс, — обратилась она к юноше

— Иду, моя госпожа. Что Вам угодно? — поклонился он.

«Хорошо же Сара вымуштровала слуг», — подумала про себя Дженнифер, — «не то, что у нас в Новом Свете». Лицо парня выражало готовность исполнить любой приказ хозяйки.

— Возьми, пожалуйста, мольберт и кисти, и отнеси их в мой кабинет. Только осторожно, не повреди.

Юноша легко, будто пушинку, поднял мольберт и направился к выходу.

«Наш Антуан уже давно спросил бы, почему я не хочу купить новый», — мысли о Новом Свете по-прежнему не покидали Дженнифер, — «а этот просто исполняет приказ. Интересно, если я прикажу ему перенести мои вещи в эту каморку, он тоже послушается?». Герцогиня улыбнулась, представив себе, как здоровенный детина переделывает пыльный чердак под спальню своей госпожи. Они уже покинули комнату, и юноша медленно начал спускаться вниз.

— Осторожно, Джеймс! — обеспокоено воскликнула Дженнифер, увидев, что тот едва не уронил драгоценный мольберт

— Всё в порядке, моя госпожа, — невозмутимо ответил тот, — не волнуйтесь, я крепко держу его.

Наконец, они достигли кабинета герцогини. Он располагался по соседству с роскошной спальней, ещё недавно принадлежавшей Саре и Джону. Поставив мольберт, юноша молча удалился. Дженнифер окинула взглядом своё рабочее место. Недоставало только красок. Конечно, можно было бы послать в лавку слугу, но имевшая некоторый опыт миссис Брэдфорд понимала — нельзя доверять подобное человеку, не имеющему никакого представления о живописи. Поэтому к полудню она уже объездила добрую половину Лондона в поисках того, что отвечало её строгому вкусу, а к обеду искомые краски уже прибыли в Мальборо-Хаус. Оставалось выбрать сюжет. Улица Пэлл-Мэлл? Но она уже столько раз рисовала её. Сент-Джеймс? Ещё одна картина художника-любителя с изображением королевской резиденции? Нет. Но что же тогда? Дженнифер прислушалась к ровному биению своего сердца. За последние десять лет в её жизни произошло много весьма драматических событий, и она особенно остро ощутила необходимость ценить каждое безвозвратно ускользающее мгновение. «Яблони в цвету», — вдруг подумала она. Это был один из её любимых образов — облепленные белоснежно-розоватыми цветами ветви в лучах восходящего солнца. Она вдруг остро ощутила потребность запечатлеть их, пока свежий летний ветер не унёс остатки нежных яблоневого лепестков. В течение недели Дженнифер занималась эскизами и набросками, постепенно обретая прежнюю сноровку и отвлекаясь лишь тогда, когда слышала за воротами цокот копыт и скрип кареты, возвещавшие о возвращении её дочери. Наконец, предварительная работа была закончена, и герцогиня приступила к самому полотну. Она уже уверенно держала кисть и смешивала краски, добиваясь необходимых ей оттенков, а мазки её уже были так же точны и аккуратны, как и прежде, в дни её юности. Поставив мольберт напротив раскрытого окна, Дженнифер попеременно глядела на цветущие яблони и на результаты своих первых трудов. На холсте уже явственно проступали яркие зелёные пятна яблоневого листьев, и изящные тонкие лепестки, как отсветы летнего сна, белоснежными бликами светились среди них. Герцогиня тщательно старалась запечатлеть то мгновение, когда на утреннее солнце, ещё не слишком яркое, проступает сквозь чуть розоватые прозрачные лепестки, создавая ту минутную, но прекрасную иллюзию, заставляющую англичан восхищаться яблоневым цветом, а японцев — восхвалять мимолётность цветения сакуры. Романтическое и поэтичное настроение, которое навевали эти белоснежные цветы, всё более и более захватывали её, заставляя раскрываться тайные глубины её сердца. Дженнифер отошла от мольберта и удовлетворённо взглянула на рождающееся творение. Но всё же чего-то не хватало этому пейзажу, и ей очень захотелось

изобразить свою дочь в тот день, когда она, ещё одетая в мужской камзол, впервые ступила на каменные плиты двора. Воображение живо нарисовало ей эту картину, а пальцы легко орудовали кистью, следуя движениям её сердца и отражая то, что было когда-то ею пережито. Герцогиня отошла от мольберта и, вновь взглянув на неоконченное произведение, начала тщательно прорабатывать уже намеченный ею облик стоявшего на дорожке юноши. И вновь мазки легко, будто бы сами собой, ложились на холст, выявляя очертания видений, всплывавших перед глазами миссис Брэдфорд. Прервав свои занятия, она вновь отошла назад. Что-то в облике дочери показалось ей странным — девушка получилась слишком уж высокой и плечистой, а лицо, пусть пока не завершённое, уже приобрело совершенно другие черты. Дженнифер была абсолютно уверена, что ей удалось передать неподражаемый сапфирово-синий цвет глаз Арабеллы, но, всё же, взгляд их был не совсем такой, как когда-то у капитана Сильвера. Скорее, это был взгляд не юноши, а зрелого и опытного человека. Пожалуй, она перестаралась с носом — горбинка оказалась слишком заметной — у её дочери нос более прямой. Пытаясь исправить допущенные ошибки, герцогиня вновь подошла к холсту и взялась за кисти. Образы, возникающие в её воображении, заставили её окончательно забыть о времени, и она лихорадочно работала, пытаясь запечатлеть мимолётные, беспрестанно сменявшие друг друга видения. Она даже не расслышала стук в дверь и голос слуги, приглашавшего свою госпожу к обеду. В дверь постучали сильнее, но она была ещё слишком поглощена работой и не слышала ничего, кроме постоянно звучащей в её душе мелодии. Неожиданно за её спиной раздался раскатистый бас Вольверстона. Одноглазый силач, которого позвал встревоженный долгим отсутствием хозяйки Джеймс, без труда справился с запертой на лёгкий крючок дверью.

— Господи, миссис Брэдфорд! Неужели Вы так хорошо помните его лицо? Это же просто вылитый Блад, — воскликнул он, едва ступив на порог комнаты.

Герцогиня обернулась, и кровь прилила к её щекам. Взглянув на полотно, она вдруг поняла, что вместо Арабеллы с уже почти завершённого полотна на неё взирал пиратский капитан Питер Блад. Именно таким он был в свои тридцать пять лет, когда, оправившись от ранения, покидал дом её дяди, мистера Уинфреда. С недоумением глядела герцогиня на собственное творение, так неожиданно и предательски раскрывшее её подлинные чувства, которые она скрывала даже от самой себя. Вольверстон смущённо молчал, понимая, что невольно оказался посвящённым в чужую тайну. Ещё несколько минут прошло в полной тишине. Миссис Брэдфорд глядела на картину, а Вольверстон — на изумлённую герцогиню. Наконец, Нэд тихо кашлянул и медленно произнёс:

— Гарри просил меня пригласить Вас к обеду... Он пытался сообщить Вам об этом, но Вы заперлись в комнате

— Я задумалась, — с трудом подбирая слова, ответила герцогиня, — я хотела изобразить свою дочь, но получился он, — и женщина смущённо опустила глаза, изо всех сил пытаясь казаться невозмутимой.

— Значит, Вы его до сих пор любите? — осторожно поинтересовался Нэд

— Не знаю, — она всё ещё пыталась отрицать свои чувства, но непослушный румянец уже заливал щёки. В дверь вновь постучал Гарри, но Вольверстон попросил его подождать за дверью

— Может быть, мы с Вами пообедаем здесь, и поговорим по душам? — почтительно спросил он

— Вы правы, Нэд, — смущённо ответила герцогиня, — скажите Гарри, чтобы подал

обед в кабинет

Вольверстон высунулся в коридор, и вполголоса передал распоряжение госпожи, а сам продолжал стоять у полуоткрытой двери, предоставив Дженнифер возможность оправиться от потрясения. Когда на кофейный столик уже были водружены изысканные яства, приготовленные по Кенсингтонским рецептам, Нэд вновь плотно закрыл дверь в кабинет. Они сидели за столом и молча глядели в глаза друг другу.

— Значит, Вы всё-таки любите его? — вновь переспросил Вольверстон, — но ведь Вы дважды были замужем, герцогиня? Вы любили Ваших мужей?

— Я вышла за Брэдфорда, когда мне было шестнадцать. На этом настоял мой дядя, поскольку я была беременна от Питера, — щёки герцогини вновь залила краска, — Джеймс был очень добр ко мне, и он вначале заменил мне отца, и лишь затем я привязалась к нему как к супругу.

— Значит, Вы не любили Брэдфорда? — переспросил Нэд

— Я по-своему любила Джеймса, — смущённо ответила она, — у нас было много общих интересов, а к Арабелле он всегда относился как к собственной дочери. Он очень переживал из-за смерти сына от первого брака, а ранение навсегда лишило его возможности снова стать отцом. Именно поэтому моя беременность стала для него желанной.

— А Аламейда? — осторожно поинтересовался Вольверстон, будто бы опасаясь разрушить ту атмосферу доверительности, которая вдруг возникла между ними.

— За Антонио я вышла от отчаяния, не зная, как жить дальше. Он исполнял все мои прихоти, носил меня на руках и был рыцарем без страха и упрёка. Его я тоже любила, но так, как любят рыцаря, готового отдать жизнь за свою возлюбленную. Это было скорее восхищение его щедростью, великодушием и отвагой. Рядом с Антонио я чувствовала себя королевой, но, наверное, единственной настоящей любовью в моей жизни так и остался Питер Блад. Именно с ним я всегда сравнивала всех остальных...

Вечером в Кенсингтоне был бал. За окном уже стемнело, а Арабелла и Уоллес так и не вернулись домой. Дженнифер и Вольверстон сидели на диване в кабинете и тихо беседовали. Треск дров в камине, тихое, будто ручное, пламя, лизавшее обугленные головешки, остывающие чашки кофе на столике... Оба вдруг почувствовали, что за прошедший день они стали очень близкими людьми...

Почти неделя прошла в неторопливых беседах. Уоллес и Арабелла почти всё время проводили в Кенсингтоне, возвращаясь лишь к вечеру, а Нэд с Дженнифер коротали время за живописью и чаем. Вольверстон много рассказывал о приключениях своего друга, каждый раз забывая упомянуть о любви капитана к его будущей супруге, Арабелле Бишоп. Дженнифер слушала, и в её сердце разливалось приятное тепло.

Однажды вечером, когда Арабелла с Уоллесом очередной раз задержались у королевы, а Дженнифер с Вольверстоном дожидались их, сидя у камина, Нэд тихо произнёс, осторожно взглянув в глаза своей собеседнице:

— Мы с Вами очень сблизились за это время, герцогиня.

— Да, Нэд, ты — мой самый лучший и самый верный друг, — столь же тихо ответила она.

— Может быть, в этом случае Вы согласитесь выйти за меня замуж? Я знаю Вашу тайну, и мы вместе проводить длинные вечера, и вспоминать его... Мы оба любим его, хотя и по-разному. Для Вас он — любовь всей жизни, для меня — старый добрый товарищ. Но мы оба понимаем, что он любит свою супругу и будет верен ей до конца жизни. Такой уж он

человек — в его сердце может жить лишь одна любовь — его супруга.

Герцогиня задумалась. Предложение Вольверстона показалось ей заманчивым — дочь с головой погрузилась в придворную жизнь, она фаворитка королевы и вот-вот выйдет замуж за своего Питта Уоллеса. А она сама? В чём заключается её жизнь? Конечно, многие светские щёголи будут рады предложить ей свою руку, но нужны ли они ей? А Вольверстон — старый добрый друг, который прекрасно понимает, что сердце её навсегда отдано другому... Любовь-дружба, душевная близость с родным человеком, который посвящён все её тайны, и от которого ничего не надо скрывать... Наверное, это — то, что ей действительно нужно — ведь она никогда не дожждётся своего Питера Блада...

— А если у нас будут дети, смогут ли они оспаривать наследство Арабеллы? — герцогиня осторожно, стараясь не задеть Вольверстона, задала волновавший её вопрос

— Не думаю, — задумчиво ответил он, — наследство переходит к старшему из детей, а, согласно решению суда, Арабелла уже является Вашей наследницей. Наши дети, если они когда-нибудь и родятся, унаследуют моё состояние, а оно не так уж мало. Что касается титулов, то я теперь тоже дворянин, удостоенный рыцарского звания. Так что они смогут появляться при дворе и занимать высокие должности. Никогда не мог себе представить, что сын Нэда Вольверстона, бывшего морского разбойника, сможет прогуливаться в Кенсингтонском дворе и на равных разговаривать с герцогами и пэрами!

Старый морской волк рассмеялся, и от его смеха на душе у Дженнифер вдруг стало необыкновенно легко.

— Думаю, Нэд, — ласково улыбнулась она, — я приму Ваше предложение. Вы будете моим супругом, и мы по-прежнему останемся лучшими друзьями. Что касается Блада — Вы правы, мне его никогда не дожждаться, — и она тихо вздохнула. Вольверстон ласково обнял её за плечи.

— Ничего, герцогиня, как-нибудь проживём, — ободрил он женщину, — Вы будете рисовать его портреты, а я пошлю несколько на Ямайку. Пусть полюбуется на яблони в цвету, которые он так любил. Только не забудьте сделать копию для меня, — и Нэд приглушённо рассмеялся.

Растроганная герцогиня вытерла навернувшиеся на глаза слёзы.

— Только не рассказывай ему ни о чём, — она выразительно взглянула на своего старого товарища, — скажи просто, что это подарок герцогини Мальборо.

— Хорошо, — ответил тот, — мы отправим его на корабле Хэндса и завернём так, что никто не увидит полотна до того, как сам Блад развернёт подарок.

— Спасибо тебе, Нэд, — женщина обняла Нэда за плечи, — что бы я без тебя делала. Ты мой самый лучший друг.

Уже стемнело, когда из Кенсингтона вернулась счастливая Арабелла со своим неизменным спутником. Они уже собирались сообщить, что вскоре отбывают в Вудсток для подготовки замка к свадьбе, но Вольверстон с загадочным видом пригласил обоих проследовать за ним в кабинет.

— Я должен сказать вам кое-что, ребята, — многозначительно произнёс старый морской волк, едва тяжёлая дубовая дверь плотно закрылась, — только не удивляйтесь.

Бывшие флибустьеры с интересом взирали на своего бывшего соратника, на морщинистом лице которого застыла хитрая, но счастливая, улыбка.

— Мы с миссис Брэдфорд очень сблизились за это время, — начал было он, но Арабелла, взглянув в его единственный глаз, каким-то шестым чувством осознала, что

произошло между её матерью и бывшим флибустьером.

— Вы с мамой? Это правда?

— Мы собираемся пожениться, — смущённо улыбнулся он, — надеюсь, ты не против?

— Я очень рада, что вы оба будете счастливы, — в глазах девушки светилась радость — наконец-то и мать её найдёт своё счастье, а ведь на её долю выпало столько страданий! — Завтра я поговорю с Её Величеством и постараюсь уговорить её дать согласие. Ведь я выхожу за Уоллеса, а ты теперь тоже дворянин!

— Спасибо тебе, моя девочка, — растроганно произнёс старый морской волк. Надеюсь, что все мы наконец-то будем счастливы.

На следующий день высочайшее разрешение было получено — Анна, Стюарт, уже смирившаяся с тем, что представители славного рода Мальборо выбирают себе в мужья новоиспечённых дворян, родители которых были простыми людьми, скрепя сердце, дала согласие и на этот брак. На двадцатое июля были запланированы уже две свадьбы — одна — Арабеллы и Уоллеса, и другая — Дженнифер и Вольверстона.

Так закончилась история любви Дженнифер Марианны Брэдфорд, которая с тех пор всё больше и больше времени проводила в своём кабинете в обществе мольберта, красок и собственного супруга, поэтому к концу её долгой жизни в Мальборо-Хаусе было немало картин, изображающих Питера Блада и его друга Нэда Вольверстона.

Глава 17. Свадьба в Вудстоке

По дороге, ведущей из Лондона в Оксфордшир, мерно покачиваясь и поскрипывая колёсами, катилась позолоченная карета с гербом Роберта Харли — жёлтым щитом, пересечённым косой чёрной лентой с двумя узкими полосками по бокам. Бархатные занавески скрывали высокородного путешественника от нескромных глаз случайных прохожих и зевак-простолюдинов. Экипаж сопровождал почётный эскорт из двадцати гвардейцев. Жаркое июльское солнце весело играло на ножнах длинных, бьющихся по ногам пшаг. Лорд-казначей отодвинул бархатную занавеску и выглянул в окно. Ровная дорога широкой лентой убегала вперёд. Вот уже полчаса его глаза наблюдали одну и ту же картину — бегущие за окном ели, берёзы, дубы, Изредка вдали маячили небольшие деревушки, да крестьянские подводы порой попадались на дороге. Граф Оксфордский, на мгновение вернувшийся к окружавшей его действительности, вновь погрузился в размышления. В течение нескольких лет он вместе со своим другом Сент-Джоном, ныне получившим титул виконта Болингброка, упорно боролся отстранение от власти семейства Черчиллей, узурпировавших все ключевые посты в королевстве и добившихся того, что без их протекции не принималось ни одно мало-мальски значимое решение. И вот, наконец, он может торжествовать победу — ненавистный Джон Мальборосмещён со всех постов и бежал из Англии. Его супруга, бывшая всемогущая фаворитка Сара, благодаря своей вспыльчивости угодившая в тщательно расставленную им ловушку, находится в столь глубокой опале, что ни один придворный не рискует упоминать её имя в присутствии Её Величества. Харли улыбнулся, вспомнив, как тяжело далась ему эта победа, и скольких усилий ему стоило убедить Анну приблизить к себе скромную, но глуповатую миссис Мэшем. Зато теперь они могут торжествовать победу — королева во всём прислушивается к Абигайль, а та полностью следует тем советам, которые даёт ей он, Роберт Харли. Но всего один лишь день, и блестящая победа обернулась сокрушительным поражением. Прямо на процессе по делу Мальборо объявилась не просто наследница состояния герцога, но и умная, решительная женщина, способная на равных вступить с ним в игру. Словно комета, появившаяся на звёздном небосклоне Кенсингтона, Арабелла Мальборо всего за месяц свела на нет все усилия Харли прослыть главным миротворцем Англии. Ему оставалось лишь обратиться к влиятельным друзьям в Нидерландах и Савойе. Лишь они, ссылаясь на недопустимость сепаратных соглашений между Англией и Францией, могли отсрочить заключение окончательного мирного договора. Граф Оксфордский тяжело вздохнул, и рука его невольно потянулась к стоящей в ногах бутылке с ромом, которую он всегда возил с собой. Он сделал глоток и поправил сбившийся парик. Приятное тепло разливалось по телу и будоражило ум, заставляя кровь быстрее бежать по жилам, а мозг — разрабатывать причудливые и запутанные шахматные комбинации, где роль фигур и пешек играли королевские приближённые. Значит, тот блестящий план, который они с Болингброком столь тщательно вынашивали в течение многих лет, рухнул, словно карточный домик? Разумеется, «Аналитик» изрядно потрепал герцогине нервы — вслед за неудачным дебютом Слоу последовали разгромные статьи Свифта, посвящённые борьбе с пиратством. Но этой Мальборо, казалось, и это нипочём — её остроумный ответ на «Прощание капитана Сильвера» до сих пор обсуждается в Кенсингтоне. В дворцовых коридорах и на городских улицах звучит именно её вариант баллады про пиратского капитана, неожиданно

превратившегося в придворную даму. Харли откинулся на спинку обтянутого красным бархатом кресла. Как же ему устранить эту женщину, которая за какой-то месяц сумела обрести над королевой такую власть, которой раньше обладала лишь Сара Черчилль? Где же слабое место этой железной женщины? У Сары оно было — фаворитку сгубила её же собственная несдержанность. Но как найти слабости у Арабеллы Мальборо? Граф Оксфордский вновь почувствовал, что его окончательно расшатавшиеся за последний месяц нервы остро нуждаются в поддержке. Он сделал ещё один глоток рома и закрыл глаза. Возбуждённое хмельным напитком воображение со всей живостью нарисовало диспозицию сил на шахматном поле английского королевства, и он, наконец-то, понял, что не учёл ещё одно обстоятельство. В последнюю неделю, когда новая фаворитка не появлялась при дворе, Анна вновь стала легко управляемой, и Харли с лёгкостью мог добиваться желаемого. Но почему она не появлялась? Граф вдруг вспомнил о предстоящей свадьбе между наследной герцогиней и её бывшим квартирмейстером. Он ясно представил себе, чего мог бы при желании добиться Питт Уоллес, который уже успел произвести на Её Величество неизгладимое впечатление. Довольная улыбка разлилась на лице лорда-казначей. Значит, надо всего лишь внушить Анне любовь к этому мужественному юноше, который выгодно отличается от Саунтона своей храбростью и знанием жизни? Именно так ему удастся посеять искру недоверия не только между новоиспечёнными супругами, но и между королевой и её фавориткой. Они вдруг окажутся соперницами в любви! Вполне удовлетворённый новым планом действий, граф вновь отхлебнул глоток ром и выглянул в окно. Сзади доносился тревожный цокот копыт, и Харли повернул голову. Несколько всадников скакали во весь опор, приближаясь к роскошному экипажу лорда-казначей. Пятеро мужчин, одетых по последней кенсингтонской моде и вооружённых длинными пшлагами, уже почти настигли карету. Харли вспомнил про недавнее происшествие в Вильдском лесу. Всё-таки хорошо, что он обзавёлся эскортом из двадцати гвардейцев, которые сопровождают его во всех переездах. Теперь ему не страшны никакие разбойники. Всадники уже почти поравнялись с каретой и, увидев высунувшегося из окошка господина в завитом напудренном парике, остановились и, не сходя с коней, почтительно поклонились.

— Вы кто? — с явным недовольством на лице спросил Харли. Лорд-казначей обладал хорошей зрительной памятью и был твёрдо уверен, что эти господа никогда не появлялись ни в Кенсингтоне, ни в Сент-Джеймсе.

— Меня зовут Уоррен Крисперс, — с поклоном произнёс высокий плечистый господин в русом завитом парике. Он был достаточно молод — лет двадцать пять- двадцать семь. Обветренное лицо его, украшенное пшеничного цвета усами, ещё хранило следы загара, свойственного лишь жителям тропических широт. Живой и умный взгляд прищуренных серых глаз, широко посаженных на округлом лице, выдавал человека, который, несмотря на молодость, уже обладал солидным жизненным опытом. Под песочного цвета камзолом, сшитом из добротного камелота и украшенного жемчугом, угадывался мускулистый и гибкий торс. Весь облик незнакомца излучал уверенность и спокойствие человека, для которого смертельный риск стал повседневной привычкой. Нисколько не смущённый внушительным видом личной гвардии лорда-казначей, он невозмутимо глядел на подготовившихся к схватке солдат. Но Харли медлил, желая вначале выяснить цель его путешествия.

— Я — Роберт Харли, граф Оксфордский, — с ноткой высокомерия в голосе ответил он, — Вы дворянин? Кто Ваши спутники? — лорд-казначей неплохо знал все дворянские

семьи Англии и Шотландии, но фамилии Крисперс среди них не было.

— Нет, Ваше сиятельство, — вновь поклонился ему Уоррен Крисперс, — и я, и мои спутники — люди простые. Мы с Робертом Шейном — владельцы судоверфей в Дувре, а мои товарищи — арматоры торговых флотилий. Мы едем в Вудсток, на свадьбу герцогинь Мальборо.

При упоминании имени Мальборо лорд-казначей насторожился. Неужели удача вновь повернулась к нему лицом? Пристально взглянув на своих собеседников, он отметил, что ни один из них не выразил ни малейшей обеспокоенности при встрече с вооружённым отрядом приготовившихся к битве гвардейцев.

— Вы знаете одну из них? — грозно сдвинув брови, спросил Харли.

— Арабелла Мальборо была нашим адмиралом, — в голосе собеседника графу послышались нотки восхищения своим бывшим командиром, — мы с Шейном были шкиперами, а затем и капитанами, — остальные — матросами и офицерами. Теперь наследная герцогиня — наш патрон в делах.

Харли задумчиво хмыкнул. Появление пяти вооружённых до зубов мужчин, следующих в Бленхейм к герцогине Мальборо, зародило в его душе смутные сомнения. Это был луч надежды, но что дальше? Как использовать этот факт, который несомненно мог оказать ему неоценимую помощь? Харли кивнул незнакомцам:

— Что вы везёте?

— Документы для нашего патрона, — невозмутимо ответил Крисперс.

— Покажите мне бумаги, — сдвинув брови, повелительно произнёс граф, — я являюсь лордом-казначеем Её Величества и должен быть в курсе всех сделок, которые совершают её подданные.

— Только с разрешения герцогини, — почтительно, но твёрдо ответил Крисперс. Несмотря на то, что в интонации собеседника не было ни вызова, ни иронии, Харли почувствовал себя оскорблённым. Он кивнул сопровождавшему его гвардейскому капитану. Тот вполголоса отдал какие-то распоряжения своим людям, и двадцать всадников окружили маленький отряд. Однако дерзкий незнакомец лишь усмехнулся в усы:

— Не думаю, что стоит пытаться отнять у нас документы силой, — невозмутимо произнёс он, вновь поклонившись графу и положив руку на эфес длинной шпаги, — согласно букве закона, Ваши действия могут быть истолкованы лишь как разбойничий налёт. В этом случае не обессудьте, что нам придётся ответить Вам тем же.

Спокойные, но, вместе с тем, уверенные манеры бывшего шкипера не оставляли никаких сомнений в том, что он преисполнен решимости выполнить свою угрозу, тем более, что его спутники, развернувшись и также образовав кольцо, последовали его примеру.

— Но у меня двадцать человек охраны? — с недоумением спросил Харли, видя, что пятеро бывших моряков готовы дать бой его личным гвардейцам.

— Насколько мне известно, двое наших людей не далее как месяц назад управились с бандой Эвери, — вновь усмехнулся Крисперс, — так что, граф, не стоит ставить под угрозу жизнь Ваших людей. Мы — верные подданные Её Величества, и почтительно относимся к Вашей особе. Кроме того, как мне кажется, наше происхождение слишком ничтожно, чтобы иметь честь лишить жизни Вас и этих благородных дворян. Поэтому я очень советую Вам, Ваша светлость, позволить нам беспрепятственно следовать до Вудстока.

Харли задумался. Эти пятеро простолюдинов только что в самых изысканных выражениях угрожали его жизни! Более того, они были абсолютно уверены в том, что легко

справятся с целым отрядом гвардейцев! Оскорблённое достоинство графа требовало удовлетворения, и он с трудом сдерживал гнев, однако перспектива быть убитым также отнюдь не радовала его. Он дал знак гвардейскому капитану, и его люди тут же приняли весьма миролюбивый вид. Бросив кучеру несколько слов, Харли откинулся назад в бархатное кресло. Немного поразмыслив и успокоив мятушуюся душу ещё одним глотком спиртного, граф улыбнулся. План операции окончательно созрел в его мозгу.

Бывшие пираты, видя, что граф сменил гнев на милость, пришпорили коней и умчались вперёд по дороге, подняв вокруг себя облако пыли, окутавшее позолоченную карету графа. За время путешествия Харли ещё не раз обгоняли группы вооружённых мужчин, по-видимому, также следовавших до Вудстока, и он всё более и более убеждался в правильности посетившей его идеи. Наконец, так и не доехав до собственного имения, Харли приказал развернуть карету и направиться назад к Кенсингтону

Глава 18. Анна

Тем временем в Бленхейме всю шла подготовка к предстоящей свадьбе. Недостроенный замок напоминал пчелиный улей. Даже при старых Черчиллях здесь не было так многолюдно и шумно. Скрип карет, цокот лошадиных копыт, многочисленные нарядно одетые и до зубов вооружённые господа, толпящиеся во дворе... Гости всё прибывали и прибывали. Несмотря на то, что Анна Стюарт уже смирилась с выбором Арабеллы и её матери, она не пожелала превращать бракосочетание обеих герцогинь Мальборо в светское мероприятие. Прибытия высочайших особ и приближённых Её Величества не ожидалось. Но обе новобрачные, казалось, были этому только рады. Свой самый счастливый день они хотели провести в окружении старых друзей. Именно поэтому из светских господ приглашены были лишь Солсбери и Рейдингтоны. По дороге к ним присоединился и Джеффилд с супругой. Не пожелал пропустить праздник и новый знакомый Арабеллы — офицер Дуврской таможни. Он собственными глазами хотел увидеть герцогиню, в которую вдруг превратился молодой капитан, столь щедро одаривший его в порту. Но, всё же, большую часть гостей составляли бывшие флибустьеры. Все члены команды Сильвера, от капитанов до юнг, были приглашены принять участие в радостном событии. Вчерашние пираты, и на корабле выглядевшие вполне достойно, могли дать фору самым изысканным придворным щёголям. Даже старик Хэндс принарядился. Бывший шкипер, ставший арматором Ост-Индской торговой флотилии, выглядел как отставной гвардейский офицер. Не полагаясь на память Арабеллы, он прихватил с собой свои любимые шахматы, чтобы коротать вечера за составлением хитроумных комбинаций.

Новоиспечённые коммерсанты не преминули захватить разнообразные счета, квитанции и новенькие, но уже весьма пухлые, бухгалтерские книги. До дня свадьбы оставалась ещё целая неделя, и каждый втайне надеялся, что новобрачная сможет уделить ему немного свободного времени. Однако, едва увидев своего бывшего адмирала, многие пожалели о своей меркантильности — девушка светилась от счастья, то ли от встречи с давними друзьями, то ли от мыслей о предстоящей свадьбе. О светском этикете никто даже и не вспоминал — вчерашние пираты с радостью сжимали в объятиях наследную герцогиню, одетую в простое домашнее платье из изумрудного атласа. Даже графы Солсбери и Вандомский вдруг забыли о своей церемонности и дружески обнимали всех вновь прибывающих гостей. Вокруг витали романтические флюиды, и гости вновь и вновь сожалели о том, что собирались воспользоваться свадьбой, чтобы обсудить неотложные дела. Вольверстон с Питтом держались в отдалении, и гости, вдоволь наговорившись с дамами, направлялись к мужчинам. После прибытия в Бленхейм оба поселились в отдельном флигеле, предназначенном для дворцовой прислуги. Старый морской волк неотлучно сопровождал бывшего квартирмейстера, опасаясь, что слишком сильный душевный порыв может посорить влюблённого юношу с невестой, предпочитавшей до свадьбы держать друга на почтительном расстоянии. Сама же девушка пребывала в странном расположении духа. Встреча с командой напомнила ей о старых добрых временах, но романтические чувства ни в коей мере не соответствовали образу того капитана, который когда-то бороздил Карибское море во главе своей флотилии. Смущённо и немного растерянно взирала она на бывших соратников из-под длинных густых ресниц, изредка бросая быстрые взгляды в сторону Питта. Практический ум Арабеллы всегда подсказывал ей, что она никогда не

сможет найти супруга лучше, чем беззаветно преданный и рыцарски влюблённый в неё Уоллес. Да и она испытывала к квартирмейстеру искреннюю симпатию. Если бы судьба свела их при других обстоятельствах, подобная симпатия наверняка уже давно превратилась бы в любовь. Но в Нью-Провиденс Питт был для Арабеллы лишь приятелем, и она прекрасно понимала, что должна будет выбирать себе мужа из числа благородных господ, равных ей по происхождению. Отчаянная девушка, увлекавшаяся морем и фехтованием, никогда не интересовалась любовными романами и считала брак лишь выгодной сделкой между симпатизирующими друг другу людьми. А потом... Воспоминания о Педро Альваресе преследовали её все четыре года, и она боялась, что даже бывшие друзья не выдержат искушения морем... Вольные нравы моряков, а, тем более, пиратов, были известны всем жителям Нового Света. Она не раз видела бродивших у трактиров опустившихся женщин, слышала разговоры о том, что когда-то эта особа была дочерью состоятельных родителей, а потом... Встречи с матросами ломали их жизни — вначале один, потом — другой... И вот уже она продаёт себя за чарку рома да немного похлёбки, чтобы не умереть с голода... Страшная судьба павших женщин, о которых даже рассказывали шёпотом, чтобы дети ненароком не услышали... Нет, подобная жизнь была не для неё, и она никак не могла открыться своим друзьям. Кто знает, выдержали бы они, окажись на корабле наедине с бывшей губернаторской дочерью? Лишь старик Вольверстон знал тайну своей воспитанницы, тщательно скрывая её от остальных. Тогда, четыре года назад, она вдруг поняла, что должна не просто превратиться в мужчину, но стать капитаном. Лишь капитан мог иметь отдельную каюту, не слушаться ничьих приказов и устанавливать на судне порядки, которые стали бы гарантией её собственной безопасности. Только это могло дать ей уверенность в том, что сцена в каюте Альвареса никогда не повторится... Но капитана могли сместить, если он слаб и неумел, и именно поэтому она должна была стать сильной. Сколько раз она благодарила Бога за то, что Вольверстон с детства обучал её морским наукам! Ведь если бы не его уроки... Страшно подумать, что могло бы случиться... Всё в жизни предназначено судьбой... А поединки... Каждый раз, вступая в бой, она понимала, что должна или победить, или умереть. Другого не дано — иначе призрак дон Альвареса вновь мог явиться перед ней и протянуть к ней свои грязные руки... И снова и снова вела она свою отчаянную эскадру к победе... Вскоре страх притупился, но девушка всегда осознавала, что не имеет права проиграть... Потом — королевский суд... Ошеломляюще быстрое возвращение к своему прежнему, женскому облику и снова страшные воспоминания... Огромный зал и сотни устремлённых на неё любопытных глаз... Полные ужаса и боли глаза квартирмейстера... Вихрь светской жизни, уносящий её куда-то вдаль и льстиво-чарующий, завораживающий голос Саунтона... Пробуждение новых, неведомых ей ранее, чувств, и снова глаза Питта, расширившиеся от невыносимой боли... Потом снова Питт, но уже другой — холодно-церемонный, похожий скорее на Саунтона, чем на себя самого, и их бурное объяснение на лестнице Кенсингтонского дворца... Столько всего произошло, и вот теперь, все они снова вместе — старые друзья, их адмирал, и бесконечно влюблённый в своего капитана квартирмейстер... За последний месяц Питт открылся ей совершенно с другой стороны, да и чувства уже не надо было сдерживать — разве что порой умирять будущего супруга, то и дело норовившего обнять невесту за талию. Девушка окончательно убедилась, что искренне любит Уоллеса. Но странное смущение не покидало её, и она вновь и вновь заливалась краской, чувствуя на себе взгляд Питта. Встреча со старыми друзьями навела её на спасительную мысль. Она наконец-то избавится от этого непонятного

чувства, не дающего ей покоя. Займётся делами, углубится в отчёты, сметы и деловые контракты... Чувствуя, что её дочь растеряна, Дженнифер с радостью взяла на себя все приготовления к свадьбе, и Арабелла с неподдельным интересом занялась чтением бухгалтерских опусов, вникая во все тонкости дел новоиспечённых коммерсантов. Видя, сколь живо невеста интересуется далёкими от романтики материями, бывшие флибустьеры с интересом обсуждали перспективы развития новых предприятий. Единственным человеком, не принимавшим участия в деловых беседах, был Питт Уоллес. После назначения даты свадьбы он был на седьмом небе, и не мог думать ни о чём, кроме неожиданно свалившегося на него счастья. Молча глядя на свою возлюбленную, он не проронил ни слова, толком не понимая, о чём говорили собравшиеся в зале мужчины со своим патроном. Так прошла неделя. Завтраки, обеды и ужины подавались на открытом воздухе — огромный обеденный зал не смог вместить всех участников трапезы. После завтрака бывшие флибустьеры выезжали на охоту, и лес оглашался выстрелами и торжествующими возгласами, с полудня до обеда занимались делами, а после короткого послеобеденного отдыха устраивали турниры по фехтованию и стрельбе. Атмосфера спокойного и размеренного времяпрепровождения успокаивающе действовала на товарищей Арабеллы, и те уже не раз задумывались о том, чтобы, по примеру своего патрона, обзавестись собственным домом и семьёй.

И вот, наконец, наступил радостный день. С раннего утра по направлению к Вудстоку выехал отряд из ста пятидесяти человек, во главе которого медленным шагом шествовали чёрные жеребцы, на которых восседали Уоллес и Вольверстон. Оба жениха были в белоснежных камзолах, расшитых золотом и жемчугом, и в шляпах с огромным, ниспадавшем на лицо плюмажем. Кони были под стать всадникам — украшенную золотом сбрую дополняла серебряная серьга с крупной розовой жемчужиной, вдетая в ухо каждого жеребца. Тень страдания окончательно исчезла с лица Уоллеса — бледное лицо немного порозовело, а серые глаза светились счастьем. Он так и норовил прищипорить своего скакуна, и более сдержанному и уравновешенному Вольверстону постоянно приходилось его одёргивать. Одноглазый гигант, не уступавший другу в великолепии наряда, представлял собой весьма живописное зрелище. Мощный великан возвышался среди своих отнюдь не низкорослых спутников и вполне мог бы послужить Свифту образцом для создания историй о Гулливере в стране лилипутов. Торжественную процессию, равной которой Вудсток не видывал даже при герцогине Саре, встречали восхищённые местные жители. Они с неподдельным интересом наблюдали, как вооружённые мужчины спешили и выстроились в две колонны у входа в храм, образовав живой коридор, через который должны были проследовать невесты. Каждый из стражей держал в руке древко с вымпелом, представлявшим собой либо флаг Англии, либо полотнище с гербом рода Мальборо, либо боевое знамя капитана Сильвера. Идея присоединить последнее к двум первым принадлежала Крисперсу, и новобрачные с радостью согласились — ведь именно общее прошлое дало им возможность лучше узнать и оценить друг друга.

Через полчаса после выезда женихов из Бленхейма выехала ещё одна процессия. Кортёж возглавлял Крисперс в парадной одежде, сопровождаемый не менее нарядными флибустьерами. Многие из них сейчас добрым словом вспоминали своего адмирала, когда-то запрещавшего весело проводить время и учившего их изысканным манерам. Именно благодаря его урокам они сейчас выглядели как заправские Кенсингтонские щёголи. За авангардом следовала открытая карета с гербом герцогов Мальборо, в которой ехали дамы

— Арабелла и Дженнифер в подвенечных платьях, Элен Рейндингтон и Мэри Кэт. С обеих сторон на белоснежных скакунах гарцевали мужчины — графы Солсбери и Вандомский, Джеффильд и Майкл Рейндингтон. Карету вооружённый арьергард.

Казалось всё шло хорошо, но по мере приближения к церкви радостно-нетерпеливое ожидание сменилось смутной тревогой. Местные жители, с шумным ликованием встречавшие процессию, двигавшуюся среди жилищ йоменов, вдруг исчезли, едва кортеж пересёк городскую черту. Вудсток словно вымер. На улицах не было никого, даже грязные собаки вдруг куда-то попрятались, лишь изредка высовывая свои испуганные морды из подворотен. Казалось, неведомый ураган обрушился на город, унеся из него всё живое и оставив в неприкосновенности лишь здания, глядевшие на мир наглухо закрытыми окнами. Встревоженная Арабелла подозвала Солсбери:

— Одолжи мне своего коня, Оливер. Поеду вперёд и посмотрю, что происходит возле церкви. Странно всё это... Будто произошло что-то неладное.

— Терпение, капитан, — ободряюще улыбнулся светский щёголь, — Ваша свадьба состоится независимо от того, что может случиться в Вудстоке. Разве что молния разразит храм — но и тогда мы построим временный алтарь.

— Спасибо тебе за всё, — девушка ласково взглянула на собеседника, — Прости, что не могу ответить на твои чувства, но, мне кажется, я действительно люблю Питта Уоллеса.

— Я знаю это, капитан, — грустно ответил тот, — я понял это, как только ты рассказала мне о Пуэрто-Бельо и непобедимом Гарри. Ты уже тогда любила его, но не могла признаться в этом даже себе самой.

Девушка промолчала. В нетерпеливом и тревожном ожидании процессия направилась к центру города. Однако подъехать к церкви оказалось не так уж просто — все дороги были перекрыты толпящимися и толкающими друг друга людьми. Именно сюда собралось всё население Вудстока, столь неожиданно покинувшее свои дома. Вполголоса переругиваясь, стоявшие сзади люди тщетно пытались рассмотреть нечто, находившееся совсем рядом с церковью. Арабелла приподнялась в коляске и попыталась заглянуть через головы столпившихся перед нею горожан.

— Анна! — вдруг воскликнула она.

Кортеж остановился. Прямо у входа в храм, рядом с торжественным караулом из бывших флибустьеров, стояла королевская карета. У Арабеллы замерло сердце. Она успела понять, что Анна Стюарт порой бывает непредсказуемой, а милость или немилость её зависит от того, что напоёт очередной придворный интриган. Взяв себя в руки и направив повозку в живой коридор из расступившихся горожан, девушка размышляла, что же могло стать причиной столь внезапного появления государыни на свадебной церемонии. Разумеется, оставить Анну в обществе Мэшэм и Саунтона было в высшей степени легкомысленно. Но что могло заставить королеву изменить её же собственное решение? Кто тот недоброжелатель, и чего можно ожидать от внезапно появившейся Анны? Кортеж двигался медленно, будто испытывая терпение новобрачных. Но вот, наконец, и храм. С трудом сдерживая волнение, невесты под руку с графами Солсбери и Вандомским покинули экипаж и направились к входу в церковь. Заметив приближающуюся фаворитку, Анна отдёрнула занавеску. И без того румяное лицо её побагровело от гнева, брови нахмурились, а глаза, казалось, вот-вот начнут метать молнии.

— Здравствуйте, Ваше Величество, — приветствовала Арабелла королеву, почтительно присев в глубоком реверансе, — рада видеть Вас на своей свадьбе

— Поздравляю тебя, Арабелла, — сквозь зубы процедила Её Величество, не покидая карету, — как вижу, ты пригласила своих людей

— Конечно, Ваше Величество — за четыре года мы стали одной семьёй. К тому же они сейчас далеки от своих прежних занятий и полностью посвятили себя коммерции.

— Не слишком ли много вооружённых мужчин? — Анна нахмурилась ещё больше, — всё это скорее напоминает сборище мятежников, чем бракосочетание! Не хватает только, чтобы из Вудстока Ваше войско двинулось маршем на Лондон! Поступок, вполне достойный племянницы герцога Джона! Когда-то он именно так и направился к Бленхейму, нарушив данное союзникам слово!

— Эти люди так же преданы Вам, как и я, — Арабелла вновь присела в реверансе, скромно опустив глаза, — Вы убедитесь в этом, если изволите принять участие в церемонии. В Бленхейме уже накрыт свадебный стол, и я рада буду предоставить Вашему Величеству лучшие комнаты в моём замке и произведения искусства моих поваров. Моя кухня не столь изыскана, как Кенсингтонская, но, если желаете, могу послать в замок одного из своих людей, и Вам приготовят одно из Ваших любимых блюд.

— Меня вполне устроит Ваше меню, дорогая, — лицо Анны всё ещё выражало недоверие, но она сделала попытку улыбнуться, — я всего лишь соскучилась по тебе и твоему безродному рыцарю. Ваше появление в Кенсингтоне позволило мне вновь ощутить себя молодой, и я очень рада вашему счастью.

Занавеска задвинулась, и лицо государыни скрылось из виду. Ошеломлённая Арабелла, придерживая белоснежный шлейф, неподвижно стояла у церкви. Кто мог внушить Анне столь абсурдную мысль? Ответа долго ждать не пришлось — дверца кареты распахнулась, и её взорам предстал завитой парик лорда-казначей. Покинув карету, Харли галантно подал руку королеве. Та осторожно ступила на каменные плиты площади. Метнув быстрый взгляд в сторону своего спутника, государыня медленно приблизилась к новобрачной и оперлась на её руку, увлекая за собой в храм. Церемония венчания прошла спокойно, и Анна даже удостоила обе пары своего короткого благословения. Но Арабелле по-прежнему было неуютно — даже спиной она чувствовала на себе пристальный взгляд графа Оксфордского. Девушка была абсолютно уверена в том, что именно он внушил Анне мысль о заговоре — ведь как иначе объяснить то, что произошло?

В Бленхейм вернулись к полудню. Королева тщетно пыталась скрыть тревогу, но подозрительный и беспокойный взор, которым она окидывала всё вокруг, заставлял сердца новобрачных сжиматься от странного предчувствия. Анна внимательно осмотрела все комнаты, и даже изъявила желание посетить павильон на островах и подвальные помещения. Её всюду сопровождал Харли, с губ которого не сходила язвительная улыбка. Однако, несмотря на это, праздник прошёл весело. Бывшие флибустьеры вспоминали подвиги адмирала и квартирмейстера, графы Солсбери и Вандомский вновь и вновь рассказывали о своих приключениях. Наконец, слово взяла Её Величество. Речь её была пространна и витиевата, в словах сквозил странный холодок, а здравица молодым супругам закончилась пожеланием того, чтобы все присутствующие остались верными подданными своей королевы. С нетерпением ждали новобрачные отъезда государыни и её лорда-казначей, надеясь провести медовый месяц столь же весело и беззаботно, как и предшествовавшие бракосочетанию несколько дней. Но наутро Анна изъявила желание задержаться в Бленхейме, чтобы вернуться в Кенсингтон лишь вместе со своей наперсницей. В течение недели она, в сопровождении новобрачных и графа Оксфордского, с утра

выезжала на охоту, а вечера коротала за игрой в карты. Будто случайно сталкиваясь со вчерашними флибустьерами, она заводила с ними длинные разговоры, пыталась выведать подробности, относящиеся к их нынешним занятиям. Харли с затаённой улыбкой наблюдал за происходившем, с чувством удовлетворения взирая на плоды своих трудов. Но ему не суждено было торжествовать победу — убедившись в том, что все подозрения графа — лишь плод его воображения, королева предложила выехать в Лондон.

Глава 19. Интриги, интриги, интриги

«Стены имеют уши»... Граф Оксфордский всегда помнил эту старинную поговорку, и зачастую использовал её в собственных интересах, рассылая по лондонским улицам и коридорам Кенсингтона верных ему людей. Но всего одна оплошность — и он сам оказался в сетях, расставленных ему судьбой. Гневная речь Свифта, в которой тот обличал бесталанную Абигайль Мэшэм, да и самого Харли, будто бы под гипнозом, передавшего ему жезл лорда-казначея, стала известна некоторым влиятельным вигам. Знала ли об этом сама Анна? Этого никто не мог даже предположить, но смущение, с которым Абигайль отводила глаза под пристальным взглядом своего кузена Роберта, было уж слишком красноречивым. В последнее время в приёмной стал чаще попадаться лорд Уортон — весёлый и жизнерадостный представитель партии вигов. Каждый раз, едва завидев Харли или Болингброка, он с лёгкой непринуждённостью, будто случайно, проводил рукой по шее. Непосвящённым в скандальную историю казалось, что лорд просто поправляет кружевное жабо, но для запятнавших себя торийских министров значение этого жеста было предельно ясно, тем более что при этом Уортон ещё и старался незаметно им подмигнуть. Анна наслаждалась внезапно обрётённой ей властью. Наконец-то никто не навязывает ей своего мнения — Сара Черчилль и её муж в изгнании, наиболее влиятельные виги в отставке, а посягнувшие на власть Харли и Болингброк полностью находятся в её руках. Пожелай она — и скандал вокруг жезла лорда-казначея сметёт обоих интриганов, словно вихрь придорожные пылинки. Королева медлила, не желая окончательно расправляться с тори и тщательно выискивая в своём окружении новых людей, которые могли бы стать её опорой в сложившейся ситуации. Снова и снова обращала она внимание на неотступно находившихся при ней молодых супругов. Анна не слишком доверяла Арабелле — Черчилли и без того слишком утомили её, да и девушка была слишком уж сильной и решительной. Будто бы в её жилах текла кровь не только Мальборо, но и неугомонных Дженнингсов, давших жизнь Саре, супруге герцога Джона. Ещё бы — командовать целой флотилией вольных, никому не подвластных флибустьеров! Робкая нерешительная Анна и глазом не успеет моргнуть, как снова окажется под властью Черчиллей... Но Уоллес... Сладкий яд, по каплям вливаемый в сердце государыни ловким интриганом Харли, постепенно оказывал на неё необратимое действие. Королева то и дело обращала внимание на изысканные манеры бывшего квартирмейстера, на его правильную речь, на остроумные реплики. Порой ей казалось, что она видит перед собой улучшенную копию Джеймса Саунтона — столь же галантен, но не избалован, умён, решителен, да и жизнь знает получше, чем этот изнеженный герцог, который так и не понял, что означает быть настоящим мужчиной... Ну и что, что его предки были рыбаками — ведь сейчас уже не те времена, да и вокруг то и дело появляются люди, выдвинувшиеся благодаря личным заслугам... Несколько раз, под благовидным предлогом услав Арабеллу с каким-либо поручением, она оставалась наедине с Питтом и подолгу беседовала с ним. Молодой человек был галантен и почтителен, но никогда не предпринимал ни малейшей попытки к сближению с королевой. После почти месяца мучительных сомнений Анна, наконец, решила сделать выбор. Не зря их знакомство началось так же, как и встреча Рейли с её предшественницей Елизаветой! Бросив свой белоснежный плащ под ноги государыни, этот юноша будто бы поклялся посвятить ей свою жизнь! Пусть будет так... Только надо под надёжным предлогом услав его благоверную...

Тайные встречи, свидания — воспоминания о безвозвратно прошедшей юности с её нетерпеливым ожиданием любви будоражили стареющую Анну, заставляя её думать о том, что время можно повернуть вспять... Не выдавая своих надежд никому, тем более утратившему её доверие графу Оксфордскому, королева проводила долгие ночи без сна, обдумывая свой хитроумный план. Вскоре она пригласила к себе свою наперстницу.

— Я давно хотела поговорить с тобой, Арабелла, — осторожно произнесла она, глядя на выражение лица молодой женщины. Но та спокойно взирала на государыню, не подозревая, что творилось в её душе.

— О чём же, Ваше Величество?

— Ты знаешь, что я веду активную борьбу с пиратством, дорогая. Ты сама когда-то занималась морским разбоем, и знаешь все тонкости этого ремесла и тех людей, которые добывают себе на хлеб подобным образом.

Арабелла настороженно взглянула на свою повелительницу. Та, казалось, угадала её мысли.

— Когда-то английские пираты принесли много пользы короне, служа защитой от испанской экспансии. Но теперь многое изменилось. Границы между владениями великих держав в Новом Свете определены, а Испания — уже не та, что была когда-то. Англия заинтересована в мирной торговле, а пираты не делают различий между английскими и испанскими судами, грабя не только врагов, но и собственных соотечественников. Пиратство становится серьёзным препятствием для развития наших колоний в Вест-Индии. Именно поэтому я жестоко обошлась с Киддом, и буду не менее жестокой с их последователями.

— Чем я могу помочь Вам? Надеюсь, Вы понимаете, что я не могу предать даже тех, кто никогда не был моим союзником?

— Подскажи, как привлечь пиратов к сотрудничеству с короной. Как заставить их перейти на нашу сторону? Что сделать для того, чтобы морской разбой уже никогда больше не возродился?

Арабелла задумалась. Впервые в жизни она не представляла, что ответить на заданный ей вопрос. Нельзя сказать, что подобные мысли никогда не приходили ей в голову. Но сейчас от неё требовались не просто банальные соображения — королева ждала от своей наперстницы плана, вернее, стратегии борьбы с пиратством!

— Ваше Величество, — медленно произнесла она, поняв, что пауза уж слишком затянулась, — как бы Вы поступили с мифическим чудовищем, с гидрой, пожирающей всё живое?

Анна молчала. Разговор про борьбу с пиратством был придуман ей лишь для того, чтобы услатить новобрачную куда-нибудь в Карибское море, а та, похоже, не понимает, что от неё хочет государыня и поэтому относится к вопросу уж слишком серьёзно. «К чему эти разговоры о гидре», — королева нетерпеливо вертела в руках первый попавшийся ей под руку предмет — лежавшее на столе ожерелье из крупных бриллиантов, — «отправлялась бы восвояси на свои Багамы, а я бы тем временем...»

— Я хотела спросить Вас, Ваше Величество, — прервала размышление королевы Арабелла, — стали бы Вы отрубать ей щупальца по одному, или бы отсекали голову и уничтожили её убежище?

— Что ты имеешь в виду? — Анна всё ещё недоумевала — настойчиво одолевавшие её мысли об Уоллесе не позволяли сосредоточиться на столь серьёзных вопросах.

— Надо покончить с теми высокими покровителями, которые скрываются от справедливого возмездия за высокими титулами. Я имею в виду лорда Чендерлея и ему подобных. Эти люди должны быть преданы столь же позорной казни, как и их подопечные.

— Но как ты докажешь, что именно они являются арматорами пиратских рейдов?

— Не думаю, что для Вас является тайной их участие в экспедициях. Назначьте справедливый суд и допросите капитанов, обещав им помилование. Уверена, что никто из пиратов станет жертвовать своей жизнью, чтобы спасти тех, кто готов их предать. Люди вроде Чендерлея — дважды грабители, и их вина намного тяжелее, чем вина самих флибустьеров.

— В твоих словах есть доля правды, Арабелла, — Анна тщетно пыталась найти выход из сложившегося положения. Необходимо было закончить затянувшийся разговор, но прекращение его по воле государыни могло означать лишь то, что для королевы все эти речи о борьбе с пиратством — лишь предлог. Предлог для чего-то другого, более важного, для того, о чём герцогине Мальборо знать было совсем необязательно.

— Что ты ещё предлагаешь? — спросила Анна, втайне надеясь, что Арабелла сама предложит своё посредничество в переговорах с флибустьерами.

— Предложите капитанам выгодные условия сотрудничества. Если люди будут уверены в своём будущем, то им не надо будет прибегать к разбою. Усиьте карибскую флотилию, чтобы охранять наши территории. Тогда губернаторам не нужно будет сотрудничество с пиратами — их владения и без того будут надёжно защищены. Кстати о губернаторах — они не должны слишком долго занимать свои посты.

— В твоих словах есть истина, дорогая, — Анна впервые за всё время разговора задумалась о смысле того, что было сказано бывшим пиратским адмиралом, — я подумаю об этом. Могу я надеяться на твоё посредничество?

Арабелла вопросительно взглянула на королеву.

— Могла бы ты отправиться на Багамы для ведения переговоров? — вновь повторила Анна свой вопрос, всем своим видом показывая, что её удивила непонятливость фаворитки.

— Разумеется, Ваше Величество, — Арабелла почтительно склонилась перед монархиней, — мы с Питтом немедленно направимся вSomersetshire. Моя дуврская флотилия лишь недавно вернулась из Вест-Индии, а на верфях Somersetshire уже готовы к отплытию новые корабли. Именно они повезут на Багамы закупленный моими агентами товар.

Королева с недоумением взидала на молодую женщину. Так значит, она собирается забрать с собой и Уоллеса? Весь хитроумный план, придуманный для того, чтобы уединиться с молодым красавцем, рушился, словно карточный домик. Анна никак не могла допустить подобного фиаско. Руки королевы всё ещё нервно вертели бриллиантовое ожерелье, а мозг её лихорадочно работал, пытаясь найти выход из создавшегося положения. Осторожный стук в дверь заставил Анну облегчённо вздохнуть.

— Что тебе надо, Дастин? — обратилась она к вошедшему камердинеру.

— Вас хотят видеть несколько членов Адмиралтейства, — вполголоса произнёс он.

— Отлично, я приму их, — Анна вновь взглянула на фаворитку, — подожди меня в приёмной, Арабелла. Думаю, что ты нужней мне здесь, чем на Багамах.

Переговоры с членами Адмиралтейства длились недолго. Вскоре Анна вновь пригласила к себе Арабеллу. Мнение королевы вновь изменилось — на этот раз ей предлагалось выехать в Somersetshire для переговоров с частными владельцами верфей, а

Питта, как доверенное лицо герцогини Мальборо, предполагалось с той же целью направить в Дувр. Цель интриги была достигнута — супругам предстояло провести друг без друга почти две недели. Анна торжествовала победу, и лишь один Джеймс Саунтон чувствовал неладное...

Арабелла медленно шла по мокрому песку. Оранжево-красный диск солнце уже наполовину показался над горизонтом. Ласковые прохладные волны, набегая на берег, превращались в искрящуюся белоснежную пену, и тут же с лёгкостью откатывались назад. Вот уже целую неделю она провела в этом небольшом городке, выполняя поручение королевы. Переговоры прошли успешно, и она уже могла бы вернуться в Лондон, но Анна вновь и вновь шлёт ей какие-то странные распоряжения. Гонцы прибывают почти каждый день, будто бы государыня хочет убедиться, что девушка по-прежнему находится в Бриджуотере... Хорошо ещё, что она взяла с собой Мэри Кэт — девушка, столько лет прослужившая у Брэдфордов, вдруг захотела стать владелицей кофейни в небольшом городке у моря. «Морская душа» — именно так Мэри предложила назвать своё заведение. Она же уговорила госпожу позировать для картины, которая должна была занять центральное место в обеденном зале. Девушка в простой коричневой юбке и такой же рубашке, с разметавшимися по плечам чёрными волосами, сидит на берегу и смотрит в морские дали, такие же синие, как и её глаза... Романтический образ, тем более, что сходство с отчаянной наследной герцогиней наверняка привлечёт клиентов... Арабелла задумалась. Она позировала по утрам, на рассвете, и полотно только что было завершено. К полудню ожидалось открытие кофейни и прибытие первых посетителей. Пора возвращаться в Лондон, к любящему супругу. Да и Анну нельзя оставлять надолго — интриганы наверняка уже плетут свои сети, желая покончить с последними из Черчиллей. Арабелла не собиралась отвечать им тем же — её прямолинейной натуре претила вся эта мышиная возня вокруг королевского трона. Ей хотелось настоящего, большого дела, но какого именно? На этот вопрос она так и не могла найти ответа. Море по-прежнему настойчиво звало её к себе, но путь к прежней жизни навсегда был закрыт. Девушка вдруг вспомнила, что Вольверстон когда-то говорил ей про Бриджуотер. Кажется, этот город как-то связан с её настоящим отцом. «Интересно, чем он там занимался», — подумала она, — «я слышала, что у него родня из Соммерсетшира». Погрузившись в свои мысли, Арабелла медленно добрела до постоянного двора. Надо было переодеться — никто не поймёт, если наследная герцогиня и представитель Её Величества появится на улице в подобной одежде. Девушка тихо, стараясь никого не разбудить, поднялась по лестнице и повернула ключ в замке тяжёлой дубовой двери. Петли тихо скрипнули. Склонившаяся над столом шуплая фигура распрямилась и метнулась к окну.

— Ни с места! — крикнула Арабелла и замахнулась кинжалом, намереваясь бросить его в незнакомца. Тот замер на месте.

— Не трогайте меня, герцогиня..., - пробормотал тот. Арабелла опустила руку.

— Кто Вы, и что делаете в моей комнате? Что у Вас в руках?

Тот сделал неловкую попытку спрятать конверт.

— Немедленно отдайте мне письмо!

Юноша вновь рванулся к окну, но тотчас же ощутил на шее лезвие кинжала. Вскоре он, со связанными руками, сидел на стуле. Арабелла же, разорвав конверт, пробежала глазами убогий текст. На лицо её набежала тень.

— Кто написал это?

Незнакомец молчал. Арабелла вытащила пистолет и, приставив дуло к затылку юноши,

сухо произнесла:

— Едем со мной. Объяснения будешь давать Её Величеству.

Тот направился к выходу, побуждаемый лёгкими подталкиваниями пистолетного дула. Они сели в экипаж и направились в Лондон...

Тем временем в Кенсингтоне стремительно разворачивалась любовная интрига. Все придворные сплетники обсуждали лишь одну новость — увлечение Анны супругом герцогини Мальборо. У всех на слуху было имя Рейли, с которым то и дело сравнивали Уоллеса. Ещё бы — писанный красавец, с виду — истинный аристократ, ни за что не скажешь, что его родители закидывали рыбацкие сети на Багамах, умный, решительный, галантный... В общем — идеальный возлюбленный для одинокой королевы. Анна так и не отправила Питта в Дувр, под каким-то незначительным предлогом задержав его в Лондоне. Они часто выезжали на охоту вдвоём, а порой просто гуляли. Вспомнив о романах своей великой предшественницы, Анна возродила принятую у Елизаветы игру — переписку на стеклянных пластинах. И однажды так же, как она, написала: «Что ты скажешь, если судьба вдруг вознесёт тебя на дотолё неведомую высоту?» Но Уоллес, почти не думая, тут же написал вполне откровенный ответ: «Буду рад, но моя любовь и честь всегда останутся со мною». Раздосадованная государыня разбила свои пластины и удалилась, а несостоявшийся возлюбленный несколько не огорчился. Наутро он, принеся извинения за невольную дерзость, тем не менее ещё раз в самых изысканных выражениях подтвердил, что всегда любил и будет любить только свою супругу. Харли, видя огорчение королевы, тут же поспешил прийти на помощь и обещал расправиться с наследной герцогиней, посмевавшейся на пути любовной интриги самой великой государыни.

Примечания:

Анна действительно шантажировала Харли и Болингброка, зная об их интригах. Но это имело место после отставки Сары, но до отставки её супруга (в романе оба Черчилля лишаются своих постов одновременно). Жест лорда Уортон (правда, без подмигиваний) также упоминается некоторыми источниками. Роман между Рейли и Елизаветой, как и история с плащом, брошенным ей под ноги в дождливую погоду и история со стеклянными пластинами, действительно имели место.

Глава 20 Интриги, интриги, интриги. Ч. 2

Карета с гербом Мальборо быстро катилась по дороге. Кучер то и дело взмахивал хлыстом, подгоняя потных, уставших от безостановочного бега лошадей. Занавески были плотно опущены — никто не должен был видеть лицо спутника молодой герцогини — бледного юношу, неподвижно сидевшего рядом с ней. Запястья его были связаны, а во рту вместо кляпа торчали обрывки его же собственной рубахи. По лбу стекал холодный пот. Юноша изо всех сил пытался сосредоточиться на предстоящем разговоре с Её Величеством, но мысли рассеивались и принимали другое направление. Приставленное к правому виску пистолетное дуло и длинный острый кинжал в руках молодой леди заставляли всё чаще возвращаться к мыслям о собственной судьбе. Вряд ли высокие покровители заступятся за него — ведь тогда им придётся признать, что и подпись герцогини поддельная... Юноша прекрасно знал, что накануне Тауэр посетил, камердинер Харли и его доверенное лицо. Он ясно слышал, как граф Оксфордский рассказывал об этой истории Болингброку и оба радовались, что наконец-то покончат с бывшей пираткой. В английском королевстве был лишь один человек, умевший столь искусно подделывать подписи. Вот уже пять лет он томился в одиночной камере лондонской тюрьмы. Но ему там было не так уж плохо — арестанта то и дело навещали высокие гости, нуждавшиеся в его услугах. В благодарность за них аристократы осыпали щедрыми дарами тюремщиков, и те окружали знаменитого узника заботой и вниманием. Ещё бы — одно его слово, и комендант Тауэра мог запросто лишиться своего поста, ведь среди клиентов были и Харли, и Болингброк, и Годольфин, и даже маститые члены королевского суда. «Наверное, и меня не оставят без помощи», — подумал юноша, но в Тауэр идти не хотелось. Он был молод, и жизнь его только начиналась. «Вот угораздило связаться с этой Мальборо», — вновь подумал он, взглянув на сидевшую рядом с ним молодую особу. Она так и не успела переодеться, и была по-прежнему облачена в наряд простой женщины. В синих глазах спутницы таилась угроза, и юноша прекрасно понимал, что ему несдобровать. Нет, от этой пиратки ему никогда не сбежать. Разве что... Молодой человек попытался выглянуть в окно, но пистолетное дуло вновь вернуло его к действительности. Карету сильно трясло, видимо, они ехали через лес. Разбойников не было и следа — никто из лихих людей не желал иметь дело с этой Мальборо. Помня о происшествии в Вильдсском лесу, они прятались, едва завидев экипаж с её гербом. Но вот, кажется, приехали — карета вновь покатила по брусчатой мостовой, а вокруг стоит шум и гам. Остановка... «Всё кончено, пропала моя душонка», — подумал семнадцатилетний племянник жены камердинера лорда Харли. Дверца кареты отворилась, и спутница легонько подтолкнула его к выходу заряженным пистолетом. Так и не успев придумать, как убедительней соврать о своём появлении в комнате герцогини, он вышел на улицу и направился по аккуратной дорожке, ведущей в Кенсингтонский дворец, не замечая устремлённых на него и босоногую фаворитку изумлённых взглядов.

Все обитатели Кенсингтона высыпали на улицу, чтобы поглазеть на любопытное зрелище. Ещё бы — не каждый раз увидишь, как одетая, словно простолюдинка, высокородная особа ведёт перед собой связанного пленника с кляпом во рту. Лишь

Харли, Болингброк и Саунтон, запершись в комнате Абигаиль, гадали, что же предпринять для собственного спасения.

Не успела странная процессия взойти на каменные ступени парадной лестницы, как из

дверей вышла сама королева. Разгневанная монархиня метала громы и молнии, а нахмуренное лицо покрылось красными пятнами.

— Забыла, где ты находишься? — гневно воскликнула она, — здесь тебе не Тортуга и не Порт-Роял! Посмотри на себя! Кто этот юноша?

Королева с трудом сдерживалась, чтобы не сорваться на крик.

— Простите меня, Ваше Величество, — церемонный поклон босоногой герцогини выглядел весьма комично, и присутствовавшие тихо прыснули, стараясь не рассмеяться в голос, — меня привели сюда обстоятельства чрезвычайной важности.

— В чём дело? — Анна слегка отстранилась от приблизившейся к ней молодой женщины в холщовой юбке и двумя пальцами, с выражением брезгливости на лице, взяла поданное письмо. Но, едва она пробежала его глазами, как презрительная мина в мгновение ока исчезла, сменившись недоумением.

— Что это? Это твоё послание Хэндсу? Ты предала меня? Недаром Харли предупреждал меня вчера, что ты собираешься вернуться к старым занятиям. Он собирался перехватить какой-то важный документ в Дувре.

— Я не писала этого письма, — спокойно и уверенно произнесла молодая женщина, — его подбросил мне этот юноша. По чьему приказу, и кто подделал мой почерк — узнаете от него самого. Я не стала его допрашивать и всецело полагаюсь на Вашу справедливость, Ваше Величество.

У дверей показался вездесущий Солсбери. Казалось, этот щёголь и интриган каким-то шестым чувством ощущал, когда требуется его помощь, и тут же оказывался рядом со своей протеже.

— Выслушайте его, Ваше Величество, и простите герцогине её наряд. Думаю, она просто не пожелала, чтобы этот франт сбежал — ведь у него наверняка есть сообщники в Кенсингтне.

Анна понимающе кивнула.

— Пройдёмте, граф, — обратилась она к Солсбери, — Вы будете присутствовать при допросе. А эта босоногая девчонка пусть прежде переоденется в приличное платье. Я никому не позволю нарушать требования этикета.

— Но во что? — с недоумением спросил граф, — Вы полагаете, что ей надо вернуться в Мальборо-Хаус?

— Моё платье в карете, Ваше Величество, — как можно более почтительно произнесла Арабелла, мысленно поблагодарив старого друга и направившись к стоявшему у ворот экипажу.

Менее чем через полчаса она, уже облачённая в роскошный наряд из светло-бежевого атласа, стояла в кабинете королевы. Испуганный юноша подробно рассказал о визите людей Харли в Тауэр, и о письме Арабеллы Хэндсу, которое он должен был, но не успел подменить на сфабрикованную подделку. Само послание, написанное лично Арабеллой, и все остальные письма были немедленно переданы Анне для сличения почерка. Работа оказалась весьма искусной, но свойственная девушке лёгкая небрежность письма всё же отличала её руку от слишком аккуратно выполненной подделки. Отпустив восвояси незадачливого сообщника Харли, королева задумчиво покачала головой.

— Опять эти министры-интриганы. До чего же мне надоели их бесконечные склоки..., — она тяжело вздохнула.

— Смените кабинет, — осторожно предложил ей Солсбери, — другие могут оказаться

лучше

— Все вы одинаковы, господа..., - в голосе монархини слышалась неимоверная усталость — от интриг, забот, болезней, да и от самой жизни, которая тянется, будто старая кляча, и никак не может остановиться, — вот скоро умру, и отдохну от вас всех. Да только Господь никак не принимает к себе...Наверное, слишком много грешила я в этой жизни...

От печали и безнадежности, сквозившей в голосе этой слабой, больной женщины, у Арабеллы сжалось сердце. Она мысленно простила ей все приступы гнева, и те бесконечные подозрения, которыми королева донимала свою наперсницу.

— Ваше Величество, ну зачем же Вы так, — ласково произнесла она.

— Доживёшь до моих лет, и поймёшь, что значат настоящие страдания, — вновь вздохнула Анна, — а пока живи и радуйся своему счастью. И Уоллеса своего забирай, а то про нас с ним уже сплетни напридумывали. Всё это пустые разговоры... Не нужен он мне ни он, ни даже этот лицемер Саунтон... Всё равно, никто из них не может сравниться с моим Георгом...

Ещё час назад Анна сама не смогла бы поверить в то, что так легко отпустит человека, отказавшегося от её любви. Оскорблённое самолюбие нашептывало, что с отвергнувшим её негодником необходимо расправиться самым жестоким образом. Снова вспомнив о судьбе изменившего своей повелительнице Рейли, она уже собиралась подписать приказ об аресте Питта. Секретарь ждал её в кабинете и, если бы не странная сцена во дворе, бывший квартирмейстер уже направлялся бы в Тауэр в компании королевских гвардейцев. Но разговор с девушкой странным образом навёл государыню на мысли о скорой смерти и о том, что ей предстоит держать ответ за свои прегрешения. Так что везунчик Уоллес был прощён, грозная королева сменила гнев на милость, а блестящий план Харли с треском провалился — Анна вновь помирилась со своей фавориткой.

Примечания:

1. Главной причиной помещения Рейли в Тауэр была его тайная женитьба на фрейлине Елизаветы, т. е. измена королеве.

2. Анна Стюарт была достаточно религиозна, и приведённые в главе размышления вполне могли иметь место.

Глава 21 Дуэль

несколько дней королева слегла. Её беспрестанно мучили боли во всём теле, а лицо, руки и ноги сильно опухли. Почти месяц весь двор жил в ожидании неизбежного конца. Не было ни балов, ни охоты, ни шумных светских увеселений. На смену кричащей роскоши пришли скромные облачения — для траура повода не пока не было, но блеск драгоценностей и яркость красок в такой момент казались дурным тоном. С королевой неотступно находились Абигайль, Арабелла и придворные лекари под началом Арбентота. Близость последнего к тори была Анне не по душе, и она часто приглашала вместо него Манфреда, но сейчас состояние государыни было слишком тяжело и политические пристрастия отошли на второй план. Оба доктора трудились бок о бок, почти не покидая покоев королевы и изо всех сил пытаясь спасти жизнь, то и дело угасавшую в этом измученном болезнью теле. Вскоре больная пошла на поправку и к концу сентября, наконец, смогла выйти на улицу. Двор, истосковавшийся по светским увеселениям, вернулся к прежней жизни. С новой силой зашумели, заискрились бриллиантами бесконечные балы, церемонии, приёмы... Величественная Анна появлялась всюду с надменно-торжествующей улыбкой, окидывая взглядом подданных и всем своим видом утверждая, что все разговоры о престолонаследии и скорой смене царствующей династии не более чем суэта. За королевой неотступно следовали молодые супруги Брэдфорд-Уоллес, доставившие много неприятных моментов не только Мэшэм и Саунтону, но и Харли с Болингброком. К новой фаворитке сразу потянулись влиятельные виги — бывшие соратники герцога Джона. Уортон, Галифакс, Аддисон, Шрусбери и другие представители оппозиционной партии стали частыми гостями в её замке на Пэлл-Мэлл и в охотничьих угодьях Бленхейма. Поначалу о политике говорили мало, лишь время от времени вспоминая те добрые старые времена, когда Сара с Джоном правили бал в Кенсингтонском дворце. Но слово за слово, и постепенно Арабелла, даже не помышлявшая о том, чтобы ввязываться в дворцовые интриги, невольно оказывалась втянутой в стремительный водоворот политических событий. Анна же по-прежнему находилась над схваткой — её симпатии к отверженному Претенденту и попытки Болингброка оказать ему поддержку сближали монархиню с тори, но интересы короны заставляли оказывать жёсткое противодействие экспансии католицизма, адептом которого являлся её собственный брат. Она снова ни на что не могла решиться, и, плывя по течению, пыталась лавировать между двумя влиятельными группировками придворных, не примыкая ни к одной из них. Приблизив к себе Арабеллу и Уоллеса, она по-прежнему держала при себе и Мэшэм с Саунтоном, так что четвёрка фаворитов являла собой живое воплощение безуспешных попыток королевы примирить две враждующие партии.

Однажды после охоты, отослав надувшуюся Абигайль, Анна пригласила к себе Арабеллу.

— Ты уже решила, у кого будешь на следующей неделе? — спросила она, хитро взглянув на свою наперстницу из-под сдвинутых густых бровей

— Я собираюсь быть у Галифакса, — скромно опустила глаза наследная герцогиня, — он часто бывал у меня, и я должна нанести ему ответный визит.

— Но Харли твой сосед, ты не считаешь, что долг вежливости — почтить его своим присутствием? — в голосе Анны слышалось плохо скрываемое раздражение.

Арабелла молчала. Обед у Галифакса и охота в оксфордских угодьях Харли должны

были состояться в один и тот же день.

«Звёздный» состав лорда-казначея включал Болингброка, Свифта и «героя дня» Арбентота, спасшего Анну от смерти, уже казавшейся почти неотвратимой. На приёме у Галифакса, назначенном на необычайно раннее для подобного мероприятия время — девять часов утра — должны были появиться все влиятельные виги. Большинство не окончательно определившихся со своим выбором придворных получили одновременно оба приглашения — благоухающую открытку, написанную собственноручно графом Оксфордским, и скромный конверт с автографом Галифакса. «Смотр сил», устроенный тори и вигами в преддверии выборов и в виду скорой смены царствующей династии, должен был заставить каждого принять окончательное решение, примкнув к одной из враждующих партий.

— Ваше Величество, — задумчиво произнесла Арабелла после неловкой затянувшейся паузы, — Вы же знаете о том, что мои отношения с графом далеко не дружеские.

— Так может быть, пришло время наладить их? — ещё более нахмурилась королева.

— Но тогда меня не поймут Уортон, Галифакс и Шрусбери. Мы очень сблизились за последнее время.

— Знаю, знаю... Мне не раз докладывали об этом... О чём только ты беседуешь с этими интриганами? О том, чтобы поскорее усадить на наш древний престол какого-то иноземца?

— Что Вы, Ваше Величество, — смутилась Арабелла, — все мы надеемся, что Ваш здоровье позволит Вам как можно дольше править Англией. Вы выше всех этих политических споров и интриг, и пока Вы с нами — в Англии царят мир и согласие.

— Молодец, — Анна горько усмехнулась, — неплохо тебя научили все эти придворные льстецы. Но я почему-то верю, что ты по-прежнему искренне любишь меня. Ты слишком прямой человек, чтобы стать такой же двуличной, как и они.

Королева пристально взглянула на фаворитку, словно пытаясь проникнуть в самую глубину её синих глаз. Но Арабелле нечего было скрывать — за время, проведённое в Кенсингтоне, она успела искренне привязаться к Анне. Противоречивая натура государыни, в которой желание властвовать сочеталось со стремлением к простым человеческим отношениям, привлекала её своей непосредственностью и прямоотой. Эти качества, умело скрываемые королевой от окружающих, были известны лишь самым близким ей людям, и чем больше Арабелла и Анна узнавали друг друга, тем большую симпатию испытывала наследная герцогиня к своей повелительнице.

— Молодец, — ещё раз повторила королева, — не прячешь взгляд... Не затянуло тебя ещё это змеиное болото... Кстати, хорошую идею ты мне подала..., — Анна вдруг замолчала. Казалось, она в последний раз взвешивает необходимые аргументы, чтобы принять какое-то важное для себя решение, — А ты права... Я действительно должна быть выше этой схватки бешеных псов...

Королева гордо вскинула голову, украшенную двойным подбородком, и взгляд её вдруг стал высокомерным и даже жестоким. Удостоив наперстницу лишь лёгким кивком головы на прощание, она сухо добавила:

— Ты свободна. Передай камердинеру, чтобы пригласил ко мне Харли и Галифакса.

полчаса в приёмной показался взбешённый лорд-казначей. Его правая рука висела на перевязи, а ухоженное лицо то и дело искажала гримаса боли.

— Проклятый францушка! — бросил он гневный взгляд на оробевшего Саунтона, рядом с которым стоял облачённый в белое Питт Уоллес. Поразительное сходство обоих любимцев Анны и тайная симпатия, испытываемая Её Величеством к верному супругу

герцогини Мальборо, уже стали предметом светских анекдотов.

— Что это с ним? — герцог Йоркский удивлённо взглянул на Питта. Тот пожал плечами.

Почти час королева беседовала с Харли, и фаворитам оставалось лишь томиться в тревожном ожидании. Абигайль и Арабелла перекидывались ничего не значащими фразами, Уоллес и Саунтон безуспешно пытались сосредоточиться на партии в шахматы. В последнюю неделю свежий воздух Кенсингтонских предместий казался придворным невыносимо душным — столь велик был накал предвыборных страстей. Сторонники тори и вигов с открытой неприязнью взирали друг на друга и откровенно заигрывали с теми, кого сами же презрительно называли «болотом» — придворными, так и не определившимися со своими политическими пристрастиями.

Вскоре лорд-казначей вновь появился в приёмной. Лицо его было мрачно, как туча.

— Проклятый Гискар! — вновь выругался он, — перепутать меня с Болингброком!

Абигайль вдруг засуетилась, заторопилась, пробормотала что-то невнятное и вышла из комнаты. Следом за ней удалился Саунтон, а в дверном проёме показался благоухающий лорд Галифакс в сопровождении изысканного остряка Уортон.

— Говорят, после беседы с Вами, моя дорогая, Анна срочно вызвала к себе Харли, — съязвил остроумный ирландский наместник, увидев прохаживающуюся по комнате Арабеллу — к чему бы это? Уж не Вы ли — причина его мрачного расположения духа? — и Уортон вновь поднёс к шее украшенную перстнями холёную руку.

— Герцогиня становится хорошим политиком, — усмехнулся Галифакс, — кажется, нашим друзьям тори сейчас несладко.

Вскоре после этого потупившийся Галифакс молча вышел из кабинета королевы. Уортон, бросив многозначительный взгляд в сторону Арабеллы, заметил:

— Слишком хороший политик..., - и быстрым шагом покинул приёмную.

На следующий день все придворные получили помпезную открытку, украшенную королевской печатью. Письмо гласило, что Её Королевское Величество оказывает своим подданным честь и приглашает их на торжественный обед по случаю своего выздоровления. Приём должен был состояться в Кэмптон-Корте в тот же самый день, что и охота Харли, и обед Галифакса. «Смотр сил» воюющих сторон был отложен до лучших времён...

Над Лондоном сгустились сумерки. Последние экипажи, скрипя колёсами, покидали Пэлл-Мэлл, оставляя её во власти искателей ночных приключений. Лишь цокот лошадиных копыт да завывание осеннего ветра нарушали тишину, окутавшую самую шумную и многолюдную улицу столицы. Было уже прохладно, и во всех комнатах замка Мальборо горели каминные. Дженнифер с Вольверстоном удалились к себе, а Арабелла всё ещё не могла уснуть. Устроившись в мягком кресле у огня и завернувшись в тёплый плед, она смотрела на светящиеся языки пламени, лизавшие берёзовые дрова. Вот так, в странной, гнетущей тишине, прошла добрая половина часа. Боясь потревожить погружённую в размышления супругу, Питт сидел немного поодаль, переводя взгляд то на огонь, то на застывшую, словно статуя, молодую женщину. Наконец, не выдержав затянувшейся паузы, Уоллес прервал молчание

— Что с тобой? — осторожно спросил он, — с тех пор, как мы вернулись из Кенсингтона, ты не произнесла ни слова?

— Не знаю, дорогой, — голос Арабеллы вдруг показался Питту чужим и далёким.

— Это из-за завтрашнего обеда?

— Не только из-за него... — с печальной задумчивостью произнесла герцогиня, — ты помнишь, как просто всё было раньше? У нас были враги — испанцы, мы грабили их, они нападали на нас... Хорошая тактика, немного удачи — и успех обеспечен — всё предельно ясно.

— Да, здесь намного сложнее, чем там..., - несмотря на шевельнувшееся в сердце чувство необъяснимой тревоги, Питт говорил уверенно, пытаясь успокоить супругу, — Но, с другой стороны, разве тогда нам не приходилось попадать в переделки? И разве твоё правило не действует в Кенсингтоне?

— Не совсем... Когда мы заключали договор, к примеру, с тем же Тичем, пусть он трижды беспринципный головорез, то могли быть уверены, что в бою он не подведёт. Не нарушит данное слово, в решающую минуту став на сторону противника...

— Вспомни Перэ! Если бы он смог ускользнуть тогда, у Нью-Провиденс, он бы с лёгкостью бросил нас на съедение испанцам!

— Да, но всё же..., - с каким-то странным безразличием произнесла она

— А де Фонтейн? Разве не он собирался устроить мятеж прямо среди панамских болот? несколько дней вы с ним уже были лучшими друзьями и вместе дрались у стен президентского дворца! Да вспомни ты, хотя бы, того же Крисперса! Сколько раз он был готов взбунтоваться против тебя?

— Но там всё было проще — поединок на пристани решал всё. А здесь? С кем прикажешь мне драться? С Харли или Болингброком? С герцогом Йоркским? Повода нет, да и нельзя мне теперь... Представляю, какой скандал разразился бы в Кенсингтоне! — Арабелла внезапно рассмеялась — звонко, почти по-детски, как в старые добрые времена. Питт, представив себе нарисованную его супругой картину, тоже не смог удержаться от бурного выражения чувств.

— Интересно, как там де Фонтейн? — вдруг поинтересовался он, вспомнив про французского капитана, — может быть, наши пути ещё пересекутся здесь, в Лондоне?

— Не знаю, — зябко поёжилась молодая женщина, ещё не привыкшая к прохладным осенним вечерам, — хотелось бы встретить его... Кажется, я начинаю скучать по нашим морским скитаниям... Всё же Луиза права — когда игра со смертью входит в привычку, что всё остальное кажется лишь подобием настоящей жизни.

— Но ведь теперь мы вместе, — Питт подошёл к жене и обнял её за плечи. Его Арабелла... Сколько раз он мечтал о таких, полных любви и нежности, вечерах! Как сильно верил, даже вопреки здравому смыслу, что возлюбленная не умерла, а ждёт его где-то вдали... А возлюбленная была рядом, но только не знал он об этом... Сколько испытаний выпало на их долю, и вот, наконец, счастье! Да только не исчезло бы оно, не оказалось обманчивым видением... Но всё равно, главное — он рядом с любимой, и никакие штормы, сотрясающие Кенсингтонский дворец, не разобьют их корабль... Он всегда будет рядом со своим капитаном, и всегда придёт ей на помощь...

— Ничего страшного, дорогая. Пойдём спать. Завтра с утра надо быть в Кэмптон-Корте, и ты должна предстать во всём блеске. Ты — фаворитка королевы, первая красавица Лондона и вскоре станешь самым влиятельным человеком в партии вигов, затмив даже герцогиню Сару.

— Кто знает..., - Арабелла медленно встала с кресла, опираясь на руку мужа, — Лишь бы не разделить её судьбу — она оказалась к ней так жестока...

Рано утром, ещё затемно, в Мальборо-Хаус прибыл граф Солсбери. Интуиция снова не

подвела его — наследная герцогиня нуждалась в помощи друга. Супруги уже сели завтракать, и проголодавшийся после утренней прогулки светский лев с удовольствием присоединился к трапезе.

— Как дела, капитан? — ободряюще улыбнулся он.

— Да так себе, — рассеянно промолвила Арабелла

— Кажется, ты становишься влиятельным политиком? Я слышал, Анна устроила этот обед после беседы с тобой?

— Разве это что-либо меняет? Ведь те же страсти с новой силой вспыхнут и в Кэмптон-Корте. Только перепалка Харли и Галифакса будет прилюдной, а если ещё этот Свифт появится... Не по себе мне сегодня — какое-то странное предчувствие...

— Да, — задумчиво произнёс Солсбери, — знаете, как называют нашего пастора с лёгкой руки Харли?

Супруги молчали, размышляя о чём-то своём, но ловкий интриган сдаваться не собирался. Он всегда знал, как поднять боевой дух старому приятелю, к которому по-прежнему испытывал не только дружеские чувства.

— Наш любимец и опекун, — Солсбери хитро прищурился и взглянул на Арабеллу, — этот ирландский священник стал своим в Кенсингтоне и оказывает протекцию тем, кому считает нужным. Вы слышали про процессию из лордов и министров, которую он отправил к некоему Кингу, для которого выпросил хорошую должность у своих влиятельных покровителей?

— Я думала, это анекдот, — Арабелла слегка улыбнулась, — неужели правда?

— Как может фаворитка Анны Стюарт не знать того, о чём говорит весь двор? — с добродушной иронией покачал головой граф, — Вы должны быть в курсе всего, что происходит, иначе никогда не станете опытной интриганткой

— А если я не хочу быть интриганткой?

— Придётся ей стать, дорогой мой капитан, — улыбнулся Солсбери, — если судьба занесла Вас на галеон под названием Кенсингтон, то уж будьте добры следовать корабельному уставу. Иначе возьмут Вас на abordаж придворные интриганы, а они страшнее всех Ваших Тичей и Киддов...

Уверенность постепенно возвращалась к Арабелле — полушутливый-полусерьёзный тон графа и его манера сравнивать двор с флибустьерским братством всегда поднимали ей настроение. Видя, что его слова возымели своё действие, он продолжал с хитрой улыбкой на устах:

— Кстати слышали, что приключилось с одним лордом, решившим навестить нашего любимого Джонатана? В кабинете Свифта был ужасный беспорядок, и пока лорд искал глазами место, куда бы пришвартоваться, уважаемый опекун недовольно пробурчал, что тот может снять с того стула эти проклятые чётки и усесться! Правда, справедливости ради, с простыми людьми он куда более вежлив!

Молодые супруги не могли сдержать смех, представив себе нарисованную графом картину. Тревожно-гнетущая атмосфера постепенно отступала, и в доме вновь воцарялась непринуждённая весёлость.

— А с Джоном Шеффилдом графом Мелгроу маркизом Нормэнби герцогом Букингэмом наш опекун вообще отказался знакомиться — сказал, что титул у него слишком длинный! — продолжал граф, — кстати, капитан, надеюсь, что Вы регулярно читаете «Аналитик»?

— Да, — уже вполне уверенно кивнула ему Арабелла

— Тогда Вы наверняка в курсе, что неделю назад он так пропесочил беднягу Уортон, что даже сам Адиссон не смог достойно ответить! Все знают, что это дело Свифта — его стиль ни с чем не перепутаешь. Наш милый пастор обвиняет его в казнокрадстве и забвении интересов народа — в наше беспокойное время это весьма опасно... Правда, как я слышал, оба ирландца стоят друг друга, и ловкач Уортон держит за пазухой увесистый камень против тори. Если Свифт его ещё раз тронет, то не сдобровать ни ему, ни Харли с Болингброком!

— Это из-за истории с жезлом? — поинтересовался Питт, — Вы тоже знаете об этом?

— Что я — об этом наслышаны все в Кенсингтоне, и не только. Стоит только взглянуть на этого интригана Уортон, когда он ехидно смотрит на Харли и проводит рукой по шее. Уж он-то знает, что грозит лорду-казначею в случае огласки!

— Саунтон как-то говорил, что в университете Свифт провалился на экзамене по логике, — вспомнил вдруг Уоллес, — это правда?

— Чистая правда, друзья. Времена меняются, и мы меняемся вместе с ними — такова жизнь. Теперь памфлеты и эпиграммы этого пастора известны всему Лондону, а такие люди, как лорд Эберкорн, обращаются к нему с просьбой о герцогстве! Кстати, капитан, — весело улыбнулся граф, — мы уже десять минут как должны быть на Вашем корабле, иначе опоздаем в очередной рейд, и наш приз достанется Харли или Галифаксу. Не забывайте, что ровно в девять мы должны быть в Кэмптон-Корте.

Повеселевшая компания, вполне довольная жизнью, покончила с завтраком и, устроившись в карете герцогов Мальборо, выехала из замка.

В зале для приёмов Кэмптон-Корта было шумно и многолюдно — придворные ожидали приглашения на обед, который должен был состояться в огромной дворцовой зале — на улице было свежо, и Анна не пожелала подвергать своё здоровье излишней опасности. Ходили слухи, что кенсингтонские повара изобрели нечто необыкновенное, но политическое меню интересовало собравшихся гораздо больше, чем самые изысканные кулинарные новинки. Нарядно одетые дамы и господа нервно прохаживались по коридорам, бросая друг на друга настороженные взгляды. Кто он, рядом стоящий и хорошо известный человек? На чью сторону он станет в этой бескомпромиссной борьбе? Ведь ни для кого не было секретом, что недовольные решением королевы Харли и Галифакс возобновят уже начатый смертельный поединок, и что случится это на королевском обеде. Вот, прямо у двери в обеденную залу, сгрудились приверженцы лорда-казначея. А вот и он сам — цветущий, благоухающий, довольный собственным успехом и тщательно скрывающий поражения и просчёты. А вот, чуть поодаль — красавец Болингброк. Вокруг, как всегда, щебечут молоденькие красотки. Вот они с Харли обмениваются взглядами — внешне приветливо, но в глазах — настороженность, как у хищника в засаде. Вместе, но каждый сам по себе и готов, если представится случай, свернуть другому шею и занять его место... Свифта пока нет, но атмосфера напряжённого ожидания, окутавшая Кэмптон-Корт, говорит сама за себя. Неистовый «опекун» обязательно появится, и его визит будет громким и скандальным. Нет сомнения, что он внесёт свой вклад в зарождающуюся смуту. А вот тройка вигов — Галифакс, Уортон и Аддиссон. Аддиссон подавлен — «Сплетник» так и не сумел достойно ответить на памфлет против Уортон. Аддиссон публично назвал «Аналитик» палачом, и даже сделал попытку издавать газету с тем же названием, но что это дало? Вигистский «Аналитик» доживает последние дни — третий номер разошёлся из рук вон плохо. Ведь разве кто-нибудь в Англии может сравниться со Свифтом? Уортон по-прежнему

бодрится — его алиби несомненно — одно слово, и на голову лорда-казначея обрушится гнев Её Величества. Он абсолютно уверен, что Анна ничего не знает об истории с жезлом иначе она давно бы распрощалась с Харли... Бедный Уортон! Забыл, что за характер у той, что правит в английском королевстве?

Увидев королевскую фаворитку с супругом, толпившиеся в коридорах придворные расступились, и Арабелла быстро достигла позолоченной двери, которую слуга немедленно распахнул перед ней

— Добро пожаловать в Кэмптон-Корт, герцогиня! — к молодой женщине приблизился изящный улыбающийся Болингброк, — Вы сегодня прекрасно выглядите! — и он отвесил нарочито церемонный поклон. В светло-карих глазах министра Арабелле почудилась скрытая угроза. Вот он бросил быстрый взгляд в сторону неожиданно приблизившегося Саунтона — едва заметный, но леденящий душу... А вот Харли — приближается, освободившись от окружившей его толпы, величественный и торжественный, на губах сердечная, дружеская улыбка, а в глазах... В глазах — затаённая, но жгучая ненависть... Если бы здесь был не Лондон, а Тортуга — как бы всё было просто! Дуэль на пристани... Как легко ей было тогда, и как сложна эта запутанная жизнь, увлекающая и окутывающая своим льстиво-любезным, но от этого ещё более ядовитым, словно воздух лондонских болот, туманом! Вокруг улыбки, и кажется, что все эти люди — лучшие друзья, но каждый держит камень за пазухой... Точнее, не камень, а острый кинжал, чтобы ударить им из-за угла, усыпив внимание противника очередной сладкой витиеватой фразой...

Несмотря на странный холодок в сердце, Арабелла приветствовала виконта, как ни в чём ни бывало.

— А вот и наш главный миротворец! Рад видеть Вас, а то я слышал, что Вы собирались предпочесть меня Галифаксу! — Харли с подчёркнутой любезностью поцеловал руку наследной герцогине, — но как столь великий дипломат мог упустить подписанный всего десять месяцев назад договор с Голландией? Теперь наши союзники упрекают нас за то, что мы забыли об их интересах и в нарушение этого договора заключили сепаратный мир с Францией! Только не говорите мне, что это было повеление Её Величества! Насколько я знаю, Ваш знаменитый дядюшка Джон тоже ссылался на волю королевы, а сам при этом обложил данью все военные поставки, вплоть до армейских сапог! Не обижайтесь, герцогиня, это я так — к слову пришлось! Позвольте предложить Вам руку, — и Харли с утончённо-язвительной любезностью взял в свою руку пальцы Арабеллы, и увлёк её за собой в обеденную залу.

Нарядная жизнерадостная Анна восседала на своём кресле, приветствуя входящих искренней торжествующей улыбкой. Увидев Арабеллу, входящую под руку с лордом-казначеем, она одобрительно кивнула фаворитке.

— Здравствуйте, дорогая! Как я вижу, Вы с графом помирились! Я очень рада — ведь соседи должны жить в мире! Прощу к столу.

Гости уселись на отведённые для них места, и в зале раздавались перешёптывания. Странное примирение герцогини Мальборо и Роберта Харли уже стало главной темой для сплетен, тем более что вслед за ними вошёл Питт Уоллес под руку с Абигаиль Мэшэм. Мир между тори и вигами? Надолго ли?

Но вот дверь отворилась, и в проёме появилась знакомая фигура. Гордая, почти королевская осанка, внимательный, сумрачный взгляд, глядящий поверх собравшихся в обеденной зале людей...

— Вы опоздали, Джонатан, — приветливо улыбнулась ему Анна, но в глубине её глаз затаился скрытый гнев. Кажется, ещё немного, и разразится буря...

— У меня были важные дела, — невозмутимо произнёс вошедший, лишь слегка поклонившись государыне

— Настолько важные, чтобы забыть об обеде у королевы? — нахмурила густые брови Анна. Несколько мгновений они смотрели друг другу в глаза — монархиня и памфлетист, и весь зал замер в ожидании исхода этой немой дуэли. Наконец, Анна отвела взор. Она должна быть над схваткой и не унижать своё королевское достоинство перепалкой с каким-то безродным писакой, пусть даже он ведёт себя как наследный принц.

— Настолько важные, чтобы опоздать на него, — удовлетворённый Свифт поклонился — он считал себя победителем, а победители должны быть милостивыми, — я беседовал с епископом о судьбе одного бедного пастора из Дублина.

В зале вновь послышался громкий шёпот. Этот человек перешёл все мыслимые границы! Если уж опоздал, то хотя бы соврал, назвав достойную причину для своего опоздания! Но тот, гордо подняв голову, проследовал на своё место, не обращая внимания на устремлённые на него сотни любопытных взоров. В величественной осанке и в выражении глубоко посаженных тёмных глаз окружающим почудилась угроза... Снова повеяло бурей... Что-то всё же случится на этом обеде...

— Господа! — обратился к собравшимся лорд-казначей, — мы собрались здесь, чтобы отпраздновать чудесное исцеление Её Величества, и именно поэтому предлагаю тост за здоровье нашей любимой и почитаемой Анны Стюарт! Да благословит Господь её царствование!

Казалось бы, всеобщее единодушие — все, включая дам, встали, руки с бокалами, как по мановению волшебной палочки, взметнулись вверх. Но вот странный, мимолётный взгляд Болингброка... В глазах его промелькнуло что-то неуловимое... Вот он многозначительно взглянул на Галифакса... Такие разные, но мысли у них об одном — о скорой кончине Анны и о том, что будет после...

Присутствовавшие дружно принялись за трапезу. Блюда действительно изысканные, но на душе — у всех было тяжело, и аппетит был из рук вон плох... Придворные напряжённо следили за происходящим. Вот Болингброк произносит какой-то пространный тост... О чём? Слова так витиеваты, что трудно понять, о чём он говорит — о долгом царствовании или о скорой смене династий... Анна хмурится... Она, кажется, недовольна... Но вот Саунтон берёт слово. Он немного раздражён, и речь его коротка и ясна — он желает здоровья Анне... Ответ на двусмысленный тост Болингброка... Поднимается с места лорд Галифакс... Он, хитро прищурившись, смотрит на Харли. Сидящий рядом с ним Уортон улыбается одними глазами — попробуй, тронь!

— Уважаемые господа! Я хотел бы выпить за возрождение вигов и за прекрасную женщину, надежду нашей партии — за герцогиню Мальборо! — тон торжественный, — Галифакс уверен в своём успехе — Анна настолько приблизила к себе новую фаворитку, что никто не сомневается, что отставка глуповатой Абигаиль — лишь вопрос времени.

Харли с Болингброком переглянулись, Абигаиль наморщила носик, а Саунтон с явным неудовольствием посмотрел на королеву. Анна величественно подняла свой бокал и улыбнулась Арабелле. Лорд-казначей нехотя последовал её примеру.

Лишь рука одного человека по-прежнему лежала на столе, рядом с хрустальным сосудом, в который было налито красноватое вино. Джонатан Свифт сидел неподвижно, а

глаза его сверкали гневом.

— Вы не поддерживаете мой тост, Джонатан? — любезно поинтересовался Галифакс.

Свифт по-прежнему неподвижен. Лоб нахмурен, глаза — будто горячие угли, рука сжата в кулак. В зале становится жарко — дамы в летах осторожно достают веера и начинают обмахиваться ими. Неужто началось? Но вот поднимается Свифт — грозный, как чёрная туча, закрывающая небо перед бурей. Кажется — вот — вот раздадутся первые громовые раскаты, и молния поразит нераскаявшихся грешников...

— Я поддержал бы его если бы сказали за покаяние и исправление вигов, — твёрдым голосом говорит он, — столько бед они принесли Англии.

Галифакс достаёт платок и вытирает пот со лба. Уортон по-прежнему двусмысленно улыбается одними глазами, глядя то на Харли, то на Свифта. Лорд-казначей опускает глаза — его торжество может выйти ему боком — оба ирландца достойны друг друга, и скандальные разоблачения Уортон могут стоить ему карьеры.

— Вы, лорд Галифакс — единственный виг в Англии, которого я уважаю, — уверенно продолжает Свифт, — остальные преследуют лишь собственные интересы.

— А Годольфин? — осторожно поинтересовался Галифакс, взглянув на сидящего неподалёку бывшего министра. Он был уверен, что Свифт не решится публично обвинять присутствующих в зале придворных.

— Это человек без моральных принципов, — уверенным голосом произнёс тот, — у него всегда наготове и комплимент, и слёзы. Он не любил ни одного из царствовавших монархов, используя их для собственного возвышения. Как впрочем, и женщин, которых у него было ничуть не меньше, чем у нашего английского Алкивиада. Его истинная страсть — карты.

— А наследная герцогиня? — Галифакс ищет взглядом поддержки у королевы, но та опускает глаза.

— О ней — особый разговор. Я хотел бы поднять тост за бескомпромиссную борьбу с пиратством, которую успешно ведёт Её Величество. Это — единственная война, которую Англия непременно должна продолжить, вплоть до окончательного этих разбойничьих гнёзд на островах Карибского моря. Насколько мне известно, ещё вчера во дворец прибыл гонец, сообщивший о поимке и казни одного из них — Джона Рэкхема по прозвищу Ситцевый Джек.

Присутствующие переглянулись — они слышали про прибытие в Дувр линейного корабля «Оксфорд», но понятия не имели о секретной миссии его капитана. Значит, этот писака знает то, что неизвестно никому? Что за влияние он оказывает на королеву?

Арабелла подняла бокал. Она несколько раз видела Рэкхема — тощего высокого типа с длинными волосами и неприятным лицом. Рядом с ним вечно болтался какой-то матрос по имени Андреас. Оба редко появлялись на Тортуге, предпочитая швартовать свои корабли на мелких островах близ Багам. Ходили слухи, что Андреас — переодетая женщина по имени Анна, любовница Джека, но Арабелла старалась избегать обоих — не дай Бог, эта проницательная особа и её заподозрит. И вот теперь Джек убит... Конечно, он сам подписал себе смертный приговор, нападая на всех подряд — испанцев, французов, англичан — нельзя трогать своих соотечественников... Но всё равно, жаль его... Очень жаль... В сердце кольнуло, но герцогиня не подала виду. Но вот Анна, нахмурившись, взглянула на Свифта...

— Герцогиня Мальборо предложила неплохой план борьбы с пиратством, и первые результаты уже есть, — в голосе королевы слышались металлические нотки, — насколько я

знаю, находящиеся в Тауэре в ожидании казни пираты выдали своих высоких покровителей. Так что скоро тех, кто запятнал себя участием в разбойничьих рейдах, ждут большие неприятности.

— Кстати, Ваше Величество, — осторожно подал голос Болингброк, — я слышал, что с Рэкхемом были какие-то дамы, и они изо всех сил пытались заставить пьяных матросов сопротивляться английским военным?

— Неужели? — оживился Саунтон

Присутствующие зашумели. Кажется, война ограничится малой кровью, и на алтарь будет принесена лишь одна жертва — новая королевская фаворитка. Солсбери, сидевший слева от Арабеллы, незаметно сжал её руку.

— Держитесь, капитан, — еле слышно шепнул он, — сейчас начнётся — Саунтон никогда не простит Вам того, что не получил титул герцога Мальборо. Да и Харли с Болингброком тоже...

Свифт молчал, выжидая, пока уляжется шёпот, чтобы снова начать метать молнии...

— Да, мой милый герцог, — ехидно улыбнулся Харли, глядя на Саунтона, — и пусть Вам это послужит утешением...

Присутствующие удивлённо переглянулись. Что имел в виду лорд-казначей, и причём здесь утешение? Но граф Оксфордский, после небольшой паузы, продолжил свою речь

— Кстати, как я слышал, эти дамы были до удивления бесстыдны — обе были беременны от капитана, да ещё и предлагали себя солдатам в обмен на свободу! Вот истинно пиратские нравы!

Солсбери крепко стиснул руку Арабеллы. Её сердце замерло — предчувствие не обмануло её.

Мужчины с трудом сдерживали смех, а наиболее чувствительные дамы вытащили из нессесеров нюхательные соли, всем своим видом выражая намерение лишиться чувств. Граф Оксфордский многозначительно взглянул на Саунтона. Тот понимающе кивнул.

— За успешную борьбу с пиратством! За то, чтобы каждый пират получил свой «галстук»! — рассмеялся герцог Йоркский, искоса глядя на Арабеллу

Любопытные взгляды вновь обратились на наследную герцогиню. Она, будто бы ни в чём ни бывало, подняла бокал.

— Мы забыли ещё одно достижение нашей любимой Анны — мирный договор с Францией! — спокойно произнесла она, — так что вы, господа, прежде чем бросать камень в чужой огород, подумайте хорошенько. Насколько мне известно, Вы собирались отдать Франции почти половину английских владений в Новом Свете, а Гибралтар передать Испании? Разве не так, виконт?

— От удовольствий к дипломатии! — рассмеялся Годольфин, взглянув на Болингброка, — вполне в духе нашего английского Алкивиада. Лишь Вы, виконт, столь искусно совмещаете высокое и низкое, лишь Ваш дух способен, возносясь до самых головокружительных высот, приземляться прямо в бордель.

— Но мы не имели права вести сепаратные переговоры с Францией! — ехидно улыбнулся обиженный Болингброк, покосившись на Арабеллу, — Мальборо вновь, как когда-то при Бленхейме, подвели союзников! Именно поэтому окончательное подписание мирного договора затягивается. А может быть, наша любезная леди флибустьер имеет какую-то тайную цель? Может быть, ей невыгодно заключение мира?

Если бы Солсбери не стиснул руку Арабеллы, она давно бы вскочила со стула. Кровь

прилиwała к щекам, сердце бешено колотилось, а в мозгу была лишь одна мысль — отомстить наглецу... Всё было так просто когда-то, на Тортуге... Но рука друга вновь вернула её к действительности. Нет, здесь не Тортуга, и она больше не Питер Сильвер и не может вызвать обидчика на поединок... Что делать, и как ответить на очередной выпад?

— Насколько мне известно, — с ядовитой любезностью произнёс Солсбери, — Её Величество поручила герцогине проведение переговоров, в которых участвовал также и я, и указания были даны достаточно чётко.

Харли замолчал, метнув взгляд в сторону Саунтона. Он своё дело сделал, теперь была очередь королевского фаворита. Но тот трусливо озирался по сторонам, не зная, чью сторону примет его возлюбленная, одно слово которой могло положить конец всем этим бессмысленным спорам.

— Кстати, господин Свифт, который нынче критикует всё и вся, — просто беспринципный политик, — воспользовавшись паузой, парировал Галифакс, — разве не Вы, Джонатан, поддерживали вигов, когда те были в фаворе, и перекинулись к тори едва над Вашими бывшими союзниками сгустились тучи? Безусловно, Вам льстило внимание будущего лорда-казначея, и Вы с радостью ходили к нему на семейные обеды и рассматривали древние рукописи из его коллекции. А когда он обещал Вам, что Вы прочтёте проповедь при Её Величестве, Вы окончательно поверили в ту ложь, которой Вас окутал этот ловкий интриган!

— Я вижу то, что нужно Англии, и действую в её интересах, — возразил тот, — а ваши союзники преследуют лишь собственные интересы. Взять того же Сандерленда — он поддерживает республиканские принципы лишь потому, что в своё время ему отказали в присвоении титула лорда

— Вы уходите от ответа, Галифакс, — с едкой иронией промолвил граф Оксфордский, — вопрос не в том, кто из нас более беспринципный, а в том, что Вы связали возрождение вигов с той, кто ещё недавно выходил в море под пиратским флагом! Бедная Англия! Ещё недавно ей правила жена армейского генерала, а теперь — пират. «Весёлый Роджер» уже развевается над Мальборо-Хаусом, а Вы хотите, чтобы он реял ещё и над Кенсингтоном?

— Но герцогиня оправдана Адмиралтейским судом, и ни один из её людей не вернулся к «береговому братству»! — Солсбери делал всё возможное, чтобы оправдать Арабеллу, которая с трудом сдерживалась, чтобы не наброситься на обидчиков. Она всегда была весьма искусна в споре, но это был уже не спор, а поток оскорблений, ответить на которые можно было лишь одним способом...

— А Вы в этом уверены? — не унимался Харли, — Вы твёрдо уверены, что флотилии Мальборо не разбойничают в эту минуту в Карибском море? Почему суд отправляет на виселицу Кидда и Рэкхема, а Мальборо возвращает все её имения? Ваше Величество, я прошу Вас наконец-то сделать окончательный выбор!

Анна то краснела, то бледнела. Голова её готова была расколоться на части, в ушах звенело, а перед глазами то и дело мелькали какие-то чёрные мушки. Она всё хуже понимала, что говорят окружающие её люди, и чувствовала, что вот-вот упадёт в обморок. Руки и ноги вновь сковала боль, заставляя забыть обо всём на свете. Только бы поскорее закончилось, и неважно, каков будет финал...

— Решайтесь же, Ваше Величество! — вновь взглянул на неё граф Оксфордский, — кого Вы поддерживаете — тех, кто ещё недавно грабил проходящие мимо корабли, или тех,

кто преданно служил Вам все эти годы?

Нет, это было невыносимо... Анна сжала кулаки, изо всех сил пытаясь предотвратить подступавший приступ головокружения. Лицо её покрылось багровыми пятнами... Зачем они затеяли это здесь и сейчас, сразу после того, как она едва избежала смерти? Чего они добиваются? Говорят о скором выздоровлении, а делают всё, чтобы поскорее избавиться от своей королевы! Сотни глаз, устремлённых на Анну, сливались в её мозгу в одно страшное видение... Только бы поскорей закончился этот кошмар...

— Решайтесь же, — вновь прогремел голос Свифта, — Вы — совесть Англии, и Вы не должны допустить того, чтобы её доброе имя было запятнано! Довольно с нас Саунтона — красивого мальчика, на которого идут деньги английского народа!

— Довольно! — собрав последние силы, прохрипела Анна, — я приняла решение. Мистер Сомерсет! Подайте мне руку. Мне плохо, и я удаляюсь. Элизабет, побудьте со мной немного, а то ни один из вас не беспокоится о моём здоровье. Все вы желаете лишь моей смерти, иначе не испортили бы мне этот праздник...

Невысокий вертлявый человечек, семена, приблизился к королеве. Опершись на его руку, она встала и неровной походкой вышла из залы.

Тихий шёпот пронёсся среди придворных. Чета Сомерсетов — новые фавориты? Что означает этот странный поступок Анны? Герцог Йоркский проводил взглядом свою возлюбленную и, убедившись в том, что она окончательно покинула залу, поднялся с места.

— За то, чтобы каждый пират получил свой «галстук»! — повторил он свой недавний тост, — из этого правила не должно быть исключений!

Питт гневно взглянул на того, кто ещё недавно рассказывал ему пикантные анекдоты из жизни придворных фрейлин. Так вот чего стоила любезность этого интригана! Он непременно должен защитить свою супругу, и он сделает это немедленно! Он вызовет этого красавца на поединок, и тогда будь что будет! Сжав кулаки, он уже готов был вскочить со своего места, но вдруг почувствовал на себе пристальный взгляд. Он повернулся. Знакомый холодный блеск синих глаз... Арабелла? Да, но давно он не видел её такую. Лишь несколько раз, там, на Тортуге... Она не желает, чтобы он вмешивался... Но разве он не должен её защитить от этих интриганов?

— Джеймс Саунтон! — выкрикнул он, — ты оскорбил мою жену и ты ответишь за это!

— Замолчи, Питт! — рассмеялся тот, — чем твоя уважаемая супруга отличается от мужеподобных девиц Рэкхема? Разве что тем, что она хорошо одета, надушена и умеет красиво говорить? А в остальном — точно такая же, как они! Не удивляюсь, что она отказалась от достойных женихов и сама предложила тебе свою руку! Наверняка в годы пиратства она была не столь уж добродетельна! Жаль, что мы с ней не встретились тогда — думаю, оба не пожалели бы!

Зловещая тишина повисла над залой. Все понимали, что оставить подобное оскорбление без внимания недостойно дворянина. Но кто ответит на него? Уоллес, Солсбери или сама фаворитка? Питт вскочил с места, уже готовый бросить вызов наглецу. Но вдруг стальным блеском сверкнули глаза герцогини. Она медленно поднялась, изящно придерживая юбку из бежевого атласа и в упор глядя на своего обидчика.

— Ваши слова, герцог, в высшей степени оскорбительны для меня, — нарочито медленно произнесла Арабелла, но в голосе её чувствовался скрытый гнев, — поэтому я прошу Вас о личной встрече. Выбор оружия за Вами. Надеюсь, Вы достаточно хорошо им владеете?

Питт вновь сделал попытку что-то сказать, но повелительный взгляд супруги заставил его замолчать:

— Прости меня, Питт, но оскорбили меня, поставив под угрозу мою честь. Это мои счёты с герцогом, поэтому именно я собираюсь окончательно выяснить с ним отношения. Это произойдёт сегодня, здесь, в королевском дворце.

— Но герцогиня, — Саунтон не на шутку перепугался, но старался не подавать виду, — Вы знаете, что дамы не дерутся на дуэлях. Именно поэтому Ваш супруг и пытался Вас защитить. Но если уж Вы собираетесь нарушить все правила этикета — пожалуйста, но при одном условии — мы будем драться в присутствии Её Величества, и Вы будете в платье, а не в мужском костюме.

— Согласна, господин герцог, — презрительно улыбнулась Арабелла, — видимо Вы надеетесь, что платье будет сковывать мои движения, а Её Величество помешает мне убить Вас. Так вот, я заранее предупреждаю, что, зная об отношении к Вам Её Величества, не собираюсь лишать Вас жизни. Я только накажу Вас хорошенько, а как — уж решу как-нибудь. Полагаю, что ранение Ваше не будет слишком тяжёлым — не хочу причинять беспокойство Её Величеству.

В зале вновь воцарилась звенящая тишина. Ещё бы — никто из дам никогда не позволял себе подобного. Даже мужчины не решились бы вызвать на поединок самого герцога Йоркского, любимца королевы — ведь победа в нём могла означать потерю высочайшей милости. Так, в какой-то гнетущей тишине, закончился этот обед — никто более не желал вступать в споры. Даже Харли с Галифаксом притихли, забыв о прежних раздорах.

Герцог облегчённо вздохнул. Во всяком случае, он останется жив. Он отёр пот со лба и направился к королеве. Арабелла в отчаянии взглянула на Питта и прижалась к его груди. Этой дуэлью она точно навлечёт на себя королевскую немилость. Но терпеть выходки наглеца она не хотела и не могла.

Примечания

В последние годы правления королевы Анны действительно обострилась борьба между тори и вигами. Между 1709 и 1712 годом правительство (тогда ещё вигов) подвергалось беспрестанным нападкам со стороны тори, в особенности, подконтрольного им журнала Экзаминейтор, публиковавшего многочисленные памфлеты Джонатана Свифта, обвинявшие первых лиц королевства в бездействии, коррупции и других «грехах». После 1712 года власть сменилась, но политические страсти не стихали вплоть до смерти королевы Анны в 1714 году — у королевы не было наследников, тори (прежде всего, Болингброк, уже начавший интриги против бывшего союзника Роберта Харли) поддерживали Претендента, а виги — Георга Ганноверского (впоследствии король Георг 1). Харли строил свою политическую деятельность в более «умеренном» ключе, с оглядкой на вигов, а Болингброк придерживался более радикальных торийских взглядов (в том числе в вопросах престолонаследия). Борьба Харли и Болингброка закончилась смещением графа Оксфордского с поста лорда-казначея незадолго до смерти Анны. Этот пост занял Болингброк, но после вступления на престол Георга 1 виконт потерял свою должность.

История об одновременно двух светских мероприятиях, назначенных тори и вигами, взята из аналогичного происшествия с Джонатаном Свифтом, который вскоре после прибытия в Лондон (1709) был приглашён одновременно на две встречи — с Харли и Галифаксом. Неудовлетворённый политикой вигов Свифт выбрал Харли, с которым была связана вся его последующая литературная и политическая деятельность в период правления

королевы Анны.

Роберт Харли был ранен французским эмигрантом Гискаром, который хотел расквитаться с Болингброком, но пострадал сидевший ближе к нему лорд-казначей.

Примечания (к части 2)

"Пиратский галстук" — виселица

Глава 22. Дуэль ч. 2

Встреча была назначена на пять часов пополудни в фехтовальном зале. Анне стало лучше, и она решила лично присутствовать при поединке. Откинувшись в кресле, она устало обмахивалась веером и пила настойки. Рядом суежилась довольная Мэшем — отставка соперницы сулила ей возвращение королевской милости.

— Что за неблагодарность, Абигайль! — то и дело вздыхала Анна, глядя, как Саунтон со своими секундантами осматривает оружие. — Почему все так и норовят помучить меня. Та же Мальборо...

— У неё нет сердца, Ваше Величество, — вторила ей Абигайль. — Вы осыпали её своими благодеяниями, а она...

— А этот Свифт! Почему он только и ждёт, чтобы устроить скандал! Все вы — бессердечные эгоисты. Думаете только о себе.

— Нет, Ваше Величество..., - начал было Саунтон, но королева резко оборвала его

— Ты ничуть не лучше! Даже эта Мальборо, и та... В её любви ко мне хотя бы нет корысти. А я — я так привязалась к ней! А она из — за кого-то пошлого намёка...

Вскоре к королеве приблизилась Арабелла. Её сопровождали Вольверстон и Солсбери.

— Может, всё же помириться? — Анна с надеждой взглянула на фаворитов.

— Простите меня, Ваше Величество, — с трудом выдавила из себя Арабелла, — но герцог оскорбил меня, и я не могла поступить иначе. Если он принесёт извинения...

— Нет, Ваше Величество, — с вызовом в голосе ответил герцог. — Я прав и могу повторить всё, что сказал на обеде.

Анна тяжело вздохнула. Перед глазами вновь летали чёрные точки, а голова, казалось, вот-вот расколется от распирающей боли. Всё тело будто опутало цепями. В изнеможении взмахнув рукой, она еле слышно шепнула:

— Лучше кончайте скорее. Мне плохо...

Арабелла взглянула на королеву. Та полулежала в кресле, откинувшись назад. Лицо её отекло, а на щёки наплывал багровый румянец. Жалость острым кинжалом царапнула по сердцу.

— Я не собираюсь убивать Саунтона, Ваше Величество, — ласково произнесла она. — Прежде всего, из уважения к Вам. Ещё раз приношу Вам свои извинения. Если герцог согласится, я готова...

Фаворит бросил на соперницу полный ненависти взгляд.

— Вы заставляете меня ждать.

— Я готова, герцог.

Саунтон наступал. Пружинистые прыжки, ложные выпады, контратаки стремительно сменяли друг друга.

— В платье не запутайтесь, герцогиня! — с иронией выкрикнул он, видя, как Арабелла меняет позиции, придерживая левой рукой широкие юбки. Но женщина легко парировала его удары, нападала и тотчас переходила в оборону.

— А Вы прикройте левый бок, Джеймс!

Короткий выпад, прыжок, и её шпага кольнула Саунтона между рёбрами. Герцог застонал, но тотчас бросился в атаку. Шпаги скрестились. Ещё один бросок, и остриё, сверкнув, едва не задело плечо Арабеллы. Молодая женщина, отскочив, метнулась вправо.

Зазевавшийся фаворит едва успел отразить удар.

Анна хмурилась. Двое её любимцев сцепились в схватке. Она пощадит Саунтона. Она обещала, и сдержит слово... Но сама дуэль... Что делать с несносной Мальборо? Отправить в отставку или простить?

— Я слышала, Вы — первый фехтовальщик Англии, Джеймс! Непохоже...

Новая атака. Бывшая пиратка нападала, отесняя герцога назад. Звон оружия, топот, короткие выкрики... Всё смешалось в мозгу Анны Стюарт, но громче всего звучал голос Свифта. «Вы должны сделать выбор, Ваше Величество. Вы должны сделать выбор...»

Сделать выбор... Но как? Кого предпочесть? Но как могла эта Мальборо...

Саунтон метнулся в выпаде, поцарапав Арабелле предплечье. Та тотчас же ринулась в контратаку.

— Защищайтесь! Ну что же Вы, герцог!

Ещё один бросок, и Саунтон опустился на колено. Алое пятно расплывалось на белых панталонах. Арабелла опустила оружие.

— Довольно. Ваше Величество, к завтрашнему дню он будет вполне здоров. Ещё раз прошу простить меня за дерзость.

— Подлый пират, — прорычал Саунтон, но Арабелла уже покинула фехтовальный зал.

Наутро в Мальборо-Хаус пришло письмо, украшенное королевской печатью и написанное собственноручно Анной Стюарт. Оно гласило: «Герцогине Мальборо предписано удалиться в своё имение и не появляться более на светских мероприятиях».

Глава 50. Каждому по заслугам

Прошло почти четыре года. Здоровье Анны было хуже день ото дня, и двор жил лишь слухами об её скорой кончине. Несмотря на напряжённость отношений между великими державами и постоянно маячивший на горизонте призрак новой войны, королева почти отстранилась от государственных дел. Поручив решение судьбы Англии своим министрам — Харли и Болингброку, Анна большую часть времени проводила в постели в компании Абигаиль Мэшем. Герцог Йоркский, уставший от постоянных жалоб возлюбленной, предпочитал её обществу компанию юных прелестниц. Да и королева всё реже приглашала его к себе — чувствуя близкий конец, королева всё более углублялась в молитвы и чтение Священного Писания. Не будучи пуританкой или святошей, она, тем не менее, почти не виделась с фаворитом и избегала греховных утех. Анна всё чаще вспоминала прошлое, находя в нём и добрые деяния, и грехи, и несправедливые поступки.

— Всё, что я сделала в жизни, Абигаиль, — говорила она. — В Судный день будет взвешено на весах. Я грешила, но я искренне раскаиваюсь и надеюсь, что Господь простит мне.

Абигаиль молча слушала свою повелительницу. Разговоры о близкой смерти навевали на неё тоску. Это было просто невыносимо — проводить долгие дни и ночи в королевской спальне, выслушивая бесконечные жалобы и рассуждения о бренности существования.

— Знаешь, Абигаиль, я хочу вернуть Джона, — сказала она однажды. — Зря я послушала Харли. Это было несправедливо, и я должна исправить ошибку.

Абигаиль недовольно поморщилась:

— Может быть, Вы ещё его супругу вернёте? Эту Сару, что вечно вмешивалась в Ваши разговоры, доводя всех своим громким голосом?

— Но вы же родственники? За что ты так ненавидишь её?

Абигаиль молчала. В душе её зрело глухое раздражение. Против всех — постоянно

ноющей Анны, против Сары, превосходящей её во всём, против дамского угодника Саунтона, и даже против Харли, всё чаще заливающего горе спиртным.

Королева вздохнула и откинулась на подушки.

— Мне очень хотелось бы вернуть Сару. Но она обижена на меня, и справедливо обижена. Я не должна была так поступать с ней.

— Но, если Вы вернёте Сару и Джона, то лишите имущества эту пиратку?

Анна задумалась. Выражение лица фаворитки явно говорило о том, что возможность насолить женщине, едва не похитившей у неё благосклонность королевы, могла примирить её даже с возвращением Джона Черчилля.

— Я не подумала об этом, — вздохнула Анна. — Но думаю, мы всё решим. Имущество, да и само герцогство, можно поделить. Да и не думаю, чтобы миссис Брэдфорд-Уоллес слишком нуждалась в деньгах.

— Я давно хотела поговорить с Вами о ней, Ваше Величество, — вкрадчивым голосом промолвила Абигайль, устремив взгляд на отёкшее, измождённое лицо королевы. — Как Вы думаете, кто правит в английском королевстве?

— Разумеется, я, Абигайль, — устало улыбнулась Анна. — Конечно, при участии правительства и парламента.

— Но кто из вас богаче — Вы или Мальборо?

Королева сделала попытку рассмеяться, но из груди её послышалось странное клокотание.

— О чём ты говоришь, дорогая? Надеюсь, ты понимаешь, в чём отличие королевы от самых богатых её подданных

— Но что за партия правит сейчас Англией?

— Ты не понимаешь, Абигайль, — возразила Анна. — Не важно, кто пользуется большим влиянием. Главное — то, что я королева и останусь ей, пока не закончится моя земная жизнь.

— А если завтра Мальборо захочет лишить Вас власти? Она сможет купить любого политика или устроить новую революцию, вытащив из грязи какого-нибудь нового Кромвеля.

Анна с недоумением глядела на фаворитку. Та, обычно тихая и незаметная, вдруг ***.

— Взгляните, Ваше Величество! Кому принадлежат почти все верфи и самые крупные судоходные компании? Она владеет тавернами, кофейнями, превратившимися в политические клубы, рыболовными промыслами, лесозаготовками, торговыми предприятиями — всем, что обеспечивает существование королевства.

— Но..., - прервала её было Анна, но Абигайль говорила с небывалым воодушевлением, и королева тотчас же умолкла.

— Если она захочет — Англия вмиг лишится всего этого. К тому же Мальборо заключила странные договоры. Её отношения с партнёрами строятся по законам «берегового братства». Говорят, подвалы её замка ломаются от несметных богатств. Помните, что было в прошлом году, во время неурожая. Люди голодали, а эта Мальборо привезла из Нового Света груз маиса и продавала его беднякам за бесценок. Сколько торговцев разорилось тогда, а она лишь нажилась, взвинтив до небес цены на ром, какао и драгоценности.

— Не преувеличивай, Абигайль, — мягко произнесла королева. — Ты просто не любишь миссис Брэдфорд-Уоллес. Вот и всё. На самом деле она добрая и отважная женщина. И она была права — Саунтон действительно оскорбил её. А маисом она спасла

жизнь беднякам, и я не удивляюсь, что она подняла цены на то, что покупали в основном богачи. За всё время на её заводах не было ни одного восстания никто из её работников не бедствует.

— Вы всегда на её стороне, — недовольно буркнула Мэшэм. — А ведь этой пиратке самое место на рее. Или уж, на худой конец, в Тауэре или на виселице на городской площади. Она должна, наконец, занять то место, которого она действительно достойна.

— Ты права, Абигайль, ты во всём права, — тяжёлый вздох вырвался из груди королевы. — Арабелла действительно должна занять то место, которое она заслужила. А теперь оставь меня, пожалуйста, мне необходимо подумать.

— Что Вы хотите сказать, Ваше Величество? — тревожно взглянула фаворитка на королеву. В голосе монархини ей почудилось сомнение.

— Ничего, милая Абигайль, ничего. Я просто хотела сказать, что каждому причитается по заслугам. Так говорит Книга Книг, и я хочу воздать Мальборо так, как того требует Господь. Передай, пожалуйста, камердинеру, чтобы он пригласил ко мне министров и членов Адмиралтейского суда. Мне надо обсудить с ними один вопрос.

— Можно мне присутствовать на совещании? Ведь Сара всегда была с Вами, — раздражённо поинтересовалась Мэшэм

— Сара всегда была со мной, и в этом ты тоже права, — снова вздохнула королева. — Но на этом совещании будут только члены правительства. Тебя же я жду к вечеру. Мы с тобой ещё вернёмся к разговору о Мальборо

Закончив разговор с министрами, Её Величество пригласила к себе герцога Рейнсборо. Он обычно выполнял секретные поручения королевы. Беседа с ним затянулась, но в этот день Её Величество, казалось, почувствовала новый прилив сил, и Абигайль нервно прохаживалась перед королевской спальней, вертя в руках узорчатый веер. Наконец, герцог вышел.

— Вы поняли, герцог, — услышала Мэшэм голос своей повелительницы, раздавшийся вслед уходящему Рейнсборо, — немедленно. Я уже приняла окончательное решение.

Абигайль вошла к королеве, но та была слишком утомлена. Излишнее возбуждение пошло ей не на пользу, и королева, откинувшись на подушки, впала то ли в сон, то ли в полузабытьё.

Глава 23. Каждому по заслугам

Прошло почти четыре года. Здоровье Анны было хуже день ото дня, и двор жил лишь слухами об её скорой кончине. Несмотря на напряжённость отношений между великими державами и постоянно маячивший на горизонте призрак новой войны, королева почти отстранилась от государственных дел. Поручив решение судьбы Англии своим министрам — Харли и Болингброку, Анна большую часть времени проводила в постели в компании Абигаиль Мэшем. Герцог Йоркский, уставший от постоянных жалоб возлюбленной, предпочитал её обществу компании юных прелестниц. Да и королева всё реже приглашала его к себе — чувствуя близкий конец, королева всё более углублялась в молитвы и чтение Священного Писания. Не будучи пуританкой или святошей, она, тем не менее, почти не виделась с фаворитом и избегала греховных утех. Анна всё чаще вспоминала прошлое, находя в нём и добрые деяния, и грехи, и несправедливые поступки.

— Всё, что я сделала в жизни, Абигаиль, — говорила она. — В Судный день будет взвешено на весах. Я грешила, но я искренне раскаиваюсь и надеюсь, что Господь простит мне.

Абигаиль молча слушала свою повелительницу. Разговоры о близкой смерти навевали на неё тоску. Это было просто невыносимо — проводить долгие дни и ночи в королевской спальне, выслушивая бесконечные жалобы и рассуждения о бренности существования.

— Знаешь, Абигаиль, я хочу вернуть Джона, — сказала она однажды. — Зря я послушала Харли. Это было несправедливо, и я должна исправить ошибку.

Абигаиль недовольно поморщилась:

— Может быть, Вы ещё его супругу вернёте? Эту Сару, что вечно вмешивалась в Ваши разговоры, доводя всех своим громким голосом?

— Но вы же родственники? За что ты так ненавидишь её?

Абигаиль молчала. В душе её зрело глухое раздражение. Против всех — постоянно ноющей Анны, против Сары, превосходящей её во всём, против дамского угодника Саунтона, и даже против Харли, всё чаще заливающего горе спиртным.

Королева вздохнула и откинулась на подушки.

— Мне очень хотелось бы вернуть Сару. Но она обижена на меня, и справедливо обижена. Я не должна была так поступать с ней.

— Но, если Вы вернёте Сару и Джона, то лишите имущества эту пиратку?

Анна задумалась. Выражение лица фаворитки явно говорило о том, что возможность насолить женщине, едва не похитившей у неё благосклонность королевы, могла примирить её даже с возвращением Джона Черчилля.

— Я не подумала об этом, — вздохнула Анна. — Но думаю, мы всё решим. Имущество, да и само герцогство, можно поделить. Да и не думаю, чтобы миссис Брэдфорд-Уоллес слишком нуждалась в деньгах.

— Я давно хотела поговорить с Вами о ней, Ваше Величество, — вкрадчивым голосом промолвила Абигаиль, устремив взгляд на отёкшее, измождённое лицо королевы. — Как Вы думаете, кто правит в английском королевстве?

— Разумеется, я, Абигаиль, — устало улыбнулась Анна. — Конечно, при участии правительства и парламента.

— Но кто из вас богаче — Вы или Мальборо?

Королева сделала попытку рассмеяться, но из груди её послышалось странное клокотание.

— О чём ты говоришь, дорогая? Надеюсь, ты понимаешь, в чём отличие королевы от самых богатых её подданных

— Но что за партия правит сейчас Англией?

— Ты не понимаешь, Абигайль, — возразила Анна. — Не важно, кто пользуется большим влиянием. Главное — то, что я королева и останусь ей, пока не закончится моя земная жизнь.

— А если завтра Мальборо захочет лишить Вас власти? Она сможет купить любого политика или устроить новую революцию, вытащив из грязи какого-нибудь нового Кромвеля.

Анна с недоумением глядела на фаворитку. Та, обычно тихая и незаметная, вдруг ***.

— Взгляните, Ваше Величество! Кому принадлежат почти все верфи и самые крупные судоходные компании? Она владеет тавернами, кофейнями, превратившимися в политические клубы, рыболовными промыслами, лесозаготовками, торговыми предприятиями — всем, что обеспечивает существование королевства.

— Но..., - прервала её было Анна, но Абигайль говорила с небывалым воодушевлением, и королева тотчас же умолкла.

— Если она захочет — Англия вмиг лишится всего этого. К тому же Мальборо заключила странные договоры. Её отношения с партнёрами строятся по законам «берегового братства». Говорят, подвалы её замка ломятся от несметных богатств. Помните, что было в прошлом году, во время неурожая. Люди голодали, а эта Мальборо привезла из Нового Света груз маиса и продавала его беднякам за бесценок. Сколько торговцев разорилось тогда, а она лишь нажилась, взвинтив до небес цены на ром, какао и драгоценности.

— Не преувеличивай, Абигайль, — мягко произнесла королева. — Ты просто не любишь миссис Брэдфорд-Уоллес. Вот и всё. На самом деле она добрая и отважная женщина. И она была права — Саунтон действительно оскорбил её. А маисом она спасла жизнь беднякам, и я не удивляюсь, что она подняла цены на то, что покупали в основном богачи. За всё время на её заводах не было ни одного восстания никто из её работников не бедствует.

— Вы всегда на её стороне, — недовольно буркнула Мэшэм. — А ведь этой пиратке самое место на рее. Или уж, на худой конец, в Тауэре или на виселице на городской площади. Она должна, наконец, занять то место, которого она действительно достойна.

— Ты права, Абигайль, ты во всём права, — тяжёлый вздох вырвался из груди королевы. — Арабелла действительно должна занять то место, которое она заслужила. А теперь оставь меня, пожалуйста, мне необходимо подумать.

— Что Вы хотите сказать, Ваше Величество? — тревожно взглянула фаворитка на королеву. В голосе монархини ей почудилось сомнение.

— Ничего, милая Абигайль, ничего. Я просто хотела сказать, что каждому причитается по заслугам. Так говорит Книга Книг, и я хочу воздать Мальборо так, как того требует Господь. Передай, пожалуйста, камердинеру, чтобы он пригласил ко мне министров и членов Адмиралтейского суда. Мне надо обсудить с ними один вопрос.

— Можно мне присутствовать на совещании? Ведь Сара всегда была с Вами, — раздражённо поинтересовалась Мэшэм

— Сара всегда была со мной, и в этом ты тоже права, — снова вздохнула королева. —

Но на этом совещании будут только члены правительства. Тебя же я жду к вечеру. Мы с тобой ещё вернёмся к разговору о Мальборо

Закончив разговор с министрами, Её Величество пригласила к себе герцога Рейнсборо. Он обычно выполнял секретные поручения королевы. Беседа с ним затянулась, но в этот день Её Величество, казалось, почувствовала новый прилив сил, и Абигайль нервно прохаживалась перед королевской спальней, вертя в руках узорчатый веер. Наконец, герцог вышел.

— Вы поняли, герцог, — услышала Мэпэм голос своей повелительницы, раздавшийся вослед уходящему Рейнсборо, — немедленно. Я уже приняла окончательное решение.

Абигайль вошла к королеве, но та была слишком утомлена. Излишнее возбуждение пошло ей не на пользу, и королева, откинувшись на подушки, впала то ли в сон, то ли в полузабытьё.

Глава 24 Снова рука судьбы

Стоял ясное солнечное мартовское утро. Весеннее солнце уже начало припекать, растопив остатки грязноватого снега, и молодая изумрудно-зелёная трава за окном радовала отвыкшие от ярких красок глаза. Клейкие маленькие листочки, медленно разворачиваясь, открывали взору нетронутую красоту, а на влажных, недавно оттаявших пригорках белели первые цветы. Несмотря на то, что солнце только показалось над горизонтом, а глава семейства два дня назад отбыл в Соммерсетшир по делам, в замке Бленхейм царило оживление. Слуги деловито сновали по парадным лестницам, выполняя ту незаметную, но важную работу, без которой невозможна праздная жизнь хозяев роскошного особняка. В парадной зале, в глубоком резном кресле, приобретённом Уинстоном Черчиллем ещё при Карле втором, уютно устроилась молодая женщина в сером домашнем платье с наглухо закрытым воротом. Отставив на столик слегка пригубленную чашку крепкого кофе, она развернула свежий номер «Аналитика», ещё засветло доставленного в замок из Лондона.

«Опять эти склоки», — подумала Арабелла. — «Кажется, Харли с Болингброком окончательно поссорились. Но этого следовало ожидать». Пробежав глазами колонки политических и деловых новостей, женщина отложила газету и задумалась, глядя на отблески огня в камине. Вот уже почти четыре года она жила в уединении в Вудстоке. Дела процветали, в дом то и дело приезжали посыльные, сообщая о том, как идут дела на верфях, вернулись ли корабли из плавания, и какой товар и откуда прибыл. Скучать было некогда, да и бездельничать герцогиня не любила. Дети, домашние хлопоты, счета, сметы — бесконечный круговорот событий новой, совсем иной жизни, ровно текущей по проторенной колее. Но всё чаще ей снилось море — то грозное, бросающее вызов своей необузданной силой, то спокойное и безмятежное, ласковое, словно игривый котёнок. Оно снова и снова манило её, звало в неведомые дали, а воспоминания о прошлом бередили душу. Сколько раз она просыпалась среди ночи, разбуженная громовыми раскатами и странными сновидениями, в которых шторм рвал паруса, а она среди дыма и грохота пушек вновь бросалась на бордаж. В последнее время это случалось чаще — может быть, встреча старых друзей заставила вспомнить о прошлом? Месяц назад в Блейнхейме прошла очередная встреча бывших офицеров эскадры Сильвера, а ныне — вполне благопристойных и благоденствующих владельцев верфей, флотилий, рыболовных и лесных промыслов, торговых корпораций, кофеен и питейных заведений. Прошедший год принёс им большой доход, который был поделён, как обычно, в соответствии с заключёнными договорами. Не остались внакладе и простые работники, каждый из которых получил специальную премию. Все были рады, но откуда же тогда та мимолётная грусть, то и дело набегающая на лица старых друзей, по-прежнему тоскующих по морю? Море... Старые матросы уверяют, что те, кто узнал и полюбил его, никогда не сможет забыть. Бывших моряков не бывает — каждый из них хранит в своём сердце память о вольной стихии. Арабелла часто бывала на верфях, поднималась на палубу своих кораблей, выходя в пробное плавание в гавани, и скрип снастей вновь и вновь заставлял её сердце биться сильнее. Может быть, стоит отправиться на Багамы или навестить отца на Ямайке? Но будет ли его семья рада встрече с внебрачной дочерью губернатора, тем более что их сходство столь очевидно? А солёный морской ветер? Вдруг он опьянит её так, что она не сможет удержаться от каперства? А ведь она обещала королеве, и времена уже не те — Адмиралтейский суд жестоко карает тех, кто причастен к

захвату чужих кораблей. Да и в Европе мир, пусть хрупкий, на грани новой войны, но всё равно... Чтобы развеяться, Арабелла выезжала на охоту, и тогда в душе вновь просыпался былой азарт, она пришпоривала коня и стрелой неслась по лесу, преследуя ни в чём не повинного зверя. Но выезжали они нечасто, да и загнанный зверь был не тем противником, с которым хотела встретиться Арабелла. Она по-прежнему упражнялась со шпагой, принимая в замке лучших фехтовальщиков Европы, и долгими часами набивая руку в большом зале. Зачем? Может быть, чтобы воскресить в памяти недавнее прошлое, когда от её искусства зависела жизнь? А может быть... Она сама не могла ответить на этот вопрос. Прошлое всё чаще настойчиво стучалось в её жизнь, и она с горечью осознавала, что оно никогда не вернётся. Лишь вечерами, когда дети, хорошенькие близнецы Майкл и Дженнифер, забирались к ней на колени, она рассказывала им длинные истории о том, как мама бороздила океаны и захватывала испанские корабли. И тогда снова оживал бесстрашный капитан Сильвер, ведущий эскадру к новым победам. Дети восхищённо слушали — такой мамы не было ни у кого, ни у приближённых королевы, ни даже у детей наследника французского престола. И ничего, что мама сейчас в опале, просто герцог Йоркский не смог простить ей того, что она предпочла ему своего верного Питта Уоллеса. Но зато она разрешает им ездить верхом на маленьких, словно игрушечных, рыжих пони, и даже попросила Вольверстона выстругать для них лёгкие деревянные сабли — точно такие же, как когда-то была у неё. Правда, играть с ними без присмотра взрослых она не разрешает, но это даже лучше — ни у кого нет такого учителя фехтования, как их мама...

Арабелла взглянула вверх, на покрытую алым ковром лестницу. Дверь в детскую была закрыта — близнецы ещё спали. «Надо бы вывозить их к соседям», — подумала она, — «а то играют лишь с детьми Джеффильда и молодых Солсбери». Однако добропорядочные господа не спешили принимать приглашение опальной герцогини Мальборо, у которой, к тому же, была репутация бывшего пирата. Да и о чём могли почтенные матроны говорить с женщиной, которая не умеет шить, вязать и готовить? О детях? Методы воспитания наследников Черчиллей не вызывали доверия у окружающих. Зачем учить дочку фехтованию? Зачем так рано забивать юные головки чтением, счётом и другими вещами, которые не нужны в столь нежном возрасте? Да и супруг этой Мальборо — все вокруг знают, что его родители были рыбаками, а она предпочла его самому герцогу Йоркскому! «На это способны лишь бывшие пираты», — думали уважаемые дамы, очередной раз собственноручно подписывая слова извинений на благоухающем голубом конверте с приглашением в гости, — «тем более, что её вечная занятость делами недостойна благородной дамы». Мужья, скрепя сердце, соглашались с решением своих жён. Им, без сомнения, была бы интересна беседа о морских приключениях капитана Сильвера, и о том, как идут дела в торговле, но в одиночку ездить к женщине с такой репутацией? А вдруг с языка сорвётся что-нибудь, что оскорбит не в меру щепетильную в вопросах чести герцогиню? Истории о судьбе герцога Йоркского, позволившего себе нескромную шутку и едва не поплатившегося за неё жизнью, передавались из уст в уста. Так что соседи в гости не спешили, и детям приходилось довольствоваться обществом детей Рейдингтонов и пухлой розовощёкой дочери Джеффильда.

Тяжело вздохнув, женщина вновь взглянула на пламя в камине и плотнее завернулась в шаль. Скоро должны были прибыть гонцы из Дувра. Отношения между Англией, Францией и Испанией вновь накалились до предела, и Арабелла с нетерпением ожидала новостей от флотилии, которая ещё накануне должна была войти в гавань. Но пока ещё есть время, и

можно снова погрузиться в воспоминания о прошлом...

Скрип двери и громкий топот сапог вернули герцогиню к действительности. В залу вбежал запыхавшийся посыльный. Одежда его была рваной и грязной, а сам он едва держался на ногах.

— Позвольте мне сесть, герцогиня, — с трудом сдерживая шумное дыхание, произнёс он, и, не дожидаясь приглашения, упал в соседнее кресло.

— Садись и отдышись немного, — улыбнулась Арабелла, ничуть не рассердившись на плюхнувшегося в господское кресло слугу, который с трудом держался на ногах от усталости, — Я слушаю тебя

— Герцогиня, к Вам гонцы от Её Величества. Я с трудом опередил их. Они будут с минуты на минуту. Это Лайонелл, герцог Рейнсборо, и Альфред Джеймс.

— Что им надо? — Арабелла встрепелась и с тревогой взглянула на слугу. Да, он спешил не зря. Ей надо подготовиться к визиту посланцев королевы.

— Это держится в глубочайшем секрете. Мне не удалось этого узнать. Накануне Её Величество беседовала с членами правительства и Адмиралтейского суда, а затем вызвала к себе Рейнсборо. После этого он сразу выехал в Бленхейм.

— Спасибо, Марк. Можешь помыться и отдохнуть, — Арабелла с улыбкой кивнула усталому гонцу и направилась вверх, в свои комнаты. — Мне надо переодеться.

Герцогиня вошла в комнату и взглянула в зеркало. Она совсем не изменилась — лицо по-прежнему было свежо, а взгляд лазоревых глаз был чист и ясен. Лишь лёгкая тень грусти во взгляде — тоска по морю даёт о себе знать. Арабелла направилась в гардеробную. Уже несколько лет она не покупала ничего нового, ведь они почти никого не принимали, а переговоры с партнёрами она обычно вела в строгом сером платье с наглухо закрытым воротом. Она была лучшей в своём деле, и её репутация бывшего пирата была ей на руку, так что от неё не требовалось одеваться по последней кенсингтонской моде. Взгляд Арабеллы остановился на ярко-красном платье из шифона, — вот то, что ей надо. Она надела его и вновь взглянула в огромное дубовое зеркало, стоявшее на полу. В последний раз она надевала это платье четыре года назад, но оно по-прежнему сидело как влитое. Взяв с полки шкатулку, Арабелла вытащила тяжёлую золотую цепь. Пожалуй, это будет весьма кстати. Кольцо с сапфиром? Нет, пожалуй, оно не подойдёт, а жаль. Арабелла бережно хранила его как память о первой встрече с Бладом. Придётся выбрать другое — с крупным рубином в тон платью, и такие же серьги. Вновь взглянув в зеркало, молодая женщина осталась довольна своим гардеробом. Она оглядела себя со всех сторон, убедившись, что всё сидит как надо, и вышла из комнаты. Выйдя на балкон, из которого была видна нижняя зала, Арабелла увидела двух входящих мужчин. Один из них — поджарый брюнет лет сорока пяти, с утончённым благородным лицом, другой — голубоглазый шатен лет двадцати-двадцати пяти. Оба настороженно глядели по сторонам и вполголоса беседовали о чём-то с дворецким.

Воспользовавшись представившейся паузой, женщина решила присмотреться к незванным гостям, ещё не заметившим хозяйку дома. Она не раз встречала Рейнсборо в Кенсингтоне. Герцог имел репутацию весьма таинственной личности. По долгу службы появляясь на балах, обедах и приёмах, он чаще молчал, лишь изредка отпуская короткие, но меткие замечания. Казалось, этот человек всё время был погружён в свои мысли, но внимательный цепкий взгляд чёрных глаз, устремлённый на собеседников, выдавал его живой интерес к происходящему. Порой он надолго исчезал, но затем вновь возвращался и подолгу беседовал с Анной наедине, и тогда даже фавориты, в том числе и не в меру

любопытный Саунтон, томились в приёмной, дожидаясь окончания аудиенции. Никто из придворных не мог похвастаться дружбой с Рейнсборо. Лишь вездесущий Солсбери пользовался особым расположением загадочного герцога, но и он замолкал, едва Арабелла делала попытку узнать что-либо о тайном королевском посланце. Рядом с Рейнсборо частенько видели Альфреда Джеймса, его двоюродного племянника, сопровождавшего герцога в путешествиях. Но тот, вероятно, не был посвящён во все тонкости дипломатических миссий патрона. Вот и сейчас молодой господин с некоторым любопытством взирал на Рейнсборо, ожидая, что же тот собирается предпринять.

— Сейчас доложу, Ваше сиятельство, — услышала она громкий голос дворецкого, — Герцогиня у себя в комнатах.

— Спасибо, Джейкоб, я уже здесь, — спокойно произнесла Арабелла и тут же поймала на себе настороженный взгляд чёрных глаз, изучающих опальную фаворитку.

— Рад видеть Вас, герцогиня, — поклонился он спускающейся по лестнице молодой леди, — мы с Джеймсом прибыли по поручению Её Величества. Нам нужен капитан Питер Сильвер.

Арабелла на мгновение остановилась и удивлённо посмотрела на королевского посланца. Что это — шутка? Но ни в голосе, чертах, во всём его облике не было ни иронии, ни насмешки, лишь обычная для светского человека почтительная любезность. Вот только взгляд чёрных глаз непроницаем, словно у сфинкса... Немой диалог продолжался несколько мгновений, после чего молодая женщина произнесла столь же невозмутимым тоном:

— Насколько мне известно, не для кого в Кенсингтоне, в том числе и для Вас, не было секретом прошлое герцогини Мальборо. Поэтому не думаю, что удивлю Вас, сообщив, что тот, кого в Новом Свете называли Питером Сильвером, в эту минуту находится перед Вами.

Несмотря на внешнее спокойствие, Арабелла напряжённо думала, тщетно пыталась разгадать странную игру герцога. Что замышляет этот человек? Почему он, будучи прекрасно осведомлённым обо всех событиях её жизни, требует именно капитана Сильвера, и при чём тут Анна Стюарт? Рейнсборо снова взглянул на неё своим цепким непроницаемым взглядом:

— Я знаю это, и восхищаюсь Вашим мужеством и Вашей красотой, но указания Её Величества однозначны — мне необходимо доставить мистера Сильвера в Кенсингтон.

— Простите, герцог, но я Вас не понимаю, — Арабелла уже спустилась, и теперь стояла у камина, с нескрываемым удивлением взирая на своих странных гостей. Джеймс старательно отводил глаза, чтобы скрыть любопытство, с которым он рассматривал наследную герцогиню, искоса бросая на неё быстрые взгляды.

— Я не уполномочен говорить об этом, — сухо произнёс Рейнсборо, — У Вас двадцать минут на сборы. Ровно через двадцать минут капитан Сильвер должен выехать из Бленхейма.

Арабелла молчала. Поведение герцога, вначале заинтриговавшее её, теперь начинало раздражать.

— Не могли бы Вы мне объяснить, зачем весь этот маскарад? — в голосе молодой леди послышались резковатые нотки, и ей пришлось взять себя в руки, чтобы вернуться к прежней изысканной светской любезности, — если Вы собираетесь доставить меня в Кенсингтон, то я к Вашим услугам.

Однако железный герцог упорно настаивал на своём. Ни один мускул не дрогнул на его лице. Слегка поклонившись стоявшей перед ним женщине, он невозмутимо заметил:

— Вы теряете время, герцогиня. У Вас двадцать минут на сборы. Можете убедиться сами — вот приказ Её Величества о немедленном препровождении капитана Сильвера в Кенсингтон, — и он подал Арабелле бумагу, скреплённую королевской печатью. Бывшая фаворитка сразу узнала почерк своей повелительницы. Она помнила, что лишь исключительные обстоятельства могли заставить монархиню отказаться от услуг писцов. Значит, та не желала огласки, и о приказе знали лишь Рейнсборо и сама Анна? Продолжая напряжённо размышлять, она натянуто улыбнулась герцогу:

— Хорошо. Капитан скоро будет здесь, — и нарочито медленно начала подниматься по лестнице. Бесчисленные мысли роились в голове, как назойливые мухи. Неужели арест? Значит, королева так и не смогла забыть оскорбление, нанесённое её фавориту? Или доходы, которые получает корпорация Мальборо, не дают ей покоя? А может быть, наоборот — конец опале? Возвращение ко двору? Но зачем же тогда ей нужен капитан, ведь и в Тауэр, и во дворец можно отправить Арабеллу Мальборо? Почему он настойчиво повторяет, что королева ждёт именно его, а не свою бывшую фаворитку? Какая разница, какая на ней одежда, ведь все прекрасно знают, что и она, и капитан Сильвер — одно и то же лицо? Продолжая размышлять о странной судьбе, снова не оставляющей ей выбора, молодая леди вошла в гардеробную, где по-прежнему висел чёрный камзол, свидетель её морских побед. Зачем она сохранила его? Наверное, как память о прошлом, с которым она, казалось, распрощалась навсегда. Но навсегда ли? Что означает это странное возвращение капитана Сильвера? Переодевшись, женщина взглянула на себя в зеркало. Костюм по-прежнему сидел как влитой. Но волосы — ведь она отпустила их и делала высокую причёску? Жаль, конечно, но что же делать? Тем более, если её везут в Тауэр... Арабелла и взяла ножницы и срезала рассыпавшиеся по плечам густые чёрные кудри. Ну вот, кажется, всё в порядке. Что ждёт её впереди? Снова рука судьбы, и так неожиданно... И опять не свернуть в сторону... С другой стороны — будь что будет, она уже не раз рисковала собственной жизнью. «Ничего, где только не пропадал капитан», — подумала она, вспомнив, как легко они когда-то бросали вызов смерти, — «Значит, прошлое возвращается? Будь что будет, пусть даже казнь или Тауэр... Главное — чтобы неприятности не затронули детей...». Подмигнув своему отражению в зеркале, Арабелла легко выбежала из комнаты и спустилась в залу, где уже собрались все домочадцы. Миссис Брэдфорд, встревоженная дурным предчувствием, о чём-то спрашивала Рейнсборо, а маленькие Дженнифер и Майкл восторженно глядели на мать, вновь облачившуюся в мужской костюм. Всё-таки их она бесподобна, такой мамы нет ни у кого на свете. Вот она перед ними, такая же, как в своих рассказах о морских сражениях, в своём чёрном камзоле и в парике, а на пальце красуется синий сапфир, подарок адмирала Блада. Дети... Что будет с ними? Как она объяснит им то, что ей необходимо покинуть дом, и как она сможет жить, не видя их? Неужели королеве безразлична судьба двух малышек, остающихся без матери? Конечно, ведь её собственные дети умирали, едва появившись на свет... Сердце сжалось от смутной тревоги, и Арабелла бросила быстрый взгляд на Рейнсборо. Но тот по-прежнему был невозмутим, словно античная статуя. «А ведь и у него, кажется, есть дети», — подумала она, — «разве он не понимает? Но что он может поделать, ведь такова воля королевы... Будь что будет. Главное, чтобы опала не отразилась на их судьбе...»

— Капитан Питер Сильвер к Вашим услугам, герцог, — самообладание окончательно вернулось к ней, и даже опытный королевский посланец не заподозрил, какие сомнения только что мучали эту молодую леди. Рейнсборо несколько смутился, увидев произошедшую

в собеседнице перемену. Изменился не только костюм — даже взгляд стал другим — жёстким и непреклонным.

— Надеюсь, капитан, вы взяли с собой своё самое надёжное оружие? — спросил он и, не удержавшись, шепнул на ухо приблизившейся к нему Арабелле:

— Вы просто бесподобны, герцогиня. У меня нет слов, — и тут же, снова смутившись, произнёс:

— Простите меня, капитан. Я не удержался.

Арабелла вполголоса рассмеялась:

— Ничего, герцог, я Вас понимаю — трудно беседовать одновременно с мужчиной и женщиной в одном лице, — и тут же добавила, но уже совершенно другим тоном:

— Значит, указания Её Величества требует, чтобы капитан Сильвер был вооружён?

— Согласно указаниям Её Величества, капитан должен быть полностью экипирован. Разумеется, это включает и оружие.

«Значит, не арест», — подумала Арабелла, «ведь если бы меня хотели заточить в крепость, шпага была бы излишней. Неужели Её Величеству нужны верные морские солдаты? Разве не об этом я втайне мечтала все эти годы? Вот только жаль, что приходится оставлять детей...». Войдя в оружейный зал, она взяла свою любимую саблю, и рука вновь ощутила приятную тяжесть. Затем кинжал — тот самый, с которого начались её странствия. На нём и сейчас ещё можно различить надпись «Мистеру Брэдфорду от Джона Черчилля в день свадьбы». Теперь пистолеты... Ну всё — кажется всё... Осталось выяснить самое главное — что ждёт её семью — мать, детей, Нэда... Да и Питта Уоллеса тоже — может быть, они, как и раньше, смогут быть вместе? Арабелла вновь вышла в залу. Майкл и Дженнифер, не понимая, что происходит, с восторгом глазели на свою мать.

— Позвольте задать Вам один вопрос, герцог, — привыкший ко всему Рейнсборо вдруг ощутил себя неуютно под пристальным взглядом синих глаз бывшей фаворитки. Слова о том, что Её Величество не давала ему полномочий отвечать на вопросы, уже готовы были сорваться с языка, но вдруг понял — он не может, не имеет права промолчать.

— У Вас есть ровно десять минут, — стараясь оставаться невозмутимым, произнёс он.

— Что будет с моими детьми, с моей матерью и её супругом?

— Они могут остаться в Бленхейме, а могут прибыть в Лондон, в замок Мальборо — всё на их усмотрение. Если пожелаете, Ваши дети могут быть устроены в пансионы за счёт казны.

— Благодарю Вас, герцог, — сухо ответила Арабелла. Элен Солсбери частенько рассказывала об условиях жизни в английских пансионах, и её воспоминания внушили воспитанной в Новом Свете женщине откровенную неприязнь к этим достойным заведениям, — не думаю, чтобы наследники рода Черчиллей нуждались в казённой опеке. В моё отсутствие ими смогут заниматься миссис Брэдфорд с супругом. Моя семья выезжает вместе с нами?

— Нет, капитан, — с облегчением произнёс Рейнсборо, убедившийся, что устройство матери и детей — единственное требование герцогини, — вопрос не терпит отлагательств. Поедем верхом. Её Величество не любит ждать. Ваша семья может выехать сегодня же, но мы не будем их дожидаться.

— А Питт Уоллес? Он в отъезде и будет в Бленхейме лишь к вечеру.

— Он также должен прибыть в Лондон, но Её Величество ждёт только капитана Сильвера, — Рейнсборо по-прежнему вёл себя так, будто не осознавал, что перед ним

находится женщина, — он получит указания и передаст их Уоллесу.

— Благодарю Вас, герцог, — кивнула собеседнику Арабелла и улыбнулась. Значит, перемены не так уж плохи. Жаль только, что приходится расставаться с Дженнифер и Майклом. Но они хотя бы будут под надлежащим присмотром, в замке, рядом с искренне любящими их людьми, а не в чужом холодном пансионе, где одетые в серые мешковатые наряды дети чинно прогуливаются вслед за своими, столь же холодными, воспитателями. Да и Нэд научит их постоять за себя — мало ли что в жизни случится? Но сможет ли она навещать их, хотя бы изредка? Что за сюрприз готовит ей королева?

Рейнсборо внимательно смотрел на собеседницу, будто пытаясь проникнуть в ход её мыслей. В его цепком пристальном взгляде, в морщинках, спрятавшихся в уголках глаз, вдруг промелькнула с трудом уловимая, но добрая улыбка. Может быть, ей всё же удастся разговорить этого железного человека? Арабелла улыбнулась герцогу:

— Давайте ненадолго оставим формальности и поговорим. Как видите, капитан Сильвер готов следовать за Вами, все вопросы наконец-то решены. Если у нас есть полчаса, расскажите мне последние новости.

Улыбка снова сверкнула где-то в глубине чёрных глаз и тут же исчезла. Рейнсборо задумался и сухо произнёс.

— Не больше десяти минут, капитан. Мало времени. Могу сказать Вам одно — не лучшее время переживает сейчас Англия. Королева совсем плоха, смена династии не за горами. Так что все заняты лишь интригами и стремятся во что бы то ни стало удержаться при дворе. Отставка Харли — это вопрос времени, и на его место прочат Болингброка. Но хуже всего, что вся эта суэта окончательно развратила нынешних молодых людей, которые во всём подражают виконту, пытаясь превзойти его не столько в остроумии, которым большинство из них не обладает, сколько в галантных забавах. Больше всего ценят женское внимание, а шпаги носят лишь для того, чтобы покрасоваться. Часто посещают такие заведения, что просто стыдно сказать... Разумеется, супружеская верность уже не в чести. Так что могу уверить Вас — герцогине Мальборо повезло, что она оказалась в опале. Иначе ей пришлось бы драться на дуэли не только с Саунтоном.

— Значит..., - попыталась вставить слово Арабелла, но Рейнсборо перебил её

— Простите, но нам надо спешить. Вы должны знать, что эти мальчишки из всех сил стараются занять места, где меньше дела и больше славы. Опасности боятся как огня. Именно поэтому Её Величество и решила послать за Вами.

— Значит, конец опале? — в глазах Арабеллы появилась надежда

— Питер Сильвер никогда не был в опале, — улыбка вновь заиграла в уголках прищуренных глаз герцога, — он покинул поле боя и, как истинный джентльмен, уступил место даме. В опале была миссис Арабелла Брэдфорд-Уоллес, осмелившаяся поднять руку на королевского фаворита, и опала её не закончилась. Именно это и хотела подчеркнуть Её Величество, когда просила меня доставить к ней Питера Сильвера. Она не хочет видеть ни герцогиню Мальборо, ни её супруга и не примет их во дворце. Она пригласила только капитана, военный талант которого она ценит и в котором нуждается.

— Благодарю Вас, господин герцог, — уверенно кивнула собеседнику Арабелла, — Вы развеяли мои сомнения относительно цели моего визита к Её Величеству. Капитан Сильвер готов следовать за Вами.

Рейнсборо и Джеймс вышли из залы. Попрощавшись с матерью и детьми, Арабелла дала последние распоряжения прислуге по подготовке семьи к путешествию в Лондон и

спокойным ровным шагом вышла из дома, направившись к конюшне. Сердце сжималось при мысли о предстоящей разлуке, но она твёрдо верила, что сделает всё для устройства своих близких. Что ждёт её саму? Наверное, опять война. «Надеюсь, разлука будет недолгой, и я скоро смогу вернуться к ним», — женщина поймала себя на мысли, что предпочла бы остаться дома и не расставаться с домочадцами. «Ничего», — подумала она, — «зато наконец-то будет настоящее дело, а то я скоро забуду, что значит идти в атаку». Слегка приглушив щемящую сердце тоску, Арабелла вскочила на коня. Вперёд! Снова судьба, и снова перемены, и наверное, это именно то, что ей нужно. Не пиратская жизнь с грабежами и пьяными драками, и не придворная фальшь. Снова вспомнились ей слова одного из капитанов, сказанные когда-то на Тортуге. «Тебе бы, Сильвер, адмиралом быть, а не пиратом. Правда, и при дворе ты не уживёшься с твоим характером — какой из тебя придворный льстец». Пришпорив коня, Арабелла быстро догнала Рейнборо и Джеймса, и три всадника вихрем понеслись по лесистой дороге навстречу новым приключениям.

Глава 25. Возвращение Арабеллы

Был уже вечер, когда путники прибыли в Лондон. Миновав предместья, они стрелой неслись по улицам, распуская редких прохожих, и вскоре добрались до Кенсингтона. Стражники с интересом взирали на Арабеллу. Несмотря на секретность поручения Рейнборо, придворные сплетники быстро пронюхали о странном возвращении герцогини, и в считанные часы новость уже стала всеобщим достоянием. Быстро миновав посты на улице, компания вошла во дворец. Внешне почти ничего не изменилось, но женщина сразу же почувствовала на себе любопытные взгляды. Юные дамы, увидев её, переглядывались и вполголоса щебетали. Но больше всего поразили Арабеллу молодые щёголи, о которых рассказывал Рейнборо. С ног до головы одетые по последней моде, прохаживались они по коридорам, кто-то — под руку с дамами, кто-то — с себе подобными. Пристальные изучающие взгляды, приглушённые смешки... «Да, герцог был прав, моя опала оказалась весьма кстати», — подумала она, — «Бедный Альфред, трудно ему приходится. Хорошо, что Рейнборо всё время с ним — есть хотя бы, с кого брать пример». По пути им попался худощавый молодой человек, костюм которого весь был увешан бриллиантами. На мгновение остановившись, он придиричливо осмотрел свои холёные руки и достал пилочку для ногтей. Рейнборо быстро, но выразительно взглянул на своих спутников. Те понимающе кивнули, едва сдерживая смех. «Нет, мы никогда не были такими», — подумала Арабелла, — «ни я, ни Питт, ни Нэд, ни даже Саунтон. Неужели они берут пример с Болингброка? Сомневаюсь — виконт слишком умён и знает меру во всём. Кстати, вот и он сам», — проходивший мимо министр церемонно раскланялся, и лишь хитрая, едва заметная полуулыбка, с которой он взглянул на герцогиню, выдавала его осведомлённость. «Нет, он по-прежнему на высоте», — продолжала размышлять Арабелла, — «настоящий джентльмен, философ, интриган — человек с большим будущим... Умный и жестокий... Не удивительно, что он потеснил Харли». Пытаясь отыскать старых знакомых, женщина повернула голову, и её взгляд упал на стоявшее у стены зеркало. Нет, всё же она выглядит вполне достойно. Костюм, конечно же, немного старомоден, да и весь в пыли, но всё же... «Во всяком случае, лучше, чем эти красотки в штанах», — Арабелла вдруг вспомнила увешенного бриллиантами юношу, — «Хотелось бы посмотреть на них на корабельной палубе». Но вот и приёмная Анны Стюарт. Какая странная, гнетущая тишина в этих знакомых комнатах... Почти полгода провела она здесь в ожидании очередного приказа Анны... «Что с ней?», — подумала бывшая фаворитка, — «неужели она так плоха?». На мгновение чувство страха, смешанного с жалостью, сковало всё её существо. Какая она сейчас? Арабелла вспомнила одно из последних писем, присланных Мэри Кэт. Бывшая служанка приобрела ещё несколько кофеен, расположенных в аристократических кварталах Лондона. Эти достойные заведения давно перестали выполнять своё исконное предназначение и превратились в политические клубы, где обсуждались последние новости и велись горячие споры, невозможные в чинной атмосфере Кенсингтона. Поэтому Мэри не только сама была в курсе всех событий, но и ежедневно отправляла в Бленхейм посыльного с подробным рассказом обо всех происшествиях. В присланном месяц назад длинном письме она сообщала, что Анна почти не встаёт с постели, сильно отекала и всё время жалуется на одышку... Даже лондонские газеты не решились написать всю правду, ограничившись многозначительными полунамёками... «Господи, помоги ей...», — вдруг подумала Арабелла, вспомнив дни,

проведённые в Кенсингтоне. Её размышления прервал невозмутимый голос Рейнсборо:

— Подождите здесь, капитан. Зайду к Её Величеству и узнаю, сможет ли она Вас принять.

Арабелла остановилась. Сейчас она увидит женщину, к которой она успела привязаться за время своего пребывания при дворе. Лишь бы не выдать своего волнения, не дать ей понять, что она поражена произошедшей с ней переменой... Будто бы ничего не произошло за эти годы... Но ведь Анна ждёт не её, а капитана... Да помнит ли она вообще, что капитан Сильвер и её бывшая фаворитка — один и тот же человек? Может быть, болезнь её зашла так далеко, что она вообще не сможет её узнать? Но нет, вряд ли — почерк в письме был ровный, а слог, как всегда, безупречен. Что бы ни было, перед Анной должен предстать капитан Сильвер, а не Арабелла Мальборо... Жизнь в поместье, тихая и монотонная расслабляюще действовала на молодую женщину, и ей необходимо было время, чтобы внутренне собраться и вновь стать капитаном Сильвером. Она мельком взглянула на себя в зеркало и мысленно произнесла: «Ну что, капитан, держись! Пора возвращаться в строй». Сторонний наблюдатель, не посвящённый в придворные тайны, в эту минуту увидел бы стройного подтянутого молодого человека с ясным и спокойным выражением лица. И пусть на одежде его пыль и грязь, но это — знак того, что он прибыл издалека и по делу и не привык терять времени зря. Арабелла удовлетворённо улыбнулась. Теснившиеся в душе сомнения и страхи отступили, и она поняла, что готова встретить свою судьбу.

— Капитан Питер Сильвер, Вас вызывает Её Величество, — раздался из-за двери чей-то голос.

Дверь открылась, Арабелла вошла внутрь и на мгновение замерла, словно поражённая молнией. На кушетке, откинувшись на подушки, полулежала женщина, совсем не похожая на ту Анну Стюарт, которую она когда-то знала. Она сильно пополнела, наверное, раза в два по сравнению с тем, что было когда-то, но это даже трудно назвать полнотой... Она вся какая-то рыхлая, отёчная и необыкновенно бледная... Лицо почти круглое, вместо красивых больших глаз — лишь узкие щёлочки... Неужели она не встаёт с постели? Поймав многозначительный взгляд покидавшего кабинет Рейнсборо, Арабелла приветствовала королеву глубоким поклоном и твёрдо произнесла, стараясь не выдать охватившего её волнения:

— Капитан Сильвер к Вашим услугам, Ваше Величество.

— Рада Вас видеть, капитан, — монархиня говорила медленно, перемежая речь тяжёлыми вздохами, но умный взгляд её светло-голубых глаз был прежний — совсем как у той Анны, которую она когда-то знала, — Надеюсь, наше сотрудничество будет более плодотворным, чем раньше.

— Я приложу все усилия к этому, — Арабелла поняла, что Анна узнала её, и втайне надеялась, что королева вспомнит былые времена, когда они почти что стали друзьями. Но та была непреклонна и намеренно держала бывшую любимицу на расстоянии:

— Капитан, Вы должны знать, что я по-прежнему не желаю видеть герцогиню Мальборо, — в голосе Анны явственно слышался холодок, — поэтому я пригласила именно Вас. Кроме того, во избежание сплетен и разговоров я прошу Вас не появляться на светских мероприятиях. Надеюсь, Вы правильно меня поймёте.

Арабелла почтительно склонила голову. Нет, возврата к прежней дружбе не будет — Анна явственно дала ей это понять. Но что же тогда будет, и откуда это упорное нежелание видеть герцогиню Мальборо?

— Вы уже видели, что происходит в Кенсингтоне, — после небольшой паузы продолжала Её Величество, — все ждут лишь моей смерти, и озабочены лишь тем, в чью сторону склонится чаша весов. Поэтому все они ищут высоких покровителей, которые устроят их потом..., - Анна вновь тяжело вздохнула и взглянула на собеседницу. Казалось, она вот-вот скажет те слова, которые Арабелле вдруг так захотелось услышать. Лучше бы она снова, как раньше, начала жаловаться на здоровье... Но нет, имя герцогини Мальборо так и не прозвучало, и ни слова о самочувствии. Королева так и не простила её за ту дуэль... Немного передохнув, Анна снова заговорила:

— Изнеженные молодые люди, во всём подражающие девицам — вот что такое современные нравы. Разве таким был когда-то герцог Джон, или мой Георг? Даже Саунтон, и тот..., - она устало махнула своей сильно отёкшей рукой, — именно поэтому я не желаю видеть Вас при дворе. Надеюсь, Вы поймёте, что появление во дворце женщины, которая носит мужское платье, может стать соблазном для юных дам, которые начнут, вроде Вас, драться на дуэлях. Вы поняли меня?

— Да, Ваше Величество, — голос Арабеллы был по-прежнему твёрд, но сердце сжималось от жалости. Что стало с этой, когда-то цветущей женщиной? Конечно, она и тогда была больна, но то, что с ней произошло сейчас... «Господи, помоги ей...», вновь подумала она, но тут же невозмутимо добавила:

— Возможно, мне всё же придётся изредка беспокоить Вас лично, но постараюсь обходиться депешами

Анна пристально глядела на бывшую фаворитку. «Почему она не просит простить её и допустить ко двору? Если бы только она попросила, я бы наверняка... Хотя нет — и так всякие слухи ходят, а тут ещё герцогиня в мужском платье... Отослать Сильвера и простить Арабеллу? Нет, без капитана мне не обойтись, иначе опять война, в которой мне уже не победить — нет ни Джона, ни моего дядюшки Джеймса... Так что уж пусть лучше всё остаётся как есть... Но она — почему она не просит о возвращении? Вообще-то, так даже лучше — может быть, придворная жизнь действительно не для неё?».

Королева взяла маленький узорчатый веер и обмахнулась им — в кабинете было жарко натоплено, а она и без того сильно мучилась одышкой.

— Надеюсь, Вы догадываетесь, зачем я Вас вызвала?

— Да, Ваше Величество, мне велено было прибыть в полном вооружении. Так что, не думаю, Вы пригласили меня для того, чтобы арестовать

Поймав хитрый взгляд бывшей фаворитки, Анна улыбнулась. «Она не помнит зла — по-прежнему привязана ко мне, вот и сейчас — шутит, пытается ободрить. Представляю, как она поражена, увидев меня такую...»

— У меня к Вам одно очень важное поручение.

Арабелла молчала, почтительно склонив голову. Тяжёлое впечатление, произведённое на неё Анной, постепенно рассеивалось, и она начала задумываться о собственной судьбе.

— В Испании правят французы, и Людовик вновь вернулся к идее новой Непобедимой Армады. Только теперь она должна стать ещё сильнее. Цель — помешать Англии утвердить господство как ведущей морской державы, и не только в Новом Свете. Строительство идёт на верфях Кадиса, но платит за всё Париж. Не позднее, чем через полгода большинство кораблей будет в полной боевой готовности. Людовик стар, и он спешит — хочет напоследок получить лавры победителя... У нас таких кораблей нет, и нет человека, имеющего достаточный опыт... У Вас есть верфи, и есть опыт строительства. Я готова

купить все построенные Вами корабли. Надеюсь, Вы согласитесь продать их мне немного дешевле, чем обычным торговцам?

«Неужели ей нужны только верфи и корабли, и ничего больше?» — подумала Арабелла, уже представлявшая себя на палубе корабля, — «хочет получить дешёвый, но хороший товар? Но, может быть, это и к лучшему — вернусь к семье...»

— Так Вы согласны? — переспросила Анна

— Да, но необходимо обсудить размер скидки. Мне надо платить людям, которые работают на верфи. Многие из них в своё время простились с «береговым братством», чтобы честно зарабатывать себе на жизнь. Все мои компаньоны имеют доли как в торговых предприятиях, так и в судостроении, поэтому уменьшение стоимости кораблей может затронуть лишь мою долю в прибыли. Мою и, возможно, Питта Уоллеса.

— Хорошо, — улыбнулась Анна, услышав о том, кого когда-то хотела сделать своим возлюбленным, — этого будет достаточно. Не думаю, чтобы Ваша доля в предприятиях была слишком мала. К тому же Вы будете получать жалование из королевской казны.

— В качестве кого? — сердце молодой женщины учащённо забилося. Она взглянула на королеву, но та хранила молчание. «Неужели я не обманулась в своих ожиданиях?

Королева вновь взглянула на собеседницу. Взгляд бывшей фаворитки был так же спокоен и ничем не выдал одолевавших её сомнений. Та удовлетворённо улыбнулась и перевела дух, и уже собиралась вновь заговорить, как вдруг в кабинете появилась Абигаиль. Она вошла из какой-то дальней комнаты, смежной с кабинетом королевы. Баронесса сильно изменилась — лицо осунулось, нос ещё более покраснел, а тёмные круги под глазами стали почти чёрными. «Трудно ей приходится», — неожиданно для себя пожалела бывшую соперницу Арабелла, — «не хотелось бы быть на её месте — наверное, все ночи напролёт проводит с Анной — ей без сиделки не обойтись».

— Вам что-нибудь надо, Ваше Величество? — Мэшэм бросила ревнивый взгляд на стоявшего рядом с государыней молодого человека в чёрном камзоле. Она была одной из первых, кто услышал о возвращении герцогини, и боялась, что королева снова предпочтёт ей Мальборо.

— Нет, Абигаиль, я пока занята — мы с капитаном обсуждаем дела. Иди, я позову тебя..., - и многозначительно взглянула на стоявшую рядом с ней Арабеллу. Жалобы на несчастную судьбу, на бестолковых фаворитов, на всё сильнее мучавшую её боль в теле и одышку снова готовы были сорваться с её уст, но Анна промолчала, лишь слегка закусив губу. Арабелла опустила глаза. Она только что думала о собственной жизни, о возвращении во флот, но всего несколько мгновений, и опять здоровье Анны затмило для неё всё остальное. Но почему она не хочет поделиться с ней? Почему так упорно пытается держать дистанцию? Ведь ещё немного — одно лишь мгновение, и Анна расскажет ей всё, а может быть даже расплатется, пытаясь избавиться от навалившегося на неё тяжёлого груза — медленной, но неминуемой смерти, поджидавшей её где-то совсем рядом... Но королева снова взяла себя в руки.

— Назначаю Вас адмиралом новой эскадры. Я долго думала, кому поручить столь ответственное дело как противостояние Армаде. У Вас есть знания, опыт, молодость и отвага — то, чего нет ни у одного из моих нынешних подданных. Сэр Джон Лик- хороший адмирал и имеет опыт, но он стар и болен, Ансон молод и отважен, но слишком безрассуден. Он слишком рвётся вперёд, даже там, где необходимо выждать. Молодой Бинг нужен мне для охраны английских берегов. Об этих модниках и говорить нечего. Их конёк —

придворные интриги. Думаю, Вы не будете в обиде, если я пришлю Вам с десятков подобных красавцев. Надеюсь, настоящее дело научит их быть мужчинами.

Сердце Арабеллы радостно затрепетало. «Так вот она, настоящая жизнь. Наконец-то! Командовать флотилией в качестве адмирала, и не в мирное время, а в войне с самой Новой Армадой». Однако, ничем не выдав своей внезапно нахлынувшей радости, она просто склонилась перед королевой в поклоне и произнесла:

— Благодарю Вас, Ваше Величество, за ту честь, которую Вы мне оказали. Капитан Сильвер не мог ожидать такого проявления королевской милости.

— Теперь уже не капитан, а адмирал Питер Сильвер. К сожалению, я не могу наградить Вас в присутствии двора, но возьмите вот это, — и она подала Арабелле украшенную бриллиантами звезду на перевязи, — у адмирала должны быть королевские награды. Считайте, что это Вам за освобождение Багам и за спасение моего друга Солсбери. Он, хотя и католик, и интриган, но всегда на стороне порядочных людей, и за это я его люблю.

Анна вдруг задумалась, и на губах её мелькнула грустная улыбка. Она вздохнула и с горечью взглянула на свою бывшую фаворитку, стоявшую перед её постелью в мужском костюме:

— Надень это и можешь идти. Не держи на меня зла, я давно уже тебя простила за ту дуэль, но не могу разрешить появляться при дворе. Мне сейчас нужен капитан, а герцогиня..., - королева вдруг замолчала, — герцогиня пусть возвращается потом, когда не будет больше королевы Анны... Пусть ищет свой путь при другом короле, а при ком — пока не скажу, ни тебе, ни кому другому. Я уже приняла решение, но пока не время... До встречи, капитан, если, конечно, я до неё доживу...

Арабелла уже собиралась покинуть кабинет — впечатление от встречи с Анной было столь сильным, что она совсем забыла о поручении королевы. Но та остановила её

— Постой, не уходи. Мы с тобой не договорились о самом главном. Как там твои корабли? Я прекрасно знаю, что для тебя возрождение Армады — не секрет, и работы на верфях идут полным ходом?

Снова загадочные полуулыбки — женщины, как и прежде, понимали друг друга без слов...

— Вы очень хорошо информированы о моих делах, Ваше Величество, — стараясь не выдать волнения, ответила Арабелла, — строительство тридцати военных кораблей подходит к концу, и через месяц они могут быть спущены на воду. Ещё сорок готовы наполовину, а двадцать только начали строиться. Если присовокупить те торговые суда, которые пока не поздно перестроить, то всего будет около трёхсот кораблей.

— Неплохо, — кивнула ей Анна

— Да, Ваше Величество. Мне необходимо отдать приказ о перестройке торговых судов не позднее конца недели, иначе работы могут затянуться

— Хорошо, адмирал, — улыбнулась Анна, вновь вернувшись к прежнему официальному тону, — делайте то, что считаете нужным. Сегодня же вручу Вам подтверждение закупки казной всех трёхсот кораблей, и оплату аванс. Только помните, — и королева, хитро прищурившись, взглянула на Арабеллу, — мы договорились о снижении стоимости за счёт Вашей доли и доли Уоллеса.

Герцогиня молча кивнула.

— Вы должны ознакомиться с нынешним состоянием эскадры. Я недавно приняла отставку Линсона, и обязанности адмирала временно поручено капитану флага

«Королева Елизавета». Вы примете командование завтра и сообщите, что необходимо для того, чтобы они могли полноценно выполнять боевые задачи. Средств на оснащение я не пожалею, но только не повторяйте ошибки Вашего дядюшки Джона — я прекрасно знаю, сколько стоят и работы, и пушки, — и хитрая улыбка вновь мелькнула на отёкшем лице.

— Неужели..., - попыталась возразить Арабелла, но королева перебила её

— Можешь не отвечать — это шутка. Видишь — я ещё в силах шутить, значит жива... Знаю, ты слишком богата, чтобы пытаться нажиться подобным образом, да и не в твоём это характере... Приводи в порядок эскадру, подбирай людей — всё в твоём распоряжении. План действий представишь через неделю, а пока можешь переговорить с моими министрами. Они сообщат тебе все подробности об отношениях с Францией и Испанией, да и об Армаде тоже. Правда, не думаю, что тебе это действительно нужно — у тебя агентов ничуть не меньше, чем у меня...

— Ваше Величество..., - Арабелла вновь попыталась вставить слово, но королева продолжала

— На какую должность назначить Уоллеса — думай. Ты адмирал, а он — хороший моряк — решай. В Новом Свете можешь сотрудничать с ямайским губернатором Бладом — тоже бывшим пиратом. Он хорошо знает Новый Свет, и я думала о том, чтобы назначить его, но всё же он значительно старше... Но помни — несмотря на всё, наш уговор остаётся в силе — в Кенсингтоне ты появляешься только по делу.

— Всегда буду помнить об этом, — поклонилась государыне Арабелла и покинула кабинет. Аудиенция была закончена.

Выйдя в коридор, она вновь ощутила на себе взгляды придворных. Но это были уже не смешки и перешёптывания. Молодые люди с завистью смотрели ей вслед, и она чувствовала на себе их колючие взгляды. «Да, не приведи Бог возвратиться ко двору. Уж лучше сильный противник в бою, чем завистник при дворе», — подумала она и направилась к выходу. Воспоминания об Анне не покидали её, но вскоре она повстречала Рейнсборо, и тот поздравил её с назначением. Тяжёлые думы постепенно отходили на второй план, уступая место новым впечатлениям. Рейнсборо рассказал, что Джеймс сейчас отбыл по неотложному делу, но он тоже будет рад успехам новоиспечённого адмирала. Попрощаясь с герцогом, она дала ему адрес гостиницы Майка и вышла за ворота. Всё-таки жаль, что она не сможет пока появляться в Мальборо-Хаусе — он слишком близко к Сент-Джеймсу, а королева проявила странную щепетильность в отношении её наряда. Но это и понятно — Мальборо-Хаус для герцогини, а капитана вполне устроит и постоянный двор... Светило солнце, и молодой женщине казалось, что весь мир радуется вместе с ней. Оседлав коня, она направилась к Майку, чтобы устроиться на ночлег. Семья должна была прибыть лишь к вечеру следующего дня — Арабелла не хотела, чтобы миссис Брэдфорд с детьми ночевали где-то в пути, и уговорила их отбыть из Бленхейма рано утром. Поэтому она спокойно легла спать, решив посвятить завтрашний день осмотру флотилии. «Да, предстоит много работы. Но я со всем справлюсь, и у меня достаточно времени на это. А пока — спать». И она заснула крепким сном, проснувшись лишь под утро.

"Новая Армада" — по аналогии с "Другой Армадой" — 1779 г (сражение между английским и объединённым франко-испанским флотом. Результатом явилась сравнительно лёгкая победа Англии ("Пожалуй, никогда еще не собирались вместе такие силы флота. И уж точно никогда они не добивались столь малого" — цитата из Британского ежегодника 1780 г, Википедия). В романе эта Армада так и не появится (смерть Анны, Людовика).

"Нет ни Джона, ни моего дядюшки Джеймса" — имеются в виду Джон Мальборо и Джеймс, герцог Йоркский — брат короля Якова 2, отца Анны. Джеймс Стюарт был одним из лучших морских офицеров Великобритании, ему принадлежит авторство одного из вариантов инструкций для командиров парусного флота. Упоминается также в главе 6.

"Не повторяй ошибок твоего дядюшки Джона" — Джона Мальборо обвиняли в том, что он намеренно завышал стоимости армейских поставок.

Глава 26. Адмирал вступает в должность

Двадцать линейных кораблей и десять фрегатов, словно гигантские спящие птицы, покачивались на волнах в небольшой гавани, расположенной за лесистым перешейком, вдали от шума и гама торговой пристани. Здесь они были в полной безопасности, недостижимые для любопытных взоров чужеземных торговцев, каждый из которых вполне мог оказаться ещё и шпионом. Пятнадцать лет адмирал Линсон приводил в эту гавань свою эскадру, измотанную длительными переходами через океаны, и, пополнив запасы, почти сразу же отправлялся обратно в море. Долгие отлучки на берег адмирал не любил, да и сам не покидал корабли более чем на два дня, лишь для короткого доклада Её Величеству и главе Адмиралтейства. Но старик Линсон ушёл в отставку и отправился в своё имение в Соммерсетшире, а эскадра, проводив своего любимца, целых две недели стояла на приколе в ожидании нового назначения. Люди маялись от безделья, то и дело прося отпустить их в город, дабы успокоить душу в портовых тавернах, а заодно узнать последние новости.

— Долго ещё мы будем терять время в этой дыре, — нервно прохаживавшийся по палубе восьмидесятипушечного линейного корабля «Королева Елизавета» хмурый господин выругался и сердито взглянул на берег, будто ища там неведомого противника. Мужчине на вид можно было дать чуть более сорока лет, он был крепок, мускулист и подтянут, а на лице, украшенном косым шрамом, пролегли преждевременные глубокие морщины. За ним, словно тень, следовал невысокий черноволосый человечек лет тридцати пяти, слишком упитанный для своего возраста, но необычайно подвижный.

— Ты слышал новости, Уиллсбери? — буркнул морской волк, покосившись на своего спутника

— Да, господин вице-адмирал, — с почтением кивнул тот

— Представляешь, что теперь будет? Наша королева, дай ей Бог здоровья, совсем из ума выжила, прости меня Господи! — и вице-адмирал вновь крепко, по-матросски, выругался.

— Вы уверены в том, что Вам сообщил Ваш человек? — Уиллсбери заискивающе взглянул в лицо собеседнику

— Без сомнений — Фил Джексон никогда меня не подводил. Он водит дружбу с этими красавцами, которые только и знают, что с утра сидеть по кофейням да сплетничать, а по вечерам демонстрировать новые наряды на приёмах.

На волевом лице старого морского волка отразилось всё то презрение, которое он испытывал к изнеженным господам, о которых только что рассказывал своему спутнику

— Так что сообщил Вам Фил? — с интересом спросил маленький юркий человечек

— Он поклялся мне, что адмиралом назначили какую-то бывшую королевскую фаворитку. Фил узнал это от Уильяма Реймса, а тот вовремя припёр к стенке слугу, подслушивавшего у дверей королевских покоев. Правду говорила наша герцогиня Сара — Анна уж слишком жалуется женщин, забывая о том, что на свете есть настоящие мужчины, вроде нас с тобой, — и вице-адмирал снисходительно похлопал собеседника по спине.

— Вы совершенно правы, сэр, — с готовностью поддакнул тот, — мы уж надеялись, что Её Величество назначит Вас — Вы были с Линсоном во всех походах, и как никто знаете Новый Свет.

— Знаешь, что ещё говорил мне Фил?

Уинсборо молчал, всем своим видом демонстрируя почтительное внимание к старшему

по званию

— Что эта бывшая фаворитка — родственница прежних Черчиллей, получившая от Анны все поместья опального герцога Джона! Вот что значит ловкая интриганка!

— Но я слышал, что когда-то она выходила в море, — осторожно попытался возразить Уиллсбери.

— Не знаю, быть такого не может, чтобы женщина..., - вице-адмирал недоверчиво покосился на Уиллсбери, — мы с тобой, конечно, основательно от жизни отстали — пять лет то в Средиземном море, то в Карибском, то вообще неизвестно где... — забыли, как выглядит английский берег. Две недели в Англии, и то из этой дыры не вылезает — ждём у моря погоды... Не слышал я ничего подобного, разве что вместе с Рэкхемом каких-то двух красоток поймали — мне на Ньюфаундленде говорили местные. Но думаю, что всё это байки — каждый матрос знает, что женщина на корабле — к несчастью.

Уиллсбери не знал, что сказать, и молчал, тупо уставившись на чисто выдраенные палубные доски.

— А ты что слышал об этом, Уиллсбери? — видя смущение своего подчинённого, поинтересовался вице-адмирал

— Да разве что то, что она раньше пиратствовала в районе Багам, а потом вдруг появилась при дворе и сразу стала фавориткой, но ненадолго — её быстро отправили в отставку. Мне рассказывал это..., - Уиллсбери осёкся, вспомнив, что обещал не выдавать Андреаса Блэка, неделю назад отпущенного им в Лондон для встречи с возлюбленной — одной из кенсингтонских служанок. Вместо обещанных трёх дней матрос пробыл в столице целых шесть, лишь вчера вечером вновь появившись на судне.

— Не верю я в эти сказки, — вновь выругался вице-адмирал, не заметивший смущения капитана, — довольно с нас этих юнцов разряженных, а теперь очередная любимица нашей почтенной Анны. Думаешь, почему она задерживается — наверняка с утра нежилась в постели, а потом распекала служанку и вертелась перед зеркалом. Тряпки, жемчуга, бриллианты — вот что у них на уме. Теперь будет нас учить, какого цвета камзолы носить, и как пришивать к ним ленточки. А ведь Англии грозит серьёзная беда — когда мы ремонтировались на Ямайке, я слышал в одной таверне, будто французы с испанцами и готовят нам новую Армаду.

Об Армаде Уиллсбери тоже слышал от Блэка, но предпочёл почтительно промолчать, всем своим видом выражая согласие с вице-адмиралом.

— И кого нам присылают вместо достопочтенного Дрейка, победившего испанцев при Елизавете? — продолжал тот, — Какую-то бывшую фаворитку, которая гик не отличит от утлегаря. Вот что, Уиллсбери, попробую-ка я добиться аудиенции у королевы. Раскрою ей глаза на происходящее и попытаюсь убедить изменить решение. Тебя оставляю за главного, но только ты встреть эту дамочку так, чтобы сразу же поняла — будь она хоть трижды фаворитка, но в морские дела придворным красоткам путь заказан!

— Хорошо, господин адмирал, — согласно закивал Уиллсбери, — Вы скоро вернётесь?

— Не знаю, как там дела пойдут в Кенсингтоне. Возможно, завтра. Надеюсь, наша миссис адмирал к тому времени уже объявится — наведёт порядок в своих туалетах!

Вице-адмирал, усмехнувшись, пружинистой походкой направился к трапу. Легко сбежав вниз, он отвязал серого коня, уже который день прогуливавшегося вокруг ближайшего к пристани дерева, и вскочил в седло. Уставшее от вынужденной неподвижности животное радостно заржало, поднялось на дыбы и, не дожидаясь пинков в бока, стрелой умчалось в

лес. Что касается Уиллсбери, то он, обрадованный высоким доверием начальства, развернулся на каблуках, подозвал юнгу и вполголоса отдал ему какие-то распоряжения...

Через три часа всё ещё прогуливающийся по палубе капитан слышал голос марсового: — Всадник на горизонте! Скачет по дороге в сторону гавани!

Уиллсбери с недоверием взглянул вверх и нехотя начал подниматься на марсовую площадку. Несмотря на то, что этот тридцатипятилетний вояка был отменным капитаном и неплохо владел оружием в бою, он уже успел обрести весьма внушительные формы, затруднявшие когда-то столь привычное для него дело как лазанье по вантам.

— Дай взглянуть, Крис, — едва добравшись, пропыхтел он. Матрос подал ему подзорную трубу. На извилистой дороге, ведущей через лес, виднелся силуэт всадника в чёрном дорожном плаще и белоснежной шляпе. Пригнувшись к холке коня, он мчался, поднимая вокруг себя клубы пыли.

— Неужели наш вице-адмирал решил вернуться? — поинтересовался матрос, глядя на Уиллсбери, напряжённо всматривающегося вдаль

— Не похоже, — покачал головой капитан, — может быть, королевский посыльный? Неужели Анна всё-таки изменила решение?

Уиллсбери вновь поднёс трубу, прищурил один глаз и пристально взглянул на приближающуюся фигуру.

— Судя по одежде — точно из благородных..., — задумчиво пробормотал он, — шпага под плащом... Но уж точно не эта красotka Мальборо...

— Да, непохоже, — понимающе хмыкнул марсовой Крис Бинг. Несмотря на строжайший приказ Уиллсбери, Блэк уже всюду раззвонил о королевском приказе, и скучающие матросы с интересом обсуждали последние новости.

— Значит, разболтал всё этот негодник Блэк, — с укоризной покачал головой Уиллсбери, — а мне клялся, что скорее язык проглотит, чем хотя бы слово скажет об этой герцогине... Ладно, пойду вниз. Надо встречать этого придворного красавца, а то ведь все нынешние юнцы так и норовят показать, что они важнее самого архиепископа.

Через полчаса всадник уже был на пристани. Спешившись, он ловко привязал коня к гибкому стволу молодой берёзы и несколько раз прошёлся взад-вперёд по пирсу, с явным удивлением оглядывая корабли, не проявлявших ни малейших признаков жизни. Будто бы вымерло всё вокруг, и даже самый пристальный взгляд не мог обнаружить ни на вантах, ни на палубе, ни единого представителя рода человеческого. Молодой человек ещё раз внимательно осмотрелся, видимо, интуитивно ощущая, что не менее сотни любопытных глаз незримо наблюдают за ним из всех укромных уголков возвышающихся в гавани судов, а затем вновь прогулялся по каменному парапету пристани. Наконец, устав от чересчур продолжительного ожидания, он приблизился к трапу «Королевы Елизаветы» и уже намеревался самым бессовестным образом подняться на корабль без приглашения, как вдруг услышал раздавшийся сверху голос Уиллсбери.

— Кто Вы? — внушительная фигура капитана возникла на баке, будто появившись из-под земли.

— Я из Кенсингтона, — спокойно ответил молодой человек. Он скинул длинный дорожный плащ, забрызганной сероватой грязью английских дорог, и под ним сияющей белизной сверкнули расшитые жемчугом камзол и панталоны. На расшитой перевязи висела длинная шпага, а за пояс были заткнуты внушительных размеров пистолеты и кинжал. На голубой ленте переливалась крупными бриллиантами восьмиконечная звезда.

«Наверное, посыльный», — подумал спускающийся по трапу Уиллсбери, — «один из тех красавцев, о которых говорил наш вице-адмирал. Но вооружён неплохо и, судя по всему, шпагу носит не только для украшения. Интересно, за что он удостоился королевской награды — неужели за очередную ловкую интрижку?», — на округлое румяное лицо Уиллсбери вдруг набежала тень, и он глубоко вздохнул, — «Так вот как люди получают королевские награды! А тут всю жизнь своей шкурой рискуешь, и всё бесполезно! Разве что до капитана можно дослужиться...».

— Могу я видеть вице-адмирала Мэдфорда? — любезно поинтересовался незнакомец

— Он сейчас в отъезде и поручил мне исполнять его обязанности. Я капитан Джон Уиллсбери, так что Вы можете передать мне все распоряжения Её Величества.

Молодой человек нахмурился и вновь окинул взглядом стоявшие у причала суда. На палубе по-прежнему не было видно ни одного матроса.

— Почему вахтенные офицеры не на своих постах? — в голосе его послышалось плохо скрываемое раздражение, — может быть, вместо того, чтобы две недели ждать у моря погоды, вам следовало бы заняться ремонтом?

«Кажется, этот франт кое-что смыслит в морском деле», — подумал Уиллсбери и вновь пристально взглянул на незнакомца, — «Однако для посыльного он слишком уж суёт свой нос в чужие дела. Какое дело ему до того, чем мы занимаемся на стоянке?» и тут же, немного приосанившись, добавил:

— С кем имею честь говорить? Надеюсь, Вам известно, что, согласно уставу, я имею право давать разъяснения лишь тем лицам, в непосредственном подчинении которых находится эскадра.

Выслушав сию тираду, которая наверняка оказала бы воздействие на человека, не имеющего соответствующих полномочий, незнакомец протянул Уиллсбери конверт. Капитан молча развернул его и пробежал глазами. Лицо его вдруг побледнело, а ненадолго появившийся налёт надменной властности тут же сменился растеряно-подобострастным выражением.

— Значит, Вы наш новый адмирал? — испуганно пробормотал он, — простите, что не встретили, как положено по уставу. Мы ждём Вас с самого утра, но тут странные слухи ходят... Вице-адмирал Мэдфильд даже отправился в Кенсингтон, чтобы добиться аудиенции Её Величества.

— Где другие капитаны? — продолжал свой допрос незнакомец, — Почему не на кораблях?

— Некоторые из них сошли на берег, другие отдыхают в своих каютах. Мы ждали Вас с утра, — попытался оправдаться Уиллсбери.

— Через полчаса совещание на палубе «Королевы Елизаветы». Когда прибудет вице-адмирал Мэдфильд?

— Не знаю, — растерянно промычал Уиллсбери, — обещал завтра

— Придётся проводить совещание без него. У нас мало времени. Мне надо осмотреть каждый корабль — насколько я понимаю, большинство из них нуждаются в серьёзном ремонте.

— Но может быть стоит..., - попытался возразить Уиллсбери

— У нас мало времени, — сухо ответил незнакомец, — надеюсь, Вы слышали про Новую Армаду?

— Да, сэр, — кивнул капитан, разум которого медленно, но неуклонно осознавал

произошедшее

— Мы должны выйти из Дувра не позднее, чем через полтора месяца. К этому времени к нам должны присоединиться ещё восемьдесят судов.

— Из состава какой эскадры? — попытался продемонстрировать свою осведомлённость Уиллсбери

— Это новые корабли. Сорок из них сегодня утром сошли со стапелей, остальные будут готовы не позднее, чем через месяц. Надеюсь, Вы поможете мне набрать знающих людей.

— Простите, господин адмирал, — осторожно произнёс Уиллсбери, — не могли бы Вы рассеять мои сомнения? Понимаете... странные слухи ходят...

— Что Вы хотите узнать, — хитро прищурился незнакомец, взглянув прямо в глаза стоящему перед ним капитану. Казалось, он уже давно ждал подобного вопроса.

— Ещё раз простите, господин адмирал, — смущённо пробормотал Уиллсбери, но, насколько я понял, Вас зовут Питер Сильвер.

Незнакомец улыбнулся и молча кивнул, давая возможность исполняющему обязанности вице-адмирала окончательно прийти в себя. Тот после небольшой паузы продолжал:

— Дело в том, что один кенсингтонский сплетник сообщил нам вчера, что адмиралом назначили королевскую фаворитку, некую герцогиню Мальборо...

Незнакомец по-прежнему молчал, но во взгляде глубоких синих глаз на мгновение ярко вспыхнули загадочные огоньки, но тут же погасли, оставив Уиллсбери наедине со своими сомнениями.

— Честно говоря, наш вице-адмирал отбыл в Кенсингтон для того, чтобы попытаться убедить Её Величество изменить своё решение. Но, видимо, кто-то уже опередил его, и она назначила Вас. Только представьте себе, ведь эти придворные интригантки ничего не смыслят в морском деле!

Последняя фраза была произнесена со столь искренним негодованием, что Арабелла, а это была именно она, пристально взглянула на собеседника. Так вот, что о ней думают её будущие моряки! Ничего, скоро они узнают, с кем имеют дело! С другой стороны, разве она не ожидала подобной встречи? Разве не её душу только что терзали назойливые мысли о том, как воспримут старые морские волки назначение молодой женщины в качестве адмирала? Она всего-навсего получила то, что должна была получить — недоверие и сомнение, граничащее с неповиновением и мятежом. Но разве не приходилось ей когда-то умирять ещё не такие бури? Разве одного её гневного взгляда не было достаточно для того, чтобы успокоить даже самых заядлых бунтарей-флибустьеров? Нет, она и здесь будет на высоте, но только на этот раз всё обойдётся без гневных взглядов и угроз. Загадочно улыбнувшись, она вновь подняла глаза на собеседника.

— Скажите мне, Уиллсбери, а что Вы слышали об этой герцогине?

— Да почти ничего. Мы пять лет провели в море, и только с отставкой нашего адмирала Линсона прибыли в Англию. Знаю только, что она была королевской фавориткой, вот Анна её и продвинула. Кто-то говорил, что раньше она пиратствовала близ Багам, но, думаю, это неправда — наверное, перепутали с приятельницами долговязого Рэкхема.

Арабелла с интересом взирала на маленького человечка, только что рассказавшего ей свою версию её же собственной биографии. Надо же — а ведь она думала, что история жизни герцогини Мальборо уже известна всей Англии! Вот что значит мнить о себе слишком много! Оказывается, для них она — всего лишь пешка, одна из многих важных на вид, но, по сути своей, малозначащих персон, вращающихся в орбите Кенсингтонского

дворца. Таких, как онаслишком много, чтобыкаждой из них уделить внимание. Простым людям нет дела ни до их хитроумных интриг, ни до тех противоречий, что постоянно сотрясают королевский двор — этот мир хищников, жадных до власти и денег. Они тихо и незаметно выполняют свою повседневную работу — ту, от которой действительно зависит судьба страны... Вновь вспомнив чудака Хэндса, герцогиня улыбнулась едва заметной хитрой улыбкой:

— Скажите, Уиллсбери, а что Вы слышали обо мне?

— Много хорошего, господин адмирал, — несмотря на то, что в тоне собеседника по-прежнему слышались подобострастные нотки, Арабелле вдруг захотелось, чтобы тот действительно говорил правду. Неужели в Новом Свете совсем не вспоминают капитана Сильвера? А ведь когда-то о нём ходили легенды... Всё-таки человеческая память так коротка...

— Вы тоже из этих, как и Дрейк — из бывших флибустьеров, — продолжал незадачливый капитан, пытаясь исправить столь некстати допущенную оплошность, — Вас в Новом Свете во всех тавернах вспоминают, рассказывают о Ваших подвигах — и о том, как Вы в Панаму отправились, и о кругосветке. Вот что было потом — никто не знает. Исчезли куда-то вместе со своими людьми, и никто из них не вернулся. Думали даже, что погибли — то ли шторм налетел на Вашу эскадру, то ли испанцы... Говорят, что это было в районе Бермуд... А Вы-то, оказывается, всех обманули и пришвартовались в Дувре!

— Это долгая история, Уиллсбери, — улыбнулась молодая женщина, довольная тем, что память об её приключениях всё ещё жива, — а Вы разве не слышали, что Питер Сильвер и герцогиня Мальборо — один и тот же человек?

Маленький человечек застыл перед ней, выпучив широко раскрытые карие глаза. Слова застыли в горле, словно ком. Он побледнел и начал бормотать какие-то несвязные извинения.

— Не надо извиняться, Уиллсбери, — рассмеялась она, — в мою историю действительно трудно поверить. Где же, наконец, капитаны других судов?

— Не знаю, — смущённо ответил тот, — наверное, отдыхают.

— И с такой дисциплиной вы хотите победить Новую Армаду? — в голосе Арабеллы вновь послышалось раздражение. Нет, за время стоянки эти люди окончательно забыли о том, что значит морской порядок.

— Простите, господин адмирал, — пролепетал Уиллсбери, уже трижды за сегодняшний день оплошавший перед адмиралом.

«Почему я опять должен отвечать за всех, и зачем только Мэдфильд меня так подставил? Пусть бы сам отдувался, а я бы тем временем прохлаждался в Кенсингтоне...», — подумал он, но Арабелла будто бы прочитала его мысли:

— Насколько я понимаю, Вы, господин Уиллсбери, лишь временно исполняете обязанности вице-адмирала. Поэтому я не считаю Вас виновником этого беспорядка. Пока же позвольте мне осмотреть Ваш корабль...

Если два человека разговаривают в порту, где пришвартовано хотя бы одно судно, это ещё не значит, что они действительно находятся наедине. Десятки глаз и ушей, притаившихся за парусами, такелажем, пороховыми бочонками и другими деталями, составляющими оснастку любого корабля, могут следить за ними, незримо присутствуя при их тайной беседе. И вот уже засуетились на палубе матросы, а вездесущие юнги раззвонили по всему порту, что герцогиня Мальборо и капитан пиратов Питер Сильвер — одно и то же

лицо. Волнение вмиг перекинулось на другие суда, и люди оживлённо забегали, засуетились и даже начали драить и без того чистые палубы.

Поднявшись на борт пятидесятипушечного «Дувра», которым командовал достопочтенный господин Уиллсбери, капитан с удивлением обнаружил, что встречать нового адмирала собралась вся команда. Выслушав полагающиеся в этих случаях приветствия, Арабелла начала осмотр корабля, состояние которого, по её заключению, оказалось очень даже неплохим.

— Вы молодец, — улыбнулась она капитану, которого уже дважды едва не довела до апопектического удара, — на этом судне можно выходить в море. Но мне хотелось скорее начать совещание, а затем посетить и другие корабли

— Простите, герцогиня, — ещё более смутился несчастный Уиллсбери, — сейчас все соберутся на «Королеве Елизавете».

— Вот что, Уиллсбери, — голос Арабеллы звучал необычайно жёстко, но в глазах то и дело мелькала едва заметная хитрая улыбка, — мы уже полчаса на Вашем судне, и никого ещё нет на месте. Мы немедленно поднимаемся на палубу «Королевы Елизаветы» и будем ждать их прибытия в капитанской каюте, где с каждым опоздавшим будет серьёзный разговор. Её Величество дала мне полномочия принимать любые решения, в том числе и относящиеся к личному составу.

И вновь заработал невидимый телеграф, а вездесущие юнги начали передавать из уст в уста то, что только что было услышано ими на палубе «Дувра». Арабелла молча стояла, лишь изредка бросая взгляды по сторонам — она прекрасно знала, что не позднее, чем через полчаса новость об адмиральском приказе облетит все корабли, а капитаны и офицеры соберутся на флагмане, проклиная злосчастную судьбу, по воле которой они поддались искушению, едва не отказавшись повиноваться воле своей королевы. Она намеренно не торопилась, медленно спускаясь по трапу «Дувра», а затем столь же неспешно идя по пристани и несколько раз останавливаясь для продолжительной и размеренной беседы с Уиллсбери. Тот же всё более приободрялся, видимо, считая подобное внимание знаком особого расположения к нему нового адмирала. Наконец, когда оба они очутились на палубе «Королевы Елизаветы», у шканцев уже собрались все те, кому недавно герцогиня столь грозно обещала увольнение или понижение в должности. Лишь Мэдфильд пока не появился, но он, со слов Уиллсбери, должен был находиться на пути в Лондон. Поэтому все незамедлительно были приглашены Уиллсбери в капитанскую каюту, а новому адмиралу было предложено произнести короткую речь. И вновь, как когда-то, она видела перед собой обветренные лица, на которые наложила свой отпечаток суровая морская жизнь, а глаза, привыкшие и к дыму, и к огненным вспышкам, и к виду сражённого, истекающего кровью противника, напряжённо и внимательно глядели на неё, ожидая ответа...

— Уважаемые господа, — начала свою речь Арабелла, — Её Величество назначила меня адмиралом, поручив решение всех вопросов, относящихся к оснащению, личному составу и военной тактике. Вот патент, подписанный Её Величеством. Надеюсь, Вы слышали о том, что Франция и Испания строят новую Армаду, желая отвоевать утерянные ими в Новом Свете позиции. Мне были даны указания подготовить эскадру к противостоянию Армаде и, если потребуется, руководить боевыми операциями против неё. Пока же я хочу лично осмотреть каждый корабль, чтобы понять, требуется ли ему ремонт или дополнительное оснащение.

— Скажите, — один из молодых капитанов бросил на неё любопытный взгляд, — а

правда ли то, что...

Молодая женщина улыбнулась. Наверняка этот наглец опять о том же — о герцогине Мальборо. Нет, всё же человеческую природу не изменить — сплетник всегда останется сплетником, будь то женщина или мужчина, капитан или придворный щёголь... Но вот он смущённо опустил глаза... Конечно, он хотел спросить именно об этом... А впрочем — разве её не интересовал бы тот же самый вопрос, будь она на его месте? Разумеется, интересовал бы...

— Вы хотели спросить, имею ли я отношение к герцогине Мальборо?

— Да, — одновременно ответило ей сразу несколько голосов.

— Хорошо, — хитрое выражение вновь промелькнуло где-то в уголках её синих глаз, но она уже не могла позволить себе большего, и тут же строго взглянула на собравшихся в каюте мужчин, — да, пиратский капитан Питер Сильвер и герцогиня Арабелла Мальборо — один и тот же человек. Надеюсь, теперь не будет больше вопросов, не относящихся к делу?

Присутствовавшие согласно закивали.

— Теперь же прошу запомнить то, что Вы наверняка знаете, — продолжала она, — без дисциплины успех в бою невозможен. Именно поэтому моя эскадра когда-то не потерпела ни одного поражения. Так что с сегодняшнего дня должны исполняться все требования морского устава. Вы поняли?

— Всё ясно, адмирал! — дружно отозвались собравшиеся капитаны, — Линсон всегда держал нас в узде. Но как мы победим Армаду — у нас же так мало кораблей?

Арабелла коротко рассказала о ситуации на верфях. Она ещё засветло выехала из Лондона, чтобы к рассвету прибыть в Дувр и лично осмотреть спускаемые на воду суда. Но было и ещё одно обстоятельство — за все эти четыре года герцогиня ни разу не выходила в рейс. Не растеряла ли она то, что было нажито ею в бытность пиратом? Часто по ночам ей снилось, что она снова на палубе своей любимой «Арабеллы», и что она опять ведёт бой с испанской эскадрой. Но то был сон, а какова реальность? Именно поэтому она начала день с посещения верфей своих компаньонов — Крисперса и Шейна, и к полудню убедилась не только в том, что сорок кораблей уже готовы к спуску на воду, но и в том, что она сама не растеряла былых навыков. Быстроходные, лёгкие в управлении, несмотря на тяжесть орудий, восьмидесяти- и девяностопушечные красавцы встретили её, будто старые добрые друзья. На одном из них, способным нести до ста тяжёлых пушек, она ненадолго вышла в море. Это было, пожалуй, самым незабываемым впечатлением за последние дни. Взорвавшиеся на ванты матросы засуетились, а огромное, казавшееся таким неповоротливым, судно, качнулось, и, плавно спустившись со стапелей, вышло в залив. Паруса вздрогнули и напряглись, ощутив порыв свежего морского ветра. Снасти тихо закрипели. Казалось, будто живое существо, родившись, сделало свой первый вдох. Корабль скользил по невысоким волнам, легко разворачиваясь и выполняя все требуемые манёвры, а Арабелла наконец-то поняла, что не забыла того, чему научила её когда-то вольная морская жизнь...

Всё-таки хорошо, что она занялась судостроением! Главное, чтобы Анна не подумала, что она намеренно завышает цены на ремонт... Да и жаль, что её друзья не смогут выйти с ней в море — ни Крисперс, ни Шейн не пожелали оставить свои верфи. Действительно — разве ещё привалит такое счастье бывшему рыбаку — стать владельцем судостроительной компании?

Молодая женщина вновь взглянула на собравшихся в каюте капитанов. На их лицах, как когда-то на лицах своих старых друзей, она наконец-то увидела понимание... Да, кажется,

они приняли её, несмотря на то, что она — женщина... И она тоже не подведёт их и сделает всё возможное, чтобы разгромить Армаду с наименьшими для своих людей потерями. Вновь улыбнувшись одними уголками глаз, Арабелла закончила совещание и начала осмотр вверенной ей эскадры...

Примечание

Гик — элемент рангоута, служащий для растягивания нижней шкаторины косых парусов

Утлегарь — добавочное рангоутное дерево, служащее продолжением бушприта вперёд и вверх и служит вместе с бушпритом для выноса вперёд добавочных парусов. Подробнее о морских терминах, литературе и др будет сказано в отдельном приложении.

Глава 27 Снова друзья

Усталый Питт Уоллес медленно брёл по бриджуотерской пристани. Он ещё в полдень должен был выехать из Соммерсетшира, а покупатели какао и поставщики оборудования для верфей, будто нарочно сговорившись друг с другом, затягивали переговоры, пытаясь добиться выгодных для себя уступок. Но Питт как никто другой был в курсе цен, которые назначались за подобный товар не только в Англии, но и на другом берегу Ла-Манша, и упрямые торговцы, наконец, сдались на милость победителя. «Не так-то легко уломать Питта Уоллеса», — подумал он, удовлетворённо взглянув на только что подписанные контракты, — «Однако я, кажется, проголодался. Загляну-ка в гости к старому Минсу». Когда-то Минс был канониром, а, выйдя в отставку, приобрёл небольшую таверну на берегу. Питт любил заходить к нему, когда бывал в Бриджуотере. Джек знал все последние новости и мог подробно рассказать о каждом из жителей своего городка. Старый сплетник любил Уоллеса, ставшего для него не только другом, но и неиссякаемым источником историй про жизнь обитателей Кенсингтона, которые тот потом пересказывал своим посетителям. Впоследствии байки обрастали такими подробностями, что ни Питт, ни даже сам Минс не могли разобраться в том, что же было правдой, а что — плодом богатого воображения Джека и его многочисленных клиентов. Но сегодня Питт не был настроен на продолжительную беседу. «Только перекушу немного, и сразу в гостиницу, а потом — на коня и в путь...», — подумал он, открывая скрипучую дверь таверны Минса. Но и здесь ждал его неприятный сюрприз. С Уоллесом решил пооткровенничать сам Билли Дик, а отделаться от него было не так-то просто. Дик был одним из тех странных типов, что вечно болтались по прибрежным тавернам, перебиваясь подачками и случайными заработками. Питт не раз встречал его в Бриджуотере, но каждый раз старик обходил его стороной. Обросший, с длинными седыми волосами и такой же бородой, одетый в грязные лохмотья, непонятного возраста субъект присаживался за столик к решившим перекусить морякам и развлекал их своими байками. Никто не знал, где он жил, и что в его историях было сказкой, а что — былью, но все слушали его и угощали обедом, отдавая дань чудачествам бывалого морского волка, растерявшего где-то свои несметные сокровища. Увидев, как старый Дик направляется в его сторону, Питт мысленно выругался, но тут же вспомнил слова, сказанные когда-то Хэндсом. «Никто не знает, что встретит нас за очередным поворотом. Сегодня ты на коне, и ты — король, а завтра твои же подданные повергнут тебя в пыль. Сегодня ты богач и купаешься в золоте, а завтра будешь просить милостыню у ворот церкви. Помни об этом, и всегда помогай тем, кто испытывает нужду...», — любил говорить шкипер, слывший на Тортуге ничуть не меньшим чудаком, чем Дик в Бриджуотере. «А Хэндс был прав — даже морской волк не может избежать подобной участи, если такова его судьба», — подумал Уоллес и приветливо взглянул на подошедшего к нему бродягу.

— Хочешь есть?

— Старый Дик никогда не откажется от хорошего обеда, — причмокнул губами тот, обнажив редкие зубы, изрядно почерневшие от табака.

— Садись, — и Питт указал собеседнику на свободное место за столиком.

— Скажи, ты ведь муж той самой герцогини, портрет которой висит в кофейне? — хитро прищурившись, поинтересовался старик

— А ты откуда знаешь? И почему ты думаешь, что это её портрет?

— Да так, болтают тут всякое... Знаешь, на кого твоя герцогиня похожа? На ту самую женщину..., - в мутно-голубых глазах старика появился загадочный блеск

— На Сару Черчилль? — вежливо поинтересовался Уоллес, — но моя жена не родственница леди Сары, она — племянница герцога Джона Черчилля, её супруга.

— Да Бог с ней, с этой Сарой, — махнул костлявой рукой старик, — не о ней речь. Слушай, — и он наклонился прямо к уху Питта, мысленно проклинавшего этот полный неудач вечер.

— Так вот, — продолжал тот, — твоя герцогиня очень похожа на супругу бывшего фалмутского губернатора, лорда Киллигрю. Говорят, когда-то это женщина наводила страх на все испанские корабли, направлявшиеся в Лондон...

— Я слышал эту историю, — Питт недоверчиво посмотрел на собеседника, втайне надеясь, что их разговору скоро придёт конец, — и знаю родословную Черчиллей. Они состоят в родстве с потомками Дрейка, но никак не Киллигрю.

— Можешь быть уверен, я никому не скажу, — вновь прошептал старик прямо на ухо молодому супругу, — после того, как тот испанец опознал женщину, и фалмутского губернатора отправили в отставку, он прибыл вSomersetshire. Да, именно сюда, в этот маленький городок, на месте которого тогда было небольшое селение...

— Ну и что? — пытаюсь скрыть раздражение, пробурчал Питт, которому изрядно надоела навязчивость старика, — извини, друг, но я очень спешу — я должен быть дома сегодня вечером.

— Подожди, выслушай меня, — Дик являл собой настоящий фонтан красноречия, и заткнуть его было не так-то просто, — тогда ты лучше поймёшь свою герцогиню... Разве ты никогда не замечал, что в её глазах отражается море? Я видел её всего раз, когда художник рисовал портрет на пристани, и всё понял. Здесь был ещё один человек с такими же синими глазами и с таким же взглядом. Он был врачом, и практиковал в Бриджуотере. Однажды спас меня от смерти, но я взглянул в его глаза, и прямо сказал ему, что его судьба — море... Потом, после заварушки, что устроил Монмут, он исчез куда-то, и лишь много лет спустя мне удалось узнать, что же на самом деле с ним произошло.

— Он сейчас губернатор Ямайки, — раздражение Питта постепенно уступало место любопытству. «Странный старик», — подумал он, — «интересно, он сам-то верит в то, что говорит, или это плод его воображения? Но, в общем-то, всё очень даже правдоподобно».

— Знаю, — кивнул ему Дик, прихлёбывая горячий суп, — слышан об этом от портовых сплетников. Высоко взлетел, да и слава Богу... Заслужил он всё это, заслужил... И супруга твоя дождётся своего счастья...

— Разве она не счастлива? — удивился Питт, — я люблю её, она — меня, у нас двое детей, да и живём мы богато. Дела процветают, вот и сегодня два хороших контракта заключил.

— Человек с таким взглядом не может быть счастлив без моря..., - задумчиво произнёс незнакомец, — оно всегда живёт в его сердце, и зовёт к себе... Разве ты не замечал этого?

Питт вдруг замолчал, устремив взор на белоснежную скатерть.

— Молчишь, — тряхнул головой старик, разделавшись с супом и принявшись за жирную пулярку, — потому что знаешь, что я прав. Во всём прав, дружище... Взгляни на портрет в кофейне, и сразу всё поймёшь. Она любит тебя, я верю, но всё же... У тебя есть только один соперник — море, и тебе никогда его не победить. Ты можешь лишь последовать за ней и стать частью её жизни, но больше всего на свете она любит именно

его... Скажешь, глупости болтает старый Дик? Нет, не глупости это, ты сам знаешь...

Питт молчал. Слова чудака оказали на него странное действие. Он уже не раздражался и не злился, а полностью погрузился в воспоминания, забыв о том, что только что спешил домой. Едва отведав поданного ему карпа, он сидел, уставившись на скатерть и подперев руками подбородок. Перед мысленным взором бывшего квартирмейстера вновь и вновь сменяли друг друга образы его возлюбленной, но всё чаще, заслоняя все другие видения, всплывали перед ним странные, мерцающие глаза Сильвера, когда они разговаривали в лондонской таверне, накануне суда. Дик изредка бросал понимающие взгляды на собеседника. Молча обглаживая специально заказанную для него Питтом курицу, он, изредка прихлёбывал красноватое вино из налитого доверху и ещё почти что целого стакана.

— Кстати, я слышал, что мать того доктора была родом из Соммерсетшира, и приходилась роднёй Киллигрю, а та леди была дочерью человека по фамилии Вольверстон. Интересно, не правда ли? — хитро прищурился Дик, сделав очередной глоток малаги, — Ладно, прощай, а то ты и вправду спешишь... Сразу видно — вежливый человек, не можешь нагрубить старику... Думаешь, не знаю, сколько тебе ещё трястись в седле до твоего Вудстока?

— Послушай Дик, — Питт, наконец, вышел из охватившего его странного полузабытья, — возьми немного денег, — и он достал из кармана увесистый мешочек, украшенный гербом Мальборо, — если захочешь, приезжай к нам в Вудсток. Познакомлю тебя с супругой, поговорите о море — она вроде как тоже бывший морской волк.

— Знаю, — кивнул ему старик, пряча за пазуху переданный ему Питтом мешочек, — за деньги спасибо — мне они всегда пригодятся. Но не поеду я никуда. Буду жить здесь, в Бриджуотере... Авось причалит сюда когда-нибудь мой доктор, вот тогда и расскажу ему то, что узнал про его соммершпирсетскую родню...

— Нэд Вольверстон живёт в Вудстоке, он женат на матери моей супруги, и он может передать Бладу весточку о тебе с нашей торговой флотилией.

— Какнибудь потом, друг, — тряхнул головой Сильвер, — спеши к своей супруге, а то мало ли что может произойти — помни, у тебя сильный соперник. Даже если бы на её пути встретился другой мужчина, она смогла бы его забыть, но море она не забудет никогда. Оно звучит в её душе, всегда будет с ней, и будет звать её к себе...

— Ну ладно, пока, — Питт ласково тронул Дика за плечо, — может, ещё увидимся, — и, встав со столика, быстро направился к двери. Слова странного старика странным эхом отдавались в его мозгу. Не может быть! Блад, о родстве с которым его собственной супруги ему было уже известно, по матери являлся потомком Киллигрю а, может быть, даже и родственником Нэда Вольверстона! Вот уж, поистине, мир тесен, а пути Господни неисповедимы! Но хуже всего, что этот чудака, кажется, прав и в другом. Питт видел, что последнее время с его женой происходило что-то странное. Он много раз замечал, как она, едва заслышав раскаты грома, она вздрагивала и пристально всматривалась вдаль, и в глазах её был не страх, а тоска... Тоска по чему-то безвозвратно ушедшему из её жизни, вдруг ставшей такой размеренной и неторопливой... В последний год он всё чаще видел этот взгляд, устремлённый в какую-то неведомую ему бесконечность... Конечно, Арабелла тоскует по морю, по той жизни, которая когда-то была ей так близка... Иначе не может быть, ведь горячая кровь морских авантюристов не даёт ей покоя, вновь и вновь призывая её туда, где палят пушки, сверкают абордажные сабли, а человеческая жизнь не стоит и ломаного гроша... Но возврата в прошлое нет, и она сама это прекрасно понимает... «Надо

посоветоваться с Нэдом», — усмехнувшись, подумал Питт, — «Всё же, как-никак, родственники... Неужели этот тип из таверны был прав — Блад и Нэд? Или, может быть, какой-нибудь другой Вольверстон?»

Пытаясь разгадать эту странную головоломку, Питт чисто машинально вскочил в седло. Конь привычным галопом мчался по дороге, и погружённый в свои мысли бывший квартирмейстер даже не заметил, как добрался до ворот Бленхейма. На дворе было уже темно, но в комнатах по-прежнему горел яркий свет. «Значит, никто в доме ещё не ложился спать?», — подумал он, — «но ведь я не в первый раз задержался на переговорах. Неужели в моё отсутствие что-то произошло?» Быстро спешившись, он передал поводья стоящему рядом слуге и быстрым шагом направился к замку. Было темно, но острый взгляд бывалого моряка различил в темноте стоявшую в отдалении карету с гербом Мальборо. Рядом с ней расположилось ещё несколько более скромных экипажей. Питт на мгновение остановился, и вдруг увидел одного из слуг. Он шёл с заднего двора и направлялся к карете, неся в руках какие-то тяжёлые тюки. За ним появился ещё один, и тоже с поклажей. С трудом сдерживая биение своего сердца, Уоллес бросился к каменной лестнице и, оттолкнув опешившего привратника, распахнул дверь и ворвался в залу, едва не столкнувшись с важно шествовавшим к выходу одноглазым гигантом. В руках Нэда были рисовальные принадлежности миссис Брэдфорд — мольберт, кисти и краски. За ним следовали ещё несколько человек из дворцовой прислуги. Вольверстон озабоченно взглянул на старого друга:

— Видишь, что происходит?

— Что случилось? Где Арабелла, дети, миссис Брэдфорд? — удивился тот. Нэд на мгновение остановился и передал мольберт подошедшему слуге.

— Садись, Питт, и выслушай меня внимательно, — старый моряк жестом указал ему на кресло у камина и обнял за плечи.

— Что случилось, Нэд? — Уоллес пытался сопротивляться, но не так-то просто было вырваться из железных объятий гиганта, медленно, но верно увлекавшего его за собой, тем более что несколько минут всё равно ничего не решали. Друзья устроились у огня, а слуги продолжали сновать мимо них туда-сюда, переноса аккуратно завязанные тюки.

— Понимаешь, Питт, здесь без тебя кое-что произошло, — задумчиво произнёс Нэд, не зная, как молодой супруг воспримет внезапный отъезд герцогини.

— Говори, Нэд, что случилось? Где Арабелла, дети?

— Дженнифер с детьми в своих комнатах, они уже легли спать, — Вольверстон ласково взглянул на возбуждённого Питта, — не волнуйся. Ничего страшного, все живы и здоровы.

— А Арабелла? Что с ней, и где она сама? — перед мысленным взором Уоллеса вновь промелькнули загадочно поблёскивавшие глаза старика Дика, будто предупреждавшего его о грядущих переменах.

— С утра к ней прибыл гонец из Кенсингтона, герцог Рейнсборо. Он передал ей приказ королевы Анны о срочном прибытии во дворец капитана Питера Сильвера.

— Что за абсурд? Почему именно Питера? Они что там все, с ума сошли?

— Не знаю, — с сомнением качнул головой Нэд, — Рейнсборо передал Арабелле приказ, а затем дал капитану десять минут на сборы. Лишь после этого они смогли немного поговорить, да и то наедине. Знаю только, что Анна Стюарт приказала доставить её в Кенсингтон, и что она взяла с собой оружие.

— Странно..., - пробормотал Питт, — но ведь Рейнсборо знал, что Сильвер — это то

имя, под которым Арабелла сражалась в Новом Свете. Почему же он потребовал его, а не герцогиню?

— Насколько я понял, такова была воля королевы. Она собственноручно написала приказ о том, чтобы Сильвер сегодня же был в Кенсингтоне. Этот странный герцог даже не позволил нам выехать вместе с ней — сказал, что они поедут верхом, и что дело не терпит отлагательств.

— Странно, — пробормотал Питт, — экипажи уже готовы?

— Да, но твоя супруга распорядилась, чтобы мы выехали завтра утром, и я полностью с ней согласен. Она не хочет, чтобы Дженнифер и дети тряслись в повозке всю ночь. Почти всё необходимое уже упаковано и погружено в повозки. Так что будь готов выехать в шесть утра. Мы поедem верхом, а они — в карете.

За всю ночь Питт так и не сомкнул глаз. Станный старик в порту, Рейнсборо, Вольверстон, Блад — всё смешалось в его мозгу, и нескончаемые образы из прошлого сменяли друг друга перед его мысленным взором. Но поверх всех остальных видений тои дело всплывали мерцающие синие глаза Арабеллы и бескрайнее море, то спокойное, искрящееся на солнце, то бурное и коварное, готовое поглотить ничтожные человеческие существа, отважившиеся бросить вызов его могуществу. Но вот, наконец, забрезжил рассвет, и караван тронулся в путь, направляясь в сторону Лондона...

К полудню прибыли в Мальборо-Хаус, и привратник передал Питту записку, написанную торопливым почерком Арабеллы. Лишь три слова — «Дувр. У капитана», и больше ничего... Он сообщил, что ночь герцогиня провела на постоялом дворе у Харвиса и ещё затемно выехала в Дувр. Казалось бы, в этом не было ничего необычного — Питт знал, что Арабелла любила эту гостиницу, ставшую первым пристанищем в когда-то чуждом ей Лондоне. Но память почему-то вновь и вновь возвращала его в тот самый день, когда он пристально всматривался в мерцающие глаза своего друга, в которых так странно отражались отсветы неведомой ему тайны. Попрощавшись с семьёй, Питт вскочил в седло, и снова бешеная скачка на взмыленном коне и бесконечные, как выющаяся впереди дорога, мысли... Но вот, наконец, позади и леса, и дороги, а впереди уже показались дуврские предместья — вечная суэта портового города, рыбацкие хижины, деловито спешащие по делам торговцы... Питт слегка натянул поводья, и усталое животное наконец-то смогло немного отдохнуть, перейдя на более спокойный аллюр. Знакомые узкие улочки и, наконец, тот самый постоялый двор. Уоллес часто бывал в гостинице Майка — дела предприятия требовали его выездов в Дувр, а Питт никогда не упускал возможности повидать старого друга. За последние годы заведение преобразилось — дела Майка процветали, здание было заново отстроено, а обстановка стала ещё более добротной и респектабельной. Вокруг благоухали цветы, а у входа, рядом с вывеской, на которой был изображён всё тот же идущий под всеми парусами фрегат, висел штурвал — удобная новинка, ныне заменившая старый добрый руль. Штурвал изготовили на верфях Крисперса специально для постоялого двора, но посетители почему-то были абсолютно уверены, что именно на него опирался легендарный капитан Майк Стилл, отошедший от дел и ставший хозяином гостеприимного заведения. Майк не спорил с ними, а лишь загадочно улыбался в ответ и отдавал очередное распоряжение портновскому сыну Джеку, неизменно стоящему у входа, словно вахтенный на боевом посту.

Вы мистер Уоллес? — обратился к спешившемуся Питту незнакомый молодой человек в белом костюме, — меня зовут Сэм Бэнкс, и я управляющий гостиницей.

— Да, а где Стилл?

— Мистер Стилл в отъезде, но мне приказано встретить Вас, показать Вам Ваши комнаты и подать обед.

— Кто? Моя супруга? — подобная встреча не показалась Уоллесу странной — он знал о предусмотрительности Арабеллы, которая наверняка позаботилась о том, чтобы её супруг не испытывал неудобств. Но молодой человек будто бы не расслышал вопроса.

— Господин адмирал просил Вас подождать в зале. Он скоро прибудет, — невозмутимо произнёс он.

— Какой адмирал? — Уоллес удивлённо взглянул на юношу, — я не жду никакого адмирала

— Господин адмирал желает поговорить с Вами по какому-то очень важному делу, — молодой человек с недоумением уставился на Питта, который осмелился игнорировать столь высокопоставленную особу.

— Я не собираюсь говорить ни с каким адмиралом, — в голосе Уоллеса послышалась раздражение, — Я приехал сюда по просьбе моей жены, герцогини Мальборо, и намерен её разыскать. Поэтому передайте Вашему адмиралу, что я встречу с ним только после того, как найду свою супругу, неожиданно покинувшую мой дом вместе с посланцем королевского двора. А пока я не желаю видеть никого, даже самого герцога Йоркского.

— Прошу Вас, мистер Уоллес, не торопитесь и дождитесь адмирала, — мягко, но убедительно произнёс управляющий, — А пока перекусите немного — Вы устали с дороги. Вашу жену Вы найти всегда успеете. Насколько мне известно, с ней всё в порядке.

— Вы в этом уверены? — спросил встревоженный Уоллес. В глубине души его мучали сомнения, что исчезновение Арабеллы — это новые происки либо Харли с Болингброком, либо Саунтона, всё ещё не потерявшего надежды получить имущество Мальборо.

— Абсолютно уверен, — твёрдым голосом ответил тот, — она тоже живёт в этой гостинице. Но сейчас она в отъезде, а адмирал скоро прибудет. Угощайтесь, пожалуйста, у нас очень вкусно готовят рыбу.

Обед действительно был отменный, и Уоллес немного успокоился. Во всяком случае, Арабелла жива, и она на свободе. Но что же всё-таки случилось, и что нужно от него адмиралу? Размышления его прервал голос управляющего:

— А вот и адмирал, мистер Уоллес.

Питт повернул голову. Стоявший в дверях молодой человек скинул дорожный плащ. Он был в белом камзоле, и такого же цвета панталонах. На расшитой золотом перевязи висела длинная шпага, а на голубой ленте красовалась бриллиантовая звезда. Свисавший с потолочной балки английский флаг полностью закрывал его лицо, но весь облик адмирала вдруг воскресил в памяти Уоллеса воспоминания о давно минувших днях. Всё казалось ему знакомым — и фигура, и манера держаться, и даже манера носить камзол. Взгляд Уоллеса упал на руку, лежащую на эфесе шпаги. На пальце сверкнуло кольцо с сапфиром. «Неужели? Не может быть?» — подумал он и, встав из-за стола, шагнул навстречу, с трудом сдерживая биение собственного сердца.

— Здравствуй, Питт! — раздался знакомый голос, — неужели не узнал?

— Не могу поверить — это ты! — Уоллес наконец-то обрёл дар речи и тут же гневно сверкнул глазами в сторону широко улыбающегося Сэма Бэнкса, — да я этому мерзавцу уши надеру за то, что он битый час меня дурачил!

— Прости его, — ласково улыбнулась Арабелла, — и меня прости за то, что не

дождалась тебя. Рейнсборо не позволил — таков был приказ королевы.

— Так значит, ты...

— Да, я была у королевы. Она простила меня, но я теперь нужнее ей здесь. Именно поэтому она вызвала именно Сильвера, а не герцогиню Мальборо.

— Как она?

— Плохо, — Арабелла уже подошла к столику, и Питту почудилось, что в глазах её промелькнула печаль, — она очень больна... Боюсь, что не доживёт до моего возвращения из похода...

— А ты — что ты собираешься делать? Выйдешь в море?

Питта вновь охватило странное чувство тревоги. Он неожиданно осознал, что с этой минуты их отношения изменятся — его Арабелла, ещё недавно такая близкая и родная, вдруг стала далёкой и недоступной. Что-то разделяло их, и он понимал, что не может, как раньше, броситься к ней и обнять. Новая жизнь... Какая она будет? Значит, старик был прав, и море победило? Или это — лишь ещё одно испытание, которое им суждено пройти, чтобы обрести настоящую любовь?

— Мне поручено разработать операцию против Новой Армады, — Арабелла довольна улыбнулась. Грусть, вызванная упоминанием об Анне, внезапно исчезла, а в глазах заискрились яркие вспышки. «Ты можешь последовать за ней и стать частью её жизни, но больше всего на свете она всегда будет любить море...», — вспомнились Уоллесу слова бриджуотерского чудака. Не в силах произнести ни слова, он молча глядел на стоявшую перед ним женщину в мужском камзоле.

— Я по-прежнему люблю тебя, и мы будем вместе, — улыбнулась она, видя замешательство супруга, — но только немного по-другому, как тогда, помнишь?

— Когда ты была Сильвером?

— Да. Понимаешь, мы всё-таки будем в море... Конечно, все будут знать, что ты мой муж, но всё же... Надеюсь, ты не рассердишься, если тебе снова придётся стать моим другом?

— И только? — обиженно поморщился Питт

— Не совсем, — Арабелла виновато улыбнулась, но глаза её по-прежнему радостно сияли, — ты будешь одним из вице-адмиралов, вместе с Мэдфильдом и Уиллсбери. Надеюсь, ты простишь меня?

— Разве у меня есть выбор? Вчера в Бриджуотере я встретил одного старика, и он сказал мне то, в чём я боялся признаться себе все эти годы. Он видел тебя всего один раз, когда ты позировала для картины в кофейне, но понял всё... Он понял тебя, как никто другой. Все эти годы ты тосковала по морю, и я видел это в твоих глазах, но пытался заглушить свои подозрения — думал, что тебе просто нужно время, чтобы забыть... Но на самом деле море было твоей судьбой и моим вечным, моим единственным соперником, и я никогда не смог бы победить твою любовь к нему. Что поделать, если у меня нет выбора? Я просто должен смириться с судьбой и отдать тебя морю, иначе ты не никогда не будешь счастлива. Пройдёт время, ты разобьёшь свою Армаду, и, может быть, мы опять сможем быть вместе... А пока что буду твоим другом, как тогда, на Тортуге...

Питт взглянул в синие глаза Арабеллы, вновь, как когда-то, мерцавшие таинственным блеском. Лицо её было необычайно серьёзно, и он понимал, что в душе она сочувствует ему, но яркие огоньки то и дело вспыхивали в бездонной сапфировой глубине, ещё раз напоминая ему о том, что лишь море может сделать её по-настоящему счастливой. Такова её судьба, и

он просто должен разделить её, приняв ту участь, которая уготована ему — вечному спутнику женщины, в душе которой, не смолкая, звучит зов моря...

— Ладно, Питер, — вдруг рассмеялся он, вспомнив добрые старые времена, — пожалуй, соглашусь-ка я с твоим предложением, всё-таки должность вице-адмирала не так уж плоха.

И они вышли из таверны и снова, как когда-то на Тортуге, шли рядом и весело, непринуждённо болтали обо всём на свете — о королеве Анне, о Рейнсборо, об Армаде и о том, как приняли нового адмирала бывалые морские волки...

Прошло почти два месяца. В маленькой гавани близ Дувра всё ещё стояла на приколе флотилия, но она составляла уже более ста кораблей. Да и матросам некогда было бездельничать — пользуясь тем, что гавань была хорошо укрыта выступающими с двух сторон естественными лесистыми мысами, Арабелла поручила трём вице-отрабатывать навыки взаимодействия судов, а свободное от манёвров время команды посвящать стрельбе и фехтованию. Сама она регулярно ездила в Лондон на переговоры — то с агентами, то с главой Адмиралтейства, то с лордом-казначеем и министрами, то с самой Анной Стюарт. Королева чувствовала себя плохо, но предпочитала держать бывшую фаворитку на расстоянии, лишь изредка отдавая дань былой дружбе то неожиданно острым понимающим взглядом, то будто бы невзначай брошенными словами — щемяще-грустными, берущими за душу. Встречи с Анной оставляли в душе Арабеллы тяжёлое впечатление, и она тщетно старалась заглушить его, ещё более углубившись в дела. Лишь нежные взгляды Уоллеса, которые тот украдкой бросал на своего адмирала, да редкие встречи с матерью, Нэдом и детьми помогали ей забыть ужас, охватывавший её после каждой встречи с медленно умирающей королевой. Наконец, наступило время выхода в море, и она должна была представить на утверждение в Адмиралтействе окончательный план операции, но для этого необходима была ещё одна встреча с Анной. Арабелла понимала, что встреча эта будет последней, сердце её тягостно щемило, и она изо всех сил пыталась оттянуть неизбежный момент окончательного расставания. Но медлить было нельзя — и министры, и агенты настойчиво убеждали её в том, что строительство в Кадисе уже подходит к концу, так что после двух бессонных ночей, проведённых в раздумьях, Арабелла вновь направилась в Кенсингтон. Но едва она ступила за ворота, как странное чувство охватило всё её существо.

Роскошный особняк, в котором дотоле бурлила жизнь, не останавливавшаяся даже на время болезни Анны, вдруг замер в ожидании чего-то страшного и неотвратимо приближающегося. Будто зловещая тень окутала всё вокруг — великолепные наряды придворных красавцев померкли, сияние бриллиантов уже не радовало глаз, а ухоженные лица придворных были мрачны. Все вполголоса перешёптывались, бросая друг на друга беглые многозначительные взгляды. Жизнь в этом, будто заколдованном, дворце тянулась медленно и мучительно, а роковые события, казалось, уже были совсем близко.

На тропинке Арабелле, как всегда, попался Солсбери

— Приветствую моего дорогого адмирала, — лёгкий изящный поклон, какая-то особая, будто кошачья, грация, но всё же... Что же изменилось, почему он всё время прячет глаза, избегая смотреть на старого приятеля Сильвера?

— Рада Вас видеть, граф, — натянуто улыбнулась Арабелла, — вот, в последний раз в Кенсингтоне. Послезавтра выходим в море.

Почему же всё-таки она сказала «в последний раз»? Слова прозвучали так, будто она пришла сказать всем последнее «прости», навсегда расставаясь с тем Кенсингтоном, который так хорошо знала... А разве не так? Разве не понимает она, что больше не увидит

Анну, и что сегодня — их последняя встреча? Никогда смерть не подходила к ней так близко, что она остро ощущала её холодное, леденящее дыхание... Отец? Но всё произошло в мгновение ока, и она сама не успела осознать, что его больше нет... Педро Альварес — первый человек, которого убила она сама... Его удивлённые, полные боли глаза.... Нет, она никогда его не жалела, ведь она просто хотела защитить себя от того, что непременно случилось бы, если бы он остался в живых... Тогда она ещё не могла представить себе, что бы это было, но теперь... Сколько истерзанных женщин она видела на своём, ещё таком коротком веку? Десятки, а может быть, сотни... Кого-то из них, вдоволь насладившись, выбрасывали в море, а немногие оставшиеся в живых, наверное, до сих пор болтаются в каком-нибудь порту, разменивая себя на очередную порцию похлёбки... Нет, она никогда в жизни не жалела о том, своём первом в жизни убийстве, предотвратившем её неминуемое падение... А потом — сколько таких же, как она, людей валились на палубу, заливаясь кровью, под ударами её сабли? Сотни, а, может быть, тысячи... Но никогда она не ощущала смерть так близко, как сейчас... Почему? Одно дело война, а совсем другое — медленно умирающий в своей постели человек, испытывающий бесконечные мучительные страдания, оборвать которые может лишь смерть...

— Вы к королеве? — слова графа прозвучали так, будто он спросил «Вы пришли проститься с ней?»

— Да, — сухо ответила молодая женщина, опустив глаза. Конечно, какой бы не был повод для визита, но на самом деле она пришла проститься с ней... С той женщиной, в которой она успела узнать не просто могущественную королеву, но слабого, вечно сомневающегося, измученного жизнью и бесконечными несчастьями человека.

Они шли по тропинке и тихо беседовали. Сколько времени прошло с тех пор, когда граф впервые встретил её на том же самом месте? Совсем немного — четыре года, но вместе с тем — почти вся жизнь... Как изменилось всё с тех пор — и Кенсингтон, и Анна, да и сама Арабелла. Разве что граф по-прежнему неотразим, будто бы время не властно над ним... Хотя нет — и он изменился, стал более скрытным, избегает смотреть в глаза... Следует на полшага позади — лишь бы она не видела выражения его лица...

Так, молча, не зная, что сказать друг другу, они шли по дворцовым коридорам. Вокруг стояла странная тишина, и редкие попадавшиеся им придворные шептались по углам, бросая быстрые взгляды то на бесшумно скользящих мимо слуг, то на неярко освещённый коридор, ведущий к королевским покоям.

— Последние штрихи Вашей блистательной операции? Неужели мой милый приятель снова бросил вызов Моргану и Дрейку?

Граф снова шутит, но юмор его почему-то деланный, неестественный... Будто он делает это лишь для того, чтобы она думала, что на самом деле ничего не случилось... Беглый изучающий взгляд, будто бы невзначай брошенный на старую приятельницу... Да, он пытается отвлечь её, заставить не думать...

— Да вот, планирую обсудить операцию в Кадисе, — Солсбери, любимец королевы, был допущен на все, даже самые секретные совещания, проводившиеся в Кенсингтоне, — хорошо, что мы с Вами встретились.

— Да, — кивнул ей граф, — подождём немного в приёмной, пока не придут остальные, — и он шепнул что-то на ухо слуге. Тот развернулся и вышел из комнаты.

Наконец, они вошли в приёмную, и снова тяжёлое, гнетущее ощущение заставило сердце молодой женщины сжаться от страха перед чем-то близким и неотвратимым. Но вот,

наконец и они — подтянутый, бравый лорд-адмирал и такие же, под стать ему, члены Адмиралтейства. Будто бы не случилось ничего — лишь обсуждается очередная военная операция... Но вот министры — подавленный Харли и нахмуренный, но втайне довольный Болингброк. В уголках глаз виконта наметилась едва заметная, но торжествующая улыбка. Солсбери незаметно взглянул на Арабеллу, и она ответила ему так, как уже не раз отвечала — короткой синей вспышкой из-под чёрных ресниц, на мгновение взлетевших и тут же опустившихся вниз. Они поняли друг друга с полувзгляда — интрига Болингброка удалась — Харли уже на грани падения. Но надолго ли торжество виконта? Хотя какое это сейчас имеет значение — тогда, когда Анна...

— Приветствуем нашего адмирала, — склонившийся в поклоне Болингброк едва заметно прищурился. Он понимает всё. Понимает и принимает меры, усердно продвигая на английский престол родного брата пока ещё царствующей королевы. Надеется, что в этом случае будущее его обеспечено — Претендент наверняка осыплет его своими милостями. А Харли — да Бог с ним — сам виноват, что был слишком нерешителен, да и зачастую забывал о деле — то за своими древними манускриптами, то за очередной рюмкой спиртного... Умный и жестокий Болингброк — не дай Бог стать ему поперёк дороги. Но разве есть ей сейчас до него дело? Бог ему судья, как и Харли, да и всем этим людям. Все когда-нибудь будут, так же, как и Анна, стоять у порога вечности...

— Пора, господа, — кивнула Арабелла, ответив виконту столь же мимолётным взглядом. Как легко научилась она этому придворному языку — непонятному для непосвящённых, но такому необыкновенно красноречивому...

Но вот слуга открывает дверь... Сейчас она увидит её — последний раз в своей жизни... Сердце замерло, и на душе стало холодно и неуютно... Сейчас она встретится лицом к лицу со смертью, стоящей совсем близко... Тягостный скрип дверных петель, и столь же тягостное ожидание последней встречи...

— Приветствуем Вас, Ваше Величество, — гулкий, будто бы чужой голос эхом разносится по королевским покоем. Или это ей просто чудится? В глазах стоящего чуть поодаль Солсбери — тёплый, светлый лучик. Нет, всё нормально — ей просто показалось. Спасибо старому другу — понимает, что творится в её душе.

Вошедшие следом за ней церемонно кланяются, и снова странная тишина... Мягкое одеяло на широкой кровати скрывает опухшее тело, в котором пока ещё теплятся последние искорки жизни... Широкое, наскоро смётанное придворным портным парадное платье — с каждым днём королева всё больше отекает, и одежда, сшитая всего месяц назад, теперь стала ей мала... Наваленные друг на друга подушки — последнее средство, чтобы облегчить дыхание — Анна почти всё время полусидит в постели... Круглое измождённое лицо с глазками-щёлочками... Взгляд по-прежнему острый и умный, но на этот раз в нём появилась какая-то отрешённость... Будто бы все дела этого мира — уже не для неё...

— Вы готовы, адмирал, — тихо, с трудом преодолевая одышку, произнесла королева

— Да, — кивнула ей Арабелла, ободряюще улыбнувшись одними уголками глаз

Но вот она чётко, без лишних слов, излагает план операции, о котором не говорила никому. Лишь вице-адмиралы узнали о нём, да и то неделю назад. Молниеносная атака на верфи Кадиса с уничтожением всех строящихся кораблей. Когда-то точно такой же рейд предпринял Дрейк, на несколько лет отсрочив планы Непобедимой Армады. Но только на этот раз последствия будут ещё более серьёзными — по мнению агентов, Людовик вряд ли проживёт больше года, а его преемнику вполне хватает других проблем, так что на

возрождение Армады рассчитывать не приходится. Во всяком случае, не раньше, чем лет через десять, а то и больше...

— Очень даже неплохо, адмирал, — понимающе кивнула Анна, — думаю, надо принять этот план.

Члены адмиралтейства переглянулись. Кажется, они вполне довольны. Харли? Ему, пожалуй, всё равно — он думает лишь о том, чтобы избежать отставки, ведь они с Болингброком теперь по разные стороны баррикад — граф Оксфордский стал на сторону Ганноверской династии. Лишь бы только удержаться на своём посту ещё немного — пока Анна ещё жива, а потом ненавистному виконту точно придёт конец — новый король отдалит от себя тех, кто покровительствовал Претенденту...

Лишь Болингброк, бросив беглый взгляд на Анну, осторожно произнёс

— С точки зрения военного стратега Вы, адмирал, безусловно правы, но мы не должны забывать ещё об одном обстоятельстве..., - виконт замолчал, будто бы подчёркивая особую важность своих слов, — после заключения Утрехтского мира Англия не имеет права снова развязывать войну в Европе. И без того довольно крови — наш народ не хочет новой войны. А то, что болтают наши агенты — ещё не повод распускать руки и бросаться в атаку на верфи союзника. Подумайте, что скажут о Вас потомки?

Расчёт виконта был верен. На задумчивое лицо королевы медленно опустилась мрачная тень. Анна молчала. Она твёрдо знала, что война неизбежна, но снова брать на себя ответственность и первой начинать боевые действия? «Войны королевы Анны», — так будут говорить о ней соотечественники после её смерти. Что она сделала для Англии? Ввергла её в бесконечные, изматывающие страну сражения за какие-то мифические государственные интересы? Одна битва при Мальплаке чего стоит... Нет, она не должна допустить развязывания новой войны. Во всяком случае, уж точно не по её инициативе...

— Вы правы, Генри, — произнесла она, — однако угроза Армады реальна, и мы должны каким-то образом предотвратить её нападение. План адмирала хорош во всём, но мы действительно не имеем права нарушить договор, и не должны делать это первыми.

Ну вот — она всё сказала. Всё, что думает и о военной операции, и о мире. Теперь пусть решают сами, а ей дадут спокойно уснуть, и может быть, этот сон окончательно погрузит её в небытие, и она более не будет страдать...

— Может быть, эскадре лучше курсировать вблизи Кадиса и вызвать огонь на себя? — предположил Харли, пытаясь выиграть инициативу, — вряд ли Испания будет долго терпеть до зубов вооружённую английскую флотилию у собственных берегов.

— Неплохо, — кивнул лорд-адмирал, — но Вы забываете, что наша главная задача — не уничтожить десяток испанских или французских кораблей, а заставить противника надолго забыть о возрождении Армады. И эту задачу мы сможем решить лишь напав на Кадис.

Ну вот, опять начинается... Анна устало взглянула на стоящих перед ней царедворцев из-под тяжёлых, отёкших век... Как всё-таки ей тяжело поднимать их... Лучше закрыть глаза и уснуть, а они бы сами всё решали — всё равно ведь недолго осталось — лишь выиграть время... Так что же ей делать — попытаться сохранить мир, поставив под угрозу безопасность страны, или первой развязать войну? Всё зависит от того, сколько она проживёт... Если совсем недолго, то можно вообще ничего не предпринимать, и пусть решает тот, кто будет после... А если вдруг её страдания ещё не закончены, и на несчастную голову больной королевы вскоре упадёт ещё и эта война? Не зря же всё-таки все шпионы в один голос говорят одно и то же...

— Но как же моя репутация миротворца? — дрогнувшим голосом спросила она, — благодаря Джону я и так вела слишком много войн. Неужели в памяти людей останется лишь кровавая бойня при Мальплаке?

В кабинете воцарилось молчание. Арабелла взглянула на отёкшую, измождённую женщину, уже вплотную приблизившуюся к порогу своей земной жизни, и её сердце вновь сжалось от боли. Нет, она не имеет права подвести её! Но ведь должен же быть какой-нибудь выход! Она напряжённо думала, то и дело возвращаясь к подробностям своих прошлых операций, и вдруг странная мысль осенила её:

— Ваше Величество, — осторожно поинтересовалась Арабелла, — а если это будет пиратский налёт, а не операция королевского флота? Что, если эскадра пойдёт под знаменем капитана Сильвера?

Королева взглянула на неё своими умными глазами, едва заметными из-за сильно отёкших век, оставлявших лишь узкие щёлочки. Вот это — неплохой выход, но понимает ли она то, что делает? Если да, то это её дело, а если нет? Надо хотя бы предупредить — не брать грех на душу...

— Но этим ты ставишь себя вне закона, — с трудом ловя воздух, произнесла Анна, — если Людовик затеет скандал, то мне придётся отказаться от тебя и сказать, что Англия не имеет отношения к этому налёту.

— Вне закона для кого? Разве в Ваших глазах я не останусь Вашей преданной слугой?

— В моих да..., - Анна взвешивала каждое слово, с одной стороны, не желая причинять зла бывшей фаворитке, с другой — страхась произносить вслух то, что сама прекрасно понимала — её дни уже окончательно сочтены, — но разве новый монарх не сможет обвинить тебя в разбое? Ведь когда ты вернёшься...

— Что Вы имеете в виду, Ваше Величество! — неожиданно перебила Анну молодая женщина, и голос её почти сорвался на крик, а глаза застелила густая пелена, — Не говорите так, пожалуйста, только не сейчас...

Сидевшие за столом министры смущённо потупились. Несколько непослушных слезинок упали на мягкое одеяло, над которым склонился новоиспечённый флотоводец, вдруг порывисто, по-женский бросившийся к Анне, забыв о светских условностях... Неловкое молчание прервал лорд-адмирал

— По-моему, адмирал Сильвер предложил неплохой выход из положения, и я буду первым, кто станет ходатайствовать в его пользу, если после возвращения эскадры возникнут сложности. Англия не нарушит договор, Ваша репутация миротворца останется непоколебимой. Нам необходимо лишь поддержать людей, которые будут рисковать своими жизнями на благо Англии, и я полностью беру это на себя.

Другие члены Адмиралтейства единогласно поддержали план Арабеллы. Даже Болингброку нечего было возразить. Всё же пиратский рейд — это не военная операция, и Англия не несёт никакой ответственности за деятельность какого-то Питера Сильвера, послушавшегося королевского приказа, едва получив в своё распоряжение флотилию. Подобное не раз случалось, когда пираты поступали на королевскую службу...

Казалось бы, совещание уже закончилось, но Анна медлила, по-прежнему напряжённо о чём-то размышляя и не отпуская собравшихся вокруг неё людей.

— Постой, адмирал, — медленно произнесла она, обращаясь к стоявшей перед ней Арабелле, — ты взвешиваешь все «за» и «против» лишь на весах этого мира, а мне вскоре предстоит держать ответ в мире ином, где земные законы значат не больше, чем английские

законы для китайского императора. Можешь ли ты поклясться мне, что твоя эскадра разгромит лишь верфи и военные корабли, что не будет ни грабежей, ни насилия? Можешь ли ты обещать, что ни один дом, ни один мирный житель не пострадает, кроме тех, кто будет на верфях? Королева не может не грешить вовсе, она должна убивать, чтобы защитить свою страну... Но я не могу разрешить тебе безнаказанно расправляться с мирными людьми, иначе этот грех будет на моей совести, а я уже совсем скоро буду за всё держать ответ...

— Клянусь Вам своей жизнью, Ваше Величество! — голос молодой женщины снова дрогнул, — я уже обещала Вам когда-то, что оставлю пиратство навсегда, и не вернусь к тому, что было когда-то. Анна Стюарт навсегда останется в памяти потомков, как непримиримый борец с морским разбоем. Мой рейд — лишь попытка спасти честь моей страны.

— Спасибо тебе, адмирал, — грустно произнесла королева, взглянув на свою бывшую фаворитку, — а теперь останься со мной. Нам надо немного поговорить. Остальные свободны. Я утверждаю план, предложенный адмиралом Сильвером.

Мужчины ушли, и две женщины вновь остались наедине.

— Сядь ко мне, — хриплым голосом прошептала ей Анна, откидываясь на шёлковые подушки, — давай поговорим откровенно. Надеюсь, ты не держишь на меня зла за ту отставку?

— Нет, Ваше Величество, — Арабелла стояла на коленях рядом с постелью, с трудом сдерживая наворачивающиеся на глаза слёзы, которые то и дело падали на одеяло.

— И я уже давно простила тебя за ту дуэль, и за то, что твой Питт такой верный муж, — Анна вздохнула, чтобы набрать в лёгкие воздуха, — А ведь был момент, когда мне казалось, что он мне действительно нравится... Но не думай, он ни разу не изменил тебе.

— Знаю, — Арабелла сделала попытку улыбнуться, — я сразу поняла бы, если бы подобное случилось.

— Прощай, моя дорогая, — голос Анны дрожал и становился всё тише, — как жаль, что мы расстались на целых четыре года. Если бы ты знала, как мне надоела эта глупая Абигайль, эта интриганка Элизабет... Если бы ты знала, как мне нужна была такая, как ты... Если бы снова вернуть всё, то я не совершила бы прежних ошибок, и ни за что не отпустила бы тебя... Знаешь, что я хочу тебе ещё сказать, — Анна жестом приказала бывшей фаворитке ещё больше приблизиться к ней и, наклонившись над ухом Арабеллы, тихо прошептала, — я хочу вернуть Джона. Я никому пока не говорила этого, но я обязательно сделаю это, пока жива... Надеюсь, ты не будешь против?

— Нет, Ваше Величество. Это было желание моей матери, и я поддерживаю его всем сердцем.

— Спасибо, — Анна вновь откинулась на подушки и закрыла глаза, — Ты ещё раз облегчила мои страдания. Теперь прощай... Прощай навсегда...

Арабелла порывисто бросилась к королеве, обняла её на прощание, и, ощутив на её щеке солёную слезу, вскочила и стремглав выбежала из кабинета. Рыдания душили её, а глаза не различали ничего, даже стоявшего у самой двери Солсбери, с которым она едва не столкнулась в приёмной. Граф понимающе взглянул в её полные боли глаза, и тут же отвёл взгляд.

— Её Величество говорила Вам про герцога Джона? — вежливо поинтересовался он
Молодая женщина кивнула.

— Вы согласны?

— Да, — она быстрым движением достала платок и, отвернувшись, вытерла непослушные слёзы.

— Держитесь, адмирал, — граф обнял её за плечи, — ведь Вы уже не раз встречались со смертью лицом к лицу

Лишь на мгновение уткнувшись лицом в неизменный золотистый камзол старого друга, Арабелла тут же выбежала из приёмной, но, едва почувствовав на себе изучающие взгляды придворных сплетников, остановилась, перевела дух, и вскоре уже бодро шествовала по коридору...

Глава 28 Вперёд в будущее (вместо эпилога)

Над бескрайним морем поднимался пылающий диск солнца, расплёскивая алые отсветы по тёмно-синей, отливающей золотыми бликами, глади. Волны, ещё вчера гигантские, сметавшие всё на своём пути и способные разбить в щепки любое, даже самое крепкое судно, ласково лизали борта, будто извиняясь за недавнее безумство стихии. Свежий ветер постепенно набирал силу, и потрепанные штормом корабли, словно проснувшиеся на рассвете птицы, расправляли дотоле зарифованные паруса. Матросы, как муравьи, облепили ванты, заменяя порванные ветром куски полотнища, чтобы вновь вдохнуть жизнь в уставшие после тяжёлой битвы суда. По мокрым палубам, то и дело норовя поскользнуться, сновали вооружённые инструментом плотники, латая раны, полученные в недавнем сражении со стихией. Хмурый бородач боцман наблюдал за работой своих подопечных, подбадривая их резкими покрякиваниями и деловито поглядывая по сторонам. Высокий, словно жердь, поджарый капитан на юте напряжённо всматривался в подзорную трубу, прищулив и без того сузившийся от преждевременных морщин глаз. Ночной шторм изрядно потрепал эскадру, сбив с положенного курса добрую часть судов, и теперь они медленно, но уверенно, возвращались в строй. Капитан опустил трубу и, перекинувшись парой слов с подошедшим боцманом, быстро сбежал вниз по лестнице. Расправленные паруса уже всюду плескались над головой, и лишь мокрая палуба да капли, то и дело стекавшие с промокших кусков парусины, напоминали о недавней переделке. Окинув хозяйским взглядом привычно суетившихся возле такелажа матросов, капитан направился на бак, к неподвижно стоявшему у фальшборта одетому в белое молодому brunetu. Тот молча глядел вперёд, видимо, погрузившись в какие-то лишь ему ведомые мысли.

— Всё в порядке, адмирал, — будничным тоном произнёс капитан, — кажется, все целы — пережили ночную заварушку.

— Отлично, Сэм, — откликнулся тот, — если всё пойдёт как надо, через три дня будем на месте.

Разговор прервал громкий крик марсового

— Впереди эскадра из двадцати кораблей. Похоже на испанские галеоны. Идут на северо-восток, нам навстречу.

— Подождём, — спокойно ответил адмирал, — пусть подойдут немного ближе

На палубе вновь воцарилось молчание, прерываемое лишь деловитыми покрякиваниями боцмана. Вскоре марсовой вновь подал голос

— Флаг английский. Похоже на торговую флотилию. Взгляните сами.

Молодой человек в белом взял трубу и взглянул вдаль. На сорокапушечном флагмане торговой эскадры, ярко освещённые лучами восходящего солнца, отливали золотом буквы «Арабелла».

— Прикажете приветствовать? — стоящий рядом капитан улыбнулся одними уголками глаз.

Адмирал молча кивнул.

Носовая пушка деловито рывкнула, выбросив облако клубящегося дыма. Ответный залп прозвучал тут же, и на мачте, рядом с английским флагом, взвился ярко-золотистый вымпел с изображением скрещённых сабель и сундука, доверху наполненного серебряными монетами. Капитан понимающе взглянул на стоявшего рядом с ним адмирала.

— Ваш галеон?

— Да, — улыбнулся тот, — тот самый. Мой первый галеон и моя торговая эскадра. Вот и встретились мы с прошлым — добрый знак.

Капитан отошёл. Увидев знакомое полотнище, на бак высыпали свободные от вахты матросы, с интересом рассматривая медленно приближающиеся корабли и многозначительно поглядывая на стоявшего у фальшборта человека. Адмирал снял шляпу и подставил чёрные кудри крепчающему морскому ветру. Синие глаза глядели в бескрайнее, простирающееся до самого горизонта, море и на тот самый галеон, с появления которого началась когда-то его история. «Вот и сбылась моя мечта», — подумала Арабелла, перед мысленном взором которой, сменяя друг друга, вставали картины из прошлого, — «я уже не искатель приключений, но и не придворная дама, чья судьба зависит от интриг или прихоти царствующей особы. Я снова в море, и иду на встречу с Новой Армадой. Спасибо тебе, Господи, и помоги моим родным дожидаться меня».

Больше книг на сайте - Knigolub.net